ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Индекс 70145

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ 11-12/92

ISSN 0042—8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11-12
92

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11-12/92 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Выходит с 1926 года

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА „ПРОГРЕСС"» МОСКВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

26 февраля 1937 г. Утреннее заседание

Андреев (председательствующий). Заседание открывается. Слово имеет т. Осинский.

Осинский. По данному вопросу, товарищи, я, собственно, не собирался выступать по следующим двум причинам... (Голоса с мест. Ты же выступил.) Сейчас увидим почему... которые сейчас считаю необходимым для начала отметить. (Голоса с мест. Интересно.) Вообще я склонен выступать по таким вопросам, которые меня, так сказать, вдохновляют и увлекают... (Голос с места. А борьба с правыми тебя не увлекает? Смех, шум.) и по которым можно сказать что-нибудь, еще не сказанное, новое для слушающих и притом содержащее что-нибудь существенное и полезное, с моей по крайней мере точки зрения, для сообщения ЦК... (Шум, смех.) Позвольте, дорогие товарищи, что же, вы считаете меня правым, что ли? Что вы меня с самого начала прерывать начинаете. (Шкирятов. Нет, так просто можно спросить-то вас? Косиор. Редко вас слышим.) А если вы меня редко слышите, то позвольте мне сказать, что третья причина, почему я не собирался выступать, состоит в том, что когда я на прошлом пленуме записался тринадцатым по счету по вопросам сельского хозяйства, которыми я интересуюсь, то хотя выступило 30 ораторов, до меня слово не дошло. (Голоса с мест. Обижен, зажали. Шум, смех.)

Так вот, данный предмет меня не то что не вдохновляет и не увлекает, наоборот, вызывает чувство глубокого отвращения... (Голос с места. К кому?) Дело, которое рассматривается, оно, мягко говоря, чрезвычайно пакостное, и о нем просто трудно и неприятно говорить, так что субъективных стимулов к тому, чтобы выступать по этому вопросу, я ощущаю довольно мало. С другой стороны, после того, как я выслушал выступления тт. Микояна и Ворошилова, и после того, как у меня последний хлеб отбил т. Каганович, после того, как я выслушал эти выступления, мне показалось, вряд ли я сумею внести что-нибудь новое, и мне стало казаться, что дальнейшее обсуждение этого вопроса вряд ли представляется целесообразным. Но вот я вызван, так сказать, на трибуну по инициативе тт. Берия, Постышева и других, и раз я польщен таким вниманием Центрального Комитета, то и решил выступить — может быть, с некоторой пользой.

Почему, собственно, после выступления Жукова вдруг вспомнили обо мне и выдвинули меня в ораторы? (Косиор. Мы давно интересуемся.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№ 2—10.

Шкирятов. Мы даже о вас помним, давно интересуемся.) Видимо, я так это понимаю, потому, что если Жуков был замом у Рыкова, то моя фамилия, вероятно, ассоциируется с фамилией Бухарина, ибо мы были когда-то двумя лидерами левого коммунизма, затем вместе работали в редакции «Известий» и оба являемся членами Академии наук, где состоим пока что членами — и Бухарин и я. (Голос с места. Пока что членами партии.) Так вот, я и позволю себе повести разговор по этим трем линиям, причем, мне кажется, тут достаточно определится и мое отношение к вопросу и, пожалуй, некоторые полезные черты я могу еще внести дополнительно, скажем, в характеристику Бухарина, который мне хорошо знаком, в отличие от Рыкова, с которым у меня никогда никакого личного контакта не налаживалось, — мы совершенно разные люди и не могли иметь ничего общего. И вот если я начну по первой линии, то это будут некоторые исторические воспоминания, которые могут, однако, оказаться небесполезными.

Мы с Бухариным вместе попали в вожди левого коммунизма потому, что еще до революции состояли в большой дружбе. Вместе в одни годы начинали работать в партии, многое в партии тогда вместе делали... (Голос с места. Только ли поэтому?) сидели вместе в тюрьме и, между прочим, стояли на очень близких политических позициях, так как я был до революции, согласно вошедшему теперь в употребление термину, «леваком», и Бухарин им тоже был. Затем, когда произошла революция, то после довольно долгого перерыва нашего общения, — Бухарин был в эмиграции, а я скитался по российской провинции, по высылкам, — мы встретились, и эта дружба возобновилась, при этом я на нее сперва возлагал большие надежды. Она меня интересовала, я думал, что из нее что-нибудь выйдет. Вышло, собственно, только то, что в течение первых полутора лет это было общее участие в левом коммунизме — ничего хорошего, как я теперь весьма определенно и совершенно искренне могу сказать. (Смех.) Это было, как тогда снисходительно выразился о нас Ленин, — «детской болезнью левизны в коммунизме». Для меня это было детской болезнью № 1, потому что детской болезнью № 2 был демократический централизм.

Это было очень снисходительное определение, потому что за счет этих самых «детских болезней», конечно, мы нанесли немалый вред рабочему классу. Наши «детские болезни» немало кое-чего ему стоили. Кроме того, это служило подкреплением такому человеку, как Троцкий, и форсировало, давало ход мелкобуржуазным элементам в рабочем классе. (Варейкис. Вас Ленин назвал взбесившимися мелкими буржуа.) Это верно, так он, кажется, и вас назвал (Смех.), т. Варейкис. (Варейкис. Я тогда не принадлежал к ним. Во всяком случае я был за Брест, всем известно, вся Украина об этом знает.) Ну, вы, значит, несколько позже взбесились, во времена демократического централизма. (Смех.)

В конце 1918 или в начале 1919 г. наши пути с Бухариным по линии политической разошлись. Разошлись они в том смысле, что Бухарин, надо это сказать, пошел по более правильному пути, чем я. Я с окончанием левого коммунизма пошел дальше по пути демократического централизма, а Бухарин приблизился к партийному руководству, к Ленину. Приблизился с большими ошибками, с постоянными колебаниями: как известно, он спорил с Лениным по национальному вопросу, по вопросу о профсоюзах и т. д. Но все-таки я должен объективно признать, что у меня-то было гораздо больше ошибок в последующие годы. Если мы разошлись таким образом, отнюдь не по моей политической добродетели, то во всяком случае расхождение получилось очень солидное, между прочим, по самой его форме. Помню, когда я впоследствии выходил затем из группы демократического централизма после смерти Ленина, когда я решил, что с меня довольно... (Шкирятов. Походил, довольно.) что с меня довольно делать затруднения партии, тем паче, что мы потеряли нашего замечательного вождя... (Голос с места. Правильно.) что времена предстоят сложные, и поэтому нужно чувствовать полную ответственность за партийные дела, то я со своими тогдашними товарищами по группе демократического централизма покончил после длительнейших споров, длительнейших убеждений.

Мы спорили, главным образом, насчет трех вопросов. Первое — насчет строительства социализма в одной стране. Надо сказать, что я всегда был сторонником этой точки зрения, даже еще когда был оппозиционером, и это-то меня из оппозиции главным образом и вывело. Затем по вопросу о том, есть ли у нас термидор или

нет. И третий — можно ли блокироваться с Троцким. Вот по всем этим трем вопросам мы наотрез разошлись друг с другом, но разошлись по-честному и по-серьезному, после очень солидной дискуссии. А вот что касается ухода Бухарина от левого коммунизма, то он совершился в том порядке, как выразился Бухарин в письме Орджоникидзе: он как-то «смылся», и мы никакого следа не почувствовали — почему, как он ушел, ни с кем из нас он об этом не разговаривал. И это наложило печать охлаждения между мной и Бухариным. (Постышев. Действительно — смылся и не попрощался.)

Теперь я хочу отметить следующее обстоятельство, которое еще более содействовало тому, что у нас получилось охлаждение и сильное расхождение. Это то, что между нами обнаружилось глубокое разноречие по теоретическим вопросам. Это, пожалуй, будет довольно интересная страница для характеристики этой стороны Бухарина. Надо сказать, что когда я еще был до революции «леваком» и отзовистом, то никогда при этом не был впередовцем. Теоретически и тогда, и во времена левого коммунизма я всегда был сторонником диалектического материализма и материалистической диалектики. Я учился у Маркса и, когда читал «Капитал», вдумывался усиленно в метод Маркса. Материалистическая диалектика была для меня особенно ценным, я бы сказал, священным принципом. И еще до революции, когда мы беседовали на эту тему с Бухариным, я видел, что у него дело обстоит не так: я видел, что он очень уважает Богданова. А марксизм и Богданов — две вещи несовместные, как гений и злодейство у Пушкина.

После революции, когда мы еще были левыми коммунистами, в 1918 г., у меня как-то возник спор с Бухариным. Я упомянул в разговоре о материалистической диалектике. Бухарин мне на это сказал: «Ну, что такое диалектика, скажи мне, пожалуйста? Это только мудреное слово. Диалектика — это просто-напросто динамическая постановка вопроса, подход к делу с точки зрения развития движения, динамики. Вот тебе и вся диалектика, и нечего тут особенно мудрить». Я глубоко возмутился и ответил: «Ничего подобного, между простой формулой развития, которая в буржуазной теории фигурирует, и диалектической постановкой вопроса — колоссальная разница. Эта разница прежде всего в том, что диалектика — это развитие через противоречия и разрешение этих противоречий». Бухарин был к этому как-то совершенно глух. Я могу подтвердить, что Ленин был на все 100% абсолютно прав, когда написал, что Бухарин не понимает материалистической диалектики. Я еще покажу это на одном примере, тоже чрезвычайно характерном.

Еще меня тогда резало по уху употребление Бухариным «и в щи, и в кашу» таких терминов, как «социология марксизма», или: «беря дело в социологическом разрезе, мы должны сделать заключение»... или: «рассматривая вопрос с социологической точки зрения, мы приходим к такому-то выводу» и пр. Дело в том, что социология это такая же «наука», как педология, недавно у нас благополучно ликвидированная, т. е. лженаука, которая, как немцы выражаются, стоит и падает вместе с определенной буржуазной теорией. Эта самая педология стоит и падает с определенной чисто буржуазной теорией. И социология вообще может существовать только с точки зрения буржуазно-позитивистской теории. Маркс на этой точке зрения не стоял, ни о какой социологии не говорил, а социология ничего общего не имеет с историческим материализмом. И вот то, что Бухарин употреблял эти слова, как говорится, «и в щи, и в кашу», показывало, что в его мировоззрении есть крупная порция буржуазного позитивизма. (Гамарник. А почему так долго продолжалась политическая дружба между вами и им, если вам это было известно?) Почему дружба долго продолжалась? Она продолжалась с 1917 г. по конец 1918 года. (Голос с места. А дальше?) Дальше вы увидите, что не только политическая, но и теоретическая дружба у нас кончилась, об этом я расскажу дальше. Так вот, мне становилось все более и более ясно, что теоретически мы очень серьезно расходимся. А вовне это проступило следующим образом.

Большинство из присутствующих, вероятно, не обратили внимания на одну полемику, которую мне пришлось вести в начале 1924 или конце 1924 года. Это был как раз тот период, когда складывалась бухаринская школа, когда Бухарин состоял редактором «Большевика». Я в это время полемизировал против теории равновесия и, кажется, первый это делал. Полемизировал я с Бухариным, беря его под псевдонимом. Я полемизировал тогда с профессором Кондратьевым, который

вопрос о кризисах рассматривал с точки зрения теории равновесия, буржуазной теории, общей у него и Бухарина. Я написал ряд статей, вышедших затем отдельной книжкой под названием «Мировое хозяйство и кризисы». В этой книге есть ряд методологических ошибок (например, о причинности), потому что я тогда недостаточно еще вработался в вопросы материалистической диалектики. (А к у л о в. Нельзя ли ближе к делу?) Сейчас подойду еще ближе к делу. Но и то тоже вполне относится к делу. (С т а л и н. Это к истории пока относится.) Нет, это не совсем только к истории относится. Так вот, в этой книге есть ряд ошибок. Но основные установки книги правильны, и потому я в целом за нее не краснею. И должен добавить, что полемика «под псевдонимом» против другой фамилии, по другому адресу, нежели тот, который имелся в виду, объяснялась тем, что в это время неудобно было полемизировать с Бухариным, он был членом ПБ, редактором «Большевика». И потому я полемизировал против другой фамилии, доказывая, что «теория равновесия» — это типичная буржуазная теория, которая ничего общего с марксизмом не имеет.

Теперь дальше. То, о чем сейчас расскажу, относится к 1931—1932 гг., а может быть, и к 1933 году. Однажды я шел по улице в Кремле, и Бухарин встретил меня на улице. (С м е х в з а л е. Г о л о с с м е с т а. Опять! У каких ворот?) Я как раз по этому поводу и хотел сказать, что т. Каганович не совсем точно говорит, что встречи на улице у Бухарина — это тактика. Нет, это у него — привычка, род недуга. Бухарин на улице встречает людей и начинает разговаривать, о чем хотите, о самых разнообразных вопросах. Он забирает в плен такого человека и говорит: «Проводи меня до угла», а затем «я провожу тебя теперь обратно», ходит и ведет разговоры. Я думаю, здесь многие знакомы с этой привычкой Бухарина. И вот в данном случае Бухарин мне задал такой вопрос: «Что ты сейчас делаешь, чем занимаешься?» (Г о л о с с м е с т а. А где ты в это время был?) Я в это время еще не был в ЦУНХУ или, может быть, был там первый год, во всяком случае я «для души» занимался философией, да и сейчас продолжаю заниматься. Я ему и говорю: «Философией занимаюсь». (Г о л о с с м е с т а. А для дела?) Для дела? Если вы ставите этот вопрос, то отвечаю: работал в редакции «Известий» до появления там Бухарина, или, может быть, был начальником ЦУНХУ. Это делал по директиве ЦК, но душа моя, откровенно скажу, лежала и лежит к научным занятиям, а не к таким делам. (С м е х.)

Вот я и говорю: «Занимаюсь философией». Тогда он мне задал следующий вопрос, чрезвычайно интересный: «Вот я тоже начал заниматься философией и все никак не могу понять двух вещей. Во-первых, что такое противоречие? И, во-вторых, что такое качество?» (С м е х. Г о л о с с м е с т а. Интересно.) Последнее, между прочим, чрезвычайно интересно. Я, говорит, не только не могу понять этого умом, а как-то не представляю себе этого, реального представления у меня нет. (Г о л о с с м е с т а. Это он говорит?) Да. «Вот противоречие логическое — это понятно, это существует у нас в голове. Но ведь материалистическая диалектика утверждает, что противоречия существуют объективно, в действительности, в жизни. Так вот, что такое это объективное противоречие, что оно такое есть? Потом качество. Вот, что такое количество — это я понимаю и себе представляю, это всем понятно и наглядно, а что такое качество? Говорят, количество переходит в качество. И этого я себе не представляю». И тут он начал развивать — это было бы долго рассказывать — почему и как, по его мнению, существует одно только количество. Между прочим сказать, это чистейшей воды буржуазно-позитивистская постановка вопроса.

Я ему стал по этому вопросу давать основные определения, старался показать в представлении, наглядно, как эти вещи существуют. Затем, вернувшись домой вечером, подумал: «Раз человек этого не понимает, давай напишу ему записку, поясню точно на бумаге. И для меня это будет полезно сформулировать». Написал записку, но так ее и не отослал, так она и лежит у меня в столе. Ибо подумал: а стоит ли вообще ее посылать, раз у человека такое упорное и глубокое непонимание основных вещей в диалектическом методе. Ведь никакой общности в наших суждениях нет, и бесполезно этим заниматься, тем паче, что никакой общности и в политических вопросах нет, а тут можно и так подумать: начали дело с разговора о теоретических вещах, а потом стали заниматься политическими совместными действиями.

Между прочим, вот относительно политических действий. Это ближе к делу. (Г о л о с с м е с т а. Это текущий момент.) Так вот тут, если возьмем мою судьбу не как человека, интересующегося диалектическими вопросами, а мою судьбу как экономиста, интересующегося актуальными вопросами дня, то надо напомнить такие вещи: еще в 1923—1924 гг. я занимался усиленно полемикой с буржуазными экономистами в области сельскохозяйственной экономики — Чаяновым, Макаровым; в 1924—1925 гг. по общеэкономическим вопросам — с Кондратьевым; с 1927 г. усиленно занимаюсь вопросами автомобилизации СССР, как всем известно. Это, можно сказать, моя любимая тема. Точно так же я с давних времен увлекаюсь тракторизацией сельского хозяйства.

Помню, когда Ленин был еще жив, в одной комиссии я поставил ему вопрос, осуществится ли технический переворот в сельском хозяйстве непосредственно через электромотор. Я тогда спрашивал: «Не предполагаете ли Вы, Владимир Ильич, что на первом этапе это сделают двигатели внутреннего сгорания и это затем подготовит путь к электрификации сельского хозяйства?» Еще в 1920 г., преждевременно и в искривленной форме (посевкомы и государственное регулирование сельского хозяйства), я ставил вопрос о социальной перестройке сельского хозяйства. Ибо мне было совершенно все-таки ясно, что технический переворот в сельском хозяйстве без изменения его социальной структуры, т. е. в конце концов без коллективизации, осуществить, конечно, невозможно. Только на базе колхозов и МТС и возможно совершить такой переворот, и он именно был совершен.

Наконец, товарищи, я с давних времен интересуюсь развитием металлургии и непрерывно за ней слежу, интересуюсь состоянием металлургии ежедневно. К чему я это все говорю? К тому, что конкретные вопросы индустриализации и социалистической перестройки нашего хозяйства как звенья построения социализма в одной стране, что является для меня любимой идеей, всегда меня чрезвычайно интересовали, и не только интересовали: я по этим вопросам кое-что делал фактически. Поэтому ясно, что немножко у нас разные по этой части позиции с Николаем Ивановичем Бухариным, и политический контакт с ним не мог у меня наладиться, да и не налаживался, не было этого контакта.

Теперь я после этого более или менее общего рассуждения перейду еще ближе к делу с точки зрения т. Акулова, коснусь той нашей совместной работы в редакции «Известий» и того, что мы «совместно» делали, я сказал бы в кавычках. Так вот, Жукову здесь иронически указывали с места, когда он критиковал Рыкова, что он был его заместителем. (Г о л о с с м е с т а. Но я вел борьбу с ним, ну а вот ты?) Вот и я был членом редакционной коллегии. Но разрешите мне сообщить вам нижеследующее по этой части. Во-первых, нужно вам сказать, я решительным образом это подчеркиваю, что никаким заместителем Бухарина себя считать не могу и никогда им не был. И если бы мне когда-нибудь предложили пойти в заместители к Бухарину в редакцию «Известий», то я протестовал бы против сего самым решительным образом, прямо-таки объявил бы голодовку, как теперь ее Бухарин объявил. (П о с т ы ш е в. Это общее с Бухариным было бы.) Ну, конечно, наподобие наших общих старых ошибок.

Во-вторых, должен сказать, что я в редакционной коллегии «Известий» находился еще до Бухарина. Когда Бухарина туда назначали — меня не спрашивали, и меня также не спрашивали, хочу ли я быть членом редакционной коллегии при Бухарине. И если бы меня спросили, то я наверное сказал бы, что не очень этого хочу или, вернее, совсем не хочу. А главное: в редакционном коллективе «Известий», когда назначили туда Бухарина, были у многих и даже у большинства самые радужные ожидания. Дело в том, что предшествующий редактор был чрезвычайно слаб во всех отношениях, запутал дела газеты, сам себя вел неподобающе, газету уронил. И вот после этого назначают крупного литератора, которым Бухарин бесспорно является. Кроме того, редакционный коллектив надеялся, что Бухарин это назначение использует для своей реабилитации, для сближения с партийным руководством, что он покажет себя на работе, а потому и газету поставит, и это для редакционного коллектива было очень желательно.

Я, однако, иллюзий этих ни в какой степени не разделял. Не разделял, между прочим, потому, что все-таки очень хорошо знаю Бухарина. Конечно, у меня тогда и в мыслях не было, что за плечами у Бухарина находится тот самый груз, который

теперь обнаруживается, точно так же, как в мыслях не было, что Радек обманывает нас самым гнуснейшим, подлейшим образом, как он обманывал. У меня вообще по отношению к Радеку осталось чрезвычайно горькое чувство после всего того, что раскрылось, — прежде всего чувство человека, неожиданным образом оставленного в дураках (это очень неприятное чувство); и второе чувство: никогда не думал, что так велика может быть человеческая подлость!

Так вот, не имея никакого представления, как и все, о том, что собою в действительности представляют эти два человека, я отнюдь не был доволен новым редактором, и вот почему. Потому что я хорошо знал его характер, знал, что, с одной стороны, он чрезвычайно неустойчивый, слабовольный, бесхарактерный человек. А с другой стороны, что он может быть чрезвычайно упрямым и жестким, если в особенности задеть его авторитет и самолюбие, тогда-то он становится особенно упрямым и жестким. Поэтому ему чрезвычайно трудно исправлять какие-нибудь ошибки, в особенности если ему на эти ошибки пальцем укажут публично, и если укажет это человек, который ниже его; а у Бухарина самым высшим политическим и научным авторитетом был именно он сам — Николай Иванович Бухарин.

Поэтому именно я и не думал, что из этого дела выйдет добро. Теперь сообщаю, как это я и выявил тогда же совершенно конкретно. Было собрано первое заседание редакционной коллегии, причем оно было собрано на квартире у этого гостеприимного Радека. Собралась коллегия для установления контакта и намечения общих задач и перспектив в дальнейшей работе. И на этом первом заседании, которое, собственно говоря, было предпоследним, потому что всех заседаний редакционной коллегии в редакции «Известий» было только два, я выступил с совершенно идущей вразрез со всеми настроениями участников собрания краткой речью. Я поставил вопрос о том, чего надо в дальнейшем избегать и на что надо напирать. Там сформулировано было пунктов шесть-семь, из которых я четыре совершенно отчетливо помню, да и все участники этого дела помнят.

Первый пункт был такой: о чем сейчас надо больше всего заботиться в газете, — это о том, чтобы она имела правильную политическую линию и определенное политическое лицо. Мне на это один из участников собрания, Селих, который, между прочим, со мной вместе стоял потом против Бухарина, задал такой вопрос: «Какую политическую линию и политическое лицо вы подразумеваете? Ведь может быть только одна линия и одно лицо — большевистская политическая линия и большевистское политическое лицо». Я ему ответил, что именно это я и имею в виду. Он меня не совсем тогда понял, не понял, почему я это говорю, а теперь я думаю, что это всем понятно.

Второе: я в самой возможно деликатной форме установил, что сейчас в редакционной коллегии имеются два бывших оппозиционера последней формации оппозиции, а именно, Бухарин и Радек. Следовательно, ни в коем случае не нужно в редакционный коллектив допускать каких-либо бывших людей, бывших оппозиционеров, и что нужно чрезвычайно тщательно относиться к вопросу о кадрах в газете.

Третье: говорил я, чего не нужно делать (и это я, между прочим, говорил, зная с кем имею дело) — это сбиться на то, чтобы превратить газету в орган беспартийной интеллигенции. Очень хорошо, если будут в ней участвовать академики, писатели, ученые — это хорошо, но не в избытке, так, чтобы она не стала органом беспартийной интеллигенции.

Четвертое: не пересолить по части внешних красот оформления и прочее, и т. п., что может принципиальную сторону газеты понизить.

Вот эти пункты и еще некоторые, о которых я говорил на первом заседании, вызвали недоумение, но попали не в бровь, а в глаз. Потому что очень скоро получилось именно то, о чем я предупреждал. Во-первых, в смысле политической линии, газета начала вилять и петлять. Во-вторых, в смысле бывших людей там, конечно, появился на сцену Сосновский, тот Сосновский, от которого на полкилометра разило весьма несоветским духом и которого я разоблачал как троцкиста в момент первого процесса на партийном собрании «Известий». Я, между прочим, тогда не думал, что Радек является скрытым членом Центра, но относительно Сосновского я был совершенно уверен, что он является скрытым троцкистом, и так я и говорил на партийном собрании.

Сюда же относится и второй характерный эпизод: вздумали привлекать в

редакцию Каменева заведывать литературным отделом. Собственно, он не попал на работу в газету только потому, что не согласился на условия работы, пожелал редактировать материал у себя на дому, на даче, так, чтобы ему привозили туда материалы, и из-за этого дело «расстроилось». И вот я помню, что с Бухариным я по этому вопросу контакта не установил, но Радеку заявил, что я категорически протестую, чтобы Каменев привлекался в газету, что нельзя ни в коем случае ни Зиновьева, ни Каменева допускать в нее.

Далее: конечно, газета в значительной степени превратилась в орган беспартийной интеллигенции и, конечно, она превратилась в «ежедневную газету с картинками», как я ее называл, и поэтому ее принципиальная высота вместе с тем понижалась. И все прочие пункты я, достаточно хорошо зная, что в газете может получиться, выставил в аналогичном духе. Они тоже оказались правильными.

Но вы мне скажите: как же я боролся за реализацию своих предложений? Боролся я довольно слабо в смысле «позиционной войны» в редакции, и по очень понятным причинам. У нас впоследствии состоялось только еще одно, второе редакционное заседание, через месяц после первого заседания. На этом заседании произошел конфликт между двумя замами Бухарина между собой, а затем конфликт между Бухариным и его доподлинно партийным замом — Селихом. Селих был вышиблен из редакции. Я оказался в положении совершенного одиночки, а коллегия более не собиралась. Плюс к тому будьте добры помнить, что для меня редакционная коллегия «Известий» была работой целиком по совместительству: я был в то время начальником ЦУНХУ, это вы все помните и также знаете, сколько у меня было передряг и неприятностей в ЦУНХУ, как мы ругались с Мехлисом и прочее. Так что заниматься вдобавок «позиционной войной» в редакции «Известий» каждый день у меня просто никаких объективных возможностей не было.

Может быть, вы все же имеете право сказать, что недостаточно было декларацию провозглашать, надо было и в жизнь ее проводить. Но я утверждаю, что для этого у меня возможностей достаточных не было. Писать в газету я писал, потому, что раз был назначен ЦК в редакционную коллегию газеты, то должен был поддерживать газету литературно. Понятно, когда появился обратно в редакции — в принудительном порядке — Селих, я стал писать больше и стал в редакцию захаживать и с ним в контакте действовать. Но, вообще говоря, сделать что-нибудь в этом смысле героическое или непрерывно бороться, как Жуков утверждает, что он непрерывно боролся, этого я себе приписать не могу. (Смех. Жуков. У меня для этого есть основания утверждать это, и ЦК это известно.)

Позвольте мне теперь остановиться на следующем. Мы вместе с Бухариным являемся членами Академии наук. Если вы мне по этому поводу предъявите счет что я сделал как член Академии наук для того, чтобы обнаружить тамошние безобразия, то здесь я откровенно скажу: еще меньше чем в редакции «Известий» и по следующим причинам. Во-первых, я был введен в Академию наук, и вся эта волынка происходила как раз в то время, когда я был начальником ЦУНХУ. Я принимал участие в сессиях Академии наук, но в организационных академических вопросах не принимал участия. Когда значительно позже я ушел из ЦУНХУ, мне предлагали принять участие в этих делах в Академии наук, но я к этому никакой склонности не имею и просил освободить меня от этого.

И я вообще считаю, что в Академии наук сейчас для того, чтобы там партийное влияние внедрить и проводить то, что нам, коммунистам, нужно, я считаю необходимым подчеркнуть это даже с трибуны пленума ЦК, нам прежде всего нужно самим работать научно. И поэтому я просил и прошу предоставить мне эту возможность работать научно, тогда только можно будет там что-нибудь по-настоящему понимать. Если вы хотите, например, понимать, что делается в области физики и химии, то вы должны также понимать, что такое высшая математика, иначе вы ни в какой теории относительности или квантовой механике не разберетесь, и все высшие достижения современной точной науки — они мимо вас пройдут. Если вы хотите, чтобы я, например, что-то реальное сделал в Академии наук, то мне надо действительно органически работать по научной части, иначе это дело не выйдет. Да и ввиду личной склонности, находясь около такого вожделенного куска, как научная работа, в то же время заниматься ею только в смысле организационно-академической деятельности — это дело для меня просто невозможное, и я им не занимался.

Я могу, однако, сказать, в чем весьма отчетливо выразились наши расхождения с Бухариным в Академии наук. При этом опять отмечу, что я вовсе не представлял себе, какой у Бухарина имеется антисоветский багаж в смысле контрреволюционной нелегальщины. Но вот против чего я протестовал, и этот протест, собственно, привел к тому, что Бухарин перестал посещать собрания партийной группы Академии наук: мне самый дух заседаний Академии страшно тогда претил, имевшее тогда место чтение каких-то устарелых, заскорузлых, схоластических, ни к чему не нужных докладов, вроде знаменитого доклада (жаль, что Вячеслава Михайловича сейчас нет, он этот случай помнит) о рукописи XIII или XIV столетия, составленной каким-то дьяконом во Франции. Я помню, что на заседании партийной группы очень резко поставил вопрос о том, что это нужно прекратить и что нужно начать заниматься действительно актуальными вещами. Бухарин начал мне возражать и весьма иронически меня поддевать.

Если вы киваете на Кржижановского, то я в этом направлении никак его не обвиняю, потому что он меня вполне поддерживал. Но вот Бухарин начал меня иронически одергивать по этой части. У нас вышел «крупный разговор», и в силу ли этой одной причины или комбинации причин, но Бухарин начал отставать от деятельности Академии Наук и на заседания партийной группы более не ходил. Институтами он по-прежнему руководил потому, вероятно, что это ему было нужно. Но общая его деятельность значительно ослабела, что я считаю отнюдь не потерей. Я уже достаточно долго говорю, разрешите мне идти к концу. Вот то, что я мог сказать по тем трем линиям, которые требовали пояснения. А в заключение хочется сказать относительно материалов следствия, что я думаю по этому вопросу. (Шкирятов. Да, вот по существу.)

Я слушал Микояна, Ворошилова и вполне с ними соглашался. Слушал Кагановича и должен повторить, что он, собственно говоря, отбил у меня хлеб в смысле тех выводов, которые бы я мог изложить. Все, что можно сказать по этому вопросу, более или менее будет повторением. Всякому, участвующему в рассмотрении этого дела, бросается в глаза, что при помощи «алиби» (т. е. «я в момент преступления был в другом месте», это классический судейский прием) и выявления отдельных противоречий Бухарин и Рыков опровергают по существу вещи второстепенные, если только они их опровергают. Основное же они не опровергают и от самых основных обвинений явно уклоняются. Говорят только о том, в чем расходятся свидетельства, но умалчивают о том, в чем они сходятся. А пунктов схождения больше, чем пунктов расхождения, и эти пункты расхождения — не самое существенное и решающее.

Вся их защита производит впечатление отсутствия общей линии и связного объяснения всей совокупности фактов. Каганович здесь правильно говорил, и я повторю, что они не сказали ничего положительного в смысле объяснения по существу, какова была их точка зрения, их деятельность в эти соответствующие годы. Вообще вся эта защита совершенно непоследовательна, плохо построена и бесхребетна. А бесхребетна она не потому, что у Бухарина и Рыкова не хватает умелости, а потому, что им по основным пунктам нечего сказать.

В итоге приходится констатировать, что положение чрезвычайно ясно. Выводы также весьма ясны. Я так же, как и многие другие товарищи, которые дали это почувствовать, недоумеваю, для чего мы, собственно, продолжаем эту дискуссию? Может быть, в последних своих словах, если такие будут, Бухарин и Рыков скажут что-нибудь новое. Тогда надо поскорее предоставить им эту возможность. Но я считаю, что шансов на то, чтобы получить от них что-нибудь новое, никаких нет. А итоговый вывод, на изменение которого поэтому шансов тоже нет, формулируется для меня следующим образом. Если после августовского процесса было выпущено в свет сообщение, что «юридических данных для привлечения Бухарина и Рыкова к суду не имеется», то в настоящее время эта формула изменилась и гласит: «Для привлечения Бухарина и Рыкова к суду имеются все логические и юридические данные».

Андреев (председательствующий). Слово имеет т. Ярославский.

Ярославский[1]. Товарищи, надо надеяться, что мы в последний раз в Центральном комитете нашей партии обсуждаем вопрос об измене членов и кандидатов ЦК. Это обвинение в измене Бухарина и Рыкова нашей большевистской партии, по-моему, доказано целиком. Доказано оно следственным материалом,

доказано здесь анализом всех их попыток защитить себя, доказано их собственными выступлениями. Следствие, которое провел НКВД со всею тщательностью, собрало свидетельские показания против них. Эти свидетельские показания разных лиц, которые находились в разных местах, совершенно сходятся в основном и дают вполне исчерпывающий материал для того, чтобы сказать, что у нас нет никакого сомнения в том, что эти люди являются изменниками партии. Очные ставки еще более подтвердили основательность этих обвинений.

Третий раз на пленуме мы слушаем это дело и, надо прямо сказать, что, может быть, ни в одном деле не было проявлено такой щепетильности, такого желания дать обвиняемым возможность оправдаться, представить хотя бы малейшее доказательство того, что они невиновны. Однако мы убеждаемся еще более крепко в том, что эти люди совершили целый ряд преступлений на протяжении своей партийной деятельности, вернее сказать, антипартийной деятельности, что они и здесь, на этом пленуме, избрали самый скверный путь самозащиты, для того чтобы обмануть партию.

Вот если вы возьмете последний номер «Социалистического вестника», целиком посвященный предыдущему процессу, то вы убедитесь в том, что Бухарин и Рыков идут целиком по линии той клеветы, которая содержится в «Социалистическом вестнике», а «Соц. вестник» заранее, авансом начал уже защищать и обелять Бухарина и Рыкова. Разве это случайно? Меньшевики и озлобленная против Советской власти буржуазная печать стараются представить дело так, что все следствие дуто, нет ни одного правильного обвинения, все подстроено и т. д. Чем же занимается здесь Бухарин? Он здесь говорил, что если прочитать всю эту груду обвинительного материала, то сразу получится такое впечатление, что после этого станешь всему верить. Я поступил обратно: я взял докладную записку Бухарина и, прочитавши эту записку, я сказал себе, что вряд ли нужно очень внимательно читать все эти показания, чтобы убедиться в виновности Бухарина, потому что Бухарин сам себя высек, сам доказал, что он виноват. Попытка опорочить органы Соввласти, следствие есть тоже вражеское оружие борьбы.

Мы хорошо знаем, что такого рода документы составляются не только для Центрального Комитета партии, а в расчете, что они станут известны далеко за пределами, станут известны врагам партии. В особенности такого рода мероприятие, как голодовка, — ведь это неслыханно совершенно в истории нашей внутрипартийной борьбы. Голодовку объявляет человек, который не подвергнут аресту, человек, которому предоставлена полная возможность знакомиться со всеми документами и опровергнуть их, человек, которому предоставлена возможность прийти на пленум ЦК и перед пленумом ЦК нашей партии, перед высшим органом нашей партии от съезда к съезду, защитить себя! Это объявление голодовки кандидатом в члены ЦК есть неслыханный в истории нашей партии антисоветский метод борьбы против партии. И напрасно здесь искать аналогию в революционном нашем прошлом. Мы объявляли тяжелые голодовки, смертельные голодовки, мы объявляли их нашему врагу, царизму мы объявляли голодовки. Бухарин объявил голодовку перед своей партией, и он брал образцы не из революционного нашего славного прошлого, а он брал образцы у кулака. Кулак при Советской власти и против Советской власти голодал, кулак заставлял свою семью голодать, сам пряча в амбарах тонны хлеба, чтобы сказать: посмотрите, до чего довела Советская власть, люди лежат, опухшие от голода! Бухарин думал, что, может быть, он разжалобит кого-нибудь; что сведения об этой голодовке станут широко известны и об этом будут говорить, что вот до чего довела партия бедного Бухарина.

Товарищи, к Бухарину у многих из нас было больше, чем хорошее, я бы даже сказал, нежное отношение. Сколько раз с трибуны, даже здесь, когда он уже вел борьбу против партии, к нему обращались с уменьшительным именем Бухарчик. Он знает это отклонение, но он злоупотребил самым недостойным образом этим к нему хорошим, товарищеским отношением, этим долготерпением партии. И, конечно, эта голодовка будет вызывать не только смех, голодовка, объявленная с 12 часов ночи и кончившаяся в 10 ч. утра, но она будет вызывать еще большее негодование по поводу того, что такое средство борьбы и защиты мог избрать кандидат в члены Центрального Комитета, который хвалится тем, что еще в подполье был большевиком.

Товарищи, я остановлюсь только на двух фактах в отношении Бухарина и

Рыкова. Первый факт — это разговор Рыкова с Радиным. Радин приходит к Рыкову, члену Центрального Комитета тогда, и убеждает его в необходимости вести террористическую борьбу. Член Центрального Комитета Рыков не только не сообщает об этом органу Советской власти — ГПУ, чтобы арестовать этого негодяя и террориста, он молчит и перед Центральным Комитетом. Разве это не измена, разве это не есть наличие полной и подлой измены своей партии?

Рыков голосовал вместе со всеми другими предложение Дзержинского в 1923 г., что если кто-либо из членов партии узнает о наличии какой-либо контрреволюционной группы, узнает о наличии какой-либо контрреволюционной организации, он должен немедленно сообщить Центральному Комитету и следственной власти. Он это знает, он голосовал за это, а когда дело дошло до того, что он сам попал в положение заговорщика, можем ли мы иметь какое-нибудь право здесь еще ставить вопрос об оттяжке решения? Он изменил партии давным-давно.

О рютинской платформе. Я не знаю, использовал ли НКВД материалы, которые имеются у нас в архиве ЦКК по поводу рютинской платформы. Там есть допросы Угланова, Каменева, Стэна. Там имеются очень интересные вещи. Уже тогда нам было известно, что эта рютинская платформа — дело правых. Стэн прямо об этом сказал Зиновьеву и Каменеву. Зиновьев и Каменев старались от этого дела отвертеться, потому что они-то знали, от кого получена она. Но Зиновьев сказал вначале, что «какой-то парнишка» дал. Получается так же, как Рыков, не знает и говорит, что какой-то... (П о л о н с к и й. Член профсоюза!) член Центрального Комитета профсоюза дал. Тогда центральных комитетов было немного, их можно было сосчитать и вспомнить, кто был во главе того или иного Центрального Комитета. Зиновьев говорил, что платформу Стэну какой-то парнишка дал. И дальше был разговор, кто составлял эту правую группу. Стэн утверждает, что Зиновьеву он сказал о Слепкове, он толковал об этой вещи со Слепковым, причем Слепков предупредил Стэна, что если Стэн будет распространять, что платформу писали правые, то Слепков будет говорить, что к этому документу имеет отношение Стэн.

Таким образом, уже тогда было известно, что эту платформу писали правые, что к созданию этой платформы имели отношение Угланов, Слепков и другие правые. Но нам тогда еще не было известно, что к созданию этой платформы имел прямое отношение также и Бухарин. Однако надо вспомнить, что и тогда было известно со слов Угланова, что Бухарин перед своим отъездом говорил Угланову о том, что среди его учеников, среди близких ему людей, имеется «драчливое настроение». Об этих драчливых настроениях Бухарин говорит Угланову. Но Центральному Комитету Бухарин ни слова не сказал о том, что имеются среди правых драчливые настроения. (Б у х а р и н. Когда я говорил?) Это было в 1932 году.

Б у х а р и н. Я говорил о том, что в массах имеется брожение. Но я не говорил, что среди правых имеются драчливые настроения. Нельзя так путать.

Я р о с л а в с к и й. Я ничего не путаю. В 1932 г. Бухарин говорил Угланову о драчливых настроениях среди правых, а Центральному Комитету ничего об этом не сказал. Он сказал об этом лишь Угланову, участнику своей организации. (С т а л и н. По содержанию видно: в экономической части это бухаринские тезисы.) Я сейчас об этом скажу. Угланов тогда отрицал, что он имеет какое-либо отношение к созданию этой платформы. Угланов несколько раз приходил к нам и со слезами восклицал: «Ей-богу, я этого не писал, я прекращаю всякую работу против партии; т. Сталин дал мне работу, я буду работать, больше никогда не буду бороться против партии». Мы опять имеем в данном случае проявление бухаринско-углановского двурушничества, уже тогда Бухарин, Угланов и другие правые возвели это двурушничество в систему.

Зиновьев также плакал у нас, что он тут ни при чем. Когда я вызвал его в ЦКК и сообщил, что он исключен из партии за то, что он рютинскую платформу обсуждал с Каменевым и Стэном и не сообщил об этой платформе в Центральный Комитет, он также со слезами говорил: «Я не виноват ни в чем, я целиком стою на линии партии, не исключайте меня из партии». Заметьте, что Зиновьев говорил тогда о том, что он целиком стоит на линии партии как раз в тот момент, когда он уже организовал террористические группы. Неужели же сейчас, в 1937 г., после всего того, что мы знаем обо всех этих негодяях, неужели мы будем иметь малейшие колебания в отношении такого рода двурушнических поступков правых! Тут слезы не могут уже иметь на нас никакого влияния.

Я помню, т. Лапинский, незадолго до ареста Радека, из «Известий» пришел и говорит про Радека, что Радек лежит дома в полной прострации, лежит и плачет. Заплачешь после всех таких дел, после всех гнусностей, которые наделал Радек, когда он почувствовал уже, что предстоит расплата. А когда мы слышали бухаринские слезы здесь, на этой трибуне, на предыдущем пленуме, то сейчас, после всего того, что стало известно, противно вспоминать об этих омерзительных слезах.

Насчет того, мог ли Бухарин прийти к таким выводам, какие имеются в так называемой рютинской платформе. Но прежде разрешите я пару слов скажу относительно Осинского. Он говорил здесь, что не выступает потому, что его такие вещи не вдохновляют. Очень жаль и печально, что такие вещи не задевают уже у Осинского большевистского сердца, не вызывают желания активно драться против таких вещей. Нужно вспомнить, что в 1921 г. именно Осинский внес предложение об организации у нас в стране Крестьянского союза. Это предложение было поддержано единственно Радеком. Из всех членов Центрального Комитета тогда только двое стояли за организацию Крестьянского союза в нашей стране. Осинскому надо вспомнить, что у него с этими людьми были и раньше и позже нередко родственные настроения, что и гораздо позже у него были разные точки схождения с этой группой.

А у Бухарина и у Рыкова, если взять всю их деятельность, начиная с момента пролетарской революции, когда все их разногласия назрели, — все было налицо для борьбы против Ленина и его линии. Я не говорю о том, что Бухарин в период войны считал, что лозунг пораженчества лишает нас возможности вести агитацию в массах; что по вопросу о праве наций на самоопределение он выступал совершенно не по-большевистски и Ленин называл эту точку зрения Бухарина, Пятакова, Радека и других шовинистической точкой зрения; я не говорю уже о том, что Бухарин по-анархистски подходил к вопросу о переходном периоде. Но вот если взять период, когда Бухарин после драчки с ЦК после смерти Ленина вернулся несколько к работе; если взять период после того, как он показал в этой своей платформе, как далеко он отошел от партии, взять хотя бы его теорию «организованного капитализма», что тогда получается? Теорию «организованного капитализма» он до сих пор нигде не раскритиковал как следует. (С т а л и н. Интересно.) А разве эта теория «организованного капитализма» не то же самое означает, что неверие в победу социализма? Разве она не то же самое означает, что и лозунг Троцкого, что капитализм настолько силен, что Северо-Американские Соединенные Штаты могут посадить на паек всю Европу и весь капиталистический мир питать и поддерживать? (С т а л и н. Чрезмерная вера в силу капитализма.) Разве это не одно и то же?

Если у Рыкова в 1917 г. была уверенность, что солнце социализма с востока никак взойти не может, что социалистическая революция вообще не может, ни по уровню развития, никак не может в России начаться и победить, а потом у него саботаж Советской власти, а потом борьба против мероприятий Советской власти, борьба против линии партии, — так почему же в конце концов при всем этом, при ненависти к руководству, которую они проявили, при той обостренной борьбе, которую они провели, при наличии оголтелой антипартийной, антибольшевистской группки Слепкова и других, почему бы в конце концов им и не прийти к этой рютинской платформе? Чем она отличается от всего того, что вы защищали в разное время? Если собрать все эти отдельные куски, скомпоновать, составить, как это сделала группа правых литераторов, а они это одобрили, — почему бы не получилась рютинская платформа?

И вот рютинская платформа в конце концов составлена из элементов бухаринско-рыковской платформы. Собираются для ее прочтения Рыков, Угланов, Томский и ряд других «неизвестных» членов ЦК профсоюзов. Рыков что-то бурчит, по его словам, насчет того, что это, дескать, вроде шляпниковской платформы. Шляпниковская платформа, конечно, «хороша», что называется, но она выглядит лучше даже по сравнению с этой рютинской платформой. (Л о з о в с к и й. Там террора не было.) И вот Рыков участвует в обсуждении этой платформы. Правда, он говорит — не обсуждал, а Центральному Комитету он через два месяца после этого обсуждения говорит: «Если бы я когда-нибудь услышал, что кто-нибудь гово-

рит об этой платформе, я бы немедленно сообщил», — и голосует за изгнание из партии всякого, кто скроет знакомство с этой платформой.

Товарищи, мы рядового члена партии исключаем из партии и сажаем в тюрьму, если он становится соучастником террористического разговора (как Рыков был соучастником террористического разговора с Радиным), если он становится тайным соучастником обсуждения документа, направленного против партии, и об этом не сообщает своей партийной организации. Мы таких людей исключаем из партии и передаем следственным органам как участников контрреволюционной борьбы. Можем ли мы какую-нибудь другую мерку применить по отношению к Бухарину и Рыкову, которые входят в Центральный Комитет? Разве это не есть самая подлая измена партии?

Бухарин приезжает в это время с Памира. Он узнает, что есть такая платформа. Мы же знаем Бухарина, мы знаем все-таки его интерес ко всяким теориям, интерес ко всякому новому документу. Ему говорят, что есть такой обсуждавшийся на пленуме ЦК совершенно неслыханный до сих пор по своей остроте антипартийный документ; если бы Бухарин его не читал, если бы он его не знал, мыслимо ли, чтобы он не потребовал: дайте мне немедленно этот документ, я познакомлюсь с ним, дайте мне сейчас же этот документ, я хочу и обязан определить свое отношение к нему. Он этой попытки не сделал. Зачем ему было с ним знакомиться, когда он прекрасно знал до этого этот документ?

Товарищи, никто из нас не может поверить их невиновности. Не греша против партийной совести, мы не имеем права хоть в какой-нибудь степени поддаться влиянию тех приемов, посредством которых они пытаются опорочить отдельные показания. Если покопаться в показаниях Бухарина и Рыкова, можно найти гораздо больше, в десять раз больше противоречий, чем те противоречия, которые они, очень опытные люди, откапывают в этих показаниях против себя.

Пусть они не спекулируют на том, что нам также невыгодны новые процессы. Конечно, лучше было бы обойтись без этой истории, это верно. Но нам прятать голову под крыло, страусовую политику нам не приходится проводить. Это, конечно, издержки, но они необходимы. Гораздо более опасно, когда в течение нескольких месяцев нас спрашивают: «Ну, что же в конце концов, Бухарин и Рыков: виновны они или не виновны? Почему вы не можете это установить?» Это гораздо более опасно. Дальнейшая оттяжка этого дела может нам принести большой вред, потому что молодые члены партии начнут сомневаться, что мы имеем серьезные данные против Бухарина и Рыкова. А у нас есть очень серьезные данные, исчерпывающие данные, вполне доказывающие их вину. Мы должны иметь в виду воспитание этих молодых поколений.

И вот я тут хочу сказать: когда Бухарин выходил со своим извинением по поводу голодовки, он говорил об извинении и просил извинить и простить. Нет, товарищи, можно ли простить такие вещи? Мы таких вещей прощать не можем. Таких вещей партия прощать не может. Дело, конечно, не в голодовке, которая вызывает и смех, и отвращение, и негодование. Но нельзя прощать двурушничества, полностью доказанного; нельзя прощать контрреволюционных сговоров против партии, а эти контрреволюционные сговоры полностью доказаны; и нельзя прощать того, что люди, десять раз покаявшиеся перед партией формально, имели в запасе контрреволюционную организацию, действующую против партии. Этих людей надо судить, изгнавши их из партии.

Андреев (председательствующий). Слово имеет т. Икрамов.

Икрамов. Товарищи, материалы следствия полностью подтверждают, что правые элементы во главе с Бухариным и Рыковым вели контрреволюционную, вредительскую, террористическую работу. Мы были все убеждены в их участии в контрреволюционной деятельности из тех материалов, которые представило нам Политбюро ЦК, материалы следствия. Особенно я лично убедился в их мерзкой работе, когда я слушал их речи и читал пасквильную записку Бухарина. Они здесь пытаются отрицать все это и не представляют никаких данных, никаких документов и материалов, опровергающих это обвинение. У них есть своеобразные «доводы».

Довод первый: когда здесь, на пленуме, нажимают на конкретные факты, тогда Рыков говорит «не помню», «не помню», а Бухарин — «у меня в памяти провал», тогда как сам устанавливает, в каких числах что было. Эта казуистическая тактика давно партии известна, давно разоблачена. Еще на XVI партийном съезде

товарищ Киров говорил об «Ивановичах непомнящих!» (Смех. Ворошилов. Иваны, не помнящие родства!) Вот это первый их аргумент, это довод номер первый.

Довод второй: если кто-нибудь дает на них показание, то этих людей они называют или сумасшедшими, или озлобленными против них людьми. А я считаю и убежден, что некоторые из этих людей оказались более честными, чем их учителя и вожди. А некоторые из них были уже в такой обстановке, были приперты документами, фактами и очными ставками и им некуда было деться. Вот это две категории людей, которые сделали признание. Я думаю, что эти вожди правых, и Бухарин и Рыков, по-видимому, относятся ко второй категории. Честно не хотят признавать, и поэтому им нужно дать ту же обстановку, такие же очные ставки, тогда они признаются. Я убежден, что именно так надо сделать.

Третий довод: это угрозы. Этот довод и в записке, и в выступлениях. Первое — обвинения НКВД, обвинение следователей, что они унифицированные вопросы задавали, так в записке Бухарина и написано. Но представьте, когда к следователю попал контрреволюционер, вредитель, террорист, что следователь должен был спросить: «Как вы у Бухарина или Рыкова чай пили или охотились?» Что он, болтун, что ли, этот следователь? Когда у него факты есть, любой из нас спросит так, как следователи спрашивали. Но, товарищи, результат работы этих следователей мы на этом пленуме почувствовали. Ведь через работу следователей эти люди показали теперь много других вещей, которые они не признавали на прошлом пленуме и которые признали на этом пленуме.

На прошлом пленуме Бухарин говорил, что с 1929 г. никакой связи со своей группой не имел. А возьмите материалы следствия, что здесь написано? Я все читать не буду, но вот первый разговор Бухарина в 1932 г. с Куликовым о терроре. Факт это или не факт? А он отрицал на прошлом пленуме. Второй момент — обсуждение рютинской платформы. Отрицал Рыков на прошлом пленуме? Отрицал. А теперь признал? Признал. Угарова проводили и политические разговорчики были. На чем поехали или пошли, не в этом дело. С Шмидтом встречались? Террорист. Разговор был? Был. Встреча с Каменевым и Пятаковым у Бухарина тоже была. А вот самое главное: 1929—1932 годы, у них постоянная связь была или нет? Материалами следствия подтверждено, и они сами вынуждены были признать.

Что это означает? Все эти факты, которые мы здесь читали, о чем они говорят? Рютинская платформа в 1932 году. Конференция бухаринцев во главе со Слепковым в 1932 году. А что, разве все это не факты? Когда Бухарин называл как раз это время, что это был у него переходный период на изживание. Я верю Бухарину, что это был «переходный период», но изживания — пусть он кому-нибудь другому скажет. Это был как раз переходный период от той системы работы, которая была раньше, на террор, на вредительство, на активную борьбу, именно такой переходный период был. Разве это не показание людей? Установили целый ряд фактов, хотя здесь никаких унифицированных вопросов не было, а наоборот, мы должны похвалить наших товарищей, которые занимаются следствием, что они помогли партии выявить этих иезуитов. Если бы на прошлом пленуме они эти факты признали бы, для партии было бы легче и для них сегодня.

Четвертое: мы слышим от Бухарина угрозы, прямое вымогательство. Бухарин говорит, что следователь использует неточные данные, что следователь спрашивает о каком-то контрреволюционном архиве. Бухарин говорит, что следователь называл резолюцию VI конгресса Коминтерна контрреволюционной. Это как раз не следователь сказал, а ваш ученик из вашей школки, ваши сообщники, контрреволюционеры, называли контрреволюционной. Я думаю, что по существу надо будет разобраться. Если по существу разобрать постановление VI конгресса Коминтерна, особых секретов в нем нет, они изданы Госиздатом и в любой библиотеке их можно достать. А что там сохраняется у Бухарина, это интересно. Я как участник делегации ВКП(б) VI конгресса Коминтерна вспоминаю, например, проект, представленный Бухариным. Что собой представляет этот проект? Это был небольшевистский документ. Бухарин ссылается на то, что здесь произошла ошибка какая-нибудь в следствии. Я думаю, что никакой ошибки нет. А как по существу? Если вы мне позволите, я зачту несколько пунктов проекта, предложенного Бухариным, и поправки т. Сталина.

В проекте тезисов, предложенных Бухариным, в введении написано: «Первый

период, высшей точкой которого является 1921 г., закончился рядом тяжелых поражений пролетариата. Заключительным звеном этого периода является поражение германского пролетариата в 1923 г., и это поражение служит исходным пунктом второго периода, периода постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы, восстановительного процесса капиталистической экономики и т. д.» Ни слова о победе пролетарской социалистической революции в СССР, победе над интервентами и внутренней контрреволюцией.

А т. Сталин вносит следующее предложение: «Первый период, период острейшего кризиса капиталистической системы, период непосредственных революционных выступлений пролетариата, период, высшей точкой развития которого является 1921 г., закончился, с одной стороны, победой СССР над силами интервенции и внутренней контрреволюции, упрочением пролетарской диктатуры и организацией Коммунистического Интернационала, с другой — рядом тяжелых поражений западноевропейского пролетариата и началом общего наступления буржуазии. Заключительным звеном этого периода является поражение германского пролетариата в 1923 году. Это поражение служит исходным пунктом второго периода, периода постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы, «восстановительного» процесса капиталистической экономики, развития и расширения наступления капитала и дальнейших оборонительных боев ослабленной тяжелыми поражениями пролетарской армии».

В этом же пункте о втором и третьем периоде тоже у Бухарина не было: не верю, чтобы это было просто забыто, — о росте социалистических форм хозяйства и успехах в деле социалистического строительства. Тов. Сталин вносит следующую поправку: «С другой стороны, этот период (то есть второй. — *А. И.*) является периодом быстрого восстановительного пр ·цесса в СССР и серьезнейших успехов в деле социалистического строительства, а также роста политического влияния коммунистических партий на широкие массы пролетариата. Наконец, третий период в своей основе есть период выхода экономики капитализма за довоенный уровень и почти одновременного выхода за этот уровень экономики СССР (начало т. н. реконструктивного периода, дальнейшего роста социалистических форм хозяйства на базе новой техники)». Едва ли такую поправку можно назвать случайной.

А вот поправки, сделанные Бюро делегации ВКП(б) — т. Сталиным. (Г о л о с с м е с т а. Хорошие поправки!) Вот о победоносном шествии социализма в СССР тоже «забыто», у него этого нет. (П о с т ы ш е в. Провал в памяти.) В памяти провал, товарищи, правильно. Тоже отрицалось победоносное строительство социализма и революционизирующая роль СССР.

В четвертом пункте этого проекта т. Сталиным внесено следующее исправление: «Развитие СССР как революционизирующего рабочий класс всех стран и трудящиеся массы колоний противовеса мировой капиталистической системе, — все эти противоречия не могут не привести в конечном счете к новому их взрыву». Случайно ли это? Думаю, не случайно. В проекте Бухарина не было вопроса о фашизме и фашистском угнетении трудящихся масс. В 16-м пункте т. Сталин вносит следующую поправку: «Но вместе с тем отражают общее заострение классовых противоречий и особое заострение всех форм и методов классовой борьбы, что выражается все больше и больше в применении фашистских методов угнетения со стороны буржуазии». Дальше у него был «провал в памяти» по вопросу о революционной и организующей роли партии.

В том пункте, где говорится о репрессиях со стороны империалистических государств против революционных отрядов пролетариата, т. Сталиным внесена следующая поправка: «В особенности против коммунистических партий, единственных партий, которые организуют и ведут революционную борьбу рабочего класса против империалистических войн и растущей эксплоатации». В 21-м пункте у Бухарина был «провал в памяти» о предательской роли «левых» вождей социал-демократии. Тов. Сталиным внесена следующая поправка: «Особенно позорную роль в раскольнической кампании реформизма играют так называемые «левые» вожди социал-демократии, которые на словах ратуют за единство, но на деле снова и снова безоговорочно поддерживают преступные, раскольнические методы II Интернационала и амстердамцев». А дальше о предательстве социал-демократии такие большие поправки и исправления были внесены т. Сталиным, что если все это зачитать, то это очень много времени займет. Вы посмотрите (п о к а з ы в а е т), целые три страницы. Случайно ли это? Я считаю, не случайно.

Также это относится к вопросу о фашизме, о борьбе с фашизмом и к другим важнейшим вопросам. По вопросу о фашизме т. Сталиным была внесена следующая поправка: «В сфере международных отношений фашизм проводит политику насилия, военизации, фашизации Польши, Италии и обнаруживает все более и более агрессивные тенденции. Это равносильно постоянной угрозе миру, угрозе военными авантюрами, войнами для пролетарских стран» и т. д. Такие же большие поправки внесены по вопросу об империализме, о Китайской революции и по другим вопросам.

Дальше есть очень интересные, так называемые на первый взгляд редакционные, поправки со стороны т. Сталина. У Бухарина было: «Германия поворачивается против СССР». Тов. Сталин исправляет: «Германская буржуазия...» Вот вам классовый подход. Дальше он пишет, что «социал-демократия теоретически переходит на сторону буржуазии». Тов. Сталин просто вычеркнул «теоретически» и «переходит» и просто предложил написать «перешла». Вот вам, товарищи, отношение к социал-демократии, к фашизму и к буржуазии. Все эти вопросы: и по СССР, и по международной политике и тактике были исправлены делегацией ВКП(б) под руководством т. Сталина.

Теперь понятно, что если Цетлин говорил об архиве и ссылался на этот документ, то, значит, Бухарин специально сохраняет свой первоначальный проект, надеясь, что когда-нибудь он вытащит его для того, чтобы показать всем своим друзьям — троцкистам, социал-демократам, фашистам, что он не хотел обострять вопрос против них, а это обострила делегация ВКП(б) во главе со Сталиным, «вот они сделали против вас какие каверзы». Только для этого он мог сохранить специально этот документ, иначе объяснить никак нельзя, поэтому он его держит, как камень за пазухой, для удара по нашей партии. Все это и есть борьба против нашей партии, против нашего государства. Тов. Сталиным было внесено 57 поправок и исправлений. От этого антипартийного проекта Бухарина остались только «рожки да ножки», и VI конгрессом Коминтерна была принята настоящая большевистская резолюция. Этот большевистский документ был выработан против воли Бухарина на Бюро делегации ВКП(б) во главе с т. Сталиным.

Так что, я думаю, что на это обвинение, которое он попытался привести, мы должны ответить: «Ты клевещешь еще раз, хотя бы раз честно сказал бы о своих антипартийных проделках». Я нарочно взял самые авторитетные партийные решения VI конгресса. Остальное, на что он ссылается, не лучше, чем это, по крайней мере. (М е ж л а у к. Точно так же).

Теперь пятый довод: угроза. Голодовка — это, товарищи, настоящая вымогательская, мелкомародерская система. (С м е х.) Посмотрите, я тут аналогию хочу привести: мусульмане правоверные уразу держат (свои посты) немножко более добросовестно, чем Бухарин, который тут голодовку объявил. (С м е х.) По крайней мере, они от восхода до захода не кушают... (С м е х.), а он, наоборот, от захода до восхода не кушает. (С м е х.) Об этой его угрозе уже товарищи цитировали. Я хочу цитировать другую его часть. Вот что он пишет: «Чтобы не было даже видимости борьбы с вами, с партией, я никому об этом не говорю в сторону». Врет. Потому что до Ташкента дошло. За день до моего отъезда слух был распространен, конечно, их людьми, что Бухарин самоубийством кончил, Бухарин голодовку объявил. Все это сопровождалось клеветой, направленной против партии, против нашего Центрального Комитета. (Г о л о с с м е с т а. Да.) Вот на этот самый пятый «довод», я думаю, что наш ответ — это есть просто угроза, иезуитские вымогательские действия против партии.

Теперь, как он защищается? Вот когда мы читали его записку, то нас удивило, как это он против троцкистов отчаянно нападает, а против своих кое-как, так проходит. Почему это так? Мне передавали два ответственных товарища — секретарь ЦК КП(б) Узбекистана т. Цехер и зам. наркомвнудела Узбекистана Леонов, что когда он приехал с Памира в Ташкент, когда с ним разговаривали, он был очень взволнован, когда узнал, что троцкисты показали на него как на соучастника. Но он еще больше взволновался, как услышал, что Радек тоже попал, сказал: «Что, Карлуша? Не может быть. Я за него головой ручаюсь. Не может быть, чтобы Карлуша там был». (С т а л и н. Что-то он часто на Памир ездил.) Так точно, бывает у нас... (Г о л о с с м е с т а. Даже воду стал пить. С м е х.)

Почему, товарищи, он так делает? Карлуша не выдержал, Карлуша все рассказал, Карлуша открыто и более резко говорил. У меня такое сложилось убеждение, что против своих не говорит, потому что, наверное, у тех людей есть, чего не сказано, но это резко выльется, обязательно что-нибудь выльется. Вот эта болезнь, что еще не все выявлено, и здесь нужно сказать, что он именно по отношению к своим очень по-товарищески подходит к своим товарищам.

Дальше, товарищи, об их прошлой деятельности — Бухарина и Рыкова. Всем нам известно, что их борьба до революции и после революции против Ленина, и поэтому в ленинских трудах об этом достаточно хорошо сказано, мы об этом читали и знаем, и из нас очень многие товарищи в течение 10 лет непосредственно с ними борются. Я думаю, что об их этих проделках здесь вчера тт. Молотов и Каганович очень хорошо говорили, и я не хочу останавливаться, потому что я с ними полностью согласен. Вот я хочу другой вопрос поставить: вопрос о его «школке» и воспитании людей. Вот из такой «школки», при такой политической установке какие ученики должны выйти?

Первое: это предпочтение «организованного хозяйства» богоискателя Богданова против «диалектического материализма Маркса — Ленина». Вот вам уже основа мировоззрения богоискателя Богданова против Маркса — Ленина. Вот когда читали книжку Бухарина «Экономика переходного периода», я помню, прочитав эту книгу, В. И. Ленин на полях написал: «Бухарин ничего в диалектике не понимает». Я подумал, действительно ли этот человек не понимал или этот человек никогда не стоял на позициях Маркса, Ленина? А ведь когда сам не убежден, то ничего из этого не выйдет. Если нет внутреннего убеждения по какому-нибудь вопросу, то никогда задача правильно решена не будет, дело не осуществишь. Вот это первое.

Второе, товарищи, это воспитание школки против Ленина. Об этом вчера Вячеслав Михайлович говорил относительно того, и т. Сталин дал реплику. Он, Бухарин, учил, что он был прав в борьбе против Ленина, но при этом потерпел поражение, потому что у него кадров не было. Если на этом воспитывать людей против Ленина и против партии, какие же будут ученики? Это было не только учение у Бухарина, а и лозунг для объединения вокруг себя. Вчера блестяще охарактеризовал т. Косарев, какие объединившиеся люди были вокруг Бухарина, а вот, скажем, товарищи, все ли они безнадежны? Я в этом отношении сомневаюсь, может быть, были люди, которых можно было перевоспитать, но воспитание им было не по партийной линии, а против партии. У меня, товарищи, есть такое убеждение, что когда Ленин заболел и в особенности когда Ленин умер, эти люди очень обрадовались с точки зрения того, что эти люди придут к власти. У нас есть такая поговорка: «Соломон умер, дьявол обрадовался». Вот эти дьяволы думали, что теперь они придут к власти и повернут нашу социалистическую стройку назад, к буржуазно-демократическому строю, но партия была крепка, руководство было ленинское, и руководилась она т. Сталиным, и им это не удалось. Именно поэтому они никогда не могут быть нашими.

Третье: организационная борьба с врагами. Астров показывает, что когда мы были в редакции «Правды» в 1927 г. была установлена связь троцкистов с белогвардейцами, мы сопротивлялись, высказывались против опубликования этого. Это что? Это желание отгородить своих единомышленников. И я думаю, что если бы у них была сейчас газета, едва ли бы они опубликовали и сказали бы, что Троцкий связан через Гесса с Гитлером. Не написали бы, я убежден. Мы знаем, что партия есть союз единомышленников. Какое у них с нами единомыслие и по организационным вопросам, и по идеологическим вопросам, какая у них есть связь, какая у них есть спайка? Никакой.

Теперь, если сюда добавить восстание Бухарина, Рыкова и вообще правых против коллективизации, против ликвидации кулачества как класса, против индустриализации плюс лозунг обогащения, — вот вам платформа, вот вам основа и для рютинской платформы, и для «демократической партии», которую пытались организовать, вот это основа основ всех их платформ. Вот поэтому можно установить уже, что Рыков читал и редактировал рютинскую платформу, а не то, что не знал о ней и не участвовал в ее составлении. Разве это не основа основ этого самого контрреволюционного документа, пасквиля, который уже имеется в наших руках? Разве это не платформа для меньшевиков

и эсеров и всяких других антисоветских элементов? Все это идет против нашей линии, против нашего дела и против нашей борьбы. Террор и вредительство — это практическая борьба за эти идеи и за эту программу. И эти моменты являются официальным обвинением, и уже доказанным.

Дальше, дворцовый переворот. Разве это не эсеровская идеология: взять и осуществить террор в отношении одного или двух наших руководителей — вождей? Как будто бы страна, партия, рабочий класс, колхозные массы к этому отнесутся безразлично. Мы все знаем, что партия, воспитанная Лениным и Сталиным, цементированная в борьбе с правыми, с этими сволочами — троцкистами, с левыми, — она укрепляется с каждым днем и никогда не допустит, чтобы они пришли к власти. Это дудки, что они думают прийти к власти путем террора. Не только партийная организация, рабочий класс, но даже колхозники — это вчерашний недоедающий, вчерашний голодный крестьянин, а сегодня зажиточный, живущий сытной и культурной жизнью, он уже не пойдет за ними. Они могут вести за собой только кулаков. Они применяли новые методы. Тов. Микоян хорошо здесь сказал о том, что в партии они двурушничали вместе с троцкистами и насадили неверие к партийным товарищам. Раньше с партийным документом можно было куда хочешь пойти, а теперь в краевые и республиканские партийные организации без особого пропуска не пройдешь. Почему? Потому, что они эту веру разрушили. Вот иногда рабочие спрашивают: «Этому члену партии верить или не верить?» Какой это позор! Только за одно это, за попытку разложения нашей партии, за посев такого недоверия внутри нашей партии, только за одно это их надо судить! Это только самый худший враг может сделать. Самое сокровище для нас, самое дорогое для нас — это наша партия. А правые вместе с троцкистами насадили в партии двурушничество. Мы, партийные организации, не сразу раскрыли это, проявили ротозейство, не сразу разоблачили двурушников. Я думаю, что теперь мы это поняли. Еще раз в борьбе с ними преодолеем это двурушничество, еще больше укрепим наши партийные организации.

Что они насадили еще внутри нашей страны? Вместе с троцкистами они научили врагов нашей партии, кулаков, националистов таким методам борьбы, как террор, вредительство, шпионаж. (П о с т ы ш е в. Правильно!) В Узбекистане сейчас раскрыт ряд националистических организаций и групп. Программа их прямо списана с программы троцкистов и правых: террор, в первую очередь против т. Сталина и других руководителей партии. (П о с т ы ш е в. Вредительство.) В Узбекистане сейчас пойман органами НКВД шпион, связанный с польской контрразведкой. Разве не они насадили все это в нашей партии? Именно за это их надо судить, их надо изничтожить. (Г о л о с а с м е с т. Правильно!) Здесь Жуков говорил о том, что Политбюро покрывало их. Я считаю, что он допустил ошибку, это неправильно. ЦК никогда не покрывает такие антипартийные идеи, никогда не покрывает антипартийных элементов. ЦК очень терпеливо и очень внимательно хотел вывести их на правильную дорогу, исправить их, а они этим злоупотребили. Сила нашей партии, в особенности ее Центрального Комитета в том, что ЦК никогда не покрывает таких врагов.

Теперь о выводах. Я думаю, что мы должны, во-первых, сказать, что это такое. Мне кажется, что это можно квалифицировать как восстание против партии, против Советской власти. А всякое восстание надо подавить. Я помню, что еще в 1926 г. т. Дзержинский говорил по отношению Зиновьева: «Вы восстали против партии, а мы вас подавим». Я думаю, что эти слова Дзержинского полностью относятся к этим отщепенцам. Вывод в отношении их должен быть только один: суд и такая изоляция их, в особенности руководителей, чтобы они никогда и ни с кем не могли вести своих антисоветских, контрреволюционных разговоров.

А н д р е е в. товарищи, поступило предложение прения прекратить. После прекращения прений будут еще предоставлены слова Бухарину и Рыкову и затем заключительное слово т. Ежову. Сейчас объявляется перерыв на 10 минут.

(Продолжение следует)

Примечания

1. В верхнем левом углу пометка: «Стенограмма исправлена мною. Е. Ярославский. 26.II.37.»

СТАТЬИ

Антимонопольная политика самодержавия в 1914—1917 годах

В. В. Поликарпов

До последнего времени в советской историографии освещение промышленного развития предреволюционной России направлялось на доказательство того, что страна созрела для социалистического обобществления производства. Признак такой зрелости усматривался в развитии монополий, банковских группировок, навязывавших царскому правительству свою политику. Утверждения, что Россия того времени не располагала «объективными экономическими предпосылками для социализма», не созрела для социалистического переустройства, рассматривались как проявления «вражеской тактики» троцкистов, меньшевиков, всяческих «пособников буржуазии» и «противников ленинизма»[1].

Из принятой схемы выводился тезис о государственно-монополистическом капитализме, истолковываемом как подчинение государственного аппарата воле монополий. Такой подход, подкрепленный дореволюционной еще публицистической традицией «разоблачать» магнатов финансового капитала и бюрократов, определял методы отбора и оценки источников. Влияние официальной схемы сказалось и на представлениях некоторых зарубежных историков, с доверием отнесшихся к тенденциозным и неточным подборкам фактических данных.

Эти данные легли в основу выводов о захвате монополиями господства во многих отраслях промышленности или, например, об отказе правительства — под влиянием военно-промышленных монополий — «от широкого развития государственных промышленных предприятий» во время войны[2]. При этом термины «монополия», «монополисты» нередко употребляются не слишком строго: в большинстве случаев, как отмечает Т. фон Лауэ, речь по существу идет о том, «что́ в американском употреблении именуется крупным предпринимательством», а не о собственно монополиях[3]. По мере накопления фактического материала о диктате монополий все более ощущалась сомнительность такого подхода, возникла необходимость проверки многих «интересных положений» («скороспелых выводов», «гипотез», по сдержанному выражению А. Л. Сидорова) и их конкретного обоснования, то есть надежности проделанной работы с источниками[4].

Насколько труден был на рубеже 50—60-х годов отход от утвердившейся схемы, позволяет судить изменение взгляда К. Н. Тарновского, первоначально находившегося, как и другие историки, под ее влиянием. В изданном в 1958 г. труде о взаимоотношениях правительственных органов с металлургическими монополиями он воспроизвел эту схему: «ряд звеньев государственного аппарата» рассматривался им как «орудие», «исполнитель воли» монополий, которым и принадлежало «решающее слово» в регулировании отрасли[5]. Критикой было тогда обоснованно замечено, что эти выводы противоречат объективно излагаемому в книге фактическому материалу, из которого явствует, что до свержения самодержавия интересам монополистов противодействовала «политическая власть военно-феодальных кругов»[6].

Преодолеть это противоречие без нового обращения к анализу обширного круга источников не было возможности. Не раз в последующем указывая, что в книге 1958 г. «представляется вполне доказанной решающая роль» монополий в государственном регулировании металлургии[7], Тарновский сам же поставил под вопрос и даже недвусмысленно отрицал в целом принципиальную применимость той же схемы к условиям России начала XX века. «Откомментированный в свое время в сотнях пропагандистских статей и брошюр», писал он, тезис о подчинении до сих пор считается основополагающим; отказ от этого тезиса Тарновский считал назревшей необходимостью. В свете столь решительного расчета с «теоретическими» достижениями сталинской эпохи книга, самими своими противоречиями обеспечивавшая прорыв пресловутого единства общепринятых «правильных» взглядов, все же оказывалась, по оценке ее автора[8], историографическим фактом того периода, когда критический подход к старой схеме еще не сложился, о «правомерности применения» ее и возможности пересмотра тем более не задумывались и когда «в целом» вопрос о неполноценности, неприменимости формулы «подчинения» «еще не был поставлен»[9].

Выход же из накапливавшихся противоречий открывался только на пути пересмотра исходных фактов, к чему и приступил наиболее последовательный противник старой схемы — И. Ф. Гиндин. Он обратил внимание на тенденциозное освещение системы заказов и регулирования производства через органы Министерства путей сообщения (МПС), деятельности топливных и металлургических монополий, законодательства о монополиях и др. Гиндин пришел к заключению, что в 1909—1913 гг. внутри правительства проводилась по инициативе МПС «антисиндикатская линия», которая в 1914 г. даже возобладала. Характеристика антимонопольного курса сопровождалась у Гиндина оговорками, сводившими дело к борьбе чуть ли не с одним «Продуглем». Оценивая этот курс как тенденцию «второго плана», проводимую МПС почти на свой страх, Гиндин ограничил ее и хронологически, полагая, что после начала войны борьба с монополиями прекратилась[10]. Однако сторонники старой схемы не могли принять точку зрения Гиндина.

Возражая ему, А. П. Погребинский отрицал, что, ликвидируя в конце 1914 г. Комитет по распределению железнодорожных заказов, правительство действовало вопреки воле синдикатов «Продпаровоз» и «Продвагон». Погребинский утверждал, что Гиндин «слишком переоценил влияние правительственной политики и даже отдельных царских чиновников на экономическое развитие страны». Ликвидация Комитета, против которой возражали синдикаты, объяснялась, по мнению Погребинского, вовсе не действиями министра С. В. Рухлова, а тем, что Комитет уже стал «бесполезным» для монополий органом, так как частные заводы, занятые выгодными военными заказами, «не нуждались» в работе на МПС и «всячески уклонялись» он нее[11].

Погребинский, однако, не смог объяснить, чем же были вызваны протесты «магнатов капитала» против ликвидации Комитета, раз он им не был нужен. По его словам, эти протесты были продиктованы задачами «не настоящего» времени, «не насущными интересами, а силой традиции», стремлением монополий «на всякий случай сохранить» свои привилегии. Но здесь же говорилось о том, что монополии протестовали исходя из задач «будущего послевоенного периода, когда промышленность вновь вернется к условиям мирного времени»[12]. Вопрос: был Комитет им нужен или нет, по существу оставался открытым. Если верно, что монополии отстаивали Комитет из долгосрочных расчетов на заказы после войны, то к чему тогда весь спор? Если же не было необходимости в сохранении Комитета, то следует объяснить, чем были вызваны их протесты, продолжавшиеся и после его упразднения [13]. Этому противоречию не дал объяснения и В. Я. Лаверычев, опирающийся на построения Погребинского[14].

Поликарпов Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, сотрудник журнала «Вопросы истории».

Переоценка взаимоотношений государства с монополиями, начатая Гиндиным и Тарновским, получила развитие в исследовании В. С. Дякина, который прослеживает в политике правительства «антимонополистическую линию», одержавшую верх в 1914 г., и истолковывает этот факт с точки зрения борьбы между буржуазией и поместным дворянством за определение курса экономической политики в целом[15]. Дякин продолжил также пересмотр фактов, положенных в основу представлений о «подчинении». По-новому была истолкована судьба законопроекта о монополиях. Попытка Министерства финансов удалить из его текста уголовное преследование трестов и синдикатов за взвинчивание цен воспринималась ранее как уступка давлению монополий. Оказалось, что финансовое ведомство предпочитало юридическому ограничению деятельности частного капитала меры экономического, а главным образом административного воздействия[16].

Анализ хозяйственной деятельности правительства (строительство новых и выкуп в казну ранее построенных железных дорог, ирригационные работы, борьба с топливным голодом, сооружение сети элеваторов, законодательное регулирование отношений казны с частными поставщиками) дал основание констатировать общий враждебный «поворот в отношении бюрократических верхов к частному предпринимательству», который произошел не в 1914 г., как полагал Гиндин (и тем более не в 1915 г., как считает Р. Руза[17]), а раньше, по крайней мере уже к 1913 году. Что касается политики в отношении собственно синдикатов, то здесь сдвиг наметился с 1908—1909 годов. Такая перемена была обусловлена общим наступлением политической реакции, а также и тем, что деятельность синдикатов противоречила хозяйственным интересам государства.

Тем не менее, как указывает Дякин, царизм в своей антимонополистской кампании потерпел поражение и пошел на «вынужденное отступление». В подтверждение он ссылается на прекращение судебного преследования «Продугля». Однако это не согласуется с тем подходом, который предложен автором в споре с М. Я. Гефтером: отказ от судебного преследования еще не означал примирения[18]. В 1914—1915 гг. синдикат постепенно свертывал свою деятельность (притом вовсе не «демонстративно»[19]), точно исполняя программу ликвидации, объявленную Министерством торговли и промышленности через ведомственную газету еще в марте 1914 года[20].

Основной клиент «Продугля» — казенные железные дороги — за это время перезаключил договоры непосредственно с поставщиками, входившими в «Продуголь», минуя синдикат. Еще с 1913 г. ведение всех дел этих дорог с «Продуглем», включая контроль за ходом поставок, возлагалось на администрацию казенных Южных дорог. Ей же были поручены и перезаключение контрактов и последующая практическая организация закупок и распределения угля между дорогами, тогда как частные заводы, обслуживавшиеся «Продуглем», были предоставлены собственным усилиям[21]. Новый порядок действовал на протяжении всего 1916 года[22]. «Продуголь» перестал существовать с 1 января этого года.

На смену частичной монополии «Продугля» шла полная государственная монополия, предзнаменованная ростом реквизиций. Полное огосударствление торговли углем, замена ее распределением диктовались «всей обстановкой начиная с 1915 г.»[23]. Принципиальное решение по этому вопросу состоялось осенью 1915 г., выбор же времени для практического исполнения Совет министров оставил на усмотрение Особого совещания по топливу (Осотоп). Оно получило полномочия проводить также и постепенные частичные реквизиции. Лаверычев утверждает, однако, что сопротивление этому со стороны общероссийских предпринимательских организаций «оказалось столь упорным», что в конце концов «до реквизиции топлива дело не дошло»[24]. Между тем в том же отчете Осотопа, которым пользуется Лаверычев, упомянуто, что применение «реквизиционных нарядов» и «принудительных поставок», затруднявшееся до начала 1916 г. невозможностью обеспечить вывоз угля из мест добычи к потребителям, в дальнейшем облегчилось, отпали как раз те препятствия, ввиду которых МПС откладывало общую реквизицию. Как заявил 3 ноября 1915 г. С. В. Рухлов, «будет более осторожно применить ее только в том случае, если положение изменится, т. е. если возрастет вывоз и сократится добыча»[25].

С середины 1916 г. Осотоп «усиленно» применял реквизицию. Достаточно сказать, что к осени основной потребитель донецкого угля — железные дороги — удовлетворял свои потребности «главным образом» посредством внеочередных

принудительных нарядов, коснувшихся «почти половины копей в Донецком бассейне» (реквизировалась треть всего вывозимого оттуда угля, по 25—30 млн. пудов в месяц)[26]. Такая практика не устраивала углепромышленников особенно тем, что МПС, проведя реквизицию, не торопилось расплачиваться с ними; это было одной из причин того, что дела «донецких магнатов» пошатнулись «в конце 1916 и особенно в начале 1917 г.»[27].

«Преимущественный заказ» (т. е. реквизиция) 200 млн. пудов — двух-трехмесячный вывоз из Донбасса — для казенных дорог был по требованию МПС разверстан между углепромышленниками Донбасса через их же Совет съездов. Часть этого угля, отобранного МПС, ранее предназначалась для более выгодных частных заказчиков. Лаверычев же рассматривает эту операцию как признак «возрастания роли» Совета съездов, который представлен в качестве «центробежного фактора», якобы притормозившего правительственное регулирование угольной промышленности[28]. Действия Совета съездов выглядят в его изложении даже как извлечение дополнительных выгод и удобств.

Не дает достаточных оснований говорить о «поражении» правительства и результат борьбы банков и монополий против мер, направленных на ограничение акционерного землевладения. Традиционная в литературе ссылка на отмену «Правил» от 18 апреля 1914 г., содержавших ограничение его 200 дес., не исчерпывает вопроса, так как практика редактирования уставов акционерных компаний после этого существенно не изменилась. До утверждения Советом министров проект устава попадал в специальное междуведомственное совещание, и если компания домогалась права обзавестись недвижимостью «в местностях, закрытых для еврейского землевладения», то, как объяснил на заседании Совета министров 2 января 1916 г. товарищ министра внутренних дел Н. В. Плеве, в устав «ныне вводится в виде общего правила требование, чтобы большинство членов правления и кандидатов к ним, а также директоры-распорядители» и т. д. «были лицами неиудейского вероисповедания». Иначе говоря, введение явочной системы приобретения земли для частных фирм, хотя бы в пределах 200 дес., не состоялось, а ограничения по национальному и вероисповедному признакам остались в полной силе[29]. Наконец, не добились монополии уступок и выставив требование о свертывании, ликвидации казенного хозяйства[30].

Влияние традиционного стремления изображать взаимоотношения самодержавия и частного капитала так, чтобы перевес оказывался на стороне последнего, порождало затруднения, сущность которых отчетливо изложил Гефтер: царизм оставался, как и раньше, «диктатурой дворянства, надстройкой над крепостническим землевладением. Вместе с тем факты... свидетельствуют о том, что во всех сколько-нибудь крупных экономических вопросах и коллизиях, где интересы черносотенного помещика непосредственно сталкивались с интересами монополистической верхушки буржуазии, третьеиюньский режим брал сторону последней, „изменяя" своему классу»[31]. Обращаясь, однако, к совокупности фактов, которая анализируется в статье Гефтера, можно заметить, что указанное затруднение проистекает не от самих фактов, а от влечения к компромиссу с формулой «подчинения».

«Наиболее существенной» мерой против нефтяного голода Гефтер считает проекты казенной нефтедобычи. Нефтяным королям, резюмирует он ход борьбы вокруг этих проектов, «беспокоиться было не о чем», они «при всех поворотах событий добивались своего». Но обращение к источникам показывает, что как ни «близок к осуществлению» был проект создания смешанного (на треть казенного) Паевого товарищества, выдвинутый монополистами в противовес министерским проектам казенной нефтедобычи, как ни «шла навстречу» частной инициативе в данном случае бюрократия, настал все же момент, когда «обстановка изменилась», и проект был отклонен. Осотоп отдал предпочтение казенной нефтедобыче; затем и правительство, несмотря на все протесты нефтяных королей, утвердило казенный проект, который и был внесен в Думу в начале 1917 года[32]. Иначе говоря, вплоть до своего падения правительство не шло ни на какие уступки[33] и шаг за шагом продвигало антимонопольные проекты.

Обращает на себя внимание то, что выявленные и опубликованные источники, противоречащие идее о подчинении государственного аппарата самодержавия монополиям, с трудом входят в научный оборот. Отметив, что перед войной правительство одобрило проекты казенной нефтедобычи, Лаверычев в то же время, опи-

раясь на мнение Погребинского, полагает, что монополистам, «достаточно успешно» противодействовавшим этому, «в конечном итоге» «удавалось отстоять свои интересы»[34]. Погребинский в указанном Лаверычевым месте писал, что обсуждение в правительственных инстанциях проекта организации казенных нефтепромыслов было «безрезультатным», так как возражения Министерства финансов сыграли якобы «решающую роль»[35]. В действительности же Совет министров 21 октября 1916 г. одобрил проект, представленный Горным департаментом.

Лаверычев не воспользовался сборником, где были опубликованы относящиеся к этому вопросу документы[36], хотя и цитирует некоторые из них по архиву. К тому же изложение нефтепромышленных проблем в его книге[37] содержит неточные ссылки (то на дело, не относящееся к рассматриваемому вопросу[38], то на вообще не существующее[39]). Между тем материалы сборника[40] колеблют представление, будто Осотоп «в достаточной степени» содействовал интересам монополистов, которые имели в этом органе будто бы «достаточно прочные позиции, чтобы обеспечить свои интересы»[41].

На подкрепление идеи о господстве монополий над «отдельными звеньями» хозяйственных органов государства и о нараставшем влиянии монополий на политику самодержавия мобилизован немалый материал. Делается это зачастую хорошо отработанными в 40—50-х годах, хотя и уязвимыми методами. «Тот факт, что дельцы усердно стремились влиять на государственную политику, — указывает Дж. Маккей, — еще не означает, что они всегда имели в этом успех»[42]. Перед Лаверычевым, таким образом, стоит та же методическая проблема, на какую 30 лет назад обращал внимание Тарновский, анализируя использование аналогичной методики Я. И. Лившиным: «надежды и чаяния» монополистического капитала подчинить себе «в конечном счете» государственный аппарат не равнозначны самому подчинению[43].

Без опоры на серьезный анализ источников, по традиции «прожектерством» считаются такие крупные начинания правительства, не отвечавшие интересам монополий, как строительство дюжины-другой крупных военных заводов, а также предприятий, обслуживающих железные дороги. С пренебрежением упомянув об этих начинаниях, Лаверычев утверждает, что внешние проявления недовольства предпринимателей замыслами правительства, их протесты в печати были наигранными, на деле же ничто не мешало им «достаточно эффективно препятствовать казенному предпринимательству... Магнатам финансового капитала, — продолжает он, — имевшим прочные связи в правительственных сферах, все же удавалось добиваться замедления этих нежелательных процессов»[44]. Аргументом при этом служит цитата из сетований начальника артиллерийского ведомства А. А. Маниковского, как известно, лицемерных и безосновательных.

На деле представителям крупнейших предпринимательских организаций, в бессилии наблюдавшим развертывание строительства казенных заводов, не удалось добиться даже созыва совещания по этому вопросу с их участием. Правительство в ответ на их настойчивые ходатайства 8 сентября 1916 г. вынесло решение, что их пожелания «не отвечают точке зрения правительства, а потому не подлежат осуществлению»[45].

Прожектерство МПС выразилось, по мнению Лаверычева, в том, что оно помимо казенной добычи топлива «проектировало теперь расширение казенного паровозостроения и вагоностроения, а также создание... собственной металлургической базы»[46]. Проект казенного завода в Керчи, конечно, производит впечатление: мощность его намечалась в четверть всего производимого на юге чугуна; ожидаемую резко повышенную послевоенную потребность МПС в металле новый завод покрывал, согласно проекту, также на четверть. Но скепсис и здесь вряд ли уместен (построенный позднее комбинат «Азовсталь» на соответствующей стадии тоже мог бы показаться плодом досужего прожектерства). В 1916 г. проект прошел через все необходимые согласования с Министерством финансов и в междуведомственных совещаниях. В бюджете МПС на 1917 г. предусматривалось первое ассигнование в 20 млн. руб. (из общей проектной стоимости завода в 71 млн.) на приступ к его постройке. 14 октября 1916 г. Совет министров провел окончательное обсуждение этого вызывавшего разногласия вопроса, и 25 октября, несмотря на недовольство монополий[47], проект завода был утвержден царем[48].

Но вопрос о «прожектерстве» имеет и другую сторону. Ведь в июне того же

года неудача постигла проект сооружения завода Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества (Копикуз), в котором были заинтересованы две крупнейшие банковские группировки, совместно вложившие в основание дела 6 млн. рублей. Выпуск чугуна этим заводом намечался «в два раза превышающий выплавку чугуна на всех уральских заводах». Главным заказчиком на производимые им рельсы должно было стать МПС[49]. И вот законопроект о содействии правительства созданию этого предприятия был 12 июня 1916 г. со скандалом провален на соединенном заседании финансовой и бюджетной комиссий Думы.

По заключению комиссий, основанному на мнениях предшествовавшего междуведомственного совещания и Горного департамента[50], «весьма невыгодное для казны» предприятие Копикуза с первых же своих шагов оказалось бы в конфликте с законами и одновременно в зависимости «от банков, в пользу которых перейдет львиная доля его барышей». На шестой день правительство отозвало этот законопроект, а вместо него в экстренном порядке готовился проект казенного Керченского завода. Потеряв надежду на казенную поддержку (заказы на 10 лет, 20-миллионная беспроцентная ссуда на 14 лет), Копикуз объявил, что вопрос о постройке завода откладывается «до выяснения способа финансирования»[51].

Казенное паровозостроение представлено Лаверычевым как всего лишь «законопроект о строительстве казенного завода в Воткинске». Законопроект этот, однако, уже прошел через Совет министров, который 6 декабря 1916 г. отпустил старому Воткинскому заводу 3,6 млн. руб. на расширение оборудования, с тем чтобы к 1920 г. довести выпуск паровозов до 100 в год[52]. Лаверычев полагает, что это еще «не представляло реальной угрозы монополистам»[53]. Но ведь известно, что этот объект был не единственным в своем роде.

В 1916 г. из рук частных владельцев правительство изъяло и передало в распоряжение МПС также Выксунские заводы — вопреки усилиям «магнатов финансового капитала», также претендовавших на это владение с 100 тыс. дес. земли и леса. Руководители банковской группы рассчитывали, завладев Выксунскими заводами, организовать производство новых типов тяжелых паровозов и довести его до 300—600 штук в год; их завод, как они считали, по масштабу и постановке дела должен был «занять первое место среди русских паровозостроительных заводов». После передачи Выксунских заводов МПС магнатам «пришлось наметить к постройке гораздо менее удобный» вариант (на базе Кулебакского завода)[54]. 16 ноября 1916 г. и 17 февраля 1917 г. Совет министров отпустил около 19 млн. руб. на скорейшее переоборудование Выксунских заводов[55]. Случай этот характерен как размерами начинания, так и безуспешностью притязаний крупнейших финансовых групп[56]. Между тем из рук частных владельцев в распоряжение казны перешли также столь крупные и авторитетные производители паровозов (и вагонов), как Путиловский и Невский заводы.

Тем не менее, Лаверычев считает, что в годы войны производство подвижного состава «регулировалось вполне сложившимися монополистическими союзами, успешно опиравшимися на те или иные звенья государственного аппарата»[57]. Он обходит при этом молчанием соображения, высказанные А. П. Корелиным в пользу другой точки зрения: ни «Продпаровоз», ни «Продвагон» с самого начала «не являлись по форме и характеру деятельности синдикатами классического типа», условия же войны расшатали их настолько, что от них фактически «осталась только форма»; в эти годы одна из важнейших функций синдикатов — распределение заказов — «становится чисто формальной, а доли и квоты предприятий фактически ликвидируются»[58].

Признак непоколебимой прочности позиций монополий усматривается и в том, что после наложения секвестра на Путиловский завод последний будто бы еще оставался в составе синдикатов, поскольку «даже в декабре 1916 г.» фигурировал в их документах о распределении заказов «на январь и февраль 1917 г.». Но если принять этот довод, то не менее прочным надо признать положение монополий и в 1918 году. Ведь «Продвагон», контракты с которым Путиловский завод, взятый в казенное управление, расторг (как и с «Продпаровозом») в 1916 г., учитывал в своих планах Путиловский завод не только на январь и февраль 1917 г., но и на 1918 год[59].

Упомянув, что те же синдикаты «особенно настойчиво» добивались заказов на 1918—1922 гг. и что был выработан законопроект о казенном заказе на 8 тыс. паровозов и 200 тыс. вагонов, Лаверычев не сообщает о дальнейшей судьбе этого зако-

нопроекта, ограничившись указанием на «известное перераспределение сил» к 1917 г. и на то, что из-за разногласий между «Продвагоном» и частными железными дорогами «соглашение затянулось»[60]. Затяжка, однако, оказалась такова, что до заключения договоров с синдикатскими заводами дело вовсе не дошло, и это объясняется именно тем, что, вопреки его утверждению, монополиям не удалось «успешно опереться» на те «звенья госаппарата», каким принадлежало право принимать решения. При царском правительстве заказ этот так и не был выдан синдикатам, добивавшимся под него казенных ссуд и авансов на 103 млн. руб.: «гвоздь вопроса как раз и состоял в размере субсидии, а также цен на подвижной состав»[61]. Предпочтение отдавалось заводам, не входившим в «Продвагон»[62].

Одновременно, несмотря на выраженное синдикатами недовольство, приводился в исполнение составленный в 1909—1911 гг. и дополненный в начале 1917 г. план расширения 34 механических мастерских казенных дорог, рассчитанный на 80 с лишним млн. рублей[63]. 23 декабря 1916 г. Совет министров отпустил 12,6 млн. руб. на устройство казенного вагоностроительного завода, «находящегося в ближайшей связи с казенным металлургическим заводом» МПС[64]. (Это решение отвечало пожеланию Думы, принятому 18 июня 1916 г. одновременно с решением о Копикузе и выдаче долгосрочных заказов на подвижной состав фирмам-аутсайдерам.) Вместе с тем 3 февраля 1917 г. было по сути отклонено предложение русско-французской группы дельцов о постройке крупного вагоностроительного завода при условии заказа ему 50 тыс. вагонов[65]. Даже для изготовления костылей и болтов МПС начало строить собственный завод на Екатерининской дороге, для чего в декабре 1916 г. потребовалось купить заграничное оборудование[66].

Несколько странно выглядит иногда в литературе деятельность руководителей финансовой группы Русско-Азиатского банка. С одной стороны, они якобы вынашивали план: избавиться от маловыгодных судостроительных предприятий, подбросить их казне, а самим заняться артиллерийскими и путейскими заказами. Отсюда-де и попытка собрать воедино три крупных завода — Путиловский, быв. Парвиайнен и Юзовский. Лаверычев описывает и практические шаги, предпринятые банком и сопряженные с миллионными вложениями. А параллельно та же группа действует вопреки указанному замыслу: разыгрывает хитроумную комбинацию и добивается секвестра Путиловского завода. Смысл победы финансовых воротил обобщен так: «Следовательно, секвестр Путиловского завода, являвшийся выгодной финансово-экономической операцией для контролировавших предприятие банковских кругов, развязал им руки и позволил форсировать перестройку корпорации.., превратив теперь в базовое предприятие для осуществления своих претенциозных планов общество „Парвиайнен“»[67].

Верным может быть что-нибудь одно: или секвестр Путиловского завода входил в интересы монополистов (почему же тогда они намечали перевести этот завод на юг?), или секвестр помешал им провести реорганизацию в полном объеме и в таком случае не мог входить в их планы, противоречил их интересам. Несовместимость двух версий особенно видна, если обратиться к источнику, который излагает Лаверычев. По сообщению правления Путиловского общества, план действительно состоял в том, чтобы «приобрести заводы Юза и, соединив их с заводами Путиловским и Парвиайнена, перенести два последних в Донецкий бассейн на территорию заводов Юза». Организованные воедино, эти три предприятия «образовали бы завод, по мощности превышающий завод Крезо во Франции, приближающийся по размерам своим к заводам Круппа». Капитал же, потребный «как для покупки заводов Юза, так и для перенесения заводов Путиловского и Парвиайнена», думали получить путем дополнительных выпусков акций Путиловского завода. Отсюда вытекает, что его секвестр разрушал финансовую базу замысла, что, собственно, признало и правление[68].

Отпал расчет и на такой источник средств, как авансы под новые заказы на снаряды. Подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне 13 мая 1916 г. рассмотрела предложение той же группы оборудовать с помощью французской фирмы Шнейдер и К° отдел по производству 6-дюймовых и 48-линейных снарядов при Юзовском заводе, если правительство даст заказ на 3,5 млн. таких снарядов. Отклонив это предложение, комиссия признала «предпочтительным приступить к устройству казенного снарядного завода». Так появился самый крупный (проектная стоимость 137 млн. руб.) объект в программе строительства казенных военных заводов[69]. Интересы монополий и на этот раз не были приняты во внимание[70].

Путиловский завод служил ядром и еще одного военно-промышленного объединения. Финансовые группы Русско-Азиатского и Международного банков совместно исполняли заказ на поставку фугасных снарядов (гранат). Это объединение возглавил так называемый Гранатный комитет, официально представляемый Обществом Путиловских заводов. В литературе он рассматривается как одно из наиболее законченных проявлений государственно-монополистического капитализма в России[71]. Наложив секвестр на Путиловский завод, правительство вынудило участников соглашения по гранатам перезаключить (по пониженным ценам) контракты с казной, устранив посредничество Общества Путиловских заводов. Гранатный комитет перестал существовать. Используя закон о секвестре, специально изданный накануне, правительство отобрало у участников сделки крупные денежные средства, а Путиловскому заводу навязало заведомо разорительную систему управления (это ли обретенный монополистами «своеобразный источник финансовых ресурсов»?[72]).

Никакие протесты «магнатов капитала», в том числе и из-за рубежа, по дипломатическим каналам, не подействовали[73]. «Интенсивно идущий процесс консолидации монополистов», о котором по поводу Гранатного комитета пишет Лаверычев[74], был грубо нарушен. После секвестра Путиловского завода (нельзя в этом не согласиться с Лаверычевым) группа Русско-Азиатского банка лишилась своего «базового» предприятия, а вернее — после подобных шагов правительства в отношении еще и Русско-Балтийского, Невского, Владимирского порохового заводов, общества быв. Беккер — разрушилась. Тем самым подтверждается отвергнутое сторонниками «подчинительной» версии мнение Гиндина, что в некоторых случаях под давлением правительства монополии распадались[75].

И все же прежняя оценка секвестра Путиловского завода, сложившаяся под влиянием навязанных историкам в 30-х — начале 50-х годов схем[76], имеет своих сторонников[77]. По мнению Лаверычева, «объективно эта мера означала серьезную поддержку» монополий правительством. Вообще, как он считает, ссылаясь на саморекламное заявление представителей банков и мнение В. И. Бовыкина, в годы войны происходило «укрепление позиций» банков «и расширение» их военно-промышленных группировок. В то же время, имея в виду все те же группировки, Лаверычев пишет: «Мы пока не имеем сведений» о том, в какой мере реализовались идеи деловой «консолидации монополистов»[78].

В отношении группы Международного банка затруднение со сведениями отчасти преодолимо. Как уже говорилось, «консолидироваться» с Выксунскими заводами ей не удалось, они отошли во владение МПС. В борьбе за орудийные заказы группа также потерпела неудачу: львиную долю их получил казенный Пермский завод. Сорвалась и попытка создать за казенный счет частный ружейный завод (вместо этого началось устройство двух казенных). А с августа 1915 г. велся открытый подкоп под главный устой группы: по инициативе правых в Думе и при прямом содействии правительства развернулась кампания по дискредитации фирмы, строившей в Царицыне орудийный завод (дубликат Виккерса). 6 мая 1916 г. правительство приняло решение выкупить недостроенный завод в казну[79].

Случившееся с Путиловским и Царицынским заводами, с проектами Копикуза (не говоря о ряде менее крупных) и соответствующими финансовыми группами показывает, что в годы войны правительство практически занималось разрушением некоторых важнейших банковско-промышленных объединений. Как и факты, связанные с деятельностью МПС, развертывавшего свое производство в ущерб интересам крупных фирм, с ликвидацией «Продугля», распадом «Нобмазута», «Меди», «Платины» и других объединений, это подтверждает актуальность той проблемы во взаимоотношениях между государством и частной промышленностью, на которую указывает Н. И. Торпан, формулируя ее как «кризис государственно-монополистического регулирования военной экономики России»[80].

Постановка этого вопроса продиктована тем, что привлекающие ныне внимание факты противодействия государственных органов «магнатам финансового капитала» нарушают привычные представления о государственно-монополистическом капитализме, о «подчиненном» положении каких-то «звеньев госаппарата». Если поставить тенденцию военного времени в связь с вызвавшим разногласия

среди исследователей вопросом о том, когда именно начался пересмотр правительственной политики в отношении частного капитала, то едва ли устоят такие вехи, как 1914, 1913 или даже 1909 год. Гиндин, Сигельбаум и Рибер отмечают подобные явления и в конце XIX века[81].

Проблема заключается, видимо, все же не в «кризисе государственно-монополистического регулирования» в условиях войны, а в том, что́ Сигельбаум назвал «усилением тяготения к командной экономике», — если при этом оговориться, что такая тенденция распространялась не только на собственно военное производство и порождена не одними военными обстоятельствами[82]. Кризис же, о котором пишет Торпан, можно отнести скорее к области идеологии. В нем проявилось бедственное состояние советской историографии, разрывающейся между аксиомами «учения» о государственно-монополистическом капитализме и той картиной, какую рисуют источники[83]. Типичная, к сожалению, ситуация наблюдается, когда, не имея опоры в фактах, исследователям приходится писать об уступках правительства «давлению буржуазии», его опасениях, что она расценит те или иные меры как попытки ущемить ее и что это вызовет ее противодействие. И тогда получается, что в результате обеспечивалось «дальнейшее усиление влияния» монополистического капитала на экономическую политику самодержавия. И это — о правительстве, по словам того же автора, «всецело контролировавшемся сомодержавием»[84].

Таким образом, введенные в научный оборот фактические сведения, относящиеся к взаимоотношениям крупных предприятий («монополий») с государственным аппаратом, а также влияющие на оценку степени воздействия власти на экономическую жизнь, требуют самого пристального внимания. На них нельзя опираться без перестраховочного анализа источников[85]. В первую очередь это относится к тем сведениям, которые наиболее удобно ложатся в схему «подчинения».

Примечания

1. СУСЛОВ М. А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Т.3. М. 1982, с. 309—310.
2. См. СИДОРОВ А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1970, с. 172—173, 46—47, 57; PORTAL R. The Industrialization of Russia. In: The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 6, pt. 2. Lnd. 1965, p. 864.
3. LAUE Th. von. Problems of Industrialization. In: Russia under the Last Tsar. Minneapolis. 1969, p.142; СИДОРОВ А. Л. Ук. соч., с. 174—175; СОРОКИН А. К. Монопольная прибыль в России. — Вопросы истории. 1990, № 4, с. 57—61.
4. Попытки подойти к такой переоценке предпринимались еще с 20-х годов (см. ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ А. Капитализм в России. 1890—1917 гг. Т. 1. М. 1925, с. 307; е г о ж е. Финансовый капитал и производительный. М. 1926, гл. 9; ВАНАГ Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Изд. 3-е. [Харьков]. 1930, с. 13—27 и др.), но были заглушены. 20 января 1931 г. Финн-Енотаевский «признал себя виновным во «вредительстве в теории», выразившемся в: 1) Критике одного из начал ленинизма о роли финансового капитала...» (Дело № Н-7824 ОГПУ по обвинению Союзного бюро ЦК РСДРП (м). Т. 20. Следственные материалы по обвинению Финна-Енотаевского А. Ю., л. 56 об.). 15 января 1932 г. Ванаг в печати признал свою «политическую ошибку» в трактовке финансового капитала: «Я дал почву для протаскивания троцкистских идей... об отсталости вообще и примитивности экономического развития России», что является «лишь оборотной стороной контрреволюционного тезиса о невозможности строительства и победы социализма в нашей стране» (Историк-марксист, 1932, № 4—5, с. 358). Но это не избавило его от необходимости повторять на допросах в январе 1937 г., что в «Финансовом капитале» и др. его работах «контрабанда шла по следующим основным направлениям: 1. Исключительное подчеркивание отсталости капиталистического развития России» с целью «протаскивания идеи невозможности построения социализма в СССР, отсутствия материальных и субъективных предпосылок...» (Дело НКВД № Р-8186 по обвинению Ванага Николая Николаевича. Т. 1, л. 211).
5. ТАРНОВСКИЙ К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М. 1958, с. 255—256, 135.
6. Характерно, что рецензент (П. В. Волобуев), показавший неубедительность вывода о подчинении Металлургического комитета синдикатам, все же и сам уступал давлению той же схемы, подчеркивая, что «в конечном счете помещики были бессильны помешать» монополиям и т. п. (История СССР, 1960, № 6, с. 159—161).
7. ТАРНОВСКИЙ К. Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма

периода первой мировой войны. — Вопросы истории, 1961, № 7, с. 45; е г о ж е. Социально-экономическая история России. М. 1990, с. 46; ср. с. 52.

8. ТАРНОВСКИЙ К. Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма, с. 49, 51, 53.
9. Это не всегда учитывается в литературе. См.: Новое в исторической науке. М. 1984, с. 64; Великий Октябрь и защита его завоеваний. [Кн. 1.] М. 1987, с. 17; SIEGELBAUM L. H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914 — 17. N. Y. 1983, pp. 126—127.
10. ГИНДИН И. Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий. В кн.: Об особенностях империализма в России. М. 1963.
11. ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Спорные вопросы изучения государственно-монополистического капитализма. В кн.: Об особенностях империализма в России, с. 141—142.
12. ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Комитет по железнодорожным заказам и его ликвидация. — Исторические записки. Т. 83, с. 238, 242—243.
13. См. КОРЕЛИН А. П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности России. В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Свердловск. 1972, с. 167.
14. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М. 1988, с. 156—157.
15. ДЯКИН В. С. Из истории экономической политики царизма в 1907—1914 гг. — Исторические записки. Т. 109, с. 25—26.
16. Там же, с. 62, 51. Дякин вряд ли прав, полагая, что́ предложенные Министерством финансов дополнительно экономические санкции против синдикатов были отвергнуты торгово-промышленным ведомством (там же, с. 52). Не отвергая их как неприемлемые по существу, оно возражало лишь против конкретного перечисления этих санкций в законе, чтобы не сковывать тем самым свободу действий правительства (ЦГАОР, ф. 102, 2-е д-во, 1914 г., оп. 72, д. 10, ч. 14, лл. 4 об. — 5).
17. ROOSA R. A. Russian Industrialists During World War I. In: Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton. 1983, pp. 180—181.
18. Уже отмечалось, что серьезность преследования «Продугля» правительством обычно недооценивается советскими историками (SIEGELBAUM L. H. Op. cit., p. 222).
19. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 80.
20. РЕЙХАРДТ В. К проблеме монополистического капитализма в России. — Проблемы марксизма, 1931, № 5—6, с. 205—206.
21. Материалы по истории СССР. Т. 6. М. 1959, с. 503, 505—508, 517, 518; Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 630, оп. 2, д. 535, лл. 312, 416, 422, 512, 513, 549, 551.
22. Там же, ф. 273, оп. 7, д. 1811, лл. 1, 19, 20, 26.
23. ВОЛОБУЕВ П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. 1962, с. 171—172.
24. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 187, 192.
25. Цит. по: там же, с. 192.
26. Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования. Т. 1. Пг. 1917, с. 22—23; Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна за последние четыре 1913—1916 года. [Харьков. 1917], с. 14; ВЕНЕДИКТОВ А. В. Организация железной и угольной промышленности. В кн.: Тяжелая промышленность в СССР. М.—Л. 1926, с. 43.
27. ВОЛОБУЕВ П. В. Ук. соч., с. 172.
28. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 196, 81.
29. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Акционерные компании в России. Л. 1973, с. 316—317; ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 188, л. 22. Представление Лаверычева, что «прежняя практика утверждения акционерных компаний... не предусматривала ограничений при приобретении земельных имуществ» (Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в. М. 1982, с. 88), далеко от реальности.
30. Недостоверные сведения по этому вопросу, имеющие хождение в советской литературе, перешли и в западную и положены в основу заключений о якобы достигнутом перед войной «балансе» интересов монополий и государства (RIEBER A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill. 1982, p. 343). Интересно, что А. Рибер, казалось бы, принимая вывод «школы Сидорова» об отказе от формулы «подчинения» и замене ее формулой «сращивания», тут же истолковывает сращивание «подчинительно». По его мнению, в 1905—1917 гг. финансовые тузы пользовались в правительстве почти таким же влиянием, как у себя в банках, отчего эта группка банкиров не только обеспечивала свои ближайшие интересы (выгодные казенные заказы), но и по-своему определяла путь экономического развития страны (ibid., pp. 365—366, 370, 373).
31. ГЕФТЕР М. Я. Топливно-нефтяной голод в России и экономическая политика третьеиюньской монархии. — Исторические записки. Т. 83, с. 103. Привычной нормой, как отмечает Ф. Карстенсен, является «обвинение российского государства в прислужничестве капиталистам» (CARSTENSEN F. V. American Enterprise in Foreign Markets. Chapel Hill-Lnd. 1984, p. 233).

32. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917 (далее — МКНП). Л. 1973, с. 482—484.
33. Л. Сигельбаум указывает, что в феврале 1917 г. «правительство уступило и одобрило» проект Паевого товарищества, но источника этих сведений он не указывает (SIEGELBAUM L. H. Op. cit., p. 142). В комментарии же к сборнику документов о нефтяных монополиях утверждается, что в Особтопе их ходатайство об организации Паевого товарищества «было поддержано Нефтяной секцией» 7 февраля 1917 г. (МКНП, с. 484).

Основанием для такого вывода послужила докладная записка чиновника Горного департамента Е. М. Юшкина директору департамента. Юшкин сообщал о разногласиях с нефтепромышленниками из-за условий возможного участия казны в смешанном предприятии и «со своей стороны» советовал не отвергать проекта подобной организации. По его словам, действительно, на заседании 7 февраля вопрос о Паевом товариществе «вновь возник» по инициативе нефтепромышленников. Но о какой-либо «поддержке» этого проекта Нефтяной секцией в его записке нет ни слова. «В заседании Особого совещания [по топливу] 15 февраля, — сообщал далее Юшкин, — г. председатель Нефтяной секции имеет доложить, в числе других мер к поддержанию деятельности нефтяных промыслов, указание нефтепромышленников на желательность вновь обратиться к проекту организации Паевого товарищества» (ЦГИА, ф. 37, оп. 66, д. 1870, лл. 1—2). Но согласно журналу заседания Нефтяной секции, данный вопрос, пожалуй, наоборот, отпал: председатель ее заявил, что «казенный проект о нефтяном хозяйстве уже закончен и пойдет в Думу (и пошел 8 февраля. — *В. П.*), что же касается проекта промышленников о Паевом товариществе, то таковой считается еще не разработанным» (МКНП, с. 294—295). О «поддержке» в журнале ничего не сказано.
34. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 66, 184, 185.
35. ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М. 1959, с. 130, 131. См. также: МИНЦ И. И. История Великого Октября. Т. 1. М. 1977, с. 123.
36. МКНП, с. 33, 62, 73, 74, 139—141, 145—153, 171—174, 294—295, 511 и др. В комментарии на с. 483 со ссылкой на материалы Государственной думы (ЦГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 656) указано, что она отложила рассмотрение законопроекта о казенной нефтедобыче, но это недоразумение. Названное дело содержит материалы 1913 г. по совсем иному вопросу.
37. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 181—186.
38. ЦГИА, ф. 92, оп. 1, д. 923. «Дело об образовании губернских комиссий для оценки реквизируемого древесного топлива».
39. Номер 693 числится в описи архивного фонда, но никакому делу не присвоен.
40. МКНП, с. 82, 483 (№ 78), 485 (№№ 89,90), 486 (№ 93).
41. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 197, 182.
42. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1984, Bd. 32, Hf. 3, S. 438 (рецензия Маккея на предшествующую книгу Лаверычева).
43. ТАРНОВСКИЙ К. Н. Советская историография российского империализма. М. 1964, с. 186.
44. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 133, 135.
45. ЦГИА, ф. 1276, оп. 15, д. 11, лл. 70—75; Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 29, оп. 3, д. 679, л. 147.
46. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 133.
47. SIEGELBAUM L. H. Op. cit., p. 129.
48. ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 525, лл. 30—37.
49. Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), ф. 3984, оп. 1, д. 47, л. 20.
50. ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 246, лл. 7, 33.
51. Утро России, 12. VI. 1916; Стеногр. отчеты Государственной думы. Созыв IV, сессия 4-я (СОГД IV/4). Ч. 3. Пг. 1916, стб. 5651—5653; Приложения к СОГД IV/4. Вып. 5. Пг. 1916, № 341; ЛУКИН А. А. Кузнецкий бассейн и концессионная политика Кабинета. В кн.: Краевед Кузбасса. Вып. 4. Новокузнецк. 1971, с. 65—67; БАШКИРОВ В. Г. Военно-экономическая мобилизация металлургической промышленности Сибири в годы первой мировой войны. В кн.: Экономическая политика царизма в Сибири. Иркутск. 1984, с. 82. В литературе и некоторых источниках заседание комиссий иногда ошибочно датируется июлем.
52. ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 569, лл. 2—5, 21; ЦГАОР, ф. 6996, оп. 1, д. 67, лл. 1, 4, 6, 10; ЦГАНХ, ф. 4086, оп. 21, д. 64, лл. 3—5, 47; Промышленность и торговля, 16. XII. 1916, № 50, с. 520.
53. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 157.
54. ЦГАНХ, ф. 1637, оп. 13, д. 68, лл. 37, 37об.; ф. 4086, оп. 21, д. 79, лл. 284—284об.
55. 17,2 млн. руб. на 1916—1917 гг. и еще 1,5 млн. на 1918 год (ЦГАОР, ф. 1779, оп. 2, д. 356, лл. 2—4; ф. 1800, оп. 1, д. 3, лл. 57—58).
56. ДЯКИН В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации т. н. немецкого засилья. В кн.: Первая мировая война. 1914—1918. М. 1968, с. 237.

57. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 159.
58. КОРЕЛИН А. П. Ук. соч., с. 160, 168, 176.
59. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 160; Государственный архив Московской области, ф. 2135, оп. 2, д. 10, лл. 6—7.
60. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 158—160.
61. ВОЛОБУЕВ П. В. Ук. соч., с. 221—222.
62. КОРЕЛИН А. П. Ук. соч., с. 173—174; Приложения к СОГД IV/4. Вып. 5. Пг. 1916, №№ 322, 323.
63. ЦГИА, ф. 1276, оп. 13, д. 121, л. 2; ф. 1517, оп. 1, д. 62, л. 80об.; Приложения к СОГД IV/2. Вып. 9. СПб. 1914, № 834. По исчислениям управляющего делами «Продвагона» П. Г. Иванова, в 1918—1922 гг. от железнодорожных мастерских ожидалось около четверти всего выпуска вагонов. В целом рост казенного производства, считал он, «представит серьезную угрозу» объединенным заводам (ЦГИА, ф. 1517, оп. 1, д. 98, л. 4). Некоторые мастерские перестраивались и расширялись для производства паровозов. В июне 1916 г. правление Русско-Балтийского общества прорабатывало идею о сооружении машиностроительного завода для снабжения станками строящихся и переоборудуемых казенных железнодорожных мастерских (ЦГАОР, ф. 7737, оп. 1, д. 36, лл. 110—112).
64. ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 599, лл. 2, 4, 10, 21; Русская воля, 29. XII. 1916.
65. ЦГИА, ф. 247, оп. 1, д. 3, лл. 48, 48об.
66. ЦГИА, ф. 273, оп. 6, д. 2560, л. 205.
67. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 236—237.
68. ЦГАОР, ф. 7952, оп. 4, д. 63, лл. 88—89.
69. ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 73, лл. 343об.—345; ф. 505, оп. 3, д. 44, ч. 1, лл. 245—246, 509. На строительство в 1916—1917 гг. снарядного завода в Юзовке владельцам его пришлось тратить деньги, получаемые за исполнение ранее заключенных контрактов с военным и морским ведомствами, и авансы по контракту с МПС от 27 июня 1917 г. (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 513, лл. 14, 54; д. 446, л. 123).
70. Для оборудования снарядного завода в Юзовке предполагалось использовать, в частности, эвакуируемые из Риги технические средства завода «Саламандра» — филиала английской фирмы «Томас Фирт и сыновья», крупнейшего в России производителя инструментальной стали. Узнав об этом, Особое совещание по обороне запретило намеченную сделку и попыталось перекупить оборудование «Саламандры». Не сойдясь с владельцами в цене, оно реквизировало его; конфликт по платежам за отобранные станки продолжался еще и при Временном правительстве. Оборудование было распределено между четырьмя казенными заводами (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 33, лл. 540—547об.; оп. 5, д. 352, л. 235; ЦГАОР, ф. 6996, оп. 1, д. 474, л. 14).
71. БОВЫКИН В. И., ГИНДИН И. Ф., ТАРНОВСКИЙ К. Н. Государственно-монополистический капитализм в России. — История СССР, 1959, № 3, с. 106—108; SIEGELBAUM L. H. Op. cit., pp. 38—39.
72. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 236.
73. ТОРПАН Н. И. Финансово-монополистические группировки в военной промышленности России. — Известия АН ЭССР, 1984, т. 33, №№ 2, 3.
74. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 162.
75. См. ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Спорные вопросы, с. 142.
76. Считалось, что национализация отдельных предприятий в подобных случаях «осуществляется отнюдь не против, а в интересах монополистов», она сопровождается «щедрой компенсацией» и распространяется лишь на те отрасли, которые «просто убыточны» (КУЗЬМИНОВ И. О государственно-монополистическом капитализме. — Большевик, 1948, № 5, с. 61; е г о ж е. Кейнс — идеолог империалистической реакции и войны. — Там же, 1951, № 19, с. 46, 48). В 1961 г. эта схема была гальванизирована путем включения ее в новую программу КПСС.
77. Именно такое истолкование (огосударствление убытков) воспроизведено в работе Г. Гауманна (HAUMANN H. Politics and Economy in Russia between 1906 and 1917: State Monopoly Capitalism or Structural Heterogeneity? In: Russian and Eastern European History. Selected Papers. Berkeley. 1984, pp. 156—157). А. Рибер, упомянув, что при первой попытке секвестра (ноябрь 1915 г.) восторжествовали противники этой меры, не доводит изложение до февральского (1916 г.) противоположного решения, а в качестве обобщения приводит слова, сказанные по случаю временного отказа от секвестра одним из вождей оппозиции А. И. Шингаревым: правительство «начинает терять государственную дорогу», уступая влиянию банков (RIEBER A. Op. cit., p. 375). Более точно этот вопрос освещает Н. Стоун (STONE N. The Eastern Front. 1914—1917. N. Y. 1975, pp. 199—200).
78. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 235—236, 162.
79. ЦГВИА, ф. 2011, оп. 1, д. 16, лл. 15—16; ГОЛИКОВ А. Г. Российские монополии в зеркале прессы. М. 1991, с. 130—131. Э. Гольдстайн утверждает, что переговоры правительства с фирмой об условиях выкупа ни к чему не привели (GOLDSTEIN E. R. Vickers Limited and the Tsarist Regime. — Slavonic and East European Review, vol. 58, October 1980, № 4, p. 568), но это неверно: соглашение было достигнуто 19 сентября 1917 г. (ВОЛОБУЕВ П. В. Ук. соч., с. 277; ЦГАОР, ф. 3348, оп. 1, д. 158,

л. 10). Волобуев, ошибочно оперируя суммой в 40 млн. руб. как якобы принятой правительством оценкой (на деле это размер выкупа, запрошенного акционерным обществом, в дальнейшем урезанный вчетверо), также расценил выкупную операцию как «своеобразную форму финансирования капиталистов» казной.

80. ТОРПАН Н. И. Ук. соч.; ср.: РАЗГОН В. Н. Россия на пути к Октябрю. В кн.: Лекции по актуальным проблемам истории советского общества. Барнаул. 1990, с. 11—12.

81. ГИНДИН И. Ф. Ук. соч., с. 116; SIEGELBAUM L. H. Russia's Future: A Study in the Hegemonic Aspirations of the Commercial-Industrial Class Before the October Revolution. In: Russian and Eastern European History, p. 127; RIEBER A. Op. cit., p. 240; ср.: BLACKWELL W. L. The Industrialization of Russia. N. Y. 1970, p. 54.

82. SIEGELBAUM L. H. The Politics of Industrial Mobilization, pp. 122, 212. См. также: MILLER M. S. The Economic Development of Russia, 1905—1914. Lnd. 1926, p. 300; ЦЫПЕРОВИЧ Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Л. 1927, с. 404—405, 430; СОРОКИН П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию. — Экономист, 1922, № 1, с. 106—107.

83. Как показало сплошное изучение комплектов основных газет, служащих источником для исследования процессов монополизации, складывание в России системы государственно-монополистического капитализма получило «лишь незначительное отражение в газетах», соответствующие факты в них скорее даже «отсутствуют» (см. ГОЛИКОВ А. Г. Ук. соч., с. 70, 194—195).

84. ФЛОРИНСКИЙ М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны. Л. 1988, с. 104—105, 91, 82, 100, 109.

85. Болезненность данной источниковедческой проблемы отмечают те зарубежные историки, которые, черпая из «ортодоксальной» советской литературы чисто фактические, казалось бы, сведения, озабочены тем, насколько они надежны. Отделаться от «ортодоксальной» версии, пропитавшей этот архивный (?) материал, они пытаются с помощью теоретически исчисленных поправок на заведомую тенденциозность использованной литературы (см., напр., ACTON E. Rethinking the Russian Revolution. Lnd. 1990, p. 2). Практика, однако, свидетельствует, что такой прием предохраняет от недоразумений не всегда.

Троцкий и его критики о природе СССР при Сталине

Майкл С. Фокс

Однажды Г. Брандлер уподобил троцкизм хрупкой лодке, перегруженной тяжелым парусом[1]. Это сравнение подразумевает не только незначительный авторитет последователей Троцкого в международном рабочем движении (особенно по сравнению с их лидером), но также политическое и интеллектуальное превосходство Троцкого над его сторонниками. Оглядываясь назад, современные историки склонны принять язвительную метафору Брандлера: составитель наиболее значительной библиографии работ о Троцком и троцкизме В. Любиц с огорчением отмечает громадное несоответствие между количеством и качеством трудов, посвященных личности Троцкого и движению, носящему его имя[2].

До сих пор трудно было прийти к какой-то взвешенной оценке роли последователей Троцкого и его влияния, поскольку ярлык «троцкист» приклеивался и почти каждому «врагу народа», и одновременно строго определенному кругу лиц — членам партий, входившим в IV Интернационал. Влияние Троцкого на Западе, особенно в отношении критики сталинизма, было очень ограниченным и распространялось лишь на узкий круг его ортодоксальных последователей, а наиболее значительные отклики на идеи Троцкого в 30-е годы во многих случаях принадлежали людям, которые прежде были его сторонниками, но затем вошли в конфликт с ним и его взглядами. Возможно, одна из важнейших сторон наследия Троцкого, являвшегося по сути своей оппортунистом, состоит в том, что он породил оппозицию себе самому.

Некоторые из наиболее видных троцкистов 30-х годов в действительности были экс-троцкистами, а точнее, поддерживали Троцкого какое-то время на разных этапах, а затем порывали с ним. Многие настроенные против Сталина представители интеллигенции, литературных и радикальных политических кругов были в сущности далеки от повседневной практики троцкистских организаций, но в высшей степени захвачены интеллектуальной борьбой со Сталиным изгнанника-оппортуниста и его критикой в адрес СССР. В конце 30-х годов, во время московских судебных процессов, эти противники Сталина отвернулись от Троцкого и начали кампанию неприязни Троцкому и осуждения его взглядов на советскую систему. Отчасти из-за того, что и Троцкий, и его критики были среди первых, кто систематически противостоял сталинизму, а отчасти из-за долговременных послед-

Фокс Майкл С. — профессор Исторического факультета Йельского университета (США).

ствий тогдашних процессов и чисток, споры конца 30-х годов (какой бы доктринерский характер они порой ни принимали) заложили основу дискуссии о сталинизме в последующие десятилетия[3].

Эти бывшие троцкисты никогда не составляли политически единой группы; в своей критике как Троцкого, так и Сталина они даже не действовали согласованно. Объединить их в одну группу можно лишь с натяжкой. Некоторые из них, подобно американскому философу-радикалу М. Истмэну, много лет переводившему труды Троцкого на английский язык, в тот период всерьез поставили под сомнение основные постулаты марксизма и тем самым начали свою политическую трансформацию, которая к 50-м годам привела их на правый край политического спектра[4]. Другие, как русско-бельгийский левый оппозиционер В. Серж, остались революционерами до конца жизни, но порвали с Троцким на практике и в теории[5]. Третьи, подобно бывшему члену политбюро Коммунистической партии Югославии А. Чилиге (в 1930—1935 гг. в СССР он сидел в тюрьме, а потом отбывал ссылку за поддержку Троцкого), считались «ультралевыми», печатались в Париже в газете революционных профсоюзов «La révolution proletarienne»[6]. Немногие, подобно И. Крепо, оставаясь в основном ортодоксальными троцкистами, пытались пересмотреть оценку Троцким Советского Союза[7]. Наконец, были люди (например, так называемые нью-йоркские интеллектуалы, группировавшиеся вокруг журнала «Partisan Review»), которые в конце 30-х годов в определенной мере оставались в орбите Троцкого и, пройдя троцкистскую школу антисталинизма, выдвинулись на заметные позиции среди литераторов и интеллигенции[8].

Простое перечисление этих имен и тенденций показывает, насколько надуманными и неверными были обвинения И. Дейчера (и Троцкого) в адрес всех этих критиков в том, что они отошли от революционного марксизма и что их деятельность можно назвать просто борьбой за политические права, своего рода антимарксистким «предательством клерков»[9]. Конечно, многие из критиков Троцкого эволюционировали вправо, ведь пик левого революционного движения в промышленно развитых странах Запада пришелся на 30-е годы. И все же, в той мере, в какой эти категории сохраняют свое значение, многие из критиков Троцкого конца 30-х годов действительно могут считаться его критиками слева; другие, такие, как Серж, никогда не отрекались от него, даже после его смерти[10]. Д. Макдональд из «Partisan Review», как мы увидим, после споров с Троцким фактически сблизился с троцкистскими организациями. Если посмотреть шире, то те, кто глубоко изучал проблему отхода от радикализма, поняли, что именно бывшие троцкисты отошли от марксизма, троцкизма, словом, от левого радикализма, дальше всех[11].

Люди из разных стран и различных групп объединялись в некое подобие интеллектуального движения не потому, что у них были общие взгляды на конкретные вопросы, и совсем не потому, что они имели общую политическую платформу, но из-за обеспокоенности одними и теми же проблемами, а также вследствие общего к концу 30-х годов перехода в оппозицию к Троцкому. В то время как Троцкий двусмысленно выражался, называя Советский Союз «промежуточным между капитализмом и социализмом противоречивым обществом», его утверждения, что СССР продолжает быть «пролетарским государством», больше не убеждали тех, кто либо считал, что в СССР не осталось социализма, либо видел в нем новый тип социально-экономической формации — «государственный капитализм», или «бюрократический коллективизм». В то время как Троцкий упорно пытался отделить ленинизм и большевизм от сталинизма, его критики начали в 1937—1938 гг. полемику вокруг Кронштадтского мятежа, которая очень скоро тематически расширилась и охватила всю послереволюционную историю, поставив вопрос о «первородном грехе» большевизма. В то время как Троцкий отстаивал революционное кредо, допускающее самые различные средства для достижения классовых целей, его критики пытались возвратить в свои политические концепции всеобщие принципы морали и основанное на них поведение. Наконец, в то время как Троцкий пытался организовать новый, не скомпрометировавший себя IV Интернационал, его бывшие сторонники заявляли о большом сходстве между Троцким и сталинцами. Троцкий, достаточно хорошо понимавший, что сегодняшние ученики завтра могут от него отступиться, яростно отбивался от наседавших со всех сторон оппонентов. И только в контексте его борьбы с бывшими сторонниками можно в полной мере понять его труды конца 30-х годов.

В самом деле, тенденция изучения взглядов Троцкого в 30-е годы в своеобразной биографической изолированности привела к недооценке того, насколько неясной и даже двусмысленной была критика Троцким сталинизма. Половину своей феноменальной энергии он отдавал войне против сталинистов и кочевавших через границы народных борцов-партизан, которых он презрительно называл «друзьями СССР», блестяще и беспощадно обличая сталинские преступления, ошибки и претензии на построение социализма; другую половину он посвящал безнадежным попыткам помешать противникам сталинизма «перегнуть палку» в критике Советского Союза. С теми, кто оспаривал мнение, что СССР остается пролетарским государством и что в нем сохраняются социально-экономические основы завоеваний Октября, или с теми, кто отказывался от «безусловной» поддержки СССР, — со всеми этими людьми Троцкий спорил, нападал на них и в конце концов разрывал с ними отношения.

На первый взгляд, Троцкий поставил себя в трудное положение: он полностью отвергал Сталина, но, безусловно, принимал Советский Союз, который — он на этом настаивал — нужно защищать, несмотря на все деформации, поскольку там сохранялась общественная собственность на средства производства. Переродившееся пролетарское государство он все равно ставил превыше всех прочих. «Нельзя отождествлять бюрократию и СССР, — утверждал он. — Новый социальный фундамент СССР необходимо безусловно защищать от империализма... Я гласно и открыто порвал на этом вопросе с десятками старых и сотнями молодых друзей»[12].

Однако в действительности оказалось невозможным четко отделить сталинскую бюрократию от советской социально-экономической системы; в глазах самого Троцкого СССР заслуживал поддержки именно потому, что Сталин был неспособен (как говорил Троцкий, по крайней мере в то время) разрушить обобществленную собственность на средства производства. Это само по себе влекло за собой ряд выводов относительно Сталина и его бюрократии. Вследствие этого Троцкий склонялся к двум таким выводам. По его мнению, с одной стороны, сталинизм был «объективно» лучше, чем восстановление капитализма, а сам Сталин предпочтительнее любого другого лидера — сторонника капитализма. В частном письме Сержу от 5 июня 1936 г. Троцкий выразил это прямо: «Если бы в СССР у нас был выбор только между сталинистами и меньшевиками, мы бы, очевидно, выбрали сталинистов, поскольку меньшевики могут служить лишь прислужниками буржуазии»[13]. Даже в разгар чисток Троцкий не без удовлетворения отмечал, что Сталин уничтожает некоторых бюрократов, стремившихся способствовать реставрации буржуазии[14]. С другой стороны, и логика политической борьбы Троцкого со сталинизмом, и его понимание природы сталинского режима привели его к мысли, что это был деспотизм, не имевший аналогов в истории, именно в связи с наличием централизованного государства, контролировавшегося Сталиным: «„Государство — это я" — почти либеральная формулировка по сравнению с действительностью сталинского тоталитарного режима. Людовик XIV отождествлял себя лишь с государством. Римский папа отождествляет себя и с государством, и с церковью... Тоталитарное государство идет гораздо дальше цезарей и божьих наместников, поскольку оно кроме того вбирает в себя всю экономику страны. Сталин, в отличие от короля-солнца, имеет основание сказать: „Общество — это я"»[15].

Троцкий часто повторял, что политику никогда нельзя отрывать от теории. И его двусмысленная оценка сталинизма (с одной стороны, переходная бюрократическая деформация, которая все же лучше, чем реставрация капитализма; с другой — жесточайшая политическая деспотия из всех, когда-либо известных в мире) тесно связана с двумя видами деятельности, которыми он занимался в конце 30-х годов: политической борьбой со сталинистами и попыткой убедить своих сторонников в том, что теоретически нужно защищать СССР. Тогда это было не просто примером противоречивых высказываний, оброненных в пылу борьбы. Это было выражением несоответствия между политическим осуждением сталинизма и теоретическим его объяснением. Троцкий мог категорически утверждать, что «называть бюрократию классом имущих — не только терминологическая ошибка... здесь кроется огромная политическая опасность», поскольку это затрудняло защиту СССР; и тут же доказывать, что советская бюрократия отягощена всеми пороками класса-собственника при отсутствии каких-либо его достоинств, что она «содержит в себе больше пороков, чем любой класс имущих»[16].

Что же заставляло Троцкого риторически признавать все, что он в теории отвергал? В своем самом известном труде, посвященном литературе, Троцкий заметил, что «во всей прошлой истории сознание только ковыляло за фактом»[17]. По иронии судьбы, именно это, видимо, произошло и с его теорией сталинизма. С середины 20-х годов Троцкий относил Сталина и его сторонников к «центристам», занимавшим срединное положение между правыми (часто определяемыми Троцким не по-сталински — как группа во главе с Бухариным, Рыковым и Томским, — а как неопределенная группа советских чиновников, якобы поддерживающих буржуазную реставрацию) и левыми — троцкистами («большевиками-ленинцами»). Политическое определение сталинизма как центристского направления соответствовало давней оценке Троцким Сталина: выдающаяся посредственность[18]. Но в дальнейшем, примерно с 1932—1933 гг., Троцкий уже не применял это определение и стал характеризовать сталинскую бюрократию одновременно как термидорианскую и как бонапартистскую[19]. После того как во многом проявилась истинная сущность «левого поворота» первой пятилетки и «третьего периода» Коминтерна, Троцкий, в сущности, перестал видеть в Сталине центриста, который при всех своих преступлениях все же принадлежал к лагерю пролетариата, и стал все чаще использовать аргументацию прежде поносимых им «ультралевых»: термидор фактически состоялся в 1923 г., сталинизм — это бонапартизм, прикрывающаяся плебисцитом личная диктатура, возникшая в результате победы бюрократии над политически раздробленным обществом. Ход событий Французской революции mutatis mutandis (с соответствующими изменениями. — *Ред.*) повторился в России. Таково объяснение, предложенное Троцким в одной из его наиболее весомых для того времени книг — «Преданная революция» (1936 г.)[20].

Однако эволюция взглядов Троцкого в середине 30-х годов не коснулась некоторых традиционных, устойчивых положений, которые в конечном счете оказались более важными, чем изменчивое и порой неточное употребление им терминов «бонапартизм» и «термидор»[21]. Первым и важнейшим из этих положений было то абсолютное значение, которое Троцкий придавал обобществлению средств производства: это обеспечивало Советскому Союзу более высокий статус, приближало его к социализму — безотносительно к тому, как использовалось национализированное производство и какие формы принимала политическая надстройка. Вторым — его неизменная вера в то, что власть Сталина имеет временный характер; эта вера сохранялась у Троцкого до самой его смерти и помешала ему коренным образом пересмотреть свои представления. В результате он всегда считал, что возможно еще худшее зло, чем Сталин: в 20-х годах такую нежелательную альтернативу он видел в реставрации капитализма путем контрреволюции справа, а в конце 30-х — в победе иностранного империализма.

В этом смысле то, что Троцкий перестал обозначать сталинизм как «центризм» в 1932—1933 гг. и начал пользоваться терминами «термидор» и «бонапартизм» в 1935—1936 гг., не изменило основной направленности его анализа. Оба эти ключевых характеризующих термина в устах Троцкого несли в себе двойное значение: оба они обозначали реакцию, но термидор (как он модифицировал этот термин в конце 30-х годов) не обязательно вел к полномасштабной контрреволюции[22], тогда как бонапартизм, узурпация власти диктатором наподобие Наполеона, как будто не затрагивал основных завоеваний революции[23]. В этом смысле можно сказать, что смена терминов послужила лишь укреплению основных представлений Троцкого.

И здесь мы подходим к сути проблемы, поскольку, хотя критика Троцким сталинизма была двойственной, и даже несмотря на то, что его политические обвинения часто отставали от теоретических предположений, он все же опирался на систему взаимосвязанных выводов, которая не только не изменилась в 30-х годах, но в ней очень трудно изменить хотя бы один элемент. Важнейшими из них были выводы, вытекавшие из теории перманентной революции. Когда революция в России осталась единственной в мире и особенно после поражения революции в Германии, наступила неизбежная реакция, аналогичная реакции, следовавшей за всеми крупными революциями. Если Ленин и Троцкий представляли пролетариат (что никогда не подвергалось сомнению), то Сталин — не что иное, как его «термидорианское ниспровержение», то есть он персонифицировал не только бюрократическое перерождение большевистской партии, но и порожденную отсталостью России реакцию на большевистскую революцию[24]. Представленное в таких выражениях господство бюрократии над пролетариатом, независимо от того, рисовал ли ее Троцкий как чиновников, восстанавливающих элементы прежних правящих классов или как алчных предателей-выскочек из новой бюрократической касты, с неизбежностью воплощает антитезу ленинской фазе революции; этот вывод Троцкого предшествовал всей дискуссии о несопоставимости большевизма со сталинизмом[25].

Более того, классики марксизма учили, что бюрократия должна отражать классовые интересы, но сама не является классом; из этого следовало, что сталинская элита составляла не новый правящий класс, а лишь слой или касту; стало быть, она могла подточить мощь национализированных средств производства, но не могла изменить способа производства. К этому Троцкий добавлял не только то, что сталинизм имел преходящий характер, но и то, что существовало лишь две исторические альтернативы: либо бюрократия обретет права собственника и превратится в класс, либо пролетариат сбросит ее иго и затем построит социализм. Тем самым Троцкий продолжал придерживаться сугубо ортодоксальных категорий: либо капитализм, либо социализм, третьего не дано. Троцкий упрощенчески настаивал на том, что любое государство, где национализированы средства производства, — это пролетарское государство, и не принимал в расчет «деформированность» и отсталость его политической надстройки.

Такова была тогда логика позиции Троцкого. В то время как в Москве его обливали грязью, Троцкий мог поздравить себя с тем, что способен еще объективно разглядеть возможности социализма в СССР; он упорно твердил, что его теоретическая платформа, отвергающая сталинскую бюрократию и защищающая основы социалистического производства, является единственно возможной марксистской, научной, истинно революционной точкой зрения. Отсюда вытекал характерный для Троцкого и потому не вызывающий удивления вывод, что другие точки зрения должны быть заклеймены как мелкобуржуазные, морализаторские и субъективистские.

К этому набору взаимосвязанных положений можно добавить последнее, наиболее спорное: формулировку Троцкого о «защите СССР». Используя терминологию социал-демократов времен первой мировой войны, Троцкий подчеркивал, что его анализ возможностей социализма в СССР требовал «защитной» позиции, охраняющей Советский Союз от всех капиталистических и фашистских государств, а не «пораженческой», которая бы отказывалась от сохранения СССР как наивысшего международного приоритета. «Свержение Сталина рабочими, — писал он, — это большой шаг вперед к социализму. Разгром Сталина империалистами — это триумф контрреволюции. Именно в этом смысл нашей защиты СССР»[26]. Эта защита стала непременным условием ортодоксального троцкизма. Когда в 1937 г. американские троцкисты (наиболее значительная группа в IV Интернационале) приняли резолюцию, из которой следовало, что пораженцам разрешено оставаться в партии, Троцкий вмешался и призвал к «политическому разрыву» с пораженцами, а если они не раскаются, то и к организационному разрыву с ними[27].

Сама по себе постановка этого вопроса абсурдна: если бы кто-либо из троцкистов действительно попробовал защищать Советский Союз, совершенно ясно, какова была бы его участь. Хотя этот вопрос в большой степени абстрактный, тем не менее он ключевой. В международном рабочем движении отношение к Советскому Союзу часто рассматривалось как пробный камень, важнейший критерий, определяющий политическую позицию.

Защита СССР и утверждение Троцкого, что страна остается переродившимся пролетарским государством, стали, таким образом, главными положениями, вокруг которых концентрировались возражения его оппонентов. Теории новой, советской, эксплуатации, утверждавшие, что этот диктаторский режим потерял свою пролетарскую основу, в 30-х годах были уже далеко не новы; даже в СССР они высказывались многими анархистами, меньшевиками и такими группами последователей левого большевизма 20-х годов, как «рабочая оппозиция», «мясниковцы» в «Рабочей группе» и некоторые децисты. Уже после 1923 г. в среде троцкистской оппозиции, которая много сделала для широкого осознания бюрократической опасности, но воздержалась от признания того факта, что природа режима изменилась, множились попытки пойти дальше Троцкого и объявить, что термидор одержал победу — то, что Троцкий признал задним числом лишь в середине 30-х годов.

В связи с выходом на международную арену внутрипартийных конфликтов 20-х годов и ростом в международном рабочем движении озабоченности судьбой революции в России сомнения в верности позиции Троцкого стали быстро распространяться. В начале 30-х годов ему возражали в Германии Х. Урбанс, А. Маслов и Р. Фишер, которые утверждали, что рабочее государство переродилось в нового вида эксплуататорское. Сталинская «революция сверху» подтолкнула некоторых троцкистов внутри и вне СССР после 1929 г. порвать с Троцким из-за разногласий по вопросу о пролетарском государстве[28], чистки и процессы в 1936 г. вызвали среди троцкистов на Западе такую же реакцию.

Однако в отличие от 20-х годов, в середине 30-х вряд ли кто мог утверждать, что причиной реакции является восстановление частного рынка, появление «новой буржуазии». Как настойчиво подчеркивал Троцкий, национализированная экономика сохранилась. Поэтому критики за отправную точку брали то, что при обобществленном производстве эксплуатация была такой же, если еще не худшей, чем при капитализме. Так было в троцкистских кругах Франции в 1936 году. Вот пример, который обычно обходится в литературе: А. Чилига и рабочий М. Ивон, связанные с газетой «La révolution proletarienne» в резкой форме писали о государственном капитализме, проводя мысль, что не имеет значения, существует ли при нем частная собственность, ибо результат все равно одинаков. «Я думаю, что существует новый вид социального порядка с новыми классами, — писал Ивон, побывавший в Советском Союзе. — В СССР есть классы: класс привилегированный и класс эксплуатируемый»[29].

Чилига тоже считал, что в Советском Союзе было два лагеря: «трудящиеся и эксплуатируемые массы» и «эксплуататорское руководство». Он никогда не анализировал в теоретическом плане с достаточной полнотой отношение советской бюрократии к средствам производства, но зато распространил открытое письмо, пессимистически утверждавшее: революция разрушает все. «Все, что составляло Октябрьскую революцию, было полностью уничтожено, сохранилась лишь внешняя форма»[30]. Подобные мнения распространялись среди сторонников Троцкого. В июне 1938 г. Крепо в «La guatrieme internationale», в противоположность тому, что утверждал Троцкий, заявил, что классовая природа советского общества изменилась. Новый способ эксплуатации, основанный на «бюрократическом коллективизме», породил правящий класс, основанный на привилегиях технократии[31]. И многие другие, даже члены троцкистских политических организаций, так или иначе высказывали сомнение в том, что СССР остается пролетарским государством, и отказывались защищать его; после сталинско-гитлеровского пакта и вторжения СССР в Финляндию эта проблема стала основным камнем преткновения для троцкистов разных стран.

Самым важным следствием этого движения против декларируемой Троцким защиты СССР явилось укрепившееся понимание того, что там была создана новая общественно-экономическая система, коренным образом отличавшаяся от задуманной, и что неизменные догмы классического марксизма не в силах ее объяснить. Это понимание, столь оспаривавшееся в 30-е годы, набирало все больше сторонников. «Идея, что в Советском Союзе возникла новая форма общества, не являющаяся ни капитализмом, ни социализмом, — писал Д. Белл, — была широко распространена среди социалистов и марксистов несталинской ориентации в 40-е и 50-е годы и была одним из элементов, способствовавших освобождению от идеологических иллюзий, характерному для этого периода»[32].

В 1939 г., после сталинско-гитлеровского пакта, многие из основных идей Троцкого — защита «переродившегося пролетарского государства», неклассовая природа советской бюрократии, временный характер сталинского господства — еще больше были поставлены под сомнение. Итальянский троцкист Б. Рицци опубликовал тогда широко известную книгу «Мировая бюрократия», в которой развивалась мысль, что появился новый всемирный бюрократический класс. Как и в вышедшей в 1941 г. книге видного американского экс-троцкиста Дж. Бёрнхема «Революция менеджеров» и в более поздней книге М. Джиласа «Новый класс», главной идеей было то, что контроль над средствами производства, а не собственность становится решающим фактором в современном технологическом обществе[33]. Подобно Крепо, Рицци использовал выражение «бюрократический коллективизм». Таким образом, первые догадки бывших троцкистов в начале и середине 30-х годов, их убежденность, что бюрократия — это класс в обществе нового типа, к концу десятилетия стали широко признаваться в мире.

Троцкий ответил Рицци в своей последней крупной работе «СССР в войне». Этот ответ показал, что Троцкий далеко отошел от своих прежних идей, поскольку свои старые высказывания он отстаивал в непривычно нерешительном тоне, в котором сквозили новообретенные пессимизм и теоретическая неуверенность. Более чем когда-либо он, казалось, был склонен согласиться с тем, что советская бюрократия может быть представлена как класс, что сталинизм может существовать без реставрации капитализма, что после Сталина социализм не обязательно победит[34].

Все это так, однако, если принять во внимание двойственную природу критики сталинизма Троцким, мы увидим, до какой степени он не желал прекращать политических атак против своих оппонентов, риторически соглашаясь с их взглядами и тут же отстаивая свои прежние идеи. Именно это он сделал и в данном случае: «Признаем для начала, что бюрократия есть новый «класс», и что нынешний режим СССР есть особая система классовой эксплуатации. Какие новые политические выводы вытекают для нас из этих определений? Некоторые из наших критиков (Чилига, Бруно и пр.) во что бы то ни стало хотят назвать будущую революцию социальной. Примем это определение. Что оно меняет по существу? Ничего»[35].

Здесь Троцкий предпочитает обойти стороной проблему защиты СССР, которую прежде так энергично отстаивал. Он предполагает, что в самом сталинизме могут быть сглажены теоретические разногласия. Раскол с товарищами по вопросу о социологической природе СССР был бы, по его мнению, «чудовищной бессмыслицей», пока у них одни и те же политические цели[36]. Эта примирительная позиция — нечто новое для Троцкого, ведь именно такого рода «социологические» разногласия были причиной расколов в 30-е годы и чаще, чем ему бы хотелось. Более того, до тех пор, пока он стоял на позициях защиты СССР, политические цели антисталинистов были явно различными, как покажет впоследствии раздел Польши.

Еще более важно, что к этому времени Троцкого и тех, кто его некогда поддерживал, разделяли уже не только вопрос о социологической природе СССР, но и взгляды на историю и эволюцию большевизма. В 1937—1938 гг. в критике идей, взглядов Троцкого важное место заняли темы Кронштадтского мятежа и смерти большевизма. Знаменательная роль Кронштадта заключалась в том, что он не только породил сомнения относительно Ленина, самого Троцкого и досталинского большевизма, но и подрубил корни идеи Троцкого о защите СССР: цели начальной фазы революции, по-видимому, достигались любой ценой.

Троцкий сначала привлек к этой проблеме международное внимание. В открытом письме В. Томасу, бывшему члену рейхстага, входившему в комиссию наблюдателей на московских процессах, Троцкий сделал вскользь несколько замечаний о Кронштадте, которые побудили Сержа, Чилигу, Суварина и Истмэна заняться этим вопросом. «Восстание диктовалось стремлением получить привилегированный паек», — заверял Троцкий Томаса. Восставшие в 1921 г. кронштадтские моряки были «реакционной серой массой с большими претензиями» и, что бы там ни говорили, контрреволюционерами[37]. Вскоре возник ожесточенный спор, который выплеснулся на страницы «Бюллетеня оппозиции», «La révolution proletarienne» и «New International». Этот спор начался не с выпада оппонентов Троцкого, как считает Дейчер. Его спровоцировали собственные комментарии Троцкого, сделанные в тот тревожный момент[38].

Серж был, возможно, единственным, кто мог ответить Троцкому с полным знанием дела. Он родился в 1890 г. в Бельгии в семье русского эмигранта, связанного с организацией «Народная воля», в юности был анархистом. В начале 1919 г. Серж приехал в Петроград сторонником (хотя и с оговорками) большевиков. Вскоре он вступил в большевистскую партию, стал помощником Зиновьева в Исполкоме Коминтерна. Во время подавления Кронштадтского восстания находился в Петрограде, его впечатляющие «Воспоминания революционера» остаются одним из важнейших свидетельств того периода. В 20-е годы Серж был видным членом левой оппозиции, после 1930 г. попал в тюрьму и ссылку и был выпущен Сталиным в начале 1936 г., когда его дело стало нашумевшим в среде французской интеллигенции.

Как писатель и историк Серж многие годы после ссылки (он умер в 1947 г.) посвятил переосмыслению коренных вопросов революции, пытаясь понять, когда же она сбилась с пути. Поначалу он был принят Троцким с восторгом как старый верный товарищ[39], но вскоре они разошлись по вопросу о событиях в Испании, а также из-за критики Сержем сектантства Троцкого и несогласия с ним в оценке Кронштадта. На протяжении почти двух лет Троцкий осыпал Сержа бранью.

Серж не замедлил отреагировать на письмо Троцкого Томасу, отметив, что восстание могло представлять угрозу для большевиков и революции, но абсурдно заявлять, что его причиной были пайки. Он писал, что Кронштадт преследовал глубоко революционную цель: хотел революционных Советов и прекращения военных методов, применявшихся к гражданскому населению[40]. Однако Троцкий не собирался уступать. Он назвал своих критиков «народным фронтом обличителей», обвинил их в желании «скомпрометировать единственное подлинное революционное течение», то есть IV Интернационал, и заклеймил их как «мелкобуржуазных путаников и эклектиков». Обвинение в заговоре прозвучало по-сталински зловеще.

Троцкий даже заявил в какой-то момент, что он не имел никакого отношения к подавлению восстания и ничего не знал о кровавой расправе. Он писал: «Я лично не принимал ни малейшего участия в усмирении Кронштадтского восстания, ни в репрессиях после усмирения»[41]. Это действительно выглядело странным, ведь незадолго до того один из сторонников Троцкого, Райт, мимоходом заметил, что остались документы, доказывающие, что нарком по военным делам прибыл в Петроград 5 марта 1921 г., за три дня до восстания в крепости[42]. Вскоре после начала спора Троцкий писал сыну, Л. Седову, о своем ответе критикам. Троцкий вспоминал, что тогда на обсуждении в политбюро он энергично выступил за быстрое военное подавление Кронштадта, а Сталин советовал оставить восставших в покое, надеясь, что голод заставит их примириться с партией. Однако о том, что Сталин возражал против планов военного усмирения, Троцкий никогда не упоминал открыто ни в одной из своих работ о нем[43].

Существенно, что Троцкий утверждал, будто все подлинно революционные элементы Кронштадта оставили крепость для участия в гражданской войне. Объявленная матросами цель — «Советы без коммунистов» — будто бы неизбежно вела к восстановлению капитализма, поэтому восстание, независимо от настроений его участников, было по своей природе контрреволюционным. Таким образом, спустя 17 лет Троцкий почти дословно повторил те обвинения, которые он использовал в пропагандистской кампании, проведенной большевиками сразу после восстания[44]. Но теперь он заявлял, что ничего не знал о репрессиях и бессмысленных жертвах. Однако ему же принадлежат слова: «Дзержинскому верю в этой сфере больше, чем его запоздалым критикам»[45].

Отвечая Райту и Троцкому, Серж поднял важные вопросы, оказавшиеся затем предметом спора. «Вопрос, который сегодня доминирует в дискуссии, в сущности таков: когда и как началась деградация большевизма?»[46]. Он считал, что корни этого явления следует искать в далеком прошлом. Объявление вне закона меньшевиков, наделение ЧК инквизиторскими полномочиями в 1918 г., подавление анархистов в 1920 г. — все это этапы спада революции. Кронштадт также стоит в этом ряду. Матросы подняли восстание, и его, несомненно, нужно было остановить — но какие меры были приняты, чтобы избежать крайностей? Серж резко осудил «отвратительную расправу» над восставшими матросами, «которых спустя три месяца все еще партиями расстреливали в петроградской тюрьме»[47]: ясно, заключил он, что Кронштадт явился вехой в истории большевистской нетерпимости и жестокости, которыми была отравлена революция, «и признать это сегодня было бы полезным и смелым поступком»[48].

В этот момент в спор вмешался Чилига, выпустивший большой памфлет, в котором конфликт между бюрократией и массами, увиденный Троцким в 20-е годы, был перенесен в первые годы революции, и сам Троцкий изображен принадлежащим к бюрократии. Почти с самого начала, писал Чилига, партия пыталась решить экономические проблемы, наделяя все большей властью бюрократию: «Ленин четко проводил эту линию в жизнь, а Троцкий пел ей дифирамбы»[49]. Он изобразил забастовки в Петрограде, восстание в войсках, Махно и Кронштадт как последние попытки голодного, обессиленного народа установить революционный контроль над бюрократией. Требования Кронштадта — свобода слова, свобода

партий и свободные Советы — воплощали высшие идеалы Октября. Поэтому Чилига трактовал Кронштадт как решающий, поворотный пункт в восхождении бюрократии.

Окончательный триумф «государственно-капиталистической» бюрократии при Сталине, московские судебные процессы и происходившие 17 годами ранее события в Кронштадте оказались тесно связанными. «Существует аналогия, прямая связь между тем, что случилось 17 лет назад, и недавними судебными процессами в Москве... Сегодня мы являемся свидетелями расправы над лидерами русской революции; в 1921 г. жертвами такой расправы стали народные массы, составлявшие революционный базис»[50]. Таким же образом Чилига представил сталинизм как дитя большевизма, а новый эксплуататорский класс — как продукт жестокости большевиков в первую пору их власти. В то время подобное объяснение чисток и процессов пороками раннего большевизма было откровением. Как писал один из американских левых историков, «разоблачение кронштадтского дела подорвало моральные основы троцкизма»[51].

Однако в глазах Сержа, который все еще был довольно близок к Троцкому, сделанные Чилигой обобщения выглядели пустыми и надуманными. Было утопизмом представлять все бунтующие элементы в России 1921 г. революционерами; более того, Кронштадтский мятеж определенно нанес вред революции. Согласно Сержу, парадокс заключался в том, что твердость большевиков в подавлении Кронштадта, их жестокость в действительности отсрочили восстановление капитализма. Судить о революции лишь в свете сталинизма, как, по всей вероятности, делал Чилига, было просто неверно. И здесь Серж привел свое часто цитируемое замечание: «Судить о живом человеке по тем мертвым микробам, которых вскрытие извлекает из тела и которых он мог носить в себе с рождения, — очень ли это разумно?»[52]. Несогласие Сержа с Чилигой не заслоняет, впрочем, сущностного сходства в их анализе кронштадтских событий. Оба они стремились объяснить деградацию революции нетерпимостью большевиков и их склонностью к репрессиям. Кроме того, оба критиковали ошибки большевизма с позиций высокой морали. Именно этот, моральный, аспект объясняет тон и направленность мысли критиков Троцкого.

Как и у Сержа, у Истмэна была одна из самых безупречных биографий из западных троцкистов. Он принадлежал к богеме Гринвич-вилледжа, в прошлом был основателем газеты «The Masses», которая стала известна в Соединенных Штатах как орган радикально-социалистического направления, осуждавший первую мировую войну. В 1922—1924 гг. он провел 21 месяц в Советском Союзе, присутствовал как американский коммунист на IV конгрессе Коминтерна, XII и XIII съездах большевистской партии. В то время он познакомился с Троцким и получил разрешение писать его биографию[53]. В качестве переводчика на английский язык трудов Троцкого и его литературного агента Истмэн стал в 20-е годы, по выражению его биографа, «по-настоящему первым американским троцкистом», «партией из одного человека»[54]. Вышедшая в 1925 г. книга Истмэна «После смерти Ленина» стала сенсацией. Она появилась раньше парижской публикации X. Раковского и первой приподняла завесу над внутрипартийной борьбой за власть в СССР. Истмэн также осуществил первую публикацию за границей ленинского «завещания»[55].

В 30-е годы Истмэн продолжал переводить труды Троцкого, но отстранился от троцкистских организаций. Во время московских процессов он, хотя и считал себя по-прежнему левым, выступил с широкомасштабной критикой марксизма, косвенно направленной против Троцкого. Согласно Истмэну, крах идеалов социализма в Советском Союзе был результатом «теоретических парадоксов», содержащихся в самих этих идеалах, в которых не было разработано конкретного завершения революции и содержалась лишь детерминистская вера в то, что диалектика истории сама все довершит. Неясность теоретических представлений с послереволюционном периоде заключала в себе опасность: несмотря на марксову критику утопического социализма, Истмэн осуждал детерминизм Маркса как утопический. Поскольку во многом эти черты уходили корнями к гегелевской диалектике и историческому детерминизму, творческая деятельность Истмэна в тот период, по словам его биографа, состояла в «изгнании беса гегельянства»[56].

Здесь не место в деталях излагать эти философские споры, одно ясно: указания Истмэна на идеологические изъяны большевиков и обвинения их в преступлениях

против морали — все это вызывало недоверие к объяснению Троцким сущности сталинизма. В конце концов выдвинутая им теория перманентной революции подчеркивала неспособность отсталой России построить социализм, если не произойдут революции на Западе; а его теории бонапартизма и термидора обосновывали неизбежное скатывание революции к реакции из-за слабости революционных сил в преимущественно крестьянской стране. Теперь его критики отбросили эти социально-исторические и социально-экономические объяснения и сосредоточили внимание на идеях и поведении самих революционеров. Упор на фатальные идеологические ошибки революционеров-победителей в большей степени, чем дилеммы и результаты исторических обстоятельств, стал одной из ярчайших черт «тоталитарной школы» в обществоведении, появившейся и утвердившейся в 40—50-е годы.

Троцкий, приведенный в ярость обвинениями, будто он «сделан из того же теста, что и Сталин», решительно отвергая упреки в моральной и идеологической слабости большевизма, предпринял в 1938 г. необычное разъяснение своего кредо — опубликовал статью «Их мораль и наша». В этом памфлете, блестяще написанном и наполненном едким сарказмом, Троцкий делал вывод, что мораль является продуктом общественного развития, она неколебима и служит общественным интересам; что мораль, более чем любой другой род идеологии, имеет классовый характер. Сталинизм был «продуктом старого общества», именно отсталость России породила сталинскую реакцию, поэтому современные события надо связывать не с ранним большевизмом, а с общественной динамикой. «Сталинские подлоги являются не плодом большевистского «аморализма»; нет, как все важные события истории, они являются продуктом конкретной социальной борьбы... борьбы новой аристократии против масс, поднявших ее к власти»[57].

Для нацистов, писал Троцкий, либерализм и марксизм одно и то же, потому что кровь и честь для них — не преграды; для демократа фашизм и большевизм близнецы, потому что они не приемлют всеобщего избирательного права. «Наиболее широкое признание встречает ныне та мысль, что сталинизм и троцкизм «по существу» одно и то же. На этом сходятся либералы, демократы, благочестивые католики, идеалисты, прагматисты, анархисты и фашисты. Если сталинцы не имеют возможности примкнуть к этому «народному фронту», то только потому, что случайно заняты истреблением троцкистов»[58]. В приравнивании троцкизма к сталинизму игнорировалась сущностная основа обоих течений — их классовая природа.

Эти в сущности давно знакомые аргументы, с какой бы силой они ни были выражены, все же не могли остановить волну пересмотра позиций, которую вызвали московские судебные процессы. Серж заговорил о сектантстве Троцкого почти сразу же после своего возвращения из СССР в 1936 г., поскольку, с его точки зрения, международная ситуация требовала сотрудничества всех противников Сталина в международном рабочем движении. Поначалу эти соображения имели в большой степени тактический и политический характер, но по мере того как разворачивались московские процессы нежелание Троцкого пойти на компромисс с другими левыми противниками Сталина вкупе с применявшимися им методами обличения и обвинения стали связывать с этическим и историческим анализом краха большевизма.

Вот только один пример. Д. Макдональд был молодым, но уже известным членом «нью-йоркских интеллектуалов», группировавшихся вокруг «The Partisan Review». Он был издателем этого журнала и летом 1937 г. договаривался с Троцким о его участии в дискуссии; в 1938 г. он сам стал сотрудничать в троцкистском «New International», а в конце 1939 г. даже вступил в Социалистическую рабочую партию[59]. Его сотрудничество с троцкистскими изданиями продолжалось и в начале 40-х годов, когда он основал журнал «Politics» и продолжал свою деятельность как известный литературный критик и публицист, автор влиятельных теорий в области массовой культуры.

В одной из статей, напечатанной в 1938 г. в «New International», молодой Макдональд открыто выступил с критикой Троцкого, предупреждая, однако, что она не направлена против IV Интернационала. «Пока я не потерял рассудок, я не заинтересован в том, чтобы «компрометировать» большевизм; напротив, я хотел бы, чтобы его можно было принять на все 100 процентов. Но у меня, к сожалению, есть некоторые сомнения, возражения, критические замечания. Разве нельзя их высказать и не быть обвиненным в контрреволюционности, не быть причисленным к анархистам, меньшевикам, буржуазным журналистам?»[60].

Делая вывод, что некоторые важные истоки сталинизма берут начало в большевистской политической теории, Макдональд проводил связь с позицией Троцкого. «Разве для марксистов сегодня не является долгом неустанно вскрывать эти слабости, с научной беспристрастностью пересмотреть всю линию большевиков? У меня создается впечатление, что Троцкий проявил мало интереса к подобному пересмотру основ. По всей видимости, он больше заинтересован в защите ленинизма, чем в извлечении уроков из его ошибок»[61]. Еще более прямо выразился Серж в своих воспоминаниях: «В сердцах тех, кто подвергался репрессиям, я нашел те же настроения, что и у их гонителей»[62].

Отвергая любой серьезный пересмотр политических методов, морали и идеологии большевиков, Троцкий сравнивал эти тенденции с периодом реакции после 1905 г., когда российская интеллигенция была охвачена разбродом и шатаниями[63]. Выводы из аналогии были ясны: истинный революционер должен выдержать шторм и дождаться нового революционного подъема. Однако для критиков Троцкого сравнение его со Сталиным было не просто тягчайшим оскорблением, которое они могли бросить Троцкому; оно свидетельствовало о том, что многие их сомнения и переоценки советской системы, истории, политических методов и морали большевиков были обоснованными. Сталинизм не был только временной ошибкой, результатом российской отсталости, и Троцкий был живым подтверждением этого. Сравнение его со Сталиным имело для них, таким образом, важное значение.

Поскольку многие идеи высказывались ими в порядке возражения Троцкому, его критики конца 30-х годов составили, зачастую разрозненно, новую систему взглядов на обсуждавшиеся вопросы, которая в конце концов вытеснила собой систему взглядов Троцкого. Если он считал сталинизм переходной стадией, которая должна породить либо капитализм, либо социализм, то его критики выдвинули идею, что сталинизм — это в сущности новая социально-экономическая система на определенном этапе мировой истории. Если Троцкий объяснял сталинизм, делая основной упор на общественные силы, то его критики во главу угла ставили мораль и идеологию. Если Троцкий рассматривал сталинизм как антипод ленинизма, то его критики видели в них близнецов.

Таким образом, была снята и разрешена проблема, поставленная расплывчатой, двусмысленной природой критики сталинизма Троцким. Критика сталинизма пришла в соответствие с критикой советской общественно-экономической системы; теоретическое неприятие сталинизма стало равным по силе его политическому осуждению. Антисталинизм перерос в антисоветизм, который Троцкий предавал анафеме. Вследствие этого основные положения, высказанные критиками Троцкого, и оказались в последующие десятилетия столь убедительными для самых разных критиков советской системы.

Примечания

1. Цит. по: DEUTSCHER I. The Prophet Outcast: Trotsky, 1929—1940. Lnd. 1963, p. 33.
2. Trotsky Bibliography: List of Separately Published Titles, Periodical Articles and Titles in Collections Treating L. D. Trotsky and Trotskysm. Munich. 1982, Introduction, p. 14, n. 2.
3. С. Ф. Коэн в своем важном эссе по историографии сталинизма отмечает, что «ожесточенный спор» между Троцким и бывшими троцкистами «был неправомерно обойден вниманием ученых; он предвосхитил некоторые доводы, как подтверждающие, так и опровергающие преемственность, которые впоследствии появились в академической литературе по большевизму и сталинизму» (COHEN S. Bolshevism and Stalinism. In: Stalinism: Essays in Historical Interpretation. N. Y. 1977, pp. 5—6).
4. О примечательном пути от крайне левых к крайне правым, который проделали М. Истмэн, лидер американских троцкистов Дж. Бёрнхем и др., см.: DIGGINS J. Up From Communism: Conservative Odysseys in American Intellectual History. N. Y. 1975.
5. О В. Серже см.: SEDGWICK P. The Unhappy Elitist: Victor Serge's Early Bolshevism. — History Workshop Journal, № 17, Spring 1984; e j u s d. Introduction. In: SERGE V. Memoirs of a Revolutionary, 1901—1941. Lnd. 1963. Не публиковавшиеся ранее письма Сержа и материалы его дискуссий с Троц-

ким собраны в: SERGE V. Leon Trotsky. La Lutte contre le Stalinisme; correspondence inedite, articles. P. 1977.

6. Об А. Чилиге см.: FOX M. S. Ante Ciliga, Trotskii and State Capitalism: Theory, Tactics and Revolution During the Purge Era, 1935—1939. — Slavic Review, 50, 1, Spring 1991; CILIGA A. Au pays du grand mensonge. Memoirs. P. 1938 (английское издание — The Russian Enigma. Lnd. 1979). Чилига, выпущенный из СССР в 1935 г. благодаря итальянскому паспорту, и Серж, освобожденный в 1936 г. под давлением известных представителей французской интеллигенции, были среди тех немногих последователей Троцкого, которым удалось вырваться из СССР.
7. Отчет Крепо о его спорах с Троцким см.: CRAIPEAU I. Le mouvement Trotskyste en France: Des origines aux enseignements de Mai 68. P. 1971, pp. 210—211.
8. Подробно об отношениях Троцкого с «Partisan Review» см.: CONNEY T. A. The Rise of the New York Intellectuals: Partisan Review and Its Circle. Madison. 1986, pp. 120—145. Более широкое представление о литературе, посвященной нью-йоркским интеллектуалам, дает: WALD A. M. The New York Intellectuals: The Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980s. Chapel Hill. 1987.
9. DEUTSCHER I. Op. cit., p. 436.
10. Серж, например, сотрудничал с вдовой Троцкого Н. Седовой в подготовке биографии Троцкого, опубликованной на английском языке: The Life and Death of Leon Trotsky. N. Y. 1975.
11. См., напр., MEYER A. J. Deradicalization: The Case of Former Trotskyists, unpublished dissertation. Suny Albany. 1976.
12. ТРОЦКИЙ Л. Вокруг процесса 17-ти. — Бюллетень оппозиции, 1937, март, № 54—55, с. 32.
13. Writing of Leon Trotsky (далее WLT): Supplement, 1934—1940. N. Y. 1979, p. 672. В Гарвардском архиве Троцкого от этого документа явно отрезана часть, содержащая эту цитату; я привожу ее по английскому переводу.
14. MCNEAL R. H. Trotskyist Interpretations of Stalinism. In: Stalinism: Essays in Historical Interpretation, pp. 37—38.
15. TROTSKY L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N. Y. 1941, p. 421. Об использовании Троцким термина «тоталитаризм» см.: MCNEAL R. H. Op. cit., p. 36.
16. TROTSKY L. Once Again: The USSR and Its Defense. — WLT, 1937—1938, p. 40; MCNEAL R. H. Op. cit., p. 38.
17. ТРОЦКИЙ Л. Литература и революция. М. 1923, с. 15.
18. Об отношении Троцкого к Сталину см.: DEUTSCHER I. Op. cit., pp. 222, 245—246, 451—457.
19. MCNEAL R. H. Op. cit., pp. 34—36.
20. TROTSKY L. The Revolution Betrayed. N. Y. 1972, pp. 86—114, 273—279 (русское издание — факсимиле оригинальной рукописи «Преданная революция»: Что такое СССР и куда он идет. Париж. 1974, с. 73—94, 225—228).
21. Об употреблении Троцким этих терминов см.: KNEI-PAZ B. The Social and Political Thought of Lion Trotsky. Oxford. 1978, pp. 394—410.
22. Ibid., pp. 395—399.
23. Этот ход рассуждений привел Троцкого к осознанию «в основе своей прогрессивной» природы раздела Сталиным Польши и «экспроприации» земли у польских помещиков после сталинско-гитлеровского пакта. Дейчер использует те же рассуждения, чтобы показать реакционность насаждения сталинизма в Восточной и Центральной Европе после второй мировой войны (см. DEUTSCHER I. Op. cit., pp. 458—462).
24. См. ТРОЦКИЙ Л. Сталинизм и большевизм (К вопросу об исторических и теоретических корнях Четвертого Интернационала). — Бюллетень оппозиции, 1937, сентябрь — октябрь, № 58—59, с. 7.
25. Там же, с. 7—8. По этому поводу Б. Кней-Пас заметил: «Разве не Сталину принадлежит программа (к добру или нет) фундаментального, революционного преобразования советской экономики? Как можно было, сравнивая Ленина и Сталина, заявлять, что эпоха последнего была периодом отступления, стагнации и консерватизма — всего того, что Троцкий отождествлял с термидором? Это показывает, что стремление Троцкого отделить Сталина от большевистских традиций приводило к абсурду» (KNEI-PAZ B. Op. cit., p. 437).
26. TROTSKY L. Once Again: The USSR and Its Defense, p. 44.
27. TROTSKY L. Defeatism vs. Defensism. December 6, 1937, In: WLT, 1937—1938, pp. 85—86. Эта статья сохранилась только в английском переводе.
28. О разногласиях среди троцкистов в начале 30-х годов, в частности в Верхнеуральском политизоляторе, см.: CILIGA A. The Russian Enigma, pp. 263—272; BROUE P. Les Trotskyses en Union Soviétique, 1929—1938. — Cahiers Léon Trotsky, 1980, № 6.
29. YVON M. What has Become of the Russian Revolution. — International Review, N. Y. 1937, pp. 62—63; оригинал — Ce qu'est devenue la révolution Russe. — Brochures de la révolution proletarienne, № 2.
30. CILIGA A. The Russian Enigma, pp. 102, 137.

31. CRAIPEAU I. Le mouvement trotskyste, pp. 210—211. Ответ Троцкого см.: Once Again: The URSS and its Defense (оригинал на французском языке: Encore une fois: l'URSS et sa défense: Craipeau oublie le principal enseignement du marxisme). — Архив Троцкого в Гарвардском университете, T4230; Нерабочее и небуржуазное государство? — Бюллетень оппозиции, 1938, февраль, № 62—63, с. 15—19. Из писем Троцкого видно, что последняя статья особо метила в Крепо (Троцкий — Седову, 27 ноября 1937. — Архив Троцкого в Гарвардском университете, bMS Russ, 13.1.10239).
32. BELL D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea. — Survey, Spring 1971, p. 143.
33. О Рицци см.: BELL D. Op. cit., pp. 137—138. Библиография о Рицци: KNEI-PAZ B. Op. cit., p. 419, № 137.
34. KNEI-PAZ B. Op. cit., pp. 421—427.
35. ТРОЦКИЙ Л. СССР в войне. — Бюллетень оппозиции, 1939, октябрь, № 79—80, с. 2.
36. См. там же.
37. ТРОЦКИЙ Л. Ответы на вопросы Вендлина Томаса. — Бюллетень оппозиции, 1937, июнь-август, № 56—57, с. 13.
38. DEUTSCHER I. Op. cit., pp. 436—437. См. также : AVRICH P. Kronstadt 1921. Princeton. 1970, pp. 229—231. Большинство статей на эту тему собрано в: V. I. Lenin and Leon Trotsky, Kronstadt. N. Y. 1986.
39. См. Eleven Letters to Victor Serge, April—August 1936. In: WLT, pp. 657—680.
40. SERGE V. Les ecrits et les faits. — La révolution proletarienne, 1937, September, 10, pp. 702—703.
41. ТРОЦКИЙ Л. Шумиха вокруг Кронштадта. — Бюллетень оппозиции, 1938, май—июнь, № 66—67; е г о ж е. Еще об усмирении Кронштадта. — Там же, 1938, октябрь, № 70, с. 10.
42. WRIGHT J. G. The Truth About Kronstadt. — New International, 1938, Februar, p. 51. О роли Троцкого см.: AVRICH P. Op. cit., pp. 145—148, 211.
43. Троцкий — Седову, 19 ноября 1937 г. — Архив Троцкого в Гарвардском университете, bMS Russ, 13.1.10238. См. также: DEUTSCHER I. Op. cit., p. 437, № 1.
44. GETZLER I. Kronstadt 1917—1921. Cambridge. 1983, pp. 256—257, 208. Гетцлер показал, что вопреки заявлениям Троцкого среди матросов Кронштадта после 1917 г. оставалось много революционеров со стажем.
45. ТРОЦКИЙ Л. Еще об усмирении Кронштадта, с. 10.
46. SERGE V. Once More: Kronstadt. — New International, 1938, July, p. 212.
47. Ibid., p. 211. См. также: e j u s d. Memoirs of a Revolutionary, pp. 124—132 a.o.
48. SERGE V. Once More: Kronstadt, p. 211.
49. CILIGA A. The Kronstadt Revolt. Lnd. 1942, p. 8 (оригинал: La révolution prolétarienne, 1938, Septembre, p. 10).
50. Ibid., p. 7.
51. DIGGINS J. Op. cit., p. 184.
52. Ibid.
53. Она опубликована: EASTMAN M. Leon Trotsky: The Portrait of a Youth. N. Y. 1925.
54. O'NEILL W. L. The Last Romantic: A Life of Max Eastman. N. Y. 1978, p. XVII. Конечно, в распространении троцкизма в Америке Истмэну помогали и другие (подробнее см.: DRAPER T. The Birth of American Trotskysm. In: American Communism and Soviet Russia. N. Y. 1977).
55. EASTERMAN M. Since Lenin Died. Lnd. 1925. O'NEILL W. L. Op. cit., p. 106. Полностью историю опубликования завещания, которое часто излагалось некорректно, см. DRAPER T. Op. cit., pp. 359—362.
56. DIGGINS J. Op. cit., pp. 174—175.
57. ТРОЦКИЙ Л. Их мораль и наша. — Бюллетень оппозиции, 1938, август — сентябрь, № 68—69, с. 13.
58. Там же, с. 6.
59. COONEY T. A. Op. cit., pp. 127—129, 179—180. Переписка Макдональда с Троцким в 1937—1940 гг. собрана в архиве Троцкого в Гарвадском университете, bMS Russ, 13.1.2836—2849.
60. MACDONALD D. Kronstadt Revisite. N. Y. 1985, p. 357. См. также: e j u s d. Memoirs of a Revolutionist. N. Y. 1957.
61. MACDONALD D. Kronstadt Revisite, p. 355.
62. SERGE V. Memoirs of a Revolutionary, p. 349.
63. ТРОЦКИЙ Л. Моралисты и сикофанты против марксизма. — Бюллетень оппозиции, 1939, май—июнь—июль, № 77—78, с. 16. О позиции Троцкого по вопросу сектантства см.: Trotsky to Serge, July 30, 1936. In: WLT, pp. 679—680; TROTSKY L. A Cancer in the Workers' Party. August 12, 1935. — Ibid., pp. 72—73; e j u s d. Sectarianism, Centrism and the Fourth International. — Ibid., p. 152.

Александр III

В. Г. Чернуха

Сохранилось много описаний внешности предпоследнего российского самодержца, набросанных рукой почитателей и критиков, лицемеров и людей искренних. Есть в них, разумеется, и общее, но в отношении и оценках они рознятся. Дадим же слово человеку, наделенному острым взглядом художника. «И тут я впервые увидал Александра III совершенно близко, — вспоминает А. Н. Бенуа о 1889 годе. — Меня поразила его «громоздкость», его тяжеловесность и — как-никак — величие. До тех пор мне очень не нравилось что-то «мужицкое», что было в наружности государя, знакомой мне по его официальным портретам... И прямо безобразною казалась мне на этих портретах одежда (мундир) государя, — особенно в сравнении с элегантным видом его отца и деда... Но вот в натуре обо всем этом забывалось, до того самое лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз... Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Взгляд человека, стоящего выше всех, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь самых близких! В последующие годы мне довелось несколько раз быть вблизи императора, отвечать на задаваемые им вопросы, слышать его речь и шутки, и тогда я не испытывал ни малейшей робости. В более обыденной обстановке (при посещении наших выставок) Александр III мог быть и мил, и прост, и даже... «уютен». Но вот в тот вечер в Мариинском театре впечатление от него было иное, — я бы даже сказал, — странное и грозное»[1].

Поразительно перекликается этот портрет с другим, рукотворным — конной статуей Александра III работы П. Трубецкого. «Грозная и тревожная» фигура гиганта, при встрече могущая вызвать лишь страх и желание посторониться. Так его воспринимали подданные, таким он казался иностранцам, таким он был для многих, даже самых близких, членов царствующей династии, которую, по выражению С. Ю. Витте, он умел «держать в решпекте». А между тем в Александре III было много симпатичных черт, отступавших на задний план, когда он находился «при исполнении». Происходило это потому, что этот добропорядочный обыватель и прекрасный семьянин нес чужую (в буквальном смысле!) ношу, бремя единовластного правителя, не обладая нужными для этого качествами, кроме импозантной внешности, что, кстати, потом столь контрастировало с обликом его сына и преемника.

Чернуха Валентина Григорьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН.

Александр III был достаточно самокритичен, чтобы ощущать это внутреннее несоответствие, так что предпоследний самодержец — трагическая фигура русской истории. Трагичны и последствия его 13-летнего царствования. Самое горькое, что история могла, кажется, пойти несколько иначе, и удар революции, видимо уже неизбежный, мог быть смягчен более гибкой и прогрессивной политикой. Ведь не он должен был занять трон, а его брат. Но будто злой рок тяготел над Россией: в XIX в. она занималась тем, что теряла время, отпущенное для преобразований, и происходило это по вине ее монархов. Внес свой вклад в дело затягивания неразвязываемых узлов и Александр III, причем с самыми лучшими намерениями, считая, что упрочивает будущее своей семьи, династии, России и даже Европы.

Будущий российский император рос в семье многодетной. Только сыновей у Александра II было шестеро: между Николаем, Александром, Владимиром и Алексеем была разница в возрасте в 1,5—2 года, несколько позднее родились Сергей и Павел. Второй из братьев, названный в честь отца, родился в феврале 1845 г. и был третьим ребенком в семье наследника престола (первым была девочка Александра). В этой семье не было острой проблемы с наследником, как у Александра I или Николая II. Принцип преемственности власти по старшинству предназначал царствование старшему брату, Николаю (он родился в 1843 г.), и внимание родителей сосредоточилось прежде всего на нем. В раннем детстве воспитание детей было сходным: все они были на попечении нянюшек-англичанок и кадровых военных. На этом настаивал дед, да и отец придерживался такой же точки зрения.

Двух старших братьев, Николая и Александра, одновременно начали учить грамоте и военному делу. Наставница, В. Н. Скрипицына, дала им первые уроки чтения и письма, арифметики и священной истории, а военные воспитатели, руководимые генерал-майором Н. В. Зиновьевым и полковником Г. Ф. Гоголем, — фронту, маршировке, ружейным приемам, смене караула. Все великие князья с момента рождения (точнее, в день крещения) зачислялись в одни гвардейские полки и тогда же назначались шефами других. Но это было только начало их воинской службы. В дальнейшем многочисленные государственные и семейные праздники служили поводом для тиражирования шефства и зачисления в полки, продвижения по службе, производства в офицерские чины. Александр получил чин прапорщика семи лет, пожалован в подпоручики десятилетним, 18 лет произведен в полковники. Номинальная армейская служба давала право ношения нарядных полковых мундиров, а военная выучка — малышами стоять на часах в дни каких-нибудь торжеств, создавая трогательное зрелище. Только начальное обучение оба старших брата проходили вместе, скоро стала сказываться разница в возрасте, да и задачи перед ними стояли разные. Обучению наследников престола в XIX в. уже придавалось большое значение.

Насмотревшиеся на многочисленные всплески деспотизма, которым слишком часто оборачивалась абсолютная власть, европейские, да и русские мыслители уже в XVIII в. упорно искали правовых гарантий от крайностей неограниченной власти. Шла разработка теории конституционного права. Это обстоятельство, подкрепленное аргументами многочисленных европейских революций, заставляло самодержавие приспосабливаться, демонстрировать свою дееспособность. Поэтому было необходимо заботиться о соответственном воспитании и образовании наследников престола. Уже Екатерина II понимала это и пыталась серьезно подготовить к государственной деятельности своего внука. Николай I поручил руководство воспитанием наследника, будущего Александра II, В. А. Жуковскому. Основательной была и подготовка Николая Александровича.

У российских наследников престола были два совершеннолетия: юридическое — в 16 лет и фактическое — в 21 год. Юридическое было связано с торжественным введением в ранг наследника, когда тот приносил в кругу близких и официальных лиц две присяги: гражданскую и военную на верность царю и отечеству. Николай Александрович был приведен к присяге, отделен от братьев (до этого они жили вместе), получив отдельные апартаменты в Зимнем дворце. Завершающим аккордом в образовании наследника престола являлась длительная поездка по Западной Европе, где он знакомился со странами и деятелями, разными государственными системами, наносил визиты многочисленным родственникам, одновременно при-

сматривая себе невесту по сердцу и по рангу. В 1864 г. цесаревич, как считалось, «с блеском» окончил курс наук, отправился в заграничное путешествие. Оно имело и побочную цель: лечебные морские купания, ибо Николай начал страдать болями в спине.

Среди стран, которые он посетил, была и Дания, где в сентябре он сделал предложение принцессе Дагмаре. Оно было принято. После поездки по Северной Европе цесаревич побывал в Италии, зиму провел в Ницце, куда приехала императрица Мария Александровна, ибо состояние здоровья наследника престола не улучшалось. В начале апреля 1865 г. он заболел столь тяжко, что туда были вызваны родные, в том числе Александр II с сыновьями. Приехала с матерью и Дагмара. Они пробыли с цесаревичем всего два-три дня. Он то приходил в себя, то терял сознание. Все это время у его постели находились мать, брат Александр и невеста. Врачи сошлись на том, что у наследника престола развился цереброспинальный менингит. Николай скончался 12 апреля 1865 года. В тот же день, согласно закону о престолонаследии, цесаревичем стал Александр. Наследование престола перешло от сильного кандидата к слабому.

Александр (семейное прозвище «бульдожка») считался в семье человеком, которому государственная деятельность откровенно не по плечу. Тетушка императора, великая княгиня Елена Павловна, в то время «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу»[2]. И это при том, что тот не блистал какими-либо талантами. Великий князь Константин Николаевич признавал полную неподготовленность Александра к царствованию (уже после его восшествия на престол), заявляя, что и он, и Владимир «в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе»[3]. А. И. Чивилев, учитель Александра, «ужаснулся» от перспективы его воцарения, а Б. Н. Чичерин от встреч с ним приходил в «полное отчаяние», не слыша от него «ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса»[4].

Ничто не давало в Александре оснований считать его способным управлять государством. В его официальной биографии, которую принялся было составлять С. С. Татищев по образцу своего сочинения об Александре II, содержится такая максимально подретушированная характеристика: «По свойствам своего ума и нрава Александр Александрович представлял полную противоположность старшему брату. По отзыву Грота, в нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения; зато он обладал светлым и ясным здравым смыслом, составляющим особенность русского человека, и замечательной сообразительностью, которую он сам называл «смекалкою». Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало серьезных с его стороны усилий... Александр Александрович отличался в классе внимательностью и сосредоточенностью, прилежанием и усидчивостью. Он любил учиться, на уроках допытывался... до корня, усваивал, хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно. Труднее всего давалась ему теория языков; любимым же занятием его было чтение, преимущественно рассказов и путешествий»[5]. Даже этот благостный и апологетический рассказ рисует человека заурядного, тугодума, с трудом карабкающегося по ступенькам знаний.

Александр был проще, земнее, ему нравились занимательное чтение и военное дело. Это был мальчик, не очень любивший учиться и предпочитавший поиграть. Для игр к великим князьям допускали детей придворных, и они играли в лошадки, охоту, войну, для чего использовалась игрушечная крепость, специально построенная в Царском Селе. Так было в детстве, так осталось и в последние годы обучения. Тот же Татищев, противореча себе, приводит выдержки из писем наставника Александра, графа Б. А. Перовского, относящихся к 1862—1863 годам. Он постоянно жаловался императору на своего подопечного, что никак не может «заставить его понять, что учение не должно состоять в просиживании определенного числа часов», и всячески пытался добиться, чтобы тот «понял», что «даже и с употреблением весьма усиленных трудов и стараний едва ли можно, в его положении, достигнуть той точки образования, которое обыкновенно имеют молодые люди его лет; чтобы он понял, что во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям и следовательно упускаем время». Однако, заключал Перовский, «к сожалению, до сих пор он смотрит на это с самой ребяческой точки зрения»[6].

До апреля 1865 г. такое положение было еще терпимо, ибо Александр оставался всего лишь одним из великих князей, которые всю жизнь больше числились на военной службе, чем служили, и которым знание истории и литературы, экономики и права были ни к чему. Наследование престола буквально свалилось на него, никогда о том не помышлявшего. Он был огорчен смертью брата, которого очень любил, ошеломлен своим новым предназначением. Несмотря на горе всей семьи, не состоявшиеся еще похороны (тело покойного было отправлено в Петербург морем), Александр приступил к исполнению разного рода церемоний и процедур приемов и представлений, связанных со статусом цесаревича. Ему пришлось приносить в церкви Зимнего дворца присягу, быть представленным депутациям и в Петербурге и в Москве, участвовать в празднествах по этому поводу.

К апрелю 1865 г. Александр был полковником и флигель-адъютантом, а титул наследника престола принес ему производство в чин генерал-майора с зачислением в свиту императора и назначением атаманом всех казачьих войск. В это время он был уже сложившимся человеком, но не подготовленным к новым обязанностям и лишенным задатков государственного человека. Последнее исправлению не поддавалось, подготовку же (равную слабой гимназической) можно было восполнить. Цесаревича принялись усиленно просвещать историки, правоведы, экономисты. Ему читали лекции К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев,

И. К. Бабст, Ф. Г. Тернер. В наследнике престола как частном человеке было много привлекательных черт. Он был прям, честен, искренен, нечестолюбив, добр, благожелателен к близким и одновременно неловок, застенчив, неуклюж. К тому же он обладал большим чувством ответственности. Это последнее и было в полной мере мобилизовано им и во время, когда он был наследником престола, и в период царствования.

Ко времени смерти старшего брата взгляды Александра уже определились. В. П. Мещерский оставил интересную характеристику его особенностей в тот период. (И здесь мемуарист, как и другие, не мог отрешиться от сопоставлений.) «В старшем брате, — отмечал Мещерский, — не было никаких элементов философии; напротив, своими чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружающего его мира, своим тонким и проницательным умом... он всецело воспринимал и влияния на себя жизни, или считался с нею и признавал ее силу; младший брат... наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружающей его жизни, не моделировал себя по ней»[7]. Многие называли это упрямством, в действительности налицо была статичность мышления; черты будущего императора уже видны в 20-летнем Александре.

Слушание курсов разных наук, дав Александру некоторые знания, мало что могло изменить в его сложившемся уже характере. К тому же и возможности для занятий были у него резко ограничены. Его положение теперь требовало присутствия на многочисленных официальных встречах и приемах, свадьбах и похоронах, балах и военных смотрах, дипломатических приемах и всякого рода заседаниях. К тому же вскоре, в октябре 1866 г., он женился на невесте покойного брата, принявшей при крещении имя Марии Федоровны. Для этого ему пришлось переступить через свое чувство к прелестной фрейлине княжне М. Э. Мещерской. Привязанность к ней была столь велика, что он готов был даже отречься от престола. Может быть, поэтому родители не стали далеко искать невесту и тянуть со свадьбой. Брак этот был «альянсом», ибо оба признались друг другу в своих чувствах к третьим лицам (Дагмара — в любви к покойному цесаревичу), но неожиданно оказался счастливым. Все единодушно отмечают уютность их семьи, теплоту отношений. Вскоре наследник престола оказался не только молодоженом, человеком семейным, но и отцом. Александр любил свою семью и детей[8]. «Рождение детей, — писал он Победоносцеву в связи с рождением дочери, — есть самая радостная минута жизни и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство»[9].

Подготовка Александра к царствованию происходила в сфере государственной практики, в процессе его участия в текущей политике. Александр II сразу же, в целях приобщения своего наследника к политике, вознамерился принимать доклады министров только в его присутствии, но в первое время это было скорее исключением, чем правилом. Зато в 1868 г. Александр был введен в состав высших государственных учреждений — Комитета и Совета Министров, Государственного совета. Правда, следов активного участия его в обсуждении дел крайне мало, он больше слушал, чем говорил. Наследники престола вообще не играли в XIX в. решающей роли в политике. Что заставляло Александра помалкивать — собственная ли застенчивость, некомпетентность или властная позиция отца, — трудно сказать. Но когда в декабре 1873 г. на заседании Совета министров, обсуждавшего вопрос о контроле предводителей дворянства за деятельностью народных школ, император обратился к цесаревичу, спрашивая его мнение, военный министр нескаазанно удивился этому и записал в дневник: «Никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение»[10].

Если окинуть взглядом весь 15-летний период, в течение которого Александр был наследником престола, пытаясь понять его место в политической жизни того времени, то напрашивается вывод, что он представлял оппозицию справа, причем не оппозицию так называемой аристократической партии, деятели которой заглядывались на английские образцы решения и социальных и государственных вопросов, а оппозицию националистического толка. Оппозиция цесаревича была скорее идеологической, чем действенной, однако его оппонирование политике отца бесспорно. Наследник престола был не в таких отношениях с отцом, чтобы публично с ним спорить или тем более открыто противодействовать, но уж слишком часто они оказывались в противоположных лагерях и не только потому, что взгляды их рознились (это-то несомненно!), но еще и оттого, что Александр II, обладавший

качествами государственного деятеля, часто поступал вопреки своим желаниям и взглядам, по государственному расчету.

Отец и сын по-разному смотрели на национальную политику. И если Александр II смотрел на чрезвычайные меры, принимаемые в Царстве Польском и западных губерниях, как на временные, в Финляндии и Прибалтике пытался проводить компромиссную линию, стараясь не вызвать обострения неприязни к России, то наследник престола был сторонником жестких мер. Для Александра II «приличие» политических решений, мнение Европы имели большое значение, цесаревич же был склонен к их игнорированию. Когда в конце 60-х годов XIX в. усилиями нескольких министров из западных губерний были отозваны П. Н. Батюшков и И. А. Шестаков, чтобы ослабить русификаторскую политику в отношении землевладения и церкви, практиковавшуюся в условиях чрезвычайных мер, то для наследника престола это было решение «возмутительное». «Теперь такое время, что никто не может быть уверен, что завтра его не прогонят с должности», — сетовал он[11].

Александр II, пользуясь в тяжелые минуты услугами М. Н. Муравьева («вешателя»), не любил его и в спокойные времена старался держать в стороне от государственных дел, а для цесаревича Михаил Николаевич был лучшим авторитетом[12]. В период подготовки военной реформы император поддерживал демократичный проект военного министра Д. А. Милютина, составленный в соответствии с требованиями времени, наследник же престола собрал вокруг себя оппозицию проекту, отстаивая феодальные модели организации армии. В канун русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Александр II, внимая министрам, делает все, чтобы избежать военных действий, цесаревич — стоит в рядах «партии действия». Царь-реформатор внутренне отрешился от крепостнического прошлого России, наследник престола ищет в нем позитивные черты. Отец проводит судебную реформу, числящуюся среди лучших его деяний, сын, еще будучи наследником престола, замышляет планы ее пересмотра. Деятельность Морского министерства пользуется одобрением Александра II, цесаревич не находит слов, чтобы ее обругать.

С течением времени значение такой охранительной позиции цесаревича возрастает, ибо, помимо того, что вокруг него группируются единомышленники, на него оглядываются и люди иного направления, видя за ним будущее. Участвуя в обсуждении и осуществлении внутренней и внешней политики конца 60—70-х годов XIX в., способствуя или сдерживая разные ее меры, Александр проходит свою «стажировку», в какие-то моменты становясь во главе важных дел, оставивших добрый след в истории того времени.

На рубеже 1867—1868 гг. правительство впервые после крестьянской реформы столкнулось с тяжелым неурожаем в примерно двух десятках губерний. Отмена крепостного права сняла с помещиков заботу о крестьянах, а стало быть, переложила ее на государство. Министерство внутренних дел, которое, естественно, попыталось не привлекать к этому внимания, занялось сбором сведений о положении с хлебом, одновременно не пуская в печать сведения о неурожае. Разумеется, в обществе начались разговоры о голоде, критика властей. Цесаревич, человек сострадательный, очень жалел крестьян, оставшихся с пустыми закромами, и жаждал как-то помочь им. Это был удобный случай и для императора, чтобы в первый раз связать имя наследника престола с благородной акцией, которая не могла не снискать всеобщего сочувствия. Без какой бы то ни было консультации с министром внутренних дел, что было явным выражением недовольства его бездействием, 23 января 1868 г. был опубликован рескрипт на имя цесаревича о создании комиссии для сбора пожертвований на покупку хлеба и его распределения. В нем говорилось об инициативной роли наследника престола в этом предприятии: «Поручая Вашему императорскому высочеству почетное председательство в оной, нам отрадно видеть в искренности и теплоте принимаемого Вами сердечного участия залог успешного достижения предполагаемой благотворительной цели».

Рескрипт был опубликован в газетах, на Аничковом дворце повешен ящик для пожертвований, сформирована комиссия, куда вошли, как мы бы сейчас сказали, деловые люди. Она на первом же заседании выработала стратегию, отказавшись от идеи даровой раздачи хлеба как деморализаторской, и пришла к решению о его закупке крупными партиями, чтобы обеспечить стабильность цен на хлеб в неурожайных губерниях. Для этого срочно потребовались деньги (хотя добровольные

пожертвования поступали), и цесаревич «выпросил» у отца миллион рублей. Тайну этого ассигнования и покупки большой партии хлеба удалось сохранить, и хлеб был отправлен на места. Действиями комиссии, нарождавшегося земства и местных властей удалось снять остроту нехватки хлеба и предотвратить наметившееся в связи с неурожаем крестьянское переселенческое движение. Министр внутренних дел П. А. Валуев, оскорбленный и считавший события вокруг продовольственной помощи сильно раздутыми, ушел в отставку.

Большим событием в жизни наследника престола стала русско-турецкая война. На первых порах, когда на Балканах вспыхнуло освободительное движение славян против Османской империи, на него в России живо отозвались военные и российское общество. Движение в поддержку славян не было однородным. Очень многие, не отвергая мысли о помощи единоверцам, были против военного вмешательства России в эту борьбу, считая, что война ляжет тяжелым бременем на экономику и финансы страны, не говоря уже о людских потерях. Против войны были министры внутренних дел, военный, финансов. Последний даже просил об отставке, не соглашаясь своими руками разрушить нестойкое бюджетное равновесие, которого он добивался более десяти лет.

Александр II тоже поначалу не хотел ввергать Россию в серьезную войну. Зато наследник престола и императрица полагали, что Россия не должна оставлять плохо вооруженных единоверцев на расправу турецкой армии. Император и министр внутренних дел А. Е. Тимашев долго пытались принудить российскую прессу не обсуждать балканскую политику России и не подталкивать страну к вступлению в войну. Одним из трубадуров славянской идеи и освободительной миссии России стал человек, близкий к цесаревичу, — В. П. Мещерский. Позиция его журнала-газеты «Гражданин», которой не сочувствовал император и которая не раз в это время подвергалась административным карам, была близка наследнику престола.

В Ливадии осенью 1876 г. шли непрерывные совещания Александра II с причастными к внешней политике министрами. Их непременным участником был цесаревич. Царь на одном из совещаний, сетуя на затруднительность положения, нарушив приличия, прямо упрекнул присутствовавшего наследника престола в том, что он и Мария Александровна идут против его воли. А сам цесаревич в это время писал из Ливадии Победоносцеву: «Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избегнуть войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий»[13].

В итоге перевесили аргументы в пользу военного вмешательства, и Россия вступила в войну. В район военных действий отправились многие члены императорской фамилии, во главе с царем и цесаревичем. Последний провел на фронте всю кампанию, почти год, командуя Рущукским отрядом (одним из трех, составлявших Дунайскую армию). Под его командованием было два корпуса (около 75 тыс. человек). Его начальником штаба был П. С. Ванновский (впоследствии, в его царствование — военный министр). Кавалерией командовал И. И. Воронцов-Дашков (министр императорского двора у Александра III). Отряд наследника престола находился на относительно спокойном участке фронта (по сравнению с Шипкой и Плевной, где решалась судьба войны), но и здесь велись боевые действия: атаки и отступления, рекогносцировки и отражение турецких вылазок.

Считается, что Рущукский отряд выполнил свою боевую задачу успешно, не дав турецким войскам прорвать фронт и выйти к переправам. Именно группа войск цесаревича, отразив турецкие отряды, заставила их перейти к обороне. «Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!» — пишет наследник престола 8 сентября 1877 г.[14], и это восклицание прекрасно передает постижение им военного опыта. Настроение радостного ожидания сменилось трезвыми рассуждениями, ибо он увидел не показную, а реальную картину войны, осознал ее неразбериху, убедился в недальновидности командования (а

главнокомандующим был его дядя, Николай Николаевич), корысти интендантов, увидел смерть близких. Руководимая им рекогносцировка 12 октября 1877 г. унесла на его глазах жизнь его двоюродного брата Сергея Лейхтенбергского.

Вел себя цесаревич на войне достойно, в дела главного командования не вмешивался, был очень привязан к «своему» отряду и не захотел расставаться с ним, когда прибыла на фронт гвардия, к которой он принадлежал. Он был прост и демократичен в кругу своей свиты и штабных офицеров. По рассказам участников событий, его шатер был центром, куда собиралось к завтраку и обеду до 40 человек, коротая время в непринужденной беседе. Это было настоящее боевое товарищество. Свободное время (а оно на этом участке фронта имелось) он отдавал любительским археологическим раскопкам. Его участие в войне было отмечено наградами: в сентябре 1877 г. он получил орден св. Владимира с мечами, в конце ноября пожалован кавалером ордена св. Георгия 2-й степени, а в феврале 1878 г. (уже в Петербурге, куда он в то время вернулся) — украшенной бриллиантами золотой саблей с надписью «За отличное командование».

По возвращении с войны цесаревич занялся очень крупным делом — созданием Добровольного флота. Ближайшим его сподвижником в этом деле явился Победоносцев. Создание Добровольного флота, дожившего до 1917 г., было вызвано резким недовольством наследника престола действиями Морского министерства в области судостроения. «Морское министерство не желает обращать внимания на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками», — замечает он в одном из писем[15]. Между тем генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич пользовался полным доверием монарха. Поэтому единственно возможным выходом было создание частной торгово-мореходной организации на базе добровольных пожертвований. Общество могло бы закупить за границей уже построенные суда или заказать их и использовать в качестве транспортных средств в мирное время, превращая их в военное — в военные корабли. Решено было закупить быстроходные океанские суда крейсерского типа.

Цесаревич принял на себя покровительство над Добровольным флотом, и дело пошло очень успешно. Уже в 1878 г. было собрано 3 млн. руб. и куплены первые три парохода. Но это было только начало. Доходы от перевозок шли на пополнение флота, команда набралась из военных моряков. Наследник престола отдавал этому предприятию много внимания и сил, следил за прессой, за перемещениями судов, встречался с моряками, плававшими на этих пароходах. Став императором, Александр передаст управление Добровольным флотом Морскому министерству и будет субсидировать его, но в начальном периоде существования этот флот держался на энтузиазме жертвователей и усилиями цесаревича.

Доброго слова заслуживает Александр Александрович от историков, ибо в значительной мере ему они обязаны созданием Русского исторического общества, за полувековой период своей деятельности выпустившего в свет полторы сотни томов документов и энциклопедический справочник «Русский биографический словарь». Создание научных обществ было делом не простым, ибо, как всякое учреждение, они требовали хотя бы маленького штата и расходов на свою деятельность. Любительских средств на это часто не хватало. И когда государство отказывалось финансировать деятельность такого общества, а любителям было трудно вытянуть расходы на него, они прибегали к испытанному способу решения задачи: вводили в его состав высокопоставленного покровителя, чье имя стимулировало бы и вступление в него, и доброхотные даяния.

Почетное председательство отнюдь не гарантировало автоматического процветания такой организации, но создавало условия для ее выживания. К этому приему и прибегли в середине 60-х годов XIX в., когда среди людей, близких к наследнику престола, возникла мысль об учреждении профессионально-любительского Исторического общества, тем более что Экономическое, Географическое, юридические уже существовали. Историческое общество должно было поддержать интерес к отечественной истории и продвинуть ее изучение.

В марте 1866 г. 12 членов-учредителей (среди них К. Н. Бестужев-Рюмин, князь П. А. Вяземский, А. Ф. Бычков, М. И. Богданович, М. А. Корф, Д. А. Толстой, Е. М. Феоктистов) собрались, чтобы договориться об основах организации и деятельности Общества. Первоначально опекуном Общества выступило Мини-

стерство иностранных дел (во всяком случае, именно оно внесло в Комитет министров представление об учреждении Общества), которое было готово оказать Обществу свое содействие. Но Комитет министров высказался за то, чтобы Историческое общество находилось в ведении Министерства народного просвещения (его возглавлял в то время А. В. Головнин, вскоре замененный Д. А. Толстым). В уставе Исторического общества говорилось: «Кроме председателя, Общество может иметь почетного председателя, если кто-либо из членов императорской фамилии удостоит Общество принятием на себя этого звания»[16]. Общество должно было поддерживаться единовременными и ежегодными взносами и пожертвованиями. Почетное председательство взял на себя цесаревич.

Историческое общество с самого начала решило специализироваться на изучении послепетровского времени, преимущественно XVIII века. Русское историческое общество называлось «общеобразовательным» и «научным», то есть имело широкий характер. Члены общества, число которых не было ограничено, собирались на заседания «обыкновенные, чрезвычайные и годовые». Александр III любил историю и в бытность наследником престола, и после воцарения с удовольствием читал исторические сочинения и принимал участие в заседаниях Исторического общества, помогал ему, собирая у себя в Аничковом дворце, являвшемся его резиденцией, членов Исторического общества, так что его председательство и членство не были номинальными, как то не раз бывало в подобных случаях. Держался при этом Александр III приветливо и радушно, получая, надо полагать, отдохновение от дел обязательных и неприятных. Когда подрос великий князь Николай Александрович, на заседания Общества стали приглашать и его, и он с удовольствием слушал разговоры о российской истории.

И еще об одном увлечении Александра в молодости, также принесшем видимые результаты. Он явился одним из организаторов оркестра, дотоле в дворцовых залах не звучавшего, — духового. Родители его добросовестно пытались сделать своих детей людьми, любящими музыку, и музыкальное образование входило в перечень обязательных предметов обучения. И Николая, и Александра, и Владимира начинали учить игре на фортепьяно. Двум последним это было не по душе. Уроки музыки стали самыми ненавистными и были прекращены. Однако Александру, в котором сильна была военная жилка, нравилась военная музыка, и вскоре от интереса к ней, исполняемой другими, он переходит к попыткам играть на духовых инструментах. Вокруг него складывается первоначально медный духовой септет, в котором цесаревич играл на корнет-а-пистоне. Позже септет вырос до девяти участников, а затем и в целый духовой оркестр[17].

В конце 70-х годов XIX в. обязанности наследника престола расширяются. Во время отъездов императора из Петербурга на него перекладываются прием докладов, дела текущей политики. И это в период начавшегося глубокого внутреннего кризиса, когда экономическая, социальная и политическая обстановка резко ухудшаются. «Грустное и страшно тяжелое положение» — такова его оценка ситуации в декабре 1879 года[18]. В самом деле, в это время вся Россия находилась в состоянии недовольства и ожидания. Расходы на войну привели к дефицитному бюджету, лишавшему правительство свободы финансового маневра. Война и не развивавшаяся далее аграрная реформа ухудшили положение в деревне. Крестьянство, не видевшее в массе своей возможности собственными силами решить проблему малоземелья, начинает питаться иллюзиями относительно возможности расширить наделы за счет господских земель. Так возникают слухи о «черном переделе» — даровом получении земли, — грозящие опасностью массового взрыва.

Народовольцы, не имея нормальных политических средств борьбы, отчаявшись, переходят к террористической деятельности. Ко всему этому прибавляется оппозиция «верхов», часть которых требовала принятия мер к упрочению дворянского землевладения и предоставления политических прав, а другая — быстрого продвижения по пути буржуазно-демократических реформ. Главной среди них была реформа государственного устройства, создание какой-либо формы общегосударственного представительства. Начавшаяся в 1879 г. серия покушений на императора сильно нервировала правящие круги и заставляла их непрерывно обсуждать меры стабилизации положения, мечась от предложений о широких репрессиях до значительных уступок общественному движению во имя «успокоения».

Смятенное состояние царской семьи, да и вообще всех придворных и правительственных кругов, осложнялось длительным романом императора с Е. М. Долгоруковой, наличием у него второй семьи, с течением времени становившейся фактором правительственной политики. Стареющий монарх все более привязывался к женщине, бывшей на 30 лет моложе его, и своим детям от нее. В этом пожилом и больном человеке желания и страсти частного лица все более теснили государственного деятеля. Чтобы упростить свое общение с гражданской семьей, он перевел ее в Зимний дворец. Мария Александровна, давно знавшая об этой связи мужа, была оскорблена до глубины души и замкнулась в себе. К тому же у нее была последняя стадия чахотки. В мае 1880 г. она умерла в Зимнем дворце в полном одиночестве, причем Александра II даже не было в городе, он уехал в Царское Село, где находилась Долгорукова.

При дворе судачили по поводу широко известной связи императора, многие осуждали его за «старческую слабость», часть сановников вынуждена была лавировать, а некоторые пытались использовать ситуацию, действуя через Долгорукову, имевшую огромное влияние на царя. Любивший мать и придерживавшийся очень строгих взглядов на семейные узы цесаревич был в негодовании. Оно еще более усилилось, когда Александр II, сразу после «сороковин», тайно обвенчался с Долгоруковой, признав официально своих детей от нее и дав всей ее семье титул «светлейших князей Юрьевских». Несмотря на секретность брака и всяческое подчеркивание монархом, что это женитьба частного человека, о ней стало широко известно в обществе, тем более что Александр II публично появлялся с Долгоруковой и знакомил с нею наиболее близких ему людей. Возникла угроза ее коронования и окончательной легитимации ее детей.

В царской семье сложились тяжелейшие отношения. Император увез новую семью в Крым, в Ливадию, оставив в Петербурге вместо себя наследника престола, хотя продолжал регулярно заниматься наиболее важными делами и в Крыму: к нему поступали бумаги, приезжали министры. Отношения с мачехой у цесаревича не налаживались, и отец в надежде примирить их вызвал старшего сына в Ливадию. Прибывшего туда наследника престола ждал еще один удар — мачеха заняла во дворце комнаты его покойной матери. Примирение не состоялось, цесаревич избегал встреч с мачехой. А. Н. Куломзин, замещавший в то время министра государственных имуществ и в таком качестве представлявшийся царю в Ливадии, вспоминает: «В это время я застал следующие обстоятельства. Император Александр II водворил княгиню Юрьевскую, жившую прежде на особой даче около Ялты, в свой дворец, т. е. в комнаты, ранее занимаемые императрицей Марией Александровной, ибо других комнат не было; наследник, которого государь вызвал в Ливадию, не хотел ехать, и граф Лорис-Меликов, исполняя желание государя примирить их, завлек Александра Александровича, лживо удостоверив его высочество, что княгиня во дворце не живет. Однако, раз прибыв — обратно ехать невозможно. Водворился следующий порядок. Государь имел обыкновение каждое воскресенье приглашать к столу приезжавших в Ялту министров и другого звания высших чинов, причем в одно воскресенье по правую руку государя место занимала цесаревна Мария Федоровна, и по левую руку государя — наследник, а в следующее воскресенье цесаревич с супругою уезжали на охоту или вообще в горы, а за столом обедала княгиня Юрьевская, и прибывшие были ей представляемы»[19].

Все это происходило после взрыва в Зимнем дворце, то есть в условиях чрезвычайных, оформленных де-юре в феврале 1880 г. созданием Верховной распорядительной комиссии во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Характерно, что царь не хотел прибегать к чрезвычайным мерам, но сделал это по настоянию наследника престола, склонного действовать силовыми приемами. Он возлагал большие надежды на Лорис-Меликова, боевого генерала, считая, что тот сумеет твердой рукой навести порядок. Лорис-Меликов как будто начал оправдывать эти надежды, о чем свидетельствовала скоропалительная казнь покушавшегося на него И. Млодецкого. Однако репрессивные меры не были единственной тактикой фактического российского диктатора. Очень скоро он воспринял общее для либеральной бюрократии и либерального общества убеждение, что главным в тех обстоятельствах является предоставление обществу, уже 20 лет живущему в посткрепостнических условиях, некоторых политических прав, в том числе и права на участие в центральных представительных органах.

Осознав это, Лорис-Меликов стал постепенно продвигать идею привлечения

земских и городских представителей к законосовещательному процессу. Идея эта была не нова и обсуждалась в правительственных кругах по крайней мере четырежды — в 1863, 1866, 1874 и 1879—1880 гг., но была отвергнута: Александр II находил обстановку неоднозначной и откладывал решение вопроса. А в начале 1881 г. положение изменилось, конституционная идея собрала вокруг себя уже много сторонников, и под их давлением император решил использовать это последнее средство для установления социального мира.

Особая комиссия, куда входил и наследник престола, еще недавно считавший, что «ничего» делать в этом смысле не надо, смогла выработать общее предложение о создании депутатских и Редакционной комиссий для участия в качестве первой инстанции в обсуждении законопроектов, существо которых будет подсказано организованными Лорис-Меликовым сенаторскими ревизиями. К тому времени он уже возглавил Министерство внутренних дел. По мере того как он обнаруживал свои конституционные намерения (само слово «конституция», естественно, не произносилось), отношения его с цесаревичем, на первых порах очень близкие, обострялись, хотя последний, оставшись в одиночестве, и снял свои возражения против проекта Лорис-Меликова. Между тем обстановка в правящих кругах достигла пика напряжения. С одной стороны, брак Александра II, все более раскалывавший и императорскую фамилию, и сановников, с другой — проект представительных учреждений, давным-давно подготавливаемый, но еще не утвержденный. Его принятие означало поворот во внутренней политике. Перед страной открывалась возможность идти более цивилизованным, конституционным путем, без конфронтации власти и общества.

1 марта 1881 г. Александр II, одобрив журнал комиссии Лорис-Меликова, назначил на 4 марта заседание Совета министров под своим председательством, чтобы на нем окончательно договориться о редакции объявления относительно созыва депутатских комиссий. Затем царь отправился в Манеж. Во дворец его привезли смертельно раненным бомбой народовольцев, а через час он умер от потери крови на руках жены и сына. Смерть Александра II лицами из его окружения была воспринята по-разному. Многие расценили цареубийство так, как министр двора А. В. Адлерберг: «Мученическая кончина государя, быть может... спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала»[20].

Под угрозой оказалась судьба проекта Лорис-Меликова, а вместе с ним и перспектива конституционного развития России. Немедленно опубликованный манифест о воцарении Александра III в очень обтекаемой форме говорил о правительственном курсе. Никаких обязательств продолжить дело отца новый император не давал. Он лишь провозглашал намерение пещись о России «по завету наших предков». И Россия, и весь мир гадали, каким будет новый царь, чего ждать от него? Высказывались разные предположения, вплоть до объявления его сторонником конституции. И рациональное зерно наличествовало в этих пересудах и спорах, и были в них явные нелепости.

Но один человек в те дни безошибочно препарировал характер Александра III и пророчески предсказал направление его политики. Это был И. С. Тургенев. Писатель, много времени проводивший за границей, европеец по политическим симпатиям, но не потерявший ни грана своей российской сути, он мечтал о европеизации России, о конституционной монархии, октроированной сверху, о подлинной свободе, о достойном развитии страны. И очень остро чувствовал национализм. Летом 1879 г. Тургенев в Париже встретился с цесаревичем и с проницательностью великого психолога понял его душу. Разумеется, при этом писатель воспользовался и рассказами, например, российского посла в Париже Н. А. Орлова.

Статья Тургенева «Александр III», подписанная псевдонимом, появилась во французской печати 26 марта, то есть была написана в первые недели нового правления. Статья предназначалась для французов и имела целью создать максимально благоприятный образ нового императора России.

Концентрируя внимание читателей на безусловно положительных качествах Александра III — здоровье, искренности, честности и т. п., — Тургенев нигде не погрешил против истины и не впал в восхваление отсутствующих у царя черт. И сумел (очень деликатно!) сказать о том, что тот недостаточно образован, получил преимущественно военную подготовку. «Этот государь кажется рожденным с несомненными способностями к власти», — писал Тургенев и тут же оговорился,

что на «великого государя» Россия все же рассчитывать не может. Осторожно, но недвусмысленно говорилось в статье о его национализме, о «симпатии» к одним и антипатии к другим нациям: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский». Было сказано и о том, что император будет играть роль народного царя. Еще не зная о судьбе лорис-меликовского проекта, писатель развеял либеральные надежды. «Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии, — предупреждал Тургенев. — ...Его весьма близкие отношения с ультра-национальной партией, напротив, указывают на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархии, были и останутся еще долго чуждыми России. Императорская власть предпочтет проводить важные реформы, жалуя их сверху путем указов». И добавлял вполне резонно: «Эти реформы, впрочем, необходимы, давно разрабатывались и вполне подготовлены»[21].

Первые месяцы правления были для Александра III временем, когда ему приходилось заниматься невероятным количеством текущих дел, отодвигавших крупные мероприятия на второй план. Ему нужно было пережить ритуал похорон отца, процедуру вступления на престол, обеспечить интенсивные поиски революционеров и скорую расправу над участниками покушения. С последними он был безжалостен. Вл. С. Соловьев попробовал в лучших традициях российской интеллигенции воззвать к его русской душе и сердцу христианина, заявив в публичной лекции, что христианская мораль требует отказа от смертной казни, помилования заговорщиков. Но в новом монархе заговорила жестокость автократа. «Будьте покойны, — сказал он, — с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь»[22]. Действительно, и в 1881 г. и в последующее время против радикальных элементов общества принимались самые крутые меры.

Новый царь занялся и устройством судьбы Юрьевских. Он мечтал о скорейшем выдворении их из Петербурга и поручил Лорис-Меликову заняться переговорами с мачехой. К предоставлению ей ежегодного содержания и обеспечению приличествующего ее сану положения принуждали Александра III не только ее официальный статус супруги отца, но и трогательное письмо последнего, написанное в конце 1880 г., в котором он поручал сыну заботу об этой семье после своей смерти. Вскоре Юрьевская уехала с детьми за границу, где и жила, время от времени привлекая к себе внимание царской семьи и Министерства иностранных дел.

При всей занятости повседневными делами, Александр III в первые же дни своего правления сначала ближайшему окружению, а затем и всем подданным дал понять, каким будет направление в политике, которому он намерен следовать. В то время у России было только два пути, и для политиков они были очевидны. Германский посол в России Г.-Л. Швейнитц их обрисовал так: «Действительно, сегодня выбор может быть сделан между двумя путями: или реформы в европейском смысле из Петербурга или самодержавное царствование в Москве. Газеты северной столицы требуют — за немногими исключениями — либеральных реформ и с гневом отметают раздающиеся из уст Каткова и Аксакова призывы перевести правительство в Кремль. Что в последнем предложении есть здоровое зерно, — я согласен, что оно будет принято, — я не верю; это было бы слишком неудобно»[23]. Александр III, как показывает его политика, выбрал второй путь, в известном смысле не отказываясь от первого: он постарался стать царем московским в Петербурге, в условиях империи и развивающегося капитализма.

Принципиальный вопрос — укатанная ли европейская дорога или древняя российская, с рытвинами и ухабами, но зато с самодержавным царем-батюшкой и бедным крестьянством, огражденным от безземелья неотторгаемым наделом общинной земли, — для Александра III к этому времени был уже решен. Об этом свидетельствуют его действия на заседании Совета министров 8 марта. Он не стал надолго откладывать назначенное еще отцом заседание, собрав его с трехдневным опозданием в Зимнем дворце. Неожиданное приглашение на заседание Победоносцева и С. Г. Строганова, прежде в обсуждении дела не участвовавших, говорило о том, что император укрепляет оппозицию проекту Лорис-Меликова. Казалось бы, сыновний долг, предрешенность дела обязывали Александра III отнестись к обсуждению проекта как к простой формальности, автоматическому скреплению своей подписью политического завещания отца.

Однако Александр III предупредил членов Совета, что они должны исходить из того, что судьба проекта не решена, а стало быть, речь идет не о редакции документа, а о существе дела. Роль «главных оппонентов» взяли на себя Строганов и Победоносцев. Аргументы их были традиционны: предложения Лорис-Меликова чужды российским обычаям, несвоевременны, колеблют самодержавие. Последний аргумент — узурпация абсолютных прав монарха — всегда был убийственным. Это было обвинение в политической неблагонадежности, смертельный для карьеры государственного деятеля удар. Недаром все авторы проектов правительственного конституционализма всегда начинали с деклараций о лояльности и заботе об упрочении самодержавного принципа. Александр III провел заседание как умелый председатель министерской коллегии, знающий точно, чего хочет. Опираясь на категоричность оппозиции одних, осторожность других, он, вопреки поддержке проекта большинством, предложил перенести его обсуждение на неопределенное время.

Участвовавшие в обсуждении сторонники проекта, несмотря на известную им неприязнь царя к конституционным мерам, открыто, рискуя карьерой, высказались и за своевременность и за необходимость изменения существующего порядка выработки законов. Убеждение, что пришел решающий момент осуществления политической реформы, заставило их бороться и, не подавая в отставку немедленно, попытаться использовать слабую надежду на успех повторного обсуждения. С этим связаны и последние попытки Лорис-Меликова и поддерживавших его А. А. Абазы и Д. А. Милютина добиться от императора согласия на создание хотя бы эрзац-кабинета министров, который будет заседать без императора, принимать решения большинством и представлять их на его рассмотрение. Таким образом они пытались парализовать влияние Победоносцева, тогда еще находившегося в правительственных кругах в одиночестве. На совещании в Гатчине (куда Александр III переехал в конце марта) 21 апреля 1881 г. такое разрешение было ими получено.

Но пока сторонники реформ надеялись на цивилизованную деятельность неформального кабинета, самодержавие показало либеральным министрам, что оно не намерено взращивать правовое государство, а вполне способно действовать старыми методами. Император решил в конце концов громко сказать стране и миру (а к этому его вынуждали и заявления либеральной печати, и ультиматумы народовольцев), что он не уступит. В записке брату Владимиру он предельно ясно объяснил содержание будущего манифеста 29 апреля: там должно быть провозглашено, что он «никогда не допустит ограничения самодержавной власти»[24]. Та же мысль звучала в его записке Победоносцеву от 21 апреля: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление, — писал Александр III, показывая, что не обманулся насчет задач «кабинета». — Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу»[25].

Когда Бисмарк, исходя из немецких интересов, высказался за «русский путь» развития России, за сохранение самодержавия, то Александр III начертал на донесении об этом российского посла: «Дай бог, чтобы всякий русский, и в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом»[26]. Конечно, после этого либералы из числа министров должны были оказаться не у дел. Решающим ударом по всему корпусу министров Александра II стала почти одновременная отставка министров внутренних дел, военного и финансов сразу после манифеста 29 апреля, провозгласившего намерение Александра III обойтись без сотрудничества с обществом, охраняя единовластие.

Каждый из них являлся крупным деятелем либерального толка. Только Лорис-Меликов был случайной фигурой в среде реформаторов, но он сумел доказать свою способность быть восприимчивым к велениям времени и умение концентрировать вокруг себя активных деятелей, что чрезвычайно важно для человека государственного. Милютин прошел с Александром II почти весь путь его царствования. Изо дня в день 20 лет занимался он преобразованием российской армии. А такая повседневная рутинная деятельность, подчиненная единому разработанному плану, не каждому из министров была по плечу. Отставка такого человека, замененного П. С. Ванновским, гораздо менее образованным и более заурядным, была явной

потерей для России, как и уход из Министерства финансов А. А. Абазы, только в 1880 г. туда назначенного, и перемещение Н. Х. Бунге в министерское кресло.

Бунге, один из преподавателей Александра, человек ученый, здраво судивший о задачах финансовой политики, «шестидесятник», оказался чужаком в министерской среде вообще, и в новой компании министров в частности. Они с Абазой составили бы превосходный тандем, где товарищ министра мог бы разрабатывать программы и проекты, а министр со свойственными ему умом и энергией — осуществлять их, умело отстаивая в Государственном совете и Комитете министров. Интеллигентному Бунге, лишенному бойцовских качеств, пришлось на посту министра финансов очень трудно, тем более что он вскоре стал объектом нападок прессы, вернее, М. Н. Каткова, который справедливо усматривал в нем нечто чужеродное новому курсу, обломок либерализма предшествовавшего времени.

Процесс замены деятелей предыдущего царствования оказался очень быстрым и сопровождался выдвижением «истинно русских людей», по терминологии Александра III, ибо к таковым он причислял и себя. Сохранилось трогательное его заявление по этому поводу: «Есть господа, которые думают, что они одни русские, и никто более. Уж не воображают ли они, что я немец или чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают»[27].

Тогда же бы отрешен от многочисленных должностей великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал, председатель Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Ему в категорической форме, правда, через посредников (Александр III не хотел его даже видеть), было предложено уйти в отставку. Константин Николаевич — один из немногих выдающихся членов императорской фамилии, чья государственная деятельность отмечена масштабностью, умом и постоянством. С 1865 г. он возглавлял высшее законосовещательное учреждение страны — Государственный совет, через который шли все важнейшие законы, — и, отчасти благодаря своему положению брата Александра II, умел поддерживать достойное положение и престиж этой формы власти. Как у председательствующего, у него были недостатки, в известной мере связанные с великокняжеским саном: резкость, несдержанность, высокомерие. И все же замена его в качестве председателя Государственного совета великим князем Михаилом Николаевичем (другим дядей Александра III) означала приход к руководству человека несведущего, неподготовленного, не интересующегося законодательством, предпочитающего военное поприще и сферу придворной жизни.

Роль главы российского флота перешла к великому князю Алексею Александровичу. Самым близким к Александру III человеком из императорской фамилии оказался его брат, великий князь Владимир Александрович. Дяди Александра, кроме Михаила Николаевича, с которым племянник тоже мало считался, были отстранены от власти и даже выдворены из Петербурга. Это означало, как и многое другое, неприятие политики, к которой те были причастны, и намерение ее трансформировать. Старшее поколение Романовых заметило и оценило это довольно рано. Осенью 1882 г., собравшись как-то в Крыму, великие князья Константин и Михаил Николаевичи принялись рассуждать о «настоящем ненормальном положении дел», о «ломке» всего, сделанного Александром II, и в поисках причин этого казавшегося им странным явления пришли к выводу о чисто эмоциональных, в детстве коренящихся причинах: обидах Александра III на свою обойденность родительским вниманием. «Отсюда безотчетное желание переиначить все существующее, хотя бы только для того, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому»[28].

Первыми естественными шагами в этом направлении была перетасовка в рядах высшей бюрократии. Вслед за Константином Николаевичем не подошел под понятие «истинно русского» человека председатель Комитета министров П. А. Валуев, человек из стариннейшей русской фамилии, но западник по убеждениям и программе. В обидной для него форме получил отставку министр двора граф А. В. Адлерберг, замененный И. И. Воронцовым-Дашковым, с которым царь был на «ты». Начальником охраны монарха стал генерал П. А. Черевин, большой любитель выпить, что с точки зрения Александра III было несомненным достоинством, ибо он в лице своего главного охранника имел еще и изобретательного собутыльника, поставлявшего своему государю сапоги, в которые можно было спрятать фляжку с коньяком.

Процесс смены министров и лиц министерского ранга был непростым и негладким, демонстрируя, что оппозиция и управление требуют от человека разных качеств. Назначенный одним из первых после воцарения Александра III петербургским градоначальником Н. М. Баранов, очень симпатичный императору по своей предшествующей борьбе с Морским министерством и великим князем Константином Николаевичем, оказался никуда не годным администратором, и вскоре был убран подальше от столицы. Еще один «истинно русский» человек, Н. П. Игнатьев, проложивший путь к сердцу Александра еще в 1876 г. своими панславистскими призывами, был прогнан с поста министра внутренних дел, как только обнаружил свое намерение созвать — в полном соответствии со славянофильской доктриной — Земский собор.

В конце концов, на протяжении 1881—1882 гг. Александр III сформировал ядро своих ближайших сотрудников. Это были Победоносцев, обер-прокурор Синода, игравший — небывалый случай в истории XVIII—XIX вв. — роль премьер-министра; Д. А. Толстой, демонстративно возвращенный Александром III к государственной деятельности; М. Н. Островский и И. Д. Делянов, не пользовавшиеся уважением своих коллег за пределами этого ядра. Об обстановке, сложившейся в то время, метко писал служащий книжной лавки Вольфа, где абонировалась вся чиновная верхушка Петербурга, начавшая было во времена Лорис-Меликова выписывать из-за границы книги по конституционному праву: «События, последовавшие после цареубийства 1 марта 1881 г., и реакционное направление, которое взяло верх в русской государственной жизни в царствование Александра III, заметно отразились на беседах высоких сановников, бывавших в магазине Вольфа. Большинство из сановников — клиентов Вольфа — очутилось не у дел; одни уехали, кто за границу, кто в деревню; другие, оставаясь в Петербурге в каком-нибудь почетном звании, перестали играть роль в государственной машине, а те, которые и при новом курсе сумели удержаться на посту, стали сдержаннее в своих разговорах. Вообще после оживленной поры бесед на политические темы в первые же месяцы после вступления на престол Александра III наступила пора какого-то уныния, молчания, страха. Даже высокопоставленные лица опасались сказать лишнее слово»[29].

С уныния, страха, чувства безнадежности в обществе началось правление Александра III, воспринявшего престол в зрелом возрасте. Что можно сказать о нем, начавшем единолично повелевать судьбами огромной страны, стоявшей на распутье? Конечно, и характер страны, и особенность времени требовали от нового царя не просто качеств государственного мужа, но выдающегося деятеля, умеющего соразмерять желаемое и возможное, нужное и достижимое, видеть цели близкие и в далекой перспективе, выбирать людей для их исполнения, сообразуясь с задачами, а не с личными симпатиями. Всего этого в Александре III было крайне мало. Зато как человек он обладал ярким характером, был цельной личностью, носителем твердых принципов и убеждений.

В частной обстановке у царя было бы много искренних друзей, ибо почти все или многие его человеческие качества вызывают симпатии. Внешне этот огромный ясноглазый человек с прямым и твердым взглядом как нельзя более соответствовал своему прямому и открытому характеру, который поэтому легко угадывался. Личность царя явно доминировала в нем над государственным деятелем и потому ярко проявлялась в его политике, сквозь которую так и просвечивает его характер. Когда человеческие качества и убеждения совпадали с целями правительственной политики и были для них достаточны, — его политика была успешной. Но там, где требовалась дальновидность, разносторонность, компромиссность, — она была обречена на провал, в том числе и в исторической перспективе.

Александр III был человеком простым, искренним, верным слову. Лучше всего он чувствовал себя в среде военных и в кругу семьи, своих и чужих детей, а должен был проводить большую часть времени за чтением нудных и малопонятных ему казенных бумаг: докладов, журналов, мемории, представлений, справок. Сопоставление разных точек зрения, выявление их рационального зерна давалось ему тяжело — для этого у него было недостаточно ни знаний, ни способностей, а готовность довериться профессионалам, специально отобранным, была очень мала. Отсюда его поиски людей, которым можно было бы довериться, а потому и принять их предложения. Отсюда его нежелание созывать Совет министров, где в его присутствии шло столкновение мнений.

Этим же объясняется и падение значения в его царствование Государственного совета. Его взгляд на эту законосовещательную коллегию был очень прост: Государственный совет помогает ему осуществить его намерения, поддерживая проекты, о которых он уже договорился со своим министром с глазу на глаз. Александр III очень сердился, когда какой-либо проект встречал в Совете критику, иногда острую, серьезное и продолжительное обсуждение, означавшее отсрочку принятия закона. Так было при прохождении законопроектов о земских начальниках или судебной контрреформе, которые он всячески форсировал. Лояльные седовласые сановники просто негодовали, когда император недрогнувшей рукой подписывал в качестве закона мнение меньшинства, игнорируя точку зрения большинства Государственного совета. В его царствование поэтому на первый план в качестве законодательного органа (точнее, законосовещательного) выходит Комитет министров, где провести законопроект было легче вследствие упрощенной процедуры обсуждения и более узкого круга участников.

Подобная картина наблюдалась и при Николае I, на которого Александр III был очень похож при всем внешнем различии. У них была общая психология — хозяина большого поместья, единолично за все отвечающего. В этом чувстве хозяина были, конечно, положительные стороны. Во-первых, Александр III был работяга, он буквально тянул государственный воз, вникая во все внешне- и внутриполитические дела. Он всегда был завален неотложными и крупными делами, а потому очень не любил светских развлечений: балов, приемов, на которых должен был присутствовать, и норовил, показавшись, незаметно уйти. Во-вторых, император был по-хозяйски бережлив. История с его штопаными-перештопаными штанами, которые ему чинил слуга, хорошо известна. Министр иностранных дел Н. К. Гирс был шокирован, когда увидел на рейтузах нагнувшегося царя «большую заплатку»[30].

Все это происходило на фоне всеобщего желания попользоваться ничейными, государственными средствами. Бунге как-то жаловался Победоносцеву в конце 1885 г.: «Все требуют денег... из государственного казначейства... и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия... Если мы берем... с населения более, чем оно может дать, то понятно, что мы увеличиваем только число просящих милостыню... Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счет казначейства»[31]. Александр III как истинный хозяин пытался экономить за всех: за бюрократию и помещиков, великих князей и предпринимателей. Он тяготился разросшейся свитой, расточительностью двора, ставшей повседневной раздачей орденов за выслугу лет и в связи с юбилеями и пытался с этим бороться, безжалостно вычеркивая из списков фамилии представленных министрами к награде лиц.

Он пытался бороться и с расточительностью императорской фамилии, ни в малейшей степени не желавшей действовать по законам и продолжавшей считать себя элитой высшего общества. А. А. Половцов, человек по своему положению государственного секретаря близкий к Михаилу Николаевичу, рассказывал, что великий князь Михаил Михайлович, достигший совершеннолетия, решил обзавестись собственным домом, для чего построить новый дворец, ссылаясь при этом на пример своего отца. Государственный секретарь, наглядевшийся на праздное и претенциозное общество великокняжеских особняков и понимавший все чудовищное несоответствие образа жизни верхов современной жизни, попробовал образумить молодого великого князя, сказав: «Ваш отец по своему положению принадлежит к XVI столетию, а вы к XX, коли не хуже, потому что невозможно предугадать, что Вам готовит будущее и какое положение великих князей будет весьма скоро»[32].

Озабоченный разрастанием императорской фамилии, Александр III решился пойти на изменение утвержденного еще при Павле I закона, сократив число возможных «высочеств». Толчком к такому решению стало увеличение расходов удельного ведомства на содержание царской фамилии, а император и на казну, и на доходы уделов смотрел как на собственный кошелек. Им двигали не отвлеченные государственные соображения, а боязнь пустить по миру собственную семью. К этому прибавлялось и нежелание состоять в официальном родстве с некоторыми членами императорской фамилии. Словом, династический характер политики здесь

был особенно виден. Проект нового закона готовился Александром III в большом секрете в кругу особо доверенных лиц — брата Владимира, Половцова, Воронцова-Дашкова, Адлерберга, многократно обсуждался. Почти три года ушло на разработку и принятие закона, по которому титул великих князей сохранялся только за детьми и внуками императора, правнуки же становились «князьями императорской крови», с сокращением выплат и привилегий.

Принятию закона предшествовал указ, оповестивший о готовящемся законе, где все было уже детально разработано. Указ вызвал (как и закон) глухое недовольство в великокняжеских кругах, не переходившее впрочем в открытые стычки с императором. Зато в петербургских титулованных кругах эту меру Александра III одобрили: всплыла трехсотлетняя неприязнь древних Рюриковичей к худородным Романовым. Михаил Николаевич жаловался: «Это все петербургский высший свет, который радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-голштинцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул и притом без суда, без совершения преступления»[33]. Кстати, это один из законов Александра III, показывающих, что политику его царствования нельзя оценивать как серию только реакционных мероприятий.

Понижение выкупных платежей и переход к обязательному выкупу, законы о переселениях крестьян, учреждение государственных ипотечных банков, поэтапная отмена подушной подати — все эти меры являлись не только развитием реформ 60-х годов XIX в., но и осуществлением проектов, в те годы уже в той или иной степени рассматривавшихся. Но зато тем большим контрастом выглядят законы, консервировавшие общину, вводившие опеку земского начальника над крестьянством, как бы возрождавшую дореформенную систему отношений, лишь несколько модифицированную. Были и такие реформы и контрреформы, осуществить которые Александру III просто не удалось: неудачей кончилась его попытка преобразовать систему чинопроизводства; члены учрежденной им в 1881 г. комиссии генерала П. Е. Коцебу не решились ломать организацию армии, столь долго строившуюся и явно целесообразную. Словом, это была довольно эклектичная политика, составляющая смесь того, что хотел сделать Александр III, и того, что было возможно осуществить[34].

Если задаться вопросом, какие личные убеждения более всего сказались на политике Александра III, то на первое место придется поставить его слепую веру в необходимость сохранения самодержавия. Власть воспринималась им как собственность, а люди, разговаривающие о народовластии, — как воры, покушающиеся на его нательную рубаху. Демократизм в поведении и чудовищное высокомерие носителя верховной власти в нем сочетались и проявлялись иногда в поразительной форме. Чего стоит его заявление: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» — сделанное им еще в 1881 году[35].

Он закрывал перед Россией возможности конституционного развития и оценивал реформы, проведенные его отцом, с точки зрения их совместимости с абсолютной властью. На судебной контрреформе он настаивал именно потому, что в его глазах это было детище конституционалистов, начавших с ограничения судебной власти царя. Другой бьющей в глаза идеей Александра III была идея национальная, сказывавшаяся и в его внешней политике, и в политике по отношению к национальным окраинам, у которых он начал отбирать остатки автономии, и в отборе приближенных сановников. Сильно отразился на его политике и сословный принцип, им исповедуемый. Он пришел на смену бессословному подходу предыдущего царствования и особенно сильно сказался на дворянской политике Александра III, поставившего целью поддержать и возродить поместное дворянство вопреки очевидной бесперспективности этого дела.

Несмотря на твердость и настойчивость Александра III, его решимость обеспечить своей семье и стране покой и процветание, его политика складывалась тяжело и медленно. Он постоянно испытывал недовольство и ходом дел, и нерасторопными, неспособными министрами. Отдохновение находил в семье, которая обычно жила либо в Гатчине, либо в Аничковом дворце. Чиновный и придворный Петербург он не любил и уединялся от него летом с семьей на яхте в финских шхерах. Всю жизнь он жил в обстановке усиленной охраны, расставленной во дворцах и пригородных парках, хотя, в отличие от отца, и не испытал ужаса от череды покушений. Единственный раз — 1 марта 1887 г. — такое покушение могло оказаться успешным.

Жестоким уроком для него, по-видимому, стал голод 1891 года. Ведь он начал царствование с того, что поставил своей задачей улучшить положение крестьянства, а через десять лет оказался перед лицом всероссийского голода. Другим бедствием, но им не осознанным, был конфликт установленной им системы с интеллигенцией. Реформы 60-х годов XIX в. потому и стали великими, что как только Александр II и его правительство обнаружили намерение проводить прогрессивные преобразования, вся интеллектуальная Россия сочла своим долгом принять в этом участие. Александр III своей политикой загнал в оппозицию весь интеллект страны. Студенты становились в оппозицию не потому, что требовали созыва парламента, а потому, что им отказывали в праве на столовые, библиотеки, научные общества. Лояльная, не принимающая революционных методов профессура оказалась гонимой и униженной своим бесправием. Неверие в наличие у самодержавия здравого смысла овладело интеллигенцией. И последствия этого в полной мере сказались при Николае II.

Многие российские самодержцы вошли в историю со своими номинациями, прочно к ним приставшими. Александр III значился как «царь-миротворец». Восприятие современников чутко отозвалось на редчайшую особенность его царствования — отсутствие войн, жизнь в условиях мира. Между тем время это было далеко не безоблачным и спокойным. В 80-е годы XIX в. у царя был большой соблазн ввязаться в балканские события. Ведь он, лично отстаивавший на фронте свободу и государственность Болгарии, должен был снести обиду, когда Александр Баттенбергский и его преемники предпочли обострить отношения с Россией ради сближения с Австро-Венгрией. В 1885 г. Россия буквально балансировала на грани афганской войны, чреватой столкновением с Англией. И хотя среди военных всегда находились люди, предпочитавшие говорить языком пушек, император внял доводам разума и предпочел язык дипломатии.

Внешняя политика Александра III столь же отчетливо несла на себе отпечаток его личности, как и внутренняя. Он сам повседневно занимался межгосударственными отношениями, и на них сказывалась его откровенность, доходящая до грубости, прямолинейность, нерасчетливость, неприязнь к лавированию и дипломатическому протоколу. Недаром МИД и его верхушка постоянно испытывали неловкость от прямоты царя и старались подальше припрятать документы с его резолюциями, грозящими вызвать международный скандал. Но в качестве противовесов этим опасным в политике качествам Александра III выступали его здравый смысл и отвращение к войне, знание ее истинной кровавой цены.

Сказывалась на иностранной политике и его широко известная германофобия. С нею (но лишь отчасти!) связан и решительный поворот России в союзнических отношениях. Отход от традиционного союза с Германией и Австрией был процессом долгим и мучительным. Объективную его основу составляли крепнущая мощь и агрессивность Германии, усиление в ее внешней политике силовых приемов по отношению к России, враждебная таможенная политика, стремление связать выдачу кредитов политическими условиями. В этих обстоятельствах России все чаще приходилось рассматривать Францию в качестве возможного союзника, на чем давно настаивал самый почитаемый царем идеолог, М. Н. Катков. Быстроте переориентации препятствовали непрерывные маневры германского канцлера. Столкнулись две дипломатии: прямолинейная, своеобразно честная Александра III и лукавая, изощренная у его оппонента Бисмарка. Прямодушный самодержец только и мог, что восклицать: «Оберскот!». Поэтому и оформление франко-русского союза произошло только в 1891—1893 гг. после ухода Бисмарка с политической арены. Александр III подписал франко-русскую военную конвенцию в декабре 1893 г. в канун своей смертельной болезни, как бы поставив точку в важнейшем деле своей жизни. Он обезопасил Россию от растущей агрессивности Германии, одновременно сделав шаг к будущей мировой войне.

С. Ю. Витте, горячий почитатель Александра III, видевший в нем ту твердую руку, которая позволит ему мобилизовать экономические возможности страны для проведения преобразований, высказал предположение, что император пришел бы в конце концов к мысли о необходимости либеральных реформ. Вряд ли. Во всяком случае, жизнь ему времени на это не отпустила. Судьба была безжалостна к Алек-

случае, жизнь ему времени на это не отпустила. Судьба была безжалостна к Александру III. В начале 1894 г. его болезнь (нефрит, толчком для возникновения которой считаются ушибы, полученные во время крушения императорского поезда на ст. Борки) начала быстро прогрессировать. Этот огромный сильный человек, наводивший страх, исхудал и истаял, виски впали, уши стали торчать. От слабости он впадал в забытье даже во время разговора, жил между отчаянием и надеждой, периодически начинал верить в какие-то простейшие средства лечения. И, не дожив до 50-летия, скончался в Крыму в октябре 1894 г., оставив огромную страну своему старшему сыну, которого считал мальчиком, к государственной деятельности явно не готовым.

Примечания

1. БЕНУА А. Мои воспоминания. Кн. I—III. М. 1990, с. 591.
2. Цит. по: ПОЛОВЦОВ А. А. Дневник государственного секретаря. Т. II. М. 1966, с. 426.
3. ПЕРЕТЦ Е. А. Дневник (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 46.
4. ЧИЧЕРИН Б. Н. Воспоминания: Земство и Московская дума. М. 1934, с. 109.
5. ТАТИЩЕВ С. С. Император Александр III. Его жизнь и царствование, рукопись (Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 878, оп. 1, д. 4, л. 55).
6. Там же, л. 327.
7. МЕЩЕРСКИЙ В. П. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865—1881 гг.). Б. м. 1898, с. 4.
8. У Александра III и Марии Федоровны было три сына и две дочери: Николай (1868—1918), в 1894—1917 гг. император; отрекся от престола; расстрелян в 1918 г. в Екатеринбурге. Георгий (1871—1899), умер от туберкулеза. Ксения (1875—1933), замужем за вел. кн. Александром Михайловичем, эмигрировала. Михаил (1878—1918), в его пользу отрекся Николай II, но он престола не принял; убит в Перми в 1918 году. Ольга (1882—1960), замужем сначала за герцогом П. А. Ольденбургским, затем за офицером Н. А. Куликовским, эмигрировала.
9. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т. 2-и. М.-Пг. 1923, с. 1008.
10. МИЛЮТИН Д. А. Дневник. Т. 1. М. 1947, с. 116.
11. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т. 2-й. с. 1009.
12. Старина и новизна. Кн. 2. СПб. 1898, с. 256—266.
13. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 2. М. 1949, с. 102; К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т. 2-й, с. 1016.
14. Там же, с. 1019.
15. Там же, с. 1041.
16. Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пг. 1916, с. 7.
17. Старина и новизна. Кн. 3. СПб. 1900, с. 314—338.
18. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т. 2-й, с. 1035.
19. КУЛОМЗИН А. Н. Пережитое (ЦГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 189, лл. 32 об. - 33).
20. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 4. М. 1950, с. 79.
21. ТУРГЕНЕВ И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М. 1982, с. 288—289.
22. К. П. Победоносцев и его корреспонденты, Т. 1, п/т 1-й. М.-Пг. 1923, с. 46—47.
23. SCHWEINITZ [H.-L.] von. Denkwürdigkeiten des Botschaftters. Bd. 2. Brl. [1927], S. 157.
24. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин. 1904, с. 75.
25. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т 1-й, с. 49.
26. Красный архив, 1927, № 3, с. 250.
27. Русский архив, 1906, № 4, с. 624.
28. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 4, с. 155.
29. ЛИБРОВИЧ С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг. 1916, с. 298—299.
30. ЛАМЗДОРФ В. Н. Дневник. 1891—1892. М.-Л. 1934, с. 274.
31. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, п/т. 2-й, с. 542.
32. ПОЛОВЦОВ А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. М. 1966, с. 243.
33. Там же, с. 287—288.
34. Картины этой политики воспроизведены в обобщенном очерке С. Н. Валка и в конкретном исследовании П. А. Зайончковского (ВАЛК С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов. В кн.: История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. М. 1951; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970).
35. СУВОРИН А. С. Дневник. М.-Пг. 1923, с. 166.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Мао Цзэдун

Сейчас в Китае окончательно побеждает учение Мао. А ведь в середине 40-х годов кричали, что это невозможно, что китайские коммунисты не победят. То же утверждали, когда там развернулась «культурная революция». Я же говорил: «Чепуха!» Конечно, победят. Армия у них сильная, морали там никакой не соблюдается, законы никакие не признаются. Если не послушаешь, то голову оторвут. А они ведь делают это артистически, собирают на площадях тысячи людей и душат несогласных. Что это, политика? Даже нельзя сказать, что это такое. Варварская политика. Нечто неопределяемое, но тут реальные факты, и ничего не поделаешь, такие там сложились условия жизни.

Лю Шаоци — умнейший человек, он не сдается, он не согласен с политикой Мао Цзэдуна и как-то борется против него. К тому же у него очень много сторонников. Но они реальной силы не имеют. Так что Лю Шаоци существует не потому, что у него есть сторонники, которые не выдают его Мао Цзэдуну. Нет, Мао может задушить Лю без особых усилий. Но это вызовет гнев масс, которым Лю хорошо известен. Это Мао знает и борется сейчас не против Лю как человека, а как против носителя определенной системы политических взглядов, хочет изолировать его политически.

Культ личности Мао — тоже сложное явление. С культом мы сталкивались и сталкиваемся не только в Китае. Сколько уже веков твердят: «Господи помилуй, Господи помилуй!» Это помогало? Кому? Обычно не помогало, но священники убедили нас, и народ верил в бога. То же самое и тут. Между прочим, Мао начинали превозносить еще у нас. Например, такой факт. Я тогда еще работал в составе советского руководства. Узнал, что наши военные напечатали труды Мао по военным вопросам. Вызвал я маршала Малиновского и говорю: «Товарищ Малиновский, Ваше ведомство печатает Мао. Советская Армия разбила первоклассную германскую армию, лучшей армии у наших противников не было. А Мао воевал в Китае 20 или даже 25 лет, и все это время он и его враги друг другу ковыряли задницу штыками и ножами. Теперь Вы печатаете «военные труды» Мао. Для чего? Учиться нам по этим трудам, как воевать в будущем? Какая часть тела принимала такое решение?» Это произошло пять лет тому назад. Умные вообще-то люди решали дело, но вырешили глупость, да они и сами были согласны, что совершили

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, № 1—3, 6—9.

глупость. А сейчас, наверное, эти книги лежат на складе, а может быть, просто сожгли их.

Хочу еще немного остановиться на «личностях». Год или полтора назад, как мне говорили, распространялось в СССР мнение, что это я поссорил Китай с СССР. Спорить не буду, поскольку история сама показала цену подобным заявлениям. Но меня удивило, огорчило и разозлило, что такую глупость повторял Юдин, то есть человек, который был советским послом в Китае во время начала советско-китайского конфликта. Поэтому — несколько слов о Юдине. Он высказывается в том смысле, что я раздразнил Мао и тот превратился в антисоветского человека. Если бы он мне лично сказал это, я бы документально доказал, что внешнее начало нашего конфликта с Мао было заложено самим Юдиным. И если переходить на столь низкопробную дискуссию по данному вопросу, то могу с большим основанием говорить, что там, где появится Юдин, у нас с любой страной возникнет конфликт. Вот поехал Юдин в Югославию, и мы разругались с Тито. Послали Юдина в Китай, и мы разругались с Китаем. Тут вовсе не простое совпадение.

Я в свое время к Юдину относился с уважением. Как он попал в Китай? Мао прислал письмо Сталину, в котором просил его, чтобы тот порекомендовал ему советского марксиста-философа: пусть он приедет в Китай, потому что Мао хочет отредактировать свои выступления и чтобы образованный человек помог привести их в надлежащий вид, дабы не было допущено каких-либо ошибок в марксистской философии. Выбор пал на Юдина. Его и послали. Юдин работал там, душа в душу с Мао. Мао даже приезжал к нему в посольство чаще, чем Юдин к Мао. Так говорил Юдин, да так оно и происходило. Даже Сталина несколько беспокоило, что Юдин как-то неуважительно поступает по отношению к Мао.

Все шло хорошо. И вдруг мы получаем от Юдина длинную шифровку, где Юдин описывает невероятные вещи, которые он услышал от Мао в адрес Советского Союза, нашей компартии, а также лично Юдина. Если раньше складывалось впечатление, что Мао вроде бы пресмыкался перед Юдиным, то после этой телеграммы стало видно, что Мао вообще не уважает Юдина. У нас сложилось мнение, что Юдину надо оттуда убираться. Юдин как посол слаб. Но когда личные отношения Мао и Юдина были дружеско-братские, тот был полезен. А чисто посольская работа от Юдина, на кой черт она нам нужна? Пусть дипломаты занимаются ею. Когда у него такой конфликт с Мао, то он и как посол — тоже не посол, а на философской основе у него получился полный разрыв с Мао. И мы его тогда отозвали в СССР.

Когда же мы поехали в Китай в 1954 г. и провели несколько бесед с Мао, я потом сказал товарищам: «С Китаем у нас конфликт неизбежен». Такой вывод я сделал из реплик Мао и из обстановки, созданной вокруг нас. Она была азиатская: вежливая до приторности, предупредительная до невозможности, но неискренняя. Мы любезно обнимались и целовались с Мао, плавали вместе в бассейне, болтали по разным вопросам, душа в душу проводили все время. Но это выглядело до приторности слащаво и противно. Отдельные же вопросы, которые возникали и вставали перед нами, настораживали нас. А самое главное, я почувствовал и еще тогда сказал об этом всем товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая бы, даже в какой-то степени, верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого.

Если бы Сталин прожил еще немного, тот же конфликт разразился бы раньше и получился бы полный разрыв между СССР и Китаем. Политика — это вообще игра. И Мао проводил свою политику, вел свою игру. Ее особенность заключалась только в азиатских методах, в лести и коварстве. После XX съезда КПСС Мао говорил: «Товарищ Хрущев открыл нам глаза, сказал правду, и мы перестраиваемся». Сам Мао опубликовал это высказывание, а потом грянул все же конфликт. Когда Мао стал вести явно неправильную политическую линию и выдвинул лозунг «Пусть расцветают сто цветов», он при встрече со мной спрашивал: «Товарищ Хрущев, как Вы смотрите на «сто цветов»?» Я отвечаю: «Товарищ Мао Цзэдун, мы просто такого не понимаем». Конечно, мы не публиковали своего мнения по этому вопросу. Я конфликтнул с Мао лично, но мы публично об этом не высказывались, хотя у нас тут было общее мнение. Даже публиковать-то по данному поводу нечего было. А Мао я сказал: «Мы этого не понимаем. Потому что цветы существуют раз-

ные: и полезные, и противные, и просто вредные». Мао согласился, что нам это не подходит. Он человек умный и сам понимал, что раз мы ничего не публикуем в данной связи, значит, мы не согласны.

И вдруг Мао выдвигает новую идею: в пять лет догнать Америку. Начал у себя организовывать коммуны, создавать бытовые домны-самовары. Объявил, что идея мирного сосуществования — буржуазно-пацифистская точка зрения. Затем китайцы стали говорить, что при социализме распределение благ по количеству и качеству вложенного труда — буржуазный лозунг. Послышались обвинения, что мы плетемся в хвосте у буржуазии. Тут уж встали принципиальные вопросы направления дальнейшего развития страны. Мы не могли идти за Китаем. А теперь философ Юдин все сваливает на личности. Он меня удивляет. Я его считал умным человеком.

Или взять проблему войны и мира. Когда мы с Мао в Пекине лежали в одних трусах около бассейна и рассуждали о мировых проблемах, Мао сказал мне: «Товарищ Хрущев, как Вы считаете: если сравнить военную мощь капиталистического мира и социалистического, то Китай выставит столько-то дивизий, СССР — столько-то, остальные социалистические страны — сколько-то, а сколько выставят враги? Ясно, у нас будет преимущество». Я говорю: «Товарищ Мао Цзэдун, сейчас такой подсчет соотношения сил уже не годится. Когда решался вопрос кулачным боем или штыком, можно было считать, сколько у кого штыков и где перевес. Когда появился пулемет, то большее количество войск при меньшем количестве пулеметов не обязательно побеждало меньшего по количеству врага. А сейчас, когда есть атомная бомба, сколько у кого будет пушечного мяса — не указывает на фактическое соотношение сил». Он сказал, что не согласен со мной. А я разве мог с ним согласиться?

Или возьмем его заявление, когда он приезжал в 1957 г. на московское Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. Самые любезные состоялись тогда у нас разговоры, причем откровенные. Мао говорил мне: «Товарищ Хрущев, вот маршал Жуков, выступая в газете, сказал, что если произойдет атака империалистических держав против какой-либо страны социализма, то СССР немедленно нанесет ответный удар. Это неправильно!» «Товарищ Мао Цзэдун, Жуков выступил не по своей воле, таково решение нашего ЦК партии, мы обязали высказаться министра обороны СССР. Я тоже говорил это, это советская точка зрения». У нас возникла тогда не ссора, произошла дружеская дискуссия, шло выяснение истины.

И тут же Мао мне заявил: «Я считаю, что если империалисты на нас нападут, на Китай, то СССР не надо ввязываться. Мы сами будет бороться. Лишь бы СССР сохранился, тогда все постепенно станет на свои места. Или, например, если нападут на вас, то вы тоже не отвечайте ударом». «А как же поступать?» «Отходите. Отступайте и год, и два, и три года». «Куда отходить?» «Но вы же отходили. В свое время отошли к Сталинграду, а теперь можете отходить хоть за Урал. За спиной стоим мы, Китай». «Товарищ Мао Цзэдун, если начнется война, то сколько будет она длиться? Ведь эта война не будет похожа на предыдущую. Та война была войной авиации и танков, а сейчас состоится война ракет и атомных бомб. Окажутся ли в нашем распоряжении три года, чтобы отходить до Урала? А может быть, у нас будет только несколько дней, а потом уже будут царапаться с врагом наши остатки? Никто не сможет сейчас это предсказать. Поэтому мы придерживаемся позиции удержания противника от ядерной войны. Если же скажем, что не будем отвечать, значит, сами призываем врага к нападению. Но мы заявляем, что ответим противнику, и тем самым удерживаем его от нападения».

Таковы были расхождения. Однако если мы говорим о Мао, то это одно дело, и совсем другое, если мы говорим о Китае в целом. Если мы начнем поносить китайский народ, то окажемся на националистических позициях. Национализм — это если мы начнем считать, что какая-то нация имеет особые права и преимущества. Это нацизм. Поэтому мы и сейчас искренне верим, что китайцы — наши братья, такие же люди, как мы. И если обманутая китайская молодежь нападает на наше посольство, это еще не значит, что нам надо ненавидеть китайский народ. Молодежь — еще не вся нация. Мы же марксисты! Должны понимать, что есть и иная молодежь. Ведь не весь Китай был на той площади, и не все, кто был на той площади и кричал, согласны с подобным. Вот в чем дело! Сколько сейчас китай-

цев, которые сами оплакивают то, что у них получилось? В Китае развернулась сильная борьба, китайцы убивают друг друга. Вот у нас Сталин расстрелял сотни тысяч граждан. Мы, члены партии, отвечаем за это, но нельзя же сейчас считать, что такое делала вся партия. Имело место злоупотребление властью Сталиным, а сейчас то же самое повторяет у себя Мао.

Приведу еще несколько фактов из истории наших взаимоотношений с Китаем. Сталин довольно критически относился к Мао Цзэдуну. Он называл его, и с марксистской точки зрения правильно называл, каким-то пещерным марксистом. Действительно, когда Мао победно шествовал по стране, коммунисты подступили к Шанхаю. Но потом они остановились и не занимают его. Сталин спрашивал у Мао: «Почему не берете Шанхай?» Тот отвечает: «Там шесть миллионов населения. Если займем, надо их кормить. А чем их кормить?» И это марксист? Мао опирается на крестьян, а не на рабочий класс. Рабочий Шанхай он игнорирует, не хочет его принимать и не хочет на него опираться. Сталин его не раз критиковал с классической марксистской позиции и был прав. Но факт остается фактом. Мао, опираясь на крестьян, добился у себя победы. Тут не чудо, а поправка к историческому материализму: пришел к власти, опираясь на крестьян! Значит, правда истории — за ним. Только не марксистская правда. Ведь победы бывают и временными, и вообще с разными результатами. Это из истории тоже видно.

Или другой конкретный случай. При Сталине СССР заключил договор с Китаем о совместной эксплуатации недр Синьцзяна. То была ошибка, даже оскорбление китайцев. В Китае раньше сидели французы, сидели англичане, сидели американцы, а теперь советские люди тоже туда влезут. Это же немыслимое дело! Сталин то же самое проделал в Польше, в ГДР, в Болгарии, в Чехословакии, в Румынии. Мы потом ликвидировали все смешанные общества такого рода. Третий случай. Сталин обзванивает всех нас и спрашивает: кто знает, в каком районе Китая разрабатываются золото или алмазы? Мы-то не такие были знатоки, каждый ответил, что не знает. Потом шутили потихоньку, когда сошлись вместе у Сталина. Берия говорит: «А ты знаешь, кому это известно? Артисту Козловскому. Он поет: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Между прочим, Берия лично подзуживал Сталина, что, мол, в Китае имеются крупнейшие природные богатства, а Мао их скрывает; раз мы ему даем кредиты, нужно заставить его, чтобы он поставлял нам сокровища из своих недр. Вот Сталин и заинтересовался.

Однажды сидели мы у Сталина и размышляли насчет каучука. Кажется, именно я подал мысль выяснить у Мао, в каком районе Китая можно завести плантацию каучуковых деревьев. Развить бы это дело, дать Китаю кредит, технику и освободиться всем нам от зависимости по каучуку от капиталистических стран. Послали мы телеграмму в Пекин. Китайцы ответили, что на острове Хайнань можно развести каучуконос-гевею, и если будет предоставлен кредит, то они согласны. Дело получило какое-то развитие, и мы заключили договор. Но потом оказалось, что район, где могут произрастать каучуконосы, невелик, и наши потребности покрыть не сумеет. Так дело и заглохло.

Как-то Сталину понравились ананасные консервы. Он тут же стал диктовать телеграмму в адрес Мао. Маленков выполнял функции писаря: «Пиши, чтобы они дали нам место для строительства фабрики ананасных консервов». Я говорю: «Товарищ Сталин, они только еще пришли к власти, и там имеется столько фабрик разных чужих государств. А тут появится еще и наша, от социалистического государства. Это обидит Мао». Он на меня взглянул недобро, рассердился, гаркнул... Ну, послали телеграмму. Через день или два получаем ответ от Мао: «Мы согласны. Если вас интересуют ананасные консервы, дайте нам кредит, мы построим фабрику и будем поставлять вам всю ее продукцию в счет погашения кредита». Тут же все услышали, как Сталин рассвирепел и выругался. Конечно, им было обидно. Такого рода телеграмм ни за моей подписью, ни за подписью членов нашего правительства потом никогда не было. Ничего обидного для Китая мы не делали вплоть до тех пор, пока китайцы сами не стали нас распинать. А уж если так, то и я не Христос.

А что выделывали китайцы, когда у нас с ними еще сохранялись приличные отношения? Пошла у них там война с чанкайшистами за паршивые прибрежные острова. Мы Пекину поставляли свое оружие, а нас интересовала трофейная американская техника. Китайцы имели несколько ракет, запущенных американцами и

не взорвавшихся. Нас интересовал новый образец ракеты «воздух — воздух», и мы попросили китайцев дать ее нам для изучения. Пекин нам не ответил. Мы повторили просьбу. Пекин ответил: «Мы сами пока разбираемся». Но сравним их уровень и наш уровень военной техники! К тому же, мы им все гоним и гоним секретную военную технику, ракеты, заключили договор о производстве атомной бомбы, дали ее макет, а они нам отказывают. Тогда мы придержали некоторые поставки. В Пекине забеспокоились. И я сказал нашим военным: объясните китайцам, дескать, вы от нас пользуетесь, а сами даже трофейную американскую ракету не хотите показать? Они поняли и сейчас же прислали эту ракету. И я съездил посмотреть на нее. Та ракета была лучше наших, но китайцы умышленно не прислали нам чувствительного элемента тепловой головки. Мы потом работали несколько лет, чтобы решить эту задачу. Это было примерно в 1958 году.

Согласно договору, наши самолеты могли пользоваться аэродромами Китая. Потом, когда у нас появились подводные лодки дальнего плавания, то для связи с ними нам понадобилось построить радиостанцию на территории Китая. В это же время китайцы обратились к нам с просьбой дать им чертежи и научить строить подводные лодки. Тут мы им пишем насчет радиостанции и сразу получаем ответную телеграмму: «Нет!» А вскоре поступила шифровка об антисоветских настроениях в китайском руководстве. И я тогда сказал товарищам: «В соответствии с дипломатическим этикетом, следующий приезд к нам — это приезд Мао Цзэдуна. Но, раз сложилась такая обстановка, то, может быть, нам заранее договориться с ними о двойной встрече, все равно — инкогнито или в открытую? Нужна личная встреча, чтобы объясниться».

После этого мы поехали в Китай (в последний раз) в 1959 году. Ничего та встреча уже не дала. Беседы у нас состоялись дружеские, но безрезультатные. Говорили мы с Мао и о радиостанции. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, мы вам дадим кредит для постройки этой станции. Мы сначала написали вам, чтобы сами построили, но, может быть, это неудачная формулировка? Нас не интересует, чья будет станция; нас интересует, чтобы наша страна имела связь с подводными лодками. Мы можем насовсем передать ее вам, лишь бы поскорее построить эту станцию. Наш флот сейчас выходит в Тихий океан, а главная наша база находится во Владивостоке. Нельзя ли договориться, чтобы наши подводные лодки могли базироваться у вас, заправляться, отдыхать и прочее?» «Нет! Не хочу даже слышать!» «Товарищ Мао Цзэдун, страны Североатлантического пакта обеспечивают друг друга, а мы не можем договориться?» «Нет!» Почему он так рассердился, я не знаю. Продолжаю: «Если нужно, мы дадим вам в Мурманске район, где вы сможете иметь свои подводные лодки». «Нет! Мы не хотим. Сколько лет сидели у нас англичане и другие иностранцы, мы не согласны». Так и не дал согласия.

А потом газеты Китая стали помещать статьи о том, что Владивосток — это китайская территория и что русские отобрали его у Китая: исторически когда-то китайцы там господствовали, а затем якобы наши цари туда пролезли. Затем стали вести разговор о наших общих границах, и они прислали нам свою карту. Мы даже не могли спокойно смотреть на эту карту, такое там было нарисовано ими!

Сейчас у некоторых людей проскальзывает мнение, что Мао — дурак, выживший из ума. Неверно! Он умный человек. Он наш противник, но умный человек. Какое-то время он нас просто обманывал. Талейран сказал, что язык дипломату дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Дипломатия — это политика. Вот, например, де Голль: умный человек или глупый? Ведь его когда-то некоторые считали идиотом. А это очень умный человек, только наш противник по взглядам и ведет себя как представитель своего класса, но не глупый, а умный. А Мао — националист, неглупый человек, у него имеется своя точка зрения. Мы не согласны с нею, и я, действительно, нетерпимо относился к ней. Если прочесть мой доклад на XXI съезде партии, то там многие рассуждения были посвящены китайским вопросам, хотя я не упоминал при этом о Китае. Мы отвергали его положения.

Когда китайцы выступили со своими лозунгами, их пропаганда свободно расходилась в нашей Сибири. Узнав, я сказал: «Прекратить это дело! Вы думаете, что положения уравнительного характера у нас не найдут почвы? Вы ошибаетесь. Уравнительные лозунги очень соблазнительны. Но нам надо отвечать по существу, а не только запрещать». Между прочим, одно их мероприятие я поддерживаю. Мао отменил в армии погоны. Считаю, что это разумный шаг, а неразумным был наш

шаг, когда мы надели погоны, нашили лампасы. На кой черт нам это? Мы гражданскую войну выиграли без погон. Мой тогдашний ранг был комиссарским, и я ходил без погон. Красноармейцы признавали и своего комиссара, и своего командира, и мы разбили врагов без погон. А сейчас вырядились, как какие-то канарейки.

В период наших хороших взаимоотношений с Китаем они из нас тянули все, что могли. В 1954 г. мы были еще нищие, жрать было нечего, в ряде мест голодали. Но, когда мы приехали в Пекин, Чжоу Эньлай поднял такой вопрос: «Может быть, вы подарите нам университет?» Я ответил: «Мы бедны. Мы в принципе, может быть, богаче вас, но война только что закончилась, и, к сожалению, пока не можем». А буквально перед этим мы отдали им Порт-Артур с Дальним, и все бесплатно. Много, очень много средств вложили мы в Китай. Построили дорогу из Улан-Батора в Пекин. Не монголы же ее строили. Это мы строили в Монголии, а Китай — на своей территории. Однако, когда мы разговаривали с Мао в 1957 г., он сказал: «Эта дорога нас мало интересует. Нас вот какая дорога интересует». И показал на карте линию от Пекина через горы к Казахстану. Я сказал: «Вы лучше нас знаете свою территорию. Мы-то считали, что ближе всего через Улан-Батор, но согласны связаться с вами и через это направление. Ведите дорогу по своей территории, а мы проведем по своей до самой границы. Там и соединимся».

Еще раз встречаемся, Чжоу Эньлай поднимает вопрос: «Может быть, вы и на нашей территории построите?» Мы глянули по карте: там такие провалины, горы, реки. Кто же будет строить? Очень трудно. Отвечаем: «Нет, давайте лучше каждый на своей территории». Причем это вроде бы понравилось Мао. А если бы я сказал: «Да, построим за свои деньги», — что тогда? Начали строить. Они опять поднимали прежний вопрос в процессе строительства. Однако мы вновь сказали: «Ведь договорились же: каждый на своей территории». И в результате мы дошли до границы, а они не дошли. Главное — в другом. Мао тогда буквально распирало нетерпеливое желание мирового господства. Сначала в Китае, потом во всей Азии. А дальше? В Китае 700 миллионов жителей, в Малайзии половина населения — китайцы, и в других странах Азии их немало. Вообще очень интересными были с точки зрения понимания китайского национализма беседы «невинного характера» за чаем.

Мао как-то спросил: «Сколько раз различные завоеватели завоевывали Китай?» И сам ответил: «Не один. Но китайцы всех их ассимилировали». Вот его прицел на будущее: подумаешь, у вас там 250 миллионов граждан, а у нас — 700. Потом он затеял разговор о самобытности Китая. Поводом послужило то обстоятельство, что в китайском языке нет иностранных слов. Мао похвалялся: «Весь мир употребляет слово «электричество». Взяли его у англичан и повторяют. А у нас имеется свое слово». Меня просто трясло от всего этого бахвальства.

С Китаем у нас возникла еще одна любопытная проблема. В начале 50-х годов перед нами встала проблема кадров для областей Сибири и Дальнего Востока. И мы решили попросить рабочую силу у китайцев. Думали, что Китай даст нам, сколько угодно, и поставили этот вопрос перед Мао: «Товарищ Мао Цзэдун, мы хотели бы, чтобы нам помогли там рабочей силой братья-китайцы, у нас там мало народу». Он повел себя, как купец: «Все на нас смотрят, как на рабов. Все хотят, чтобы китайцы им что-то делали. Но китайцы — не чернорабочие. Это, знаете ли, не так легко решить». И я сказал тогда своим товарищам: может быть, мы действительно не совсем тактично поступаем, обращаясь к Мао? И добавил официально: «Если у вас это вызывает трудности, мы не хотим их создавать и сами снимаем этот вопрос». Я верил ему, а он просто играл.

Проходит день, два, я не касаюсь данного вопроса: раз он сказал, что им трудно, то и мы не хотим. Тут Мао видит, что переборщил, и сам возобновил разговор. Я ему: «Вы же сказали, что Китаю это трудно?» «Да, но для братского народа мы можем что-то сделать». Тут стало видно, как он набивает цену, полагая, что у нас там безвыходное положение. «Ну, если можете, то пожалуйста!» «А сколько рабочих хотите?» Не помню сейчас, сколько мы написали: миллион или поменьше. Мао нам: «Что вы! Один только Шанхай даст вам два миллиона, там безработица, есть нечего». «Нет, — отвечаем, — мы не сможем занять такое количество людей. Да и помещений у нас не хватит». Подписали соглашение. А когда вернулись в Москву, я подумал и говорю товарищам: «Вы заметили, как Мао охотно согласился дать людей, причем в Сибирь? Как вы думаете, почему? Помните, он говорил насчет ассимиляции. Так вот, он хочет заселить Сибирь китайцами, тут и воевать не надо. Это политика дальнего прицела. Мы должны проявить осторожность: пригласить китайцев легко, а выгнать их будет очень трудно. Можно пригласить гостей, да потом такие гости выгонят хозяев. Мы можем потерять Сибирь, Владивосток, и это на китайском языке будет называться ассимиляцией».

Подумали мы, подумали, разобрались в своем хозяйстве, и у нас выявились такие резервы, что оказалось, что у нас не только нет нехватки в рабочих, а имеются излишки и в Белоруссии, и в других местах. И мы тогда свернули прежнюю кампанию. Но к нам уже тысяч 300 китайцев приехало. Пришлось сказать, что в результате новой политики, которую мы сейчас проводим после смерти Сталина, у нас выявились новые возможности высвобождения рабочей силы, и дай нам Бог хотя бы ее задействовать, а не то что приглашать. Действительно, у нас в Москве посейчас скрытой безработицы на сотни тысяч людей. Они все при деле, но при каком деле? Если его не будет, так никто и не заметит, что его нет. В любом учреждении сейчас сократите на 30% персонал, и работа не пострадает.

Китай, как говорится, далеко от нас. Но Китай и близок к нам. Он граничит с СССР, и на большом протяжении мы имеем общую границу. То есть тот же Китай — наш ближайший сосед. Однако сравнительно далекий сосед, если помнить, что общего у нас с Китаем (я говорю только о среде, в которой я лично вращался) было мало. До революции люди моего круга знали китайцев лишь по картинкам и мало что читали о Китае. С китайцами мы встречались, главным образом, когда они разносили всякие товары. В Донбассе, например, они продавали чесучу. Вот по таким контактам мы и составляли себе представление о Китае. Правда, русско-японская война заставила нас ближе соприкоснуться с ними. Впрочем, мнения русских солдат о китайцах были самыми различными.

После Октябрьской революции Советское правительство установило контакты с Китаем, с вождем Китайской революции Сунь Ятсеном. Когда в 20-е годы в Китае началась гражданская война, Сунь проводил прогрессивную политику и стоял на позиции дружбы с Советским Союзом. Симпатии советских людей были на его стороне. Наши газеты прививали читателям симпатии к китайскому народу, к его борьбе за освобождение от империалистической зависимости. Потом к руководству в Китае пришел Чан Кайши. Он порвал связи с Коммунистической партией, началась война гоминьдановцев против нее. Симпатии нашего народа вновь были на стороне советских районов Китая. Всеми своими помыслами мы жили как бы вместе с китайским народом, который вел борьбу против угнетателей.

Помню такой эпизод, наверное, в 1926 или 1927 году. Я тогда заведовал орготделом Окружного комитета партии в Юзовке. Ко мне пришел мой знакомый Ахтырский, который очень хорошо себя проявил во время гражданской войны. Это была довольно громкая фамилия, ее обладатель командовал бронепоездом. Так и назывался его бронепоезд — «Ахтырский». Очень храбрый человек, но в политическом отношении полукоммунист-полуанархист. Вот пришел он в окружком, как всегда, пьяный, и обратился ко мне: «Давай срочно путевку, еду в Китай, буду воевать против Чан Кайши. Скорее давай, чтобы мне не опоздать и принять участие в наступлении на Шанхай». Я ему сказал, что и без него китайские коммунисты справятся и возьмут Шанхай. Этот эпизод свидетельствует, какое настроение было в нашем народе.

Еще некоторые наблюдения времен гражданской войны. Я тогда не встречался непосредственно с китайскими добровольцами, сражавшимися за советскую власть. В воинских частях, в которых я служил, китайцев не было. Но вообще на нашем фронте китайские отряды имелись. Красноармейцы говорили, что китайцы ведут в бою себя очень хорошо, причем шутили насчет того, что китайский боец, дескать, действует так: давай кушать — машинка работает, не давай хлеба — машинка не работает. Одним словом, меня кормят, и я буду стрелять. Они действительно были бесстрашными в бою, а также отличными товарищами. А среди трудящихся были популярными имена организаторов борьбы против Чан Кайши, особенно Чжу Дэ, который командовал армией китайских коммунистов. Было известно также имя Гао Гана. Но упоминали и Чжан Цзолиня, контрреволюционера, который рассматривался у нас как ставленник японского империализма и враг рабочего класса. Мелькали и другие имена противников коммунистов — У Пейфу и иных. Многих я сейчас уже забыл.

Из числа коммунистических лидеров Китая я хорошо знал представителя его компартии в Коминтерне, очень популярного среди московских рабочих и часто выступавшего на митингах. Когда мы обращались к нему с просьбой приехать на какой-либо завод, он никогда не отказывал. Да он и сейчас еще живет в Москве, всегда оставаясь нашим другом. Независимо от того, какую позицию занимают сегодняшние лидеры КНР, он продолжает сохранять дружеские отношения с нашей Коммунистической партией и нашим народом. Это товарищ Ван Мин, прекрасный коммунист. Правда, в 20 — 30-е годы мне не приходилось заниматься китайскими вопросами, и я не знал ни структуры Компартии Китая, ни ряда ее руководителей. Помню, что довольно часто они упоминались в нашей печати, но их фамилии я сейчас не могу припомнить. Однако о Мао Цзэдуне я тогда ни разу не слыхал.

После нападения Японии на Китай у нас установились довольно тесные связи с Чан Кайши несмотря на то, что он враждебно относился к Компартии Китая. Сталин поддерживал Чан Кайши, видя в нем прогрессивную силу, ведущую борьбу против японского империализма и за освобождение Китая. Считаю, что это была правильная позиция. Нужно было его поддерживать, потому что его разгром означал бы усиление Японии, усиление нашего общего врага, который на Дальнем Востоке являлся нашим врагом номер один. Позже, когда я встречался с Мао Цзэдуном, он упрекал Сталина за то, что Сталин вел такую линию в отношении Чан Кайши. Но ведь Сталин не содействовал внутренней политике Чан Кайши и помогал ему, поскольку тот вел борьбу против Японии, что нам было выгодно.

Аналогичную политику проводил, например, Черчилль, который поддерживал Советский Союз во время второй мировой войны, хотя оставался нашим политическим врагом. Он был таковым с первого дня рождения Советского государства и остался им до самой своей смерти. Но Черчилль — разумный политик, который считал полезным, когда началась борьба с Гитлером не на жизнь, а на смерть, объединить усилия Англии и СССР. Это не значит, что Черчилль в какой-то степени принял советскую власть и желал сделать что-то доброе советскому народу. Вовсе нет! Его толкнули на союз с нами сложившаяся в мире ситуация и соображения выгоды для собственной страны. Исходя из этого же принципа Советский Союз поддерживал Чан Кайши.

На нашей границе с Китаем во время второй мировой войны было спокойно. Я говорю о том участке границы, который контролировался Чан Кайши. На участке же, куда уже вышли японцы, напряженность все время возрастала, часто возникали различные конфликты. Японцы постоянно нас «прощупывали». Когда они после первых своих побед на Тихоокеанском театре военных действий стали терпеть поражения, ситуация на континенте начала постепенно складываться в пользу Китая. Его армия в свою очередь стала одерживать отдельные победы, потому что Японии было уже не до того, чтобы по-прежнему сохранять инициативу в Китае. После разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов Советский Союз спустя три месяца включился в войну против Японии. Наши Вооруженные Силы успешно сыграли свою роль на завершающем этапе разгрома Японии. По договоренности с союзниками мы тогда освободили Маньчжурию и северную половину Кореи и тогда же обрели возможность более действенно помогать Китаю, включая широкое содействие материальными ресурсами и вооружением.

Когда вторая мировая война завершилась, СССР больше стал заниматься вопросами Китая. Мы решили оказать прямую помощь Мао Цзэдуну и Народно-освободительной армии в борьбе за государственную власть. В результате разгрома Японии ее Квантунская армия, сложив оружие, оставила нам огромное количество трофеев. Значительная их часть, особенно боевая техника, была передана китайским коммунистам. У нас имелась договоренность насчет этого оружия с союзниками в том смысле, что мы не имели права передавать его ни одной из воюющих в Китае группировок. Поэтому его надо было передать Мао так, чтобы не создалось впечатления, что мы нарушили обязательство. И вот мы его куда-то завозили, люди Мао якобы «похищали» его и вооружали свою армию. К тому времени они уже создали крупные силы, оснащенные и трофейным японским оружием.

Впервые я лично услышал о действиях Мао, когда во время войны А. И. Микоян как наш полпред ездил в Яньань на встречу с Мао. Сталин хотел выяснить нужды китайских коммунистов для организации им прямой помощи. Помнится, после возвращения Микояна Сталин обсуждал проблемы Китая в тесном кругу собравшихся за обедом и несколько недоумевал: «Что за человек Мао Цзэдун? У него какие-то особые, крестьянские взгляды, он вроде бы боится рабочих и обособляет свою армию от горожан». Особенное недоумение вызвало у нас поведение Мао, когда его армия, успешно продвигаясь на юг, подошла к Шанхаю и несколько недель не вступала в него. Я уже упоминал, что ответил нам Мао по этому поводу, связав линию своего поведения с невозможностью прокормить шесть миллионов шанхайцев. Сталин возмущался: «Что это за марксист? Он считает себя марксистом, но не идет на помощь шанхайским рабочим, ответственность за судьбу которых не хочет брать на себя».

В ту пору я работал еще на Украине и мог узнавать в деталях, что происходит в Китае и что мы делаем для Китая, только от Сталина, когда приезжал в Москву. Когда же китайские коммунисты одержали в 1949 г. победу, меня как раз перевели в Москву, где я стал первым секретарем областного и городского комитетов партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б). Теперь я все время общался со Сталиным и поэтому оказался в курсе вопросов, которые касались Китая. Ведь без Сталина никто у нас такие вопросы не только не решал, но и вообще ими никак не занимался. Не думаю, что я относительно Китая знал все. Основные такие вопросы Сталин решал с Молотовым. Но мне было известно, что Советский Союз все шире оказывал помощь Мао Цзэдуну, чтобы закрепить его завоевания. Победу коммунисты одержали там в открытой вооруженной борьбе. США помогали организовывать контрфронт, так что гражданская война продолжалась в Китае длительное время после разгрома японцев. Коммунисты нуждались в нашей помощи и получали ее, прежде всего оружием.

Отношения с Китаем после победы в нем народной революции

Первый приезд Мао Цзэдуна в Советский Союз был приурочен к 70-летию Сталина. Как раз к этому дню я возвратился с Украины в Москву на новую постоянную работу. Сталин сказал мне: «Сдавайте дела на Украине и обязательно приезжайте к моему 70-летию». Так я и сделал. Мне не пришлось присутствовать при беседах, которые вел Сталин с Мао один на один либо вместе с Молотовым. Сколько состоялось таких встреч и как они протекали, мне сейчас трудно сказать. Но после этих встреч Сталин ни разу не был в восторге от Мао и не особенно лестно отзывался в его адрес. Однако за обедом в честь Мао Сталин проявил большое гостеприимство. Он любил такие обеды и любил блеснуть гостеприимством, своим вниманием к гостю. Если хотел, то умел делать это особенно хорошо. На том обеде я был. Обед и сопутствующая беседа протекали в непринужденной обстановке.

Мне было приятно видеть, что вроде бы складываются добрые отношения с новым Китаем. У нас все этого хотели. Правда, во время визита Мао имел место один неприятный инцидент. После обеда и дружеской беседы, которая велась за обедом, Сталин несколько дней вообще не встречался с Мао. А раз сам не встречался и никому другому не поручил, то и никто из нас к Мао не ходил. Тут Мао стал проявлять недовольство, что сидит взаперти, в отведенной ему резиденции, что ему ничего не показывают, что с ним никто не встречается, и заявил, что если так будет продолжаться, то он уедет. Доложили Сталину, что Мао проявляет недовольство. Тогда опять встретились с ним за обедом на даче у Сталина. Сталин теперь все делал, чтобы удовлетворить просьбы Мао, наладить хорошие отношения и показать, что находится всецело на его стороне.

Уехал Мао. Полномочным представителем Советского правительства в Китае по экономическим делам был тогда железнодорожник по профессии. Прежде он работал в Маньчжурии, восстанавливая там дороги после изгнания японцев, потом стал советником при Мао Цзэдуне. Сталин считал его доверенным человеком. В скором времени тот начал сообщать в своих донесениях, что наблюдаются плохие настроения в отношении СССР, а особенно проявляется такое недовольство у Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и ряда других руководителей страны. Аналогичные сведения посылал нам и Гао Ган еще до приезда Мао в Москву. Гао был тогда уполномоченным Политбюро ЦК китайской компартии и одновременно уполномоченным Пекинского правительства в Маньчжурии, как бы ее наместником. У него сложи-

лись очень хорошие отношения с нашим представителем. Гао ничего не говорил о позиции лично Мао, но зато и не говорил, что Мао предпринимает что-либо в отношении тех лиц, которые выражают явное недовольство нами. Гао приводил в подтверждение наличия такого недовольства много фактов.

Вот один из них. Проходил какой-то китайский праздник. Состоялся парад. Когда по площади ехали войска, вооруженные нашими танками, то китайские военные злились, что, дескать, русские дали им старые танки. Да, это было правильно. Те танки не были новыми, тогда у нас самих не имелось столько новых танков, чтобы мы могли дать их Китаю. СССР только что закончил войну, восстанавливал промышленность, производство танков сокращалось. Иначе и быть не могло. Так что я не вижу оснований для обиды на нас. Конечно, танки были старые, но еще вполне боеспособные. Но такие высказывания подогревали настроение недовольства нами, и все ставилось в строку Советскому Союзу.

Сталин, желая расположить Мао в нашу пользу, во время его визита демонстрировал, что относится к нему по-дружески и доверяет ему. Поэтому Сталин, взяв документы, полученные от нашего представителя в Маньчжурии с записью бесед с Гао Ганом, просто передал их Мао. Я-то, да и другие члены Политбюро, с кем мы обменивались мнениями, не сомневались, что Гао сообщал нам чистую правду. Какие он преследовал цели, не знаю, но в любом случае выступал с дружеских к СССР позиций. И вот Сталин отдал эти документы! Если искать какие-то исторические параллели, получается что-то вроде доноса царю Петру Кочубея на гетмана Мазепу. Тогда Петр вернул этот донос самому Мазепе, чтобы расположить его к себе и показать, что не верит в его измену. А Мазепа казнил Кочубея и стал помогать Карлу XII в походе на Россию. Этот эпизод ярко описан Пушкиным в поэме «Полтава». Как Мазепа поступил с Кочубеем, казнив его, так и Мао отнесся к Гао Гану. Сначала посадил его под домашний арест. Потом нам сообщили, что Гао «отравился». Маловероятно. Скорее всего его там задушили либо отравили. На это Мао был способен, но на это был способен и Сталин. В данном отношении у них были родственные души, и методы они использовали одни и те же. В дальнейшем это подтвердилось в еще большей степени.

А пока мы лишились человека, который демонстрировал свою близость к нам и подтверждал это конкретным делом, информируя нас о ситуации в китайском руководстве и его отношении к СССР. Это было очень ценно. И вместо того, чтобы поддержать Гао, Сталин предал его. Полагаю, что Сталин поступил так по следующим мотивам. Сталин — человек, который никому не верил. Сам себе не верил. Он считал, что рано или поздно тот факт, что секретные сведения, которые поступают к нам, передает именно Гао, станет известен Мао Цзэдуну. Тогда Сталин попал бы в щекотливое положение: вроде бы инспирировал оппозицию к пекинскому правительству. Поэтому Сталин и воспользовался возможностью продемонстрировать, что полностью доверяет Мао и, следовательно, не хочет получать информацию от человека, выступающего против китайского руководства. Хотя лично Гао никогда не говорил нам о своем отношении непосредственно к Мао, но для ряда китайцев оно не являлось тайной.

Помню, наши люди в Китае сообщили как-то, что в одном городе состоялась молодежная вечеринка. Когда ее участники перепились, молодежь стала враждебно и демонстративно высказываться в наш адрес: «Возьмите к себе своего Гао. Это ваш человек, а не наш». Это имело место еще в то время, когда он являлся членом Политбюро ЦК КПК. Следовательно, уже тогда Гао находился в некоторой изоляции, и о его нелояльности к «советской» политике Политбюро ЦК КПК там было известно. Это тоже надо иметь в виду. Возможно, Сталин, предавая Гао, считал, что, мол, все равно тот разоблачен. Таково мое заключение. Я же лично подобных рассуждений от Сталина не слышал. Но никакими другими причинами не могу объяснить, почему Сталин взял да и передал Мао упомянутые документы. Мы, члены Политбюро ЦК ВКП(б), признаться, возмущались поступком Сталина. А Гао Ган был загублен.

Что касается пребывания Мао в Москве, то я видел, что Сталин проявлял неискреннюю вежливость. Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао. Мао, вовсе не глупый человек, сразу это понял, и это его раздражало, хотя сам Мао никакого недовольства внешне не проявил, за исключением вышеописанного случая.

Еще при визите Микояна в Китай встал вопрос о Синьцзяне. В этой провинции Китая реально правили наши люди, и не было секретом, что оттуда конкретно мы оказывали заметную помощь китайским коммунистам. Но одно дело, когда Китаем управлял Чан Кайши, и совсем другое создалось положение, когда победил Мао. Данный вопрос вплотную был поставлен при визите Мао в Москву. Сталин сказал, что Синьцзян — китайская территория, что у нас нет на нее каких-либо притязаний. Мы там находились потому, что раньше это было выгодно и компартии Китая и Советскому Союзу. Чан Кайши не имел доступа в Синьцзян. Он знал, что мы там хорошо укрепились и что он ничего реального не может там предпринять, поэтому учитывал факты.

Теперь мы сказали Мао, что уйдем из Синьцзяна. Но Сталин предложил создать там смешанное советско-китайское общество. Китайцы приняли это предложение без всяких возражений, хотя, безусловно, остались недовольны. Они думали, что Советский Союз имеет в том районе какие-то особые планы, хотя Сталин и заявил, что СССР не посягает на Синьцзян. Создание советско-китайского общества по эксплуатации недр Синьцзяна рассматривалось в Пекине как поползновение на независимость Китая, посягательство на его территорию, граничащую с Советским Союзом. Вообще полагаю, что создание смешанных обществ было ошибкой Сталина. Это нельзя было делать ни с Китаем, ни с другими братскими странами.

Такие же смешанные общества были организованы нами ранее во всех европейских странах народной демократии. Например, в Румынии, чем румыны очень возмущались. После смерти Сталина мы ликвидировали все такие общества. Создание смешанных обществ не только затрагивало национальное самолюбие, но и посягало в какой-то степени на материальные ресурсы другого государства. Если наличие подобных обществ в Румынии или, допустим, в Венгрии можно было объяснять тем, что эти страны воевали против нас на стороне Гитлера, то в отношении Китая не имелось и таких аргументов.

Когда у нас с Китаем разгорелись споры, Мао в беседах со мной говорил, что Сталин не только не оказывал ему поддержки, но, напротив, предпринимал такие шаги в отношении Чан Кайши, которые противоречили интересам компартии Китая. А некоторые действия, вроде создания смешанных обществ, вообще порождали антисоветские и антирусские настроения в новом Китае. К сожалению, допускались и другие поступки, наносившие большой вред укреплению нашей дружбы с соседними социалистическими странами. Например, считаю безумством и вероломством то, что Сталин домогался, чтобы все валютные товары и сырье, которые приобретали или добывали Северная Корея и Китай, поступали в Советский Союз. Естественно, каждая страна должна иметь свою валюту, с тем чтобы выйти на рынки капиталистического мира. Ведь СССР не все может дать им. Мы сами вынуждены были изыскивать валютные средства за счет добычи золота или экспорта валютных товаров на Запад, чтобы выручить ту валюту, на которую можно будет купить товары, нами не производимые.

Такие же нужды были и у Китая, и у всех социалистических стран вообще. С этим надо считаться и строить свою политику, учитывая их интересы. Но Сталин был тут глухим, он не понимал и не хотел понимать этого, особенно после того, как разбили Гитлера. Он считал, что как Александр I после разгрома Наполеона законодательствовал в Европе, так и он теперь может законодательствовать. То было преувеличение собственных возможностей и игнорирование интересов друзей. А такая политика их обижала, оскорбляла и сеяла семена враждебности в отношениях с СССР. Мне помнятся различные эпизоды взаимоотношений с Китаем, в которых наши необдуманные действия омрачили нашу дружбу, хотя никаких объективных причин к тому не имелось.

С другой стороны, иногда сам Мао Цзэдун не только проявлял уважение к Сталину, но и доходил до какого-то самоуничижения. Так, он обратился к Сталину с просьбой порекомендовать человека, который помог бы ему в редактировании его речей и статей периода гражданской войны. Эти материалы Мао хотел теперь издать и попросил прислать к нему человека, марксистски образованного, который не только помог бы ему при редактировании, но не позволил допустить какие-либо ошибки в теории. Сталину было приятно такое признание его авторитета, выраженное в этой просьбе. Думаю, что Мао поступил так, исходя из своих соображе-

ний, чтобы создать у Сталина иллюзию, что готов его глазами рассматривать вопросы теории и практики марксизма и не претендует на какую-то собственную точку зрения в деле строительства социализма в Китае. Но это противоречило всему тому, что выявилось потом в ходе дальнейшей истории Китая.

Китайцы выдвигали также большие просьбы насчет помощи вооружением, поставок оборудования, строительства заводов. И здесь Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю. Я не могу сейчас назвать конкретно денежную сумму, в которую она обошлась. Но речь шла о металлургических заводах, автомобильном, тракторном и по производству современного вооружения. Под все это мы давали кредиты, пересылали чертежи, оказывали другую помощь, фактически бесплатную. Даже документация передавалась не на коммерческой, а на дружеской основе. В Китай посылались наши военные инструкторы по всем родам войск: летчики, артиллеристы, танкисты. Я тоже считал, что это полезно и нам, и Китаю. Мы рассматривали укрепление Китая как упрочение социалистического лагеря и обеспечение наших восточных границ. Тут интересы у нас с Китаем были общими, и мы относились к его просьбам, как к собственным нуждам, и шли навстречу настолько, насколько имели материальные возможности удовлетворить все просьбы.

На Востоке не только интересы Советского Союза и Китая, но и Корейской Народно-Демократической Республики очень тесно переплетались. К Северной Корее СССР также относился с большим вниманием и оказывал ей всевозможную помощь и в создании армии, и в налаживании народного хозяйства. Одним словом, мы делали все для того, чтобы Северная Корея экономически развивалась быстрее, чем Южная, и тем самым служила бы притягательной стороной для народа Южной Кореи. Когда Северная Корея вступила в войну с Южной, то здесь Северная Корея, Китай и Советский Союз еще прочнее связались в один узелок, потому что победа Южной Кореи явилась бы победой США над Северной Кореей, что угрожало и Китаю, и Советскому Союзу. Наши симпатии были целиком и полностью на стороне Северной Кореи, на стороне властей, которые возглавлялись Ким Ир Сеном.

Много лет мы придерживались той точки зрения, что инициатива нападения принадлежала в той войне Южной Корее. А сейчас я считаю, что версию, которая была создана, нет нужды поправлять, потому что это было бы выгодно только нашим противникам. Но, если не детализировать версию, истина окажется такова: то была инициатива Ким Ир Сена, которая поддерживалась и Сталиным, и всеми нами. Мы как коммунисты сочувствовали корейскому народу, хотели помочь ему свергнуть иго капитализма и установить во всей стране народную власть. После смерти Сталина война какое-то время еще продолжалась. У нас давно созрела мысль найти возможности ее прекращения. Мы предприняли шаги по дипломатическим каналам и начали прощупывать американцев: как они отнесутся к прекращению огня? Американцы откликнулись позитивно, и начались переговоры. Потом была создана смешанная комиссия в составе корейцев, китайцев и американцев для непосредственных переговоров между сторонами, находившимися в состоянии войны. Переговоры длились долго, но в конце концов была достигнута договоренность. Войска остались на тех рубежах, на которых они прекратили военные действия, то есть примерно по той 38-й параллели, по которой была установлена после разгрома Японии демаркационная линия между войсками СССР и США.

С Китаем в то время у нас были хорошие отношения, во всяком случае внешне. Говорю — внешне, потому что, как мы потом узнали, внутренне Мао не признавал нас за равноправных союзников и таил великодержавные поползновения. Мы же оказывали Китаю солидную помощь. Китайские рабочие проходили у нас практику, обучались на автомобильном, тракторном и других заводах, которые строились с нашей помощью в Китае. Наши инженеры и рабочие трудились в Китае и напрямую участвовали в этом строительстве. Китайские граждане относились к нам на первых порах очень хорошо, а мы делали все для того, чтобы братские отношения укреплялись. Мы считали, что народы Советского Союза и Китая — братья и что это полезно не только нам, а и международному коммунистическому движению.

Еще по предложению Сталина мы дали очень много оружия китайской Народно-освободительной армии: артиллерию, танки и пулеметы, винтовки и автоматы, самолеты. Китайцы получали то оружие, которым в основном была вооружена тогда Советская Армия. Правда, она по отдельным видам боевой техники уже переходила на новое вооружение. Ведь всегда и во время войны и, тем более, после войны в процессе строительства Вооруженных Сил одни виды вооружения снимаются с производства, другие вводятся. Какой же общий принцип действовал у нас в отношениях с Китаем? По мере совершенствования оружия мы вооружали этим оружием свою армию, потом предлагали его Китаю для перевооружения его Народно-освободительной армии. Мы считали, что такой подход является основой братских взаимоотношений, были заинтересованы, чтобы Китай был силен, а его армия находилась на современном уровне развития. Прилагая все усилия для повышения боеспособности собственной армии, мы в той же мере были заинтересованы в повышении боеспособности китайской армии.

До нас доходили слухи о том, что в Китае имеются силы, которые враждебно относятся к Советскому Союзу. Мы получали сведения, что в китайских газетах пишется о том, что китайцы недовольны границами с Советским Союзом, претендуют на Владивосток и пр. Они рассказывали читателям, что русские цари силой установили существующую границу и навязали ее Китаю; употребляли также другие выражения недружественного характера по отношению к СССР. Я, конечно, не защищаю царей. Но границы, которые сложились у СССР, перешли к нему в наследство от бывших границ, и мы всегда считали, что тут законные советские территории. Ведь и в других социалистических странах новые, революционные правительства стали наследниками бывших правителей и считали своей всю национальную территорию в тех же границах, которые они получили от свергнутых властей.

Полагаю, что такой подход разумен и правилен. Если поставить сейчас вопрос о пересмотре границ и искать какие-то исторические давности, когда границы были иными, то можно зайти очень далеко. Это не приведет к укреплению дружеских отношений между нашими странами, а наоборот, рассорит нас. Кроме того, для настоящего коммуниста-интернационалиста, который должен видеть дальше национальных границ, этот вопрос вообще не имеет значения в деле конечной мировой победы революционного движения и в рамках марксистско-ленинской философии.

Мы говорили об этом в Пекине. Они отвечали: не обращайте внимания, у нас имеется много партий, и каждая партия обладает своей печатью. Там встречаются и враждебные высказывания представителей буржуазно-помещичьего класса, но они не являются точкой зрения нашего руководства. Мы этим удовлетворялись, хотя и хотели, чтобы была в открытую опубликована точка зрения китайского руководства. Но этого так и не было сделано, хотя прямых таких требований мы не высказывали, а просто верили на слово китайским руководителям.

Деловые же контакты у нас, главным образом, поддерживались с Чжоу Эньлаем. Чжоу довольно часто приезжал к нам, и именно с ним обсуждали мы все вопросы. С ним же предварительно договаривались о прекращении войны в Корее, вырабатывая общую тактику поведения. Часто Чжоу приезжал в СССР по тем или другим вопросам экономического характера, в том числе для заключения договоров о поставке в Китай оборудования и по прочим нуждам, которые имел Китай. С Чжоу у нас сложились очень хорошие отношения. Мы относились к нему с большим уважением. Он оказался деловым человеком, и с ним легко было разговаривать, легко находить взаимовыгодные решения. Мы считали, что у нас вообще сложились с Китаем хорошие деловые отношения. Чжоу являлся в то время премьером и министром иностранных дел. Поэтому вопросы дипломатических отношений Советского Союза с Китаем тоже решались с ним.

Я уже говорил, что мы осуществляли Китаю большие поставки, строили там заводы. Хотел бы специально остановиться на этом вопросе, потому что, когда я оказался уже на положении пенсионера, разные люди, встречаясь со мной, изъявляют тревогу, что мы оказываем слишком большую помощь другим странам и тем самым раздаем богатства Советского Союза. Да, мы помогаем нашим друзьям, например Китаю. Но Китай платил нам, как платят и прочие страны, которые мы поддерживаем. Какая же это помощь, скажут, если взамен платят? Вроде бы это торговля. Не совсем так! Конечно торговля, раз идет оплата. Помощь же заключается в том, что мы поставляем в кредит оборудование, которое устанавливается тоже при нашем содействии, строим заводы и обучаем рабочих, затем даем все, что

нужно для организации производства. Такая страна сразу получает возможность производить металл, оборудование.

Конечно, если рассматривать отношения, которые складываются в капиталистическом мире, то там любая фирма прикидывает, что ей выгодно, и только. Выгоднее ли ей продать оборудование? Или выгоднее не продавать оборудование, а продавать продукцию, которая выпускается на этом оборудовании? Чаще всего делается последнее. Мы же, желая укрепить экономику дружеской страны и способствовать поднятию жизненного уровня ее населения, поставляем и оборудование, и целые заводы. Мало того, оборудование поставляем по льготным ценам. Например, капиталисты дают кредиты из 5%—7% годовых, а мы давали из 2,5% или 2%. Это большие льготы. Поэтому мы вправе говорить, что оказываем именно помощь братским странам.

К тому же времени относятся переговоры с Китаем, которые закончились заключением договора о статусе Порт-Артура и Дальнего. Здесь наши позиции были вполне правильно определены. Мы исходили из того, что Порт-Артур — исконно китайская территория, а мы там будем находиться до тех пор, пока это отвечает интересам как Китайской Народной Республики, так и Советского Союза. Наши усилия были направлены против возможного общего врага, хотя ранее и разгромленного, Японии. К тому же конкретно в то время сложились новые условия, когда нарастала угроза со стороны США, которые фактически организовали войну против народной власти на юге Китая и поэтому могли угрожать Китайской Народной Республике со стороны Японии.

Ранее мы затратили много сил и средств для приведения в надлежащий вид крепости Порт-Артур, заново вооружили ее и держали там довольно солидный гарнизон. Все это позднее мы передали Китаю. Кроме того, отказались от своих прав на Китайскую Восточную железную дорогу в Маньчжурии. По-моему, такое решение было правильным: мы не хотели порождать конфликт, не хотели иметь собственности на территории другого социалистического государства. И мы покончили с этим вопросом, передав ее Китаю. Но, видимо, этот факт их не совсем удовлетворил. Мао желал большего.

После смерти Сталина мы ликвидировали все неравноправные договоры, а также совместное общество по эксплуатации Синьцзяна, договорились о передаче Китаю Порт-Артура и эвакуации оттуда наших войск. По последнему вопросу долго велись предварительные переговоры. Решение задерживали не мы, а китайская сторона, хотя нам это было понятно. Китай опасался США, пока шла война в Корее. Американцы повернули ее ход в пользу Южной Кореи, и в Пекине возникли опасения: не совершат ли они агрессивных акций и против Китая? Войск у США в Южной Корее было достаточно, поэтому передачу Порт-Артура в те годы китайцы не только не форсировали, но сдерживали.

В 1954 г. было решено направить в Пекин нашу партийно-правительственную делегацию. Ее по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР возглавил я. Состав делегации был большим и представительным: Булганин, Микоян, Шверник, Фурцева, Шелепин, Насриддинова, другие лица. Выезд делегации приурочили к годовщине победы народной революции и установлению власти трудящихся в Китае — 1 октября. И вот мы прибыли в Китай. Встречали нас очень радушно. Да и мы были очень рады побывать на китайской земле, встретиться и побеседовать с руководителями ее народа. Особых вопросов к Пекину у нас не было, кроме общих проблем обороны. Чтобы обеспечить оборону, надо было и дальше способствовать развитию экономики, особенно индустрии в Китае. С нашей стороны имелась только одна просьба к китайскому правительству. Мы считали, что дело представляет взаимный интерес и в какой-то степени явится помощью Китаю. Там существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки богатств Сибири, прежде всего на лесоразработки.

Точно не помню сейчас, о каком количестве людей шла речь. Нам требовалось около 1 млн. человек, а может быть и больше. Таковой была общая потребность, согласно заявкам отраслевых министерств. Действовало мнение, что у нас налицо нехватка рабочей силы. Эта точка зрения оказалась неправильной и была потом пересмотрена. Выяснилось, что у нас рабочей силы хватает, даже с излишком. Просто мы плохо используем рабочую силу, поэтому проявляется нечто вроде дефицита. Главным образом, дефицит ощущался в Сибири. Это и понятно. Чтобы

разрабатывать богатства Сибири, надо привлекать рабочих из европейской части СССР, потому что в Сибири слишком слабая плотность населения. Я на этом задерживаюсь, чтобы показать затем, как реагировал на нашу просьбу Мао Цзэдун.

Собрались мы для очередного чаепития. В Китае я не замечал злоупотребления спиртными напитками. Даже когда мы собирались за обедом, то пили вино в умеренном количестве и без всякого принуждения, не то, что у Сталина, когда каждый пил не сколько хотел, а сколько Сталин хотел влить отравы в его организм. Мао в этом отношении резко отличался от Сталина, и я не могу сказать, чтобы он лично проявлял какую-то склонность к питейным делам. Пили вообще преимущественно чай. Во время заседания его подавали в чашке с крышкой (по китайской традиции). Как только выпьешь, приносят следующую. Если не успевал выпить, чай забирали и ставили новый. Спустя некоторое время — опять то же. Периодически приносили теплое, распаренное махровое полотенце. Им китайцы вытирают голову и лицо, освежаются. Мы к такой церемонии не привыкли, но пользовались ею ради уважения к хозяевам.

Чай подавали в таком большом количестве! А я не привык пить жидкость просто так. Булганин же любил чай и добросовестно выполнял церемонию, зато потом лишился сна. Врач его осмотрел и спросил: «Вы пили зеленый чай? Много?» «Да, много». «Если Вы и дальше будете пить его в таком количестве, то еще хуже станете спать. Вам надо сократить потребление чая. Чай содержит тонизирующие вещества, которые лишают человека сна». Булганин перестал пить чай и опять вошел, как он мне сказал, в норму.

Как же Мао реагировал на нашу просьбу о рабочей силе? Надо знать Мао! Ходит он спокойно, медлительно, вроде как медведь, вразвалочку. Он глянул на меня, опустил глаза, опять поднял их и спокойно, тихим голосом, начал говорить: «На Китай все смотрят, как на резерв рабочей силы. Все считают, что у нас много безработных, что мы слаборазвитая страна, и поэтому китайцев можно привлекать на всякие там неквалифицированные работы как дешевую рабочую силу. Но в Китае считается оскорбительным такое отношение к китайскому народу. Ваши требования (вот как он это поднес) могут создать для нас трудности и породить в Китае неправильное понимание в отношении Советского Союза. Получается, что СССР тоже смотрит на Китай как на поставщика грубой рабочей силы. Так смотрели на нас западные капиталистические страны».

Нам было очень неприятно выслушивать это, особенно такое сравнение. Мы-то искренне, по-братски относились к Китаю и пришли, как говорится, с открытой душой. Думали, что такое предложение выгодно Китаю, что он заинтересован временно избавиться от лишних ртов. Китайцы смогут сами зарабатывать на хлеб. Таким образом, это будет выгодно и тем, кто станет работать у нас, и Китаю, потому что он тоже будет получать какие-то выплаты за работы в Сибири. Мы условились, что я поведу переговоры от советской делегации. Поэтому я и ответил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы не хотим создавать для вас трудности. Мы считали, что это предложение и в ваших интересах. Если оно создает вам трудности, то мы не настаиваем на своем предложении и обойдемся собственными силами».

На этом разговор закончился. После заседания у Мао собрались мы в своей резиденции и решили: раз наша просьба создает трудности для китайских товарищей, нам не стоит проявлять упорство, мы сами внутренними силами справимся с задачей разработки богатств Сибири. Так мы отказались от постановки этого вопроса и более к нему не возвращались. Но когда после поездки по Китаю мы вернулись в Пекин, к нам обратилась уже китайская сторона: что же вы не ставите вопрос о рабочей силе? Мы разъяснили, что отказались от своего предложения, получив такой ответ от товарища Мао Цзэдуна. Тут Пекин обратился к нам официально, заявив, что китайская сторона высказала лишь свои соображения, но тем не менее, с пониманием относясь к нуждам Советского Союза, готова нам помочь. Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами. В нем зафиксирован объем поступления рабочей силы из Китая и разработаны условия оплаты. Мы пошли на заключение договора потому, что раньше сами проявили инициативу, а теперь уже Пекин поднял этот вопрос. Нам неудобно было отступать, пришлось бы давать какие-то объяснения, что могло ухудшить наши отношения.

Мы обусловили на первых порах получение 200 тыс. рабочих рук, и китайцы стали приезжать к нам. Однако из бесед, которые мы провели в Пекине, а особенно в связи с их постановкой вопроса о привлечении рабочей силы из Китая в Сибирь мы поняли, что поступили так зря. Мы вскоре заслушали обширную лекцию по истории Китая, а также о Чингисхане и других завоевателях, которые приходили в Китай; о том, что более стойкой оказалась китайская нация, которая ассимилировала всех завоевателей, приходивших в Китай. Очень многое было сказано о превосходстве китайской нации в сравнении с другими. То, что рассказал нам про это Мао Цзэдун, было интересно послушать, но мы сделали для себя вывод, что Мао относится к другим нациям свысока. У меня сложилось мнение, что при дальнейшем развитии отношений Китая с Советским Союзом могут встретиться трудности, что Мао наделен националистическими мыслями и считает китайцев превосходящими все другие нации.

Мы отметили также такое личное качество Мао, что он никого не считает равным себе; значит, сможет дружить только с теми, кто будет признавать его превосходство и подчиняться ему не юридически, а в смысле понимания проблем, стоящих перед странами и перед партиями. Мне же казалось, что Мао не сумеет примириться с условиями, необходимыми для здоровых отношений между социалистическими странами, когда каждая страна и каждая правящая партия занимают равноправное место. А он претендует на гегемонию в мировом коммунистическом движении!

После возвращения в СССР мы откровенно обменялись мнениями по этому вопросу в Президиуме ЦК КПСС. Наше сообщение вызвало тревогу. Докладывал я как глава делегации. Мое мнение сводилось к тому, что в наших отношениях с Китаем заложены опасные перспективы, а причина тому — высокомерие, проявляемое Мао при оценке роли Китая в мировой истории и собственной роли в истории китайского народа и коммунистического движения. Выдвижение на первый план собственной персоны угрожает трениями между нашими странами, а может быть даже и больше чем трениями. Поэтому (и со мною все согласились) мы должны сделать все, чтобы этого не допустить и строить свои отношения так, чтобы не вызывать не только каких-либо подозрений, но и вообще не вскармливать отрицательных, националистических бацилл, которые носит в своем организме Мао. Мы решили также приложить все силы к тому, чтобы не нарушать братских отношений Китая с СССР и сделать все возможное для их укрепления.

Однако у меня лично сложилось мнение, что этого будет трудно достичь или даже невозможно, потому что Мао не согласится занять равное другим положение в коллективном руководстве мировым коммунистическим движением и потребует признать свою гегемонию. По таким вопросам бывает невозможно договориться. Тут все зависит от личных качеств, от того, как относится к себе какой-нибудь руководитель, в каком направлении он прилагает свои усилия. Если добиваться не физического подчинения, а утверждения ведущего положения путем проявления более глубокого понимания хода истории и развития политики, вырабатываемой коллективом коммунистических партий, — тут другое дело! Но нет, я чувствовал, что Мао безоговорочно определил себя в вожди мирового коммунистического движения. А это было опасно.

Другие наши беседы в Пекине касались напрямую вопросов мирового коммунистического движения. Мы считали целесообразным осуществить какое-то «разделение труда» по связи с компартиями несоциалистических стран. Так как КПК добилась победы в Китае, то мы полагали, что лучше всего, чтобы именно она установила более тесные связи с братскими компартиями стран Азии и Африки. Кроме того, по уровню развития промышленности и жизненному уровню населения Китай стоял ближе к народам таких стран, как Индия, Пакистан, Индонезия. Мы-то имели в виду в первую голову как раз эти страны. А хотели оставить за собой укрепление связей с коммунистическими партиями Запада, в первую очередь европейскими и в США.

Когда мы высказали эти соображения китайским товарищам, Мао возразил: «Нет, это невозможно. В коммунистическом движении ведущая роль должна принадлежать Коммунистической партии Советского Союза. У нее богатый опыт, у нее был Ленин, в КПСС созданы кадры, которые глубже понимают марксистско-ленинскую теорию, а мы без Советского Союза никак не можем браться за такое

большое дело. Мы ведь и сами смотрим на Советский Союз, учимся у него. Должен быть единый центр руководства, в Москве». Но когда я слушал всевозможные доводы Мао насчет признания ведущей роли СССР и КПСС, то не мог отделаться от мысли, что это все на словах. А думает Мао совсем о другом, готовя соответствующую почву для себя. Это меня очень огорчало, я чувствовал, что когда-то настанет время трений, а может быть и более чем трений, между нашими партиями, между нашими странами. Заявляю еще раз: это было для меня сильным огорчением. Но и мы не могли прятать голову в песок, как страусы, а смотрели такой опасности прямо в лицо, а с другой стороны дали себе слово сделать все, чтобы заглушить такие ростки, изжить их и добиться самых лучших, братских отношений между нашими партиями, между нашими странами.

Когда мы вернулись в СССР, то решили глубже изучить собственные возможности. После смерти Сталина мы почувствовали бо́льшую ответственность за судьбу страны. Эта ответственность заставила нас глубже вникать в хозяйственные вопросы, особенно в вопросы планирования. Мы убедились, что мнение о нехватке у нас рабочей силы было неверным: в СССР имеются даже излишки рабочей силы, просто их неправильно используют. Поэтому для нас отпала необходимость в таком количестве рабочих, которое мы просили у Китая. К нам уже приехала первая их очередь, а далее мы не проявляли инициативы в этом вопросе. Казалось, такой поворот должен был импонировать Пекину и взглядам Мао, которые он нам высказал. Не тут-то было! Китайцы сами стали нам напоминать: «Что же вы, мол, договор подписали, а рабочих не берете? Стесняетесь, что ли? Мы готовы оказать вам братскую помощь».

Мы стали разъяснять им положение вещей, а при встрече с Мао я извинился за то, что мы ранее завысили свои пожелания в получении рабочей силы, которая на деле сейчас нам не требуется в таком количестве. Закончилась эта эпопея так: по окончании соглашения с китайскими рабочими они возвращались домой, а мы уже не восстанавливали прежнего их количества за счет вновь прибывающих из Китая. Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток. Я еще раз напоминаю об интересном маневре Мао: сначала он сказал, что наше предложение обидно, оскорбительно для китайского народа, а потом сам начал настаивать, чтобы мы взяли побольше людей, а если нужно, то они еще добавят.

Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской. Когда потом наши отношения испортились, они дошли бы в таком случае вообще до крайнего предела, поскольку Китай уже тогда предъявил претензии на наш Дальний Восток. Прямо это не высказывалось. Но, безусловно, подразумевалось бы, что и на Сибирь претендовать Китай имеет не меньше оснований, чем Советский Союз. Это вытекало из их взглядов на советско-китайскую границу, из их высказываний в печати, из бесед между нашими людьми и китайцами как на высшем уровне, так и в массах.

Так появились первые признаки наших разногласий и первая тревога у нас насчет отношений с Китаем. В короткое время эти признаки проявления китайского национализма переросли в оголтелый, захватнический национализм, сопровождаемый культом Мао. Жизнь, к нашему сожалению, подтвердила наши прежние опасения.

На одной из взаимных встреч мы поставили вопрос об эвакуации советских людей из Порт-Артура. Мы хотели при этом передать Китаю все недвижимое имущество, за исключением тяжелого вооружения, которое мы только что поставили. Мао возразил, стоит ли сейчас это делать? Они опасаются, что США могут воспользоваться уходом наших войск из Порт-Артура и напасть в этом районе на Китай. Я высказал наши соображения: «Сомневаемся, товарищ Мао Цзэдун, что США сделают это. Более того, я уверен, что они этого не сделают. Правда, никакого ручательства быть не может, потому что США проводят агрессивную политику, только что закончилась война в Корее. Однако мы выводим войска во Владивосток. Это рядом. Если произойдет вражеское нападение, мы, конечно, придем вам на помощь». В конце концов Мао согласился: «Ну, раз Вы считаете, что США нападать не будут, мы не станем возражать против вывода ваших войск».

Так мы договорились и поручили нашим представителям приступить к оформлению договора о выводе советских войск из Порт-Артура. Спустя какое-то время (а мы часто встречались) Чжоу Эньлай опять поднял тот же вопрос: «Мы бы хотели, чтобы в Порт-Артуре осталось ваше артиллерийское вооружение». Мы согласились оставить им вооружение, но за плату. Чжоу же настаивал на том, что Китай хочет получить вооружение бесплатно. Это был неприятный вопрос, и мне отвечать на него было не совсем легко, но я вынужден был ответить: «Извиняюсь, но хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли. Это очень дорогое оружие, и мы вам продаем его по заниженной цене. Мы бы хотели, чтобы это вооружение передавалось вам на тех условиях, которые мы предложили. Мы еще не оправились после разорительной войны с Германией. У нас разорено хозяйство, народ живет плохо. Поэтому мы просили бы, чтобы вы не настаивали и согласились с нами. Поймите нас правильно!» На этом разговор кончился. Пекин настаивать не стал.

Я вспоминаю, не заглядывая в документы. Поэтому отдельные детали могут быть не совсем точными, но за общую точность приводимых фактов я ручаюсь. Китайцы подняли также вопрос о строительстве железной дороги и заявили, что дорога к ним через Улан-Батор представляет для них мало интереса. Я и сейчас не совсем понимаю, почему. Раньше мы грузы везли через Дальний Восток, дорога в Пекин через Улан-Батор намного сокращает путь. Но китайцы прямо заявили, что хотели бы иметь дорогу, которая пройдет через их районы, богатые залежами минерального сырья, и выйдет к нашей границе примерно в районе Алма-Аты. Мы не возражали: если это выгодно для вас, то мы все сделаем со своей стороны, чтобы обеспечить постройку такой дороги. Потом работала соответствующая комиссия. Договорились, что китайцы на своей территории будут прокладывать дорогу своими силами к нашей границе, мы же на своей территории проложим путь к границе с Китаем в районе Алма-Аты.

Началось строительство. Китайцы шли со своей стороны, мы — со своей. У нас был отрезок пути короче, рельеф не столь тяжелый, кадры и техника сильнее. Поэтому мы быстрее подошли к границе, а китайцев пока и в отдалении не было видно. Когда в следующий раз их представители приехали к нам, они уже начали работу конкретно и вкусили, как говорится, от самого плода — познали прокладку дороги и почувствовали, что орешек крепок, что его надо разгрызать, имея хорошие зубы. Тогда они вновь подняли тот же вопрос через Чжоу. Все не очень приятные для нас вопросы они обычно поручали Чжоу Эньлаю. Во-первых, он премьер; во-вторых, более дипломатичен.

Чжоу спросил: «Как вы посмотрите на то, чтобы взять на себя прокладку отрезка железной дороги и на нашей территории?» Это прозвучало для нас неожиданно. Мы, однако, сразу поняли, что это означает. Во что это обойдется, пока нам было неизвестно. Предполагали, что окажется очень дорогим удовольствием. Дорогу следовало вести через горы, овраги, ущелья. Там надо было навести столько мостов, столько проложить тоннелей, и не счесть! Это было бы очень накладно. Неприятная обязанность отвечать на такой вопрос друзьям опять выпала на меня. И я сказал, что весьма извиняюсь, но сейчас такое нам не под силу. Даже свои задачи мы решаем с большим напряжением и принять на себя обязанность по постройке железной дороги на территории Китая просто не можем. Ведь подразумевалось, что строительство должно вестись не только нашими силами, но и за наш счет. Таким образом сей вопрос отпал.

Видимо, подобного рода вопросы, которые нам подбрасывали, а мы от их решения отказывались, падали, как камни, на весы нашей дружбы, на ту чашу, которая, опускаясь, не способствовала укреплению дружеских отношений. Возникал груз, который отяжелял наши отношения. Однако дружба дружбой, а служба службой. Каждое правительство и каждый представитель правительства должен служить своей стране. Поэтому подобные инциденты не должны бы в принципе ухудшать отношения между странами. Да и не в этом заключалась главная причина ссоры, но все это в конце концов тоже способствовало ухудшению отношений.

Теперь о том, как китайцы реагировали на решения XX съезда КПСС и разоблачение злоупотреблений Сталина. От КПК на XX съезде присутствовала делегация во главе с Лю Шаоци и, кажется, Чжоу Эньлаем. Они понимали мотивы, которыми мы руководствовались, и поддерживали нас. Уже после съезда Мао и другие

китайские руководители неоднократно выступали в поддержку его решений, и первое время у нас с Китаем продолжали сохраняться хорошие отношения несмотря на то, что мы обнажили преступления, совершенные Сталиным. Сейчас Мао не соглашается, он осуждает решения XX съезда партии и берет себе дела Сталина на вооружение. Те методы, которыми Мао сейчас пользуется при расправе с оппозицией, не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата. Это диктатура личности. Так в свое время поступал Сталин, когда уничтожал членов ЦК партии, руководителей центральных, краевых, областных, городских, районных, заводских организаций и просто рядовых коммунистов.

Не припоминаю каких-то особых трений, которые складывались в отношениях с Китаем в годы моей работы. Наши взаимоотношения протекали более или менее нормально, как и с компартиями других стран. И я бы даже сказал, что они были несколько теплее, потому что Китай для нас оставался каким-то экзотическим государством, угнетенным ранее империализмом, и к нему издавна возникло любовное отношение: и к народу, и к его руководителям. Ухудшение отношений нарастало постепенно. Но это было ощутимо.

Тут началась война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль развернули войну против Египта. Их агрессия совпала с печальными событиями в Венгрии. В столь сложной международной обстановке у нас возникла потребность в более тесных контактах с Китаем. И мы обратились к Пекину с просьбой, чтобы кто-либо из китайского руководства приехал в Москву. Мы хотели посоветоваться и выработать общую линию в отношениях с Польшей и Венгрией.

В Венгрии события развивались бурно, там уже начались расправы с коммунистами, в них стреляли, их вешали, громили партийные комитеты. Ракоши попросил нас помочь ему уехать из его страны. Мы послали ему самолет, и он прилетел в СССР. После отстранения Ракоши от руководства лидером венгерских коммунистов стал Герэ. Мы ему доверяли, он был, безусловно, хорошим коммунистом и нашим другом. Но Герэ там никто не слушал, все нити управления страной сходились к Имре Надю. Надь почему-то был очень враждебно настроен к Советскому Союзу, хотя он жил у нас в эмиграции и работал в Коминтерне. Ракоши объяснял нам это тем, что тот всегда занимал крайне правые позиции, хотя все-таки считался коммунистом и тоже входил в руководство Венгерской компартии и потом Венгерской партии трудящихся.

Итак, к нам прилетел товарищ Лю Шаоци. Кажется, входили в китайскую делегацию Дэн Сяопин и Кан Шэн. Ныне Дэн Сяопин оказался в опале, и я ничего не знаю о его судьбе, а Кан Шэн к нам очень плохо относится, он в руководстве Китая является наиболее враждебно настроенным человеком в отношении СССР и КПСС. Лю Шаоци приятный человек, с ним можно по-человечески рассматривать вопросы и решать их. Президиум ЦК партии уполномочил меня вести переговоры. С нашей стороны в состав делегации входил еще Пономарев. Мы вели беседу всю ночь напролет, обсуждали ход событий, рассматривали варианты, думали, что же нам предпринять?

Вопрос стоял остро: предпринять ли нам в Венгрии военную акцию или же нет? Если нет, то какие к тому имеются основания, ведь контрреволюция бушует в полной мере, в Будапешт уже приехали из Вены эмигранты и захватывают руководство страной в свои руки. В самом Будапеште находились в то время Микоян и Суслов. Они нам сообщали, что там идет стрельба, развернулось сражение. В других районах страны этого не наблюдалось, там было спокойнее и никаких особых проявлений вражды в отношении СССР и венгерских коммунистических руководителей не ощущалось.

При обсуждении с Лю Шаоци сложной ситуации, которая сложилась в Венгрии, у нас чувствовалось абсолютное доверие друг к другу: одной делегации к другой и одной партии к другой. Мы в процессе беседы приходили то к тому, то к другому решению, изменяли их несколько раз за ночь. Лю сейчас же связывался с Мао, передавал ему нашу точку зрения. И, как правило, мы получали согласие с такой точкой зрения. Несмотря на то, что она менялась, Мао тоже соглашался с решениями, которые мы тут вырабатывали, заседая, если можно так сказать, как бы в смешанной советско-китайской комиссии по венгерскому вопросу. Закончили мы ночь решением не применять силу в Венгрии и дать возможность развиваться событиям самим по себе. Мы хотели верить, что внутренних сил окажется там достаточно,

чтобы взять верх, восстановить порядок и не позволить контрреволюции захватить власть. За ночь мнение менялось несколько раз: то Советский Союз, то Китай предлагал применить войска, а в другой раз — наоборот. Однако, несмотря на все наши колебания и споры, отношение делегаций друг к другу было очень хорошим, основанным на полном доверии и искренности.

Заседали мы на даче Сталина, в Липках, где жила китайская делегация. Уехали домой уже утром, так и решив советские войска в ход не пускать. И тут же утром получили сообщение из Будапешта, что контрреволюция начала буквально погром: коммунистов вешают за ноги, особенно чекистов и партийных руководителей, идет жестокая, зверская расправа. Собрались члены Президиума ЦК партии, еще раз все обсудили, потом решили применить силу. Но с Китаем мы уже договорились, что не будем применять силу, и Лю передал это ранее в Пекин. Было бы нехорошо с нашей стороны, договорившись об одном, делать обратное. Лю должен был улетать в Китай вечером того же дня. И мы договорились с ним, что мы приедем на Внуковский аэродром пораньше и проведем там еще одну общую беседу. Сказали, что хотели бы вернуться к тому вопросу, по которому просидели всю ночь.

Приехали мы, по-моему, в полном составе членов Президиума ЦК, прибыла и делегация Китая. В отдельной комнате мы и провели беседу, объяснив причины изменения нашей точки зрения. Лю согласился, что другого выхода, видимо, нет, придется пойти на крайние меры. Он выразил уверенность в том, что братские коммунистические партии и венгерский народ поймут, что это была вынужденная акция, в интересах рабочего класса, в интересах прогрессивных сил. Ведь трудно даже было представить себе возможные последствия утверждения контрреволюции в Венгрии.

Китайцы улетели. Мы были очень довольны их визитом и не усматривали никаких трещин в отношениях между нашими партиями. После наведения порядка в Венгрии в Москву прилетел Чжоу Эньлай. Отсюда он полетел в Варшаву, в Будапешт, а потом, по-моему, в Белград. После ликвидации мятежа контрреволюции в Венгрии у нас опять ухудшились отношения с Югославией, хотя касательно применения силы югославские товарищи, а в первую голову товарищ Тито, были полностью с нами согласны и одобряли такую акцию. Мы ведь к ним специально летали туда с Маленковым и советовались, применять нам силу или нет.

Мы были очень довольны прибытием Чжоу Эньлая. У нас обострились отношения с Польшей, а у Китая этого не было. И мы рассматривали Китай как доброго посредника, который может смягчить обостренные отношения между компартиями СССР, Польши и Венгрии. Хотя не все было благополучно и с Югославией, но мы считали, что надо не идти путем ухудшения отношений, а изыскивать пути их нормализации и установления братских связей между компартиями наших стран. Чжоу приехал в СССР с хорошим настроением. Но я бы сказал, что проявился уже какой-то сквознячок, вроде бы ощущались какие-то щели, сквозь которые дуло. Может быть, это был результат обостренности нашего восприятия? Ни в чем конкретно это не проявлялось, просто мы чувствовали холодок в интонациях. Чжоу, попросту говоря, более независимо высказывал теперь свои суждения, нежели раньше, когда мы тоже встречались и разговаривали с ним.

Мы к этому относились с пониманием. Ведь вина за ухудшение отношений с Польшей и Венгрией ложилась на Сталина, значит, и на нас. Сталин породил такие отношения, и они должны были когда-то прорваться, не могли пройти бесследно. Теперь мы расплачивались за прежние кровавые дела, которые он учинил в руководстве Польши и Венгрии. Мы нуждались в правильном понимании нашей позиции, позиции осуждения методов насилия, осуждения поступков Сталина, хотели восстановить нормальные, братские отношения с нашими друзьями и на равноправной основе хотели строить наши отношения на базе уважения к народам всех стран и к руководству их коммунистических партий.

Отношения должны были нормализоваться именно на новой основе, потому что прежде Сталин считал себя персоной, которая отдает распоряжения, изрекает законы в коммунистическом движении, а остальные должны качать головами, как болванчики, смотреть ему в рот и только повторять: «Да, да, гениально. Полностью согласны». Тогда большего не требовалось. Но теперь нужны были другие отношения. Если создавать равноправие, следовательно, надо научиться выслушивать неприятные замечания, понять обиду на методы, которые применял Сталин. Все это и легло на наши плечи. Прокисшую похлебку, сваренную Сталиным, приходилось расхлебывать после его смерти.

Китай сыграл здесь положительную роль. Но мы чувствовали себя не совсем хорошо и видели, что китайские руководители несколько по-другому стали вести себя в беседах при обсуждении наших общих вопросов. Быстро шла зато нормализация отношений с Польшей. Здесь проявилась огромная заслуга товарищей Гомулки, Циранкевича, Спыхальского и других, которые пришли в польское руководство. После подавления контрреволюции в Венгрии там тоже довольно быстро стало нормализоваться положение. Венгерские товарищи с большим пониманием отнеслись к применению нами военной силы для устранения контрреволюции, а ведь там проявилась контрреволюция в чистейшем виде. Однако некоторые затруднения наметились в других братских партиях. Отдельные члены компартий Франции и Италии и ряда других не поняли сути дела и публично осуждали наши действия в Венгрии. Особенно тяжело переживали происходящее литераторы и остальные представители интеллигенции. С Югославией у нас тоже пошел процесс нормализации отношений. И мы, и югославы со своей стороны все делали для этого.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

Эпилог

Революция в Кремле

Данная работа уже была готова, как произошло новое событие в Кремле — июньский пленум ЦК КПСС 1957 года исключил из Президиума и из состава ЦК Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова. В дальнейшем развитии режима «июньский переворот» Хрущева сыграет судьбоносную роль. Из всего того, что я рассказывал на протяжении этой книги, даже неосведомленный читатель легко мог видеть, что без Молотова, Кагановича и Маленкова Сталин никогда не достиг бы той вершины власти, на которую диктатор поднялся еще в предвоенные годы. Разоблачая мертвого Сталина, Хрущев как раз и разоблачал этих все еще живых создателей Сталина. Поэтому вполне естественно, что первый секретарь встречал то скрытый, то явный отпор с их стороны, когда он заходил слишком далеко.

Говорят: а разве сами Хрущев, Булганин, Ворошилов, Микоян, Шверник, Куусинен, Суслов и другие не участвовали и в создании Сталина и в сталинских преступлениях? Такая, казалось бы, конкретная постановка вопроса все-таки абстрактна исторически и беспредметна политически. Конечно, и в нынешнем Президиуме ЦК нет ни одного человека, который бы не принял участия либо физически, либо морально в сталинских преступлениях. Но степень, характер и масштаб этого участия были разные. В то время когда Сталин, опираясь на Молотова и Кагановича, создавал КПСС, Хрущев был студентом, Суслов — преподавателем, а 80 процентов нынешних членов ЦК еще не состояли в партии.

Этот первый период восхождения Сталина к власти кончился в 1930 году (XVI съезд) полной политической ликвидацией старой гвардии Ленина. Теперь только Сталин получил официальное признание как единственный лидер партии, Молотов стал главой правительства, а Каганович — вторым секретарем ЦК после Сталина. От лидерства до диктатора надо было пройти еще второй этап (1930—1934 гг.), когда «тройка» приступила к подготовке ликвидации уже самой партии Ленина как политической силы над своим аппаратом. Незачем здесь повторять то, что подробно рассказано на этот счет в предыдущем изложении. Заметим только, что и в этом самом ответственном периоде подготовки единоличной диктатуры правой рукой Сталина по-прежнему остается Молотов, а левой — Каганович. Однако в этот период часто случалось, что Сталин как раз «левой» рукой работал куда лучше, чем «правой». Закостенелый, как бы наследственно бюрократический, мозг Молотова (Молотов — сын чиновника) всегда был лишен «творческой фантазии». Как «ширма», орудие и скрупулезный исполнитель чужой воли он, конечно, был просто незаменим, и Сталин его не заменял.

Только в третьем периоде (1934—1939 гг.), на XVII съезде партии (1934 г.), названном сталинскими историками «Съездом победителей», Хрущев и Булганин впервые попали в число «победителей», первый — как член ЦК, а второй — как кандидат. Из этих победителей «тройка», ставшая к тому времени «четверкой» (Сталин — Молотов — Каганович — Маленков) арестовала и расстреляла около шестидесяти процентов делегатов съезда и 70 процентов членов и кандидатов ЦК. В числе немногих оставленных были Хрущев и Булганин. Вот почему Хрущевы и Булганины, а тем более Сусловы и Беляевы, рассчитывали на свое алиби и, если нужно будет, в состоянии доказать, что знаменитые «ежовские списки» для чистки и внесудебной казни партийных, государственных и военных деятелей подписывались не только одним Сталиным (как об этом докладывал Хрущев на XX съезде), но и Молотовым, Кагановичем и Маленковым.

Конечно, Хрущев тоже не бездействовал на своих участках. Поэтому-то Хрущев и не отказывается от всего Сталина. Отсюда ему пришлось выдумать и теорию о «двух Сталиных». «Сталин антиленинский» — тот Сталин, в преступлениях которого участвовали Молотов, Маленков, Каганович, Берия; «Сталин ленинский» — тот Сталин, в преступлениях которого участвовали мы — Хрущев, Булганин, Ворошилов, Шверник и Микоян. Поэтому, давая общую оценку Сталину, уже после ликвидации группы Молотова, Хрущев говорит: «Мы были искренними в своем уважении к Сталину, когда плакали, стоя у его гроба. Мы искренни и сейчас в оценке его положительной роли... Каждый из нас верил Сталину, вера эта была основана на убеждении, что дело, которое мы делали вместе со Сталиным, совершалось в интересах революции... Все мы решительно осуждаем Сталина за те грубые ошибки и извращения, которые нанесли серьезный ущерб делу партии, делу народа. Мы потеряли много честных и преданных людей, работников нашей партии и советского государства, оклеветанных и невинно пострадавших»[1]. В другом месте: «Для того, чтобы правильно понять существо партийной критики культа личности, надо глубоко осознать, что в деятельности т. Сталина мы видим две стороны: положительную, которую мы поддерживаем и высоко ценим, и отрицательную, которую критикуем, осуждаем и отвергаем»[2].

В эту «положительную сторону» «ленинского Сталина» входит, по Хрущеву, и борьба Сталина и сталинцев против «троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и буржуазных националистов». Но и тут Хрущев выдвигает новую многозначительную формулировку: «Это была политическая борьба. Партия правильно сделала, разоблачив их как противников ленинизма, противников социалистического строительства в нашей стране. Политически они осуждены, и осуждены правильно». Но спрашивается: разве они были осуждены лишь «политически» как «противники ленинизма»? Разве они не были осуждены как «враги народа», как «вредители», «диверсанты», «шпионы» и «убийцы»? Было ли правильным вот это судебно-уголовное их осуждение? Далее. Кто же несет ответственность за тот террор, который существовал в партии и стране с тех пор, как сам Хрущев стал членом Политбюро? Ведь тогда только были расстреляны Косиор, Чубарь, Эйхе, Рудзутак (1939—1940 гг.) или Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков (1949 г.)? И тут Хрущев имеет готовый ответ: «Личные недостатки Сталина были использованы во вред нашему делу заклятым врагом партии и народа провокатором Берия. Большая вина в этом деле лежит и на т. Маленкове, который подпал под полное влияние Берия, был его тенью, был орудием в руках Берия»[3].

Напрасно мы будем спрашивать у Хрущева, почему же это Берия, который стал членом Политбюро на семь лет позже Хрущева, или Маленков, который стал членом Политбюро на девять лет позже, должны больше отвечать за преступления сталинского Политбюро и Сталина, чем Хрущев? Уж куда более убедительно звучит старый ответ Хрущева на такие вопросы: «Мы его боялись!» Или вздыхания Булганина: «Ох, едешь к Сталину как друг, но не знаешь, куда от него попадешь — домой или в тюрьму!» Или еще раболепные звонки по телефону в Секретариат

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—7, 10.

Сталина члена Политбюро Ворошилова: «Будьте добры, спросите у т. Сталина, можно ли мне присутствовать на заседании Политбюро?» Ведь обо всем этом рассказывал сам Хрущев делегатам XX съезда.

Перейдем теперь к тем обвинениям, которые Хрущев выдвинул против Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова в резолюции июньского пленума ЦК 1957 года. Прежде чем начать конкретный разбор самих обвинений, надо заметить следующее: 1) мы совершенно не знаем контробвинений и контраргументов группы Молотова против Хрущева; 2) некоторые пункты обвинения Хрущева против группы Молотова говорят не столько о том, что собирается делать сам Хрущев, сколько Хрущев хочет сформулировать и пропагандно использовать настроение партийной и народной массы, недовольной сталинскими методами правления; 3) находясь все еще под шоком тех жестоких личных обвинений, которые его противники открыто излагали против него на пленуме ЦК и которые, вероятно, не были лишены внутренней убедительности с точки зрения интересов режима, Хрущев еще долго должен будет проявлять осторожность в своих дальнейших «экспериментах»; 4) нахождение в Президиуме ЦК Ворошилова, старого друга Сталина и одного из создателей «культа Сталина», а также наличие там сталинцев Шверника, Куусинена, Суслова, Поспелова и Микояна будут действовать до поры до времени «сдерживающе» на более последовательное разрушение «культа Сталина» Хрущевым.

Если подойти к резолюции июньского пленума ЦК с формально-юридической точки зрения, то приходится констатировать: 1) несмотря на многословие, документ носит общий отвлеченный характер, а суровые обвинения совершенно не аргументированы; 2) бросается в глаза ясный отпечаток импровизации, спешки при составлении документа, когда в документе нет ни логической последовательности, ни даже до конца выдержанного одного стиля (перескакивания от одного пункта к другому, частые повторения одних и тех же обвинений в разных местах; 3) в отличие от предыдущей практики «разоблачения антипартийных групп», резолюция говорит о том, с чем не были согласны члены группы, но не говорит ничего о том, какие же положительные мероприятия они предлагали; 4) в резолюции указывается, что за исключение из ЦК Молотова, Кагановича, Маленкова, Шепилова голосовали все его члены, «при одном воздержавшемся — в лице т. Молотова», то есть за свое исключение из ЦК голосовали Каганович, Маленков и Шепилов. (У Сталина хотя все подсудимые в конце концов признавались в своей вине перед ним, но никогда не голосовали за политический смертный приговор над собою, а у Хрущева уже голосуют.); 5) за исключение членов ЦК и членов Президиума ЦК у Хрущева голосуют не только члены ЦК, но, оказывается, голосуют и кандидаты ЦК, имеющие по уставу партии лишь совещательный голос, и даже члены Центральной ревизионной комиссии, которые по тому же уставу не имеют и совещательного голоса на пленуме ЦК[4].

Перейдем к существу обвинений. Главные пункты обвинений сводятся к следующему:

Во внутренней политике:

1. Члены группы «на протяжении 3—4 лет», то есть со дня смерти Сталина, «оказывали прямое и косвенное противодействие курсу, одобренному XX съездом», в частности против «исправления ошибок и недостатков, порожденных культом личности». 2. «Они были против расширения прав союзных республик...» 3. «Антипартийная группа сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом... Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание совнархозов в экономических районах...» 4. «Они не признавали необходимости усиления материальной заинтересованности колхозного крестьянства в расширении производства продуктов сельского хозяйства... Они возражали против отмены старого, бюрократического порядка планирования в колхозах и введения нового порядка планирования... Участники антипартийной группы выступали против отмены обязательной поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников...» 5. «Они вели борьбу против призыва партии — догнать США в ближайшие годы по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым участники антипартийной группы продемонстрировали барски пренебрежительное

отношение к насущным жизненным интересам широких народных масс». 6. «т. Молотов, проявляя консерватизм и косность, сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины...» 7. «тт. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил ЦК и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности...»

Во внешней политике:

1. «В области внешней политики эта группа, в особенности т. Молотов, проявляли косность и всячески мешали проведению назревших новых мероприятий, рассчитанных на смягчение международной напряженности...» 2. «тов. Молотов неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией». 3. «тов. Молотов тормозил заключение государственного договора с Австрией... Он был также против нормализации отношений с Японией...» 4. «Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений». 5. «По многим из этих вопросов мнение т. Молотова поддерживалось т. Кагановичем, а в ряде случаев т. Маленковым».

Происхождение, источник такой позиции группы Молотова резолюция видит в том, что «т.т. Маленков, Каганович и Молотов находились и находятся в плену старых представлений и методов, не видят новых условий, новой обстановки, проявляют консерватизм, упорно цепляются за изжившие себя... формы и методы работы, отвергая то, что рождается жизнью и вытекает из интересов развития советского общества... Как в вопросах внутренней, так и в вопросах внешней политики они являются сектантами и догматиками»... (везде цитировано из «Постановления пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.», журнал «Вопросы истории КПСС», № 1, 1957, стр. 4—7). Резолюция отмечает, что Молотов, Каганович и Маленков не только вели борьбу внутри Президиума ЦК за свою линию, но «они прибегли к интриганским приемам и устроили тайный сговор против Центрального Комитета» (там же, стр. 7). К ним присоединился и бывший кратковременный министр иностранных дел и секретарь ЦК по идеологии Шепилов.

В чем заключается этот «тайный сговор», насколько широк был его круг, кроме названных лиц, и на какие силы они ориентировались, резолюция не сообщает. Но «пленум ЦК» торжественно хвалит самого себя: «Пленум ЦК с огромным удовлетворением отмечает монолитное единство и сплоченность всех членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной ревизионной комиссии, единодушно осудивших антипартийную группу. В составе пленума ЦК не было ни одного человека, который поддержал бы эту группу» (там же, стр. 7). О выступлениях на самом пленуме членов группы Молотова резолюция не говорит ни слова, как будто они и вовсе не выступали. В этом случае даже непонятно, почему пленум продолжался целых семь дней! Впрочем, резолюция намекает на одно их выступление, именно — в конце пленума. Резолюция отмечает: «Оказавшись перед лицом единодушного осуждения пленумом ЦК антипартийной деятельности группы, когда члены ЦК единодушно потребовали вывода членов группы из ЦК и исключения из партии, они признали наличие сговора, вредность своей антипартийной деятельности, обязались подчиниться решениям партии» (там же, стр. 7—8). И все-таки Хрущев их вывел не только из Президиума ЦК, но исключил и из состава ЦК вообще. Причем Хрущев считает важным подчеркнуть, что это решение «принято единодушно» и слово «единодушно» или «единогласно» в заключительных трех абзацах резолюции повторяется семь раз!

Поверим Хрущеву, что Молотов и молотовцы признали «вредность своей антипартийной деятельности и обязались подчиниться решениям партии», но тогда как же с этим согласовать поступок главы группы — Молотова, который «воздерживается при голосовании», нарушая столь единодушную идиллию на столь «монолитном» собрании? Тут явно не сведены концы с концами. Сталин был более искусным режиссером в таких делах! Хрущевы могут сказать, что мы осуждаем методы Ста-

лина и не заставляем людей заниматься «унизительным самобичеванием». Но «самобичевание» догматиков и «раскольников» было бы более убедительным аргументом, чем многократное «единодушие» Хрущева с самим собою...

Однако, если уж говорить о «сталинских методах» расправы со своими противниками, то они все-таки выглядят более «демократическими», чем модернизированный сталинизм Хрущева. Троцкисты имели возможность открыто выступать со своими контртезисами против Сталина на страницах «Правды». Зиновьев выступал с контрдокладом против Сталина на XIV съезде партии. Бухарин, Рыков и Томский открыто излагали свои взгляды как в «Платформах», так и в речах на пленумах и продолжительное время имели право находиться и в ЦК и в партии, не будучи согласны со Сталиным. Тем временем партия месяцами, даже годами дискутировала об их программах, пока очередной съезд (а не пленум ЦК!) не принимал решения «о несовместимости пропаганды их взглядов с принадлежностью к партии», а вот Хрущев, в узком кругу своих аппаратчиков, не запрашивая так называемую партию, за семь дней решает судьбу людей, которые создали и самого Хрущева и эту «мудрую и великую партию».

Остановимся на трех главных пунктах обвинений против группы Молотова: 1) группа выступала против смягчения международной напряженности; 2) группа выступала против развенчания Сталина и за сталинские методы правления; 3) группа выступала против поднятия жизненного стандарта населения.

Если группа выступала против всего этого, а руководство Хрущева такую политику осуждает, то это должно было бы означать автоматически, что Хрущев: 1) выступает за нормализацию международных отношений; 2) усиливает курс на дальнейшее развенчание Сталина и отказывается от сталинских методов правления; 3) пересматривает сталинскую экономическую политику «преимущественного развития тяжелой промышленности» как основы основ советской экономики и восстанавливает нормальную пропорцию в финансировании тяжелой, легкой и пищевой промышленности. Происходит ли все это? Изменилось ли что-нибудь во внешней и внутренней политике Кремля с тех пор, как оттуда изгнаны молотовцы? Во внешней политике курс Молотова пока что остается в абсолютной неприкосновенности. Даже больше — определенные факторы говорят за то, что этот курс имеет тенденцию вернуть советскую внешнюю политику к исходной позиции — к «чистым методам» сталинской эры. Новое руководство Кремля продолжает молотовскую политику более последовательно, чем сам Молотов. Еще более кричащим является, пожалуй, тот факт, что кремлевская внешняя политика все еще символизируется в лице того мрачного человека, в котором счастливо сочетаются три качества трех основоположников нынешней внешней политики Москвы — твердолобие Молотова, лицемерие Вышинского и абсолютная аморальность Сталина — в Громыко. Даже фонетическое звучание этого имени наводит на печальные размышления: «Громыко» — значит «гром», «громить»! Конечно, он не министр в обычном смысле этого слова, а всего-навсего «дипломатический курьер» Хрущева, но курьер «громовых известий»...

А как обстоит дело со «сталинскими методами», или, как выражается резолюция, с «устаревшими методами и формами»? Как мы видели, «устаревшие методы» были в первую очередь применены к самим молотовцам. Потом последовала очередь потенциально наиболее опасной части населения — интеллигенции, особенно художественной интеллигенции. «Разоблачая» группу Молотова и «примкнувшего к ней Шепилова», лейб-орган Хрущева — журнал «Коммунист» — писал, что Шепилов, выступая как секретарь ЦК на съездах художников и композиторов СССР и на торжественном заседании в Москве в день 86-й годовщины рождения Ленина, проповедовал линию, которая противоречила решениям XX съезда и политике ЦК. В чем же заключалась «особая» линия Шепилова? Ответим словами самого журнала: «Находясь у руководства идеологической областью, Шепилов обманул доверие Центрального Комитета. Он отступил от линии, намеченной XX съездом КПСС по вопросам литературы и искусства... Занял... либеральную позицию... В погоне за личной популярностью он встал на путь заигрывания с демагогами, пытался проводить платформу «шире» партийной... Общий тон его речей выдержан в либеральном духе»[5]!

Передовая статья «Коммуниста» особенно возмущается тем, что Шепилов для обоснования своей «либеральной политики» прибегает к Ленину, «выдергивая из

контекста (Ленина) нужную цитату». Одна из таких цитат, которую «выдернул» Шепилов из Ленина, гласит: «Безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»[6]. Процитировав эту ленинскую цитату из Шепилова, «Коммунист» восклицает: «И далее ни слова. Больше ни одной мысли Ленина по вопросам литературы и искусства не воспроизвел Шепилов». Оказывается, Шепилов должен был приводить не эту цитату, а другую, которая говорит о «партийности в литературе». Другими словами, воспроизвести полный текст сталинско-ждановских постановлений о литературе и искусстве 1946—1948 годов, когда началась «ждановская чистка» против «космополитов» и «низкопоклонников». Журнал так и пишет: «В речи на съезде композиторов Шепилов упомянул об этих постановлениях. Но как? Лишь походя, только в порядке перечисления назвал он некоторые проблемы, поставленные в этих документах. При этом даже здесь он не упомянул ленинского принципа партийности, пронизывающего все эти документы»[7].

Всякий здравомыслящий человек согласится с тем, что здесь орган ЦК обвиняет своего бывшего руководителя в том и только в том, что он выступал против ждановско-сталинских методов в литературной критике и практике, которые были осуждены не только XX съездом, но и тем же «Коммунистом» в своих послесъездовских статьях (см. выше главу «Судьбы сталинизма в СССР»). Еще одна мелочь в «защиту» Шепилова: каждое ответственное выступление секретарей ЦК и членов Президиума ЦК проходит предварительно через цензуру Секретариата и Президиума ЦК! Так в чем же дело, почему ЦК (Хрущев) не выкинул антисталинские, «либеральные» ереси из докладов Шепилова? Да вообще как мог очутиться Шепилов в группе Молотова, если он был «либералом»?

Что же касается обвинения против молотовцев, что они держались за «культ личности Сталина», то и тут дело обстоит более чем странно. Сталин, обруганный на XX съезде, Сталин, которого Ленин предлагал убрать из ЦК, все еще не убран из мавзолея Ленина. Бесчисленные города и села, фабрики и заводы, колхозы и школы по-прежнему «славятся» именем Сталина. Даже «Сталинские премии», переименованные еще при молотовцах в «Ленинские премии», реабилитированы как раз после ликвидации поклонников сталинского культа. В речи, опубликованной в «Коммунисте», а потом перепечатанной и в «Правде», Хрущев, со свойственной ему прямотой, заявляет: «Я считаю, что надо... с гордостью носить почетный знак лауреата Сталинской премии. Если бы я имел Сталинскую премию, то я носил бы почетный знак лауреата»[8].

Из внутренних задач режима сельское хозяйство все еще остается наиболее тяжелой проблемой. Тут Хрущев дал народу настолько далеко идущие обещания, зафиксированные в конкретных обязательствах всех союзных республик, что их выполнение для него становится не только вопросом личного престижа, но и генеральной проверкой правильности его собственной политики против только что изолированной, но далеко не ликвидированной группы.

Поэтому Хрущев вновь вернулся к этому вопросу уже после июньского пленума ЦК и обещал радикально покончить со старой сталинской практикой в сельском хозяйстве, дав простор внутриколхозной инициативе крестьян. Причем, воспоминания Хрущева о старой практике были настолько удручающи, что стоит их послушать. Хрущев рассказывает: «Почему же наше сельское хозяйство длительное время серьезно отставало? Это происходило потому, что никто в центре не хотел по-настоящему разобраться с положением дела на местах. Сталин, как известно, никуда не выезжал, с работниками сельского хозяйства не советовался, к голосу местных работников не прислушивался... Грубо нарушался принцип материальной заинтересованности колхозников... Приведу хотя бы такие примеры. Вскоре после окончания войны я ездил в деревню, где родился, там зашел к двоюродной сестре. У нее был сад. Я сказал ей: «У тебя замечательные яблони».

Она ответила: «Осенью их срублю». «Почему?» — спросил я. «Приходится платить большие налоги, — заявила она. — Невыгодно иметь сад». Я рассказал об этом разговоре И. В. Сталину, сообщил ему, что колхозники сады рубят. А он мне потом сказал, что я народник, что народнический подход имею, теряю пролетарское классовое чутье. Другой пример... Мы из городов посылали тысячи людей убирать картофель в колхозах, в то время, когда сами колхозники не участвовали в уборке. Почему колхозники не хотели работать на уборке картофеля? Потому,

что при заготовке картофеля им платили крайне низкие цены. Одна доставка картофеля на заготовительный пункт обходилась колхозу дороже того, что он получал за него»[9].

Июньский переворот проливает также некоторый свет на расстановку сил в верхах Кремля после войны и после смерти Сталина. Остановимся на этой стороне вопроса. После войны, видимо, наибольшие шансы из членов Политбюро попасть в наследники Сталина имел Жданов. Но с тех пор как Маленкова ввели в состав Политбюро (1946 г.), место наследника стало спорным, тем более, что Жданов ведал лишь пропагандой, а Маленков — по-прежнему кадрами партии. Глухая борьба, которая началась между двумя претендентами, шла с переменным успехом. Сталину они нужны были оба и именно как соперники. Ведь соперничали они не со Сталиным, а между собою из-за того же Сталина — кто и как наиболее последовательно способен понять и осуществлять волю диктатора. Но в тот момент, когда казалось, что Сталин уже окончательно выбрал Жданова, наступила непредвиденная развязка: Жданов умер. Правда, Сталин впоследствии думал, что эта развязка была предвиденная и подготовленная («Дело врачей»). Но после смерти Жданова сам же Сталин, если не организует, то санкционирует ликвидацию ждановцев («Ленинградское дело»).

Почему же Сталин пошел на это? Ответ, который дал Хрущев на XX съезде, гласит: «Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия. Как мы сейчас доказали, именно Берия «предложил» Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками сфабрикует материалы... Сталин лично наблюдал за «Ленинградским делом»... Когда Сталин получил от Берия и Абакумова материалы, он, не пересмотрев эти клеветнические материалы, приказал прекратить дальнейшее расследование «дела» Вознесенского и Кузнецова. Это решило их судьбу»[10].

После июньского пленума ЦК Хрущев дает уже другой ответ. В одной из своих речей в Ленинграде он заявляет: «Маленков, который был *одним из самых главных организаторов* (курсив мой. — *А. А.*) так называемого Ленинградского дела, просто боялся ехать к вам сюда» («Правда», № 188, 7.7.1957). Но через некоторое время после этого выступления Хрущев беседует с одним из лидеров английской рабочей партии Э. Бивеном и сообщает последнему обстоятельства, при которых был уничтожен Вознесенский. Вот рассказ Хрущева в изложении Бивена: «В конце войны члены Политбюро предприняли изучение советской экономики для целей будущего планирования. Результаты этого изучения убедили их в том, что во многих областях следует допустить частную инициативу. Они выработали свой план и послали Вознесенского, главу экономического планирования, объяснить его Сталину. Вернувшись, Вознесенский рассказал, что Сталин набросился на него и назвал его предателем социализма. Это рассердило членов Политбюро, так как Вознесенский сделал лишь то, что ему было поручено. На следующий день члены Политбюро явились к Сталину и сказали ему, что это был их коллективный план, а не Вознесенского, что он, Сталин, был несправедлив по отношению к Вознесенскому и должен попросить у него извинения. «Я не могу, — сказал Сталин, — он расстрелян сегодня утром»[11].

Подводя итоги преступлениям Сталина, Хрущев говорил на XX съезде, что не кто другой, а Берия толкал Сталина на эти преступления и что в то время Берия невозможно было разоблачить, так как он умел пользоваться доверием и слабостями Сталина. Хрущев утверждал: «Возникает вопрос, почему Берия, который ликвидировал десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был разоблачен раньше потому, что *он очень ловко использовал слабости Сталина:* разжигая его подозрительность, он во всем помогал Сталину и действовал при его поддержке»[12] (курсив мой. — *А. А.*).

Возвращаясь к этому же вопросу — к вопросу о главном виновнике сталинских преступлений — после июньского пленума ЦК, Хрущев говорит, хотя почти в тех же словах, но о другом лице. Хрущев утверждает: «Занимая высокое положение в партии и государстве, тов. Маленков не только не сдерживал И. В. Сталина, но *очень ловко пользовался слабостями и привычками Сталина* в последние годы его жизни. Во многих случаях он толкал его на такие действия, которые заслуживают строгого осуждения»[13] (курсив мой. — *А. А.*). Которое из этих утверждений правильно? Вероятно, правильны оба, ибо одно не исключает другого. Но причины, почему эти два, а не другие члены Политбюро, пользовались такой властью при

Сталине, указаны явно неправильно. Конечно, их личные качества имели свое значение. Однако еще большее значение имело то, чего они достигли этими своими качествами и для Сталина и для всех других членов Политбюро: один создал и держал в руках партаппарат (Маленков), другой — усовершенствовал и держал в руках полицейский аппарат (Берия). Не как хитроумные комбинаторы и рафинированные интриганы держались они у «слабого Сталина» (по этой части «перехитрить» учителя было вообще невозможно), а сам Сталин держался на гармоничном взаимодействии этих двух аппаратов и их водителей. Если при этом уничтожались «десятки тысяч партийных и советских работников», не говоря уже о миллионах беспартийных граждан, то это тоже делалось в интересах системы, а не одного Берия или Маленкова. Но из утверждения Хрущева, что «Маленков не только не сдерживал, но и толкал Сталина» на преступления, вытекает другой важный вывод: Маленков стал той ведущей силой во всей системе, с которой приходилось считаться даже Сталину! Это было замечено раньше всех Б. И. Николаевским.

Объективные факты, которым раньше не придавали особенно большого значения, теперь, в свете утверждения Хрущева, приобретают новое значение и подтверждают его же вывод. Факты эти следующие: 1) после смерти Жданова и ликвидации ждановцев Маленков делается вторым после Сталина секретарем ЦК (1949 г.); 2) вскоре после этого он делается и заместителем Сталина по правительству (1950 г.); 3) на XIX съезде КПСС «политический отчет» ЦК КПСС делает не Сталин, а Маленков; 4) на первом пленуме ЦК после XIX съезда создается вместо узкого Политбюро расширенный Президиум ЦК в 25 человек, из которых 15 человек — прямые ученики Маленкова (раньше Хрущев приписал создание этого Президиума злому умыслу Сталина, но приписать теперь то же самое Маленкову он не может, так как все эти «маленковцы» ныне перешли к Хрущеву); 5) на том же пленуме Сталин был освобожден от поста генерального секретаря ЦК, оставшись лишь одним из секретарей, и Маленков фактически сделался первым секретарем ЦК (см. выше: «Подготовка новой чистки и загадка смерти Сталина»).

Если совершенно бесспорным надо считать, что Маленков сделался ведущим после Сталина членом Политбюро, то столь же категорически невозможно утверждать, что Маленков был намечен в «наследники» самим Сталиным. Правда, этого прямо не утверждает и Хрущев, но он хочет создать именно такое впечатление. Объективные факты говорят опять-таки за то, что Маленков после смерти Сталина очутился во главе партии и государства не по «завещанию Сталина» (если таковое он вообще успел составить), а совершенно автоматически как первый секретарь ЦК. Верно, что Президиум ЦК XIX съезда был разогна́н и создан новый узкий Президиум в составе тех же старых членов Политбюро с незначительными изменениями, но соотношение сил внутри Президиума, место каждого члена Президиума в общей пирамиде власти остались почти те же, что и до смерти Сталина. В самом деле, сопоставим эти данные, чтобы убедиться в сказанном. Известно, что до смерти Сталина не признавали никакого алфавита в репрезентации членов Политбюро, если хотели указать место, которое занимает тот или иной член Политбюро в пирамиде власти. Вот перед нами документы: номер газеты «Правда» от 21 декабря 1949 года, в котором напечатаны «юбилейные статьи» членов Политбюро в связи с семидесятилетием Сталина, и номер той же «Правды» от 7 марта 1953 года, в котором опубликован список членов нового Президиума ЦК.

В том и другом случае имена напечатаны не в алфавитном порядке, а в порядке «культа личности», то есть в порядке важности каждого имени. Список «Правды» 21 декабря 1949 года: 1. Маленков. 2. Молотов. 3. Берия. 4. Ворошилов. 5. Микоян. 6. Каганович. 7. Булганин. 8. Андреев. 9. Хрущев. 10. Косыгин. Список «Правды» 7 марта 1953 года: 1. Маленков. 2. Берия. 3. Молотов. 4. Ворошилов. 5. Хрущев. 6. Каганович. 7. Булганин. 8. Микоян. 9. Первухин. 10. Сабуров.

Это сопоставление показывает, что после смерти Сталина в старом Политбюро произошла весьма незначительная передвижка сил. Маленков остался на своем месте, Берия и Молотов «обменялись» местами, Хрущев, который при Сталине занимал предпоследнее, девятое место (надо сказать, место весьма опасное с точки зрения «законов чистки»), передвинулся на пятое место, вытеснив оттуда Микояна на восьмое место. Андреев и Косыгин были исключены еще на первом пленуме ЦК XIX съезда. Ворошилов, Каганович и Булганин остались на своих местах.

Мы вправе спросить у Хрущева, почему же Маленков и Берия оказались на тех же местах пирамиды власти уже после смерти Сталина? Чьими «слабостями» они пользовались теперь? Очевидно, они пользовались на этот раз уже «слабостями» всех остальных членов Политбюро, у которых были лишь известные имена, но не было аппарата власти. Положение было настолько тягостное для этих последних, что они и не осмеливались ставить жизненно важный для них вопрос: вопрос о «коллективном руководстве». В этом отношении характерно и другое обстоятельство — новое руководство не позаботилось и о том, чтобы иметь нечетное число членов (при Сталине Политбюро всегда имело нечетное число членов) для того случая, когда спорные вопросы в Президиуме ЦК приходится решать большинством голосов.

На том этапе и в этом не было необходимости. Вся власть находилась в руках аппарата партии (Маленков) и полиции (Берия). Причем, первым из «первых заместителей» Маленкова по правительству был назначен тот же Берия. Но этот этап продолжался лишь ровно одну неделю. 14 марта 1953 года Маленков «попросил» освободить его от должности первого секретаря ЦК КПСС и впервые заговорил о «коллективном руководстве». Это и было началом конца и Маленкова, и Берия. Хрущев стал исполняющим обязанности первого секретаря и подготовил ликвидацию Берия, чтобы легче ликвидировать и самого Маленкова. Хрущеву и другим удалось, вероятно, убедить Маленкова, что Берия метит на его место и хочет «поставить МВД над партией и правительством». Маленков, который так оплошно упустил из своих рук собственный аппарат партии, теперь столь же оплошно пожертвовал и полицейским аппаратом — он согласился с ликвидацией Берия и его группы. Он же докладывал это дело на июльском пленуме ЦК 1953 года. Через месяц сентябрьский пленум ЦК 1953 года утвердил Хрущева первым секретарем ЦК. Потом пересмотрели и протокол «дворцового этикета». Публичный протокол членов Президиума ЦК начали вести в алфавитном порядке. Почти одновременно Маленков объявил и свой «план о крутом подъеме» легкой и пищевой промышленности (августовская сессия Верховного Совета СССР 1953 г.). План вызвал в стране большие надежды и даже подъем энтузиазма. Уже в 1954 году сказываются первые результаты маленковского плана. В магазинах появляются товары, бросаемые сюда иногда и из резервных фондов государства. Некоторые товары и продукты народного потребления закупаются даже за границей на валюту, чего никогда не допускал Сталин. Маленков, которого до сих пор считали бездушным временщиком Сталина, становится популярным человеком в народе.

Хотя «план Маленкова», собственно, был планом всего Президиума ЦК, принятым по свежим следам смерти Сталина и ликвидации Берия, но именно потому, что народ стал связывать его с именем Маленкова, члены Президиума насторожились. В январе 1955 года они поручили главному редактору «Правды» Шепилову раскритиковать этот план как «антиленинский и антисталинский» (тогда Хрущев еще нуждался в авторитете Сталина). Статья Шепилова носила знакомое со сталинских времен грозное название: «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма»[14]. Главный тезис Шепилова гласил: «Ленин и Сталин тысячу раз подчеркивали, что преимущественное развитие тяжелой индустрии — основа основ» советской хозяйственной политики. В статье имя Маленкова, конечно, не называлось, но «политика крутого подъема легкой промышленности» подвергалась уничтожающей критике. Почему же статья появилась именно 24 января? Потому, что 25 января 1955 года открывался пленум ЦК, на котором решалась судьба «плана Маленкова» и самого Маленкова как председателя Совета министров. Она явно была адресована к членам пленума как директива, в которой эти члены предупреждались, как себя вести во время обсуждения вопроса о Маленкове. Пленум открылся 25 января докладом Хрущева о животноводстве и продолжался до 31 января. В вводной части своего доклада Хрущев повторил основные мысли статьи Шепилова почти в тех же самых словах и охарактеризовал «политику легкой индустрии» как «капитулянтскую» политику Бухарина и Рыкова[15]. Теперь уже стало ясно, что статья Шепилова — не «литературное упражнение» главного редактора, а установка первого секретаря ЦК. Но не одного первого секретаря. Она целиком отвечала программе основоположников этой «генеральной линии» вместе со Сталиным: программе Молотова и Кагановича.

Обойденные при распределении первых мест в государстве после смерти Сталина именно из-за Маленкова и Берия, они увидели в актах против Маленкова желанные шансы взять в свои собственные руки бразды правления. Так сложился временный блок между группой Молотова и группой Хрущева против Маленкова. Это и предрешило дальнейшую карьеру Маленкова на посту главы правительства. На том же пленуме он был снят, хотя объявили об этом только через неделю на сессии Верховного Совета СССР. В поданном на имя сессии Верховного Совета заявлении Маленков подчеркнул, что считает преимущественное развитие тяжелой промышленности основой советской хозяйственной политики, добавив, что он заодно несет ответственность и за развал сельского хозяйства за время пребывания на должности секретаря ЦК. Недостатки своего руководства и желание отдать свой пост другому лицу Маленков объяснил своей «малоопытностью» в «государственных» делах. Так писал человек, который был беспрерывно почти 20 лет начальником всех кадров СССР (1934—1953 гг.) и 14 лет секретарем ЦК КПСС (1939—1953 гг.).

Хотя Молотов и Каганович помогли Хрущеву убрать Маленкова, но своих личных целей они не достигли: пост председателя Совета министров Хрущев предложил своему другу по Московской области — Булганину, вероятно, не без помощи того же Маленкова, чтобы он не достался Молотову. Предлагая сессии Верховного Совета от имени ЦК партии кандидатуру Булганина, Хрущев не пожалел ярких слов по адресу Булганина: «Достойный ученик великого Ленина и один из ближайших соратников И. В. Сталина — т. Булганин является выдающимся партийным и государственным деятелем», — заявил Хрущев[16].

В остальном в руководстве изменений не произошло. Молотов остался в заместителях своего бывшего заместителя Булганина. Но дело обстояло еще хуже. Молотов и не догадывался, что, помогая убирать сначала Берия, а потом и Маленкова, он роет сам себе могилу. Для любого претендента в «вожди» партии после Сталина Молотов был исключительно опасным и неудобным человеком. На протяжении почти тридцати лет его имя ставилось в партии рядом с именем Сталина. Девять лет он был секретарем ЦК (1921—1930 гг.), одиннадцать лет — председателем правительства (1930—1941 гг.), на протяжении всей войны — заместителем председателя Государственного комитета обороны СССР, он же был и единственным человеком в ЦК, сохранившимся из «старой гвардии» Ленина. Причем, будучи старым большевиком, он никогда не был ни в «оппозициях», ни в «уклонах». И после Сталина считался вторым теоретиком партии. При нормальном стечении обстоятельств он был бы признанным и законным преемником Сталина.

Убрать такого человека было трудной задачей даже для Сталина, хотя Сталин и добивался этого, как Хрущев рассказывал на XX съезде. Но то, что не удавалось или не успел сделать Сталин, удалось Хрущеву. Первую атаку против Молотова Хрущев открыл на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года. На этом пленуме обсуждались вопросы внешней политики СССР, которая возглавлялась Молотовым. В какой плоскости тогда обсуждалась эта политика, не было сообщено в печати. Но после июньского пленума ЦК 1957 года мы узнали из его резолюции, что Молотова били в первую очередь за антититовскую политику. В названной резолюции говорится: «Неправильная позиция тов. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена пленумом ЦК КПСС в июле 1955 г.»[17]. На этом же пленуме Хрущев добился расширения Президиума ЦК, введя туда Кириченко и Суслова. Одновременно были введены в Секретариат ЦК Аристов, Беляев и Шепилов (Шепилов изменил не только своему старому покровителю Маленкову, но и новому — Молотову, став по югославскому вопросу на точку зрения Хрущева, за что его Хрущев отблагодарил, назначив секретарем ЦК).

Вторая атака на Молотова была развернута в «Правде» (главным редактором которой оставался Шепилов) из-за безобидного замечания Молотова на февральской сессии Верховного Совета 1955 года о том, что в СССР построены только «основы социализма». Замечание это было сделано вскользь и к делу не относилось. Поскольку Молотов говорил в широком смысле слова об «основах», то и с точки партийной ортодоксии там не было ошибки. При нормальных условиях на это никто не обратил бы даже внимания. Но дело в том, что для Молотова условия складывались явно ненормальные. Хрущев был в усиленных поисках старых и новых «грехопадений» Молотова. Молотову было предложено публично признаться в своей ошибке. Дисциплинированный бюрократ Молотов поддался давле-

нию. В письме в редакцию «Коммуниста» он заявил: «Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., из которой можно сделать вывод, что в СССР построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной»[18].

Тем самым было доказано в глазах фанатиков партии, что Молотов отныне не является теоретиком партии. В такой партии, как КПСС, это была немаловажная победа Хрущева. Он ее зафиксировал и в резолюции XX съезда по отчету ЦК, еще раз осудив ошибку Молотова. Однако все эти атаки были лишь иголочными уколами по сравнению с тем, что ожидало Молотова, а заодно Кагановича и Маленкова, на XX съезде партии. Целиком овладев аппаратом партии (новый секретариат ЦК), полиции (новые шефы по КГБ — Серов, по МВД — Дудоров), армии (новое руководство — Жуков, Соколовский, Москаленко, Бирюзов, Малиновский, Баграмян и др.), заручившись поддержкой членов Президиума ЦК Микояна, Булганина, Суслова и Кириченко, Хрущев выступил со своим знаменитым докладом против Сталина. Удар «дальнего прицела» вовсе не был направлен лишь в гроб Сталина — он был одновременно направлен и против будущей «антипартийной» группы Молотова, Кагановича и Маленкова.

Специальный доклад Хрущева о «культе личности» не был также документом «коллективного творчества». Он был хорошо подготовленным и убедительно аргументированным в глазах партии обвинительным актом хрущевского крыла в Президиуме. На нем лежал явственный отпечаток личной инициативы Хрущева. О том же говорили «лирические» отступления, личные примеры Хрущева из своего опыта и не всегда ортодоксальные формулировки докладчика. В докладе были названы имена Молотова и Кагановича в прямой связи с ежовской чисткой (телеграмма Сталина и Жданова из Сочи) и Маленкова в связи с неправильными директивами (во время войны) Сталина, Маленкова и Василевского из Ставки Верховного главнокомандования. Но все-таки антимолотовское острие доклада Хрущева было пока еще завуалировано всякими оговорками. Тем не менее престижу и будущей карьере Молотова, Кагановича и Маленкова был нанесен непоправимый удар. И это вполне понятно. Если с именами рядовых членов Политбюро были связаны отдельные преступления Сталина на отдельных участках, то с именами этих трех были связаны все преступления на всех участках!

Поэтому главный вывод доклада Хрущева — «ликвидация последствий культа личности» — в конечном счете и означал ликвидацию группы Молотова. Отсюда понятно, почему Молотов, Каганович и Маленков вновь нашли общий язык и заключили общий блок против Хрущева. Платформа блока, по словам главного редактора «Коммуниста» А. Румянцева, заключалась в одном пункте: «Назад от XX съезда!»[19]. Мотивы заключения блока Хрущев объяснил совершенно верно: «Почему так получилось? Видимо, далеко не последнюю роль в этом деле играло то обстоятельство, что все члены этой группы особенно глубоко повинны в тех грубейших ошибках и недостатках, которые имели место в прошлом»[20]. Новый член Президиума ЦК Шверник дал и некоторое разъяснение об этих «ошибках». Шверник сообщил, что, «исправляя нарушения революционной законности, допущенные Маленковым, Кагановичем и Молотовым в период массовых репрессий, Комитет Партийного Контроля в 1957 году рассмотрел большое количество персональных дел бывших членов партии, реабилитированных судебными органами. Большинство из них КПК восстановил в партии»[21]. Но более конкретным был маршал Жуков, когда прямо назвал вещи своими именами. В речи в Ленинграде уже после Хрущева он заявил: «Антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова упорно сопротивлялась мероприятиям, проводимым партией по ликвидации последствий культа личности, особенно в части разоблачения и привлечения к ответственности главных виновников, допустивших нарушение законности. Теперь стало ясно, почему они были против разоблачения совершенных беззаконий. Они боялись ответственности за превышение своих прав и незаконные действия»[22].

Вот это убеждение, что у Хрущева речь идет о совместных преступлениях Сталина, Ежова, Берия плюс Молотов, Каганович и Маленков и что Хрущев меньше всего интересуется честью или бесчестием мертвого Сталина, а метит в них, добивается того, чтобы подготовить почву для их будущей ликвидации, заставило группу Молотова от трусливой «тактики самосохранения» перейти к тактике вынужденного наступления. Только теперь, на XX съезде и после него, они убедились, какую для себя роковую ошибку они допустили, убрав Берия и назначив Хрущева первым секретарем ЦК. История той самой партии как бы вновь повторилась.

Чтобы предупредить приход к власти Троцкого после Ленина, Зиновьев и Каменев добились назначения Сталина генеральным секретарем ЦК. Чтобы предупредить приход к власти Каменева и Зиновьева, Бухарин, Рыков и Томский предпочли сохранить на посту генерального секретаря человека «серого», без громкого имени и без «амбиции» — Джугашвили-Сталина, даже вопреки «завещанию» Ленина. Чтобы предупредить «переворот» Берия, молотовцы назначили Хрущева исполняющим обязанности первого секретаря ЦК. Чтобы предупредить единовластие яркого Маленкова, они же назначили «серого» Хрущева и постоянным первым секретарем. На Хрущева все еще смотрели как на человека весьма недалекого в политике, беспомощного в интригах, без претензий на лидерство, с которым легко будет справиться после Маленкова.

Но Хрущев думал иначе, а действовал, как Сталин. Ему важно было подготовить новый съезд партии, подобрать его будущих делегатов, произвести необходимую расстановку сил в местных аппаратах партии через местные конференции и съезды, прежде чем раскрыть свои истинные карты. Насколько основательна была проведенная в этом направлении работа, показывают мандатные данные о делегатах XX съезда: около 37 процентов этих делегатов были лицами, которых выдвинули на руководящую работу после смерти Сталина. Другие были беспрекословно признавшими в Хрущеве своего нового покровителя. Перед такой аудиторией Хрущев и мог себе позволить не только разоблачать Сталина, но и «творчески развивать дальше марксизм-ленинизм». Когда обсуждался последний пункт повестки дня — выборы членов ЦК, — съезд дал знать, что своим единственным лидером он признает не фиктивное «коллективное руководство», а одного лишь Хрущева. Это нашло отражение в самом протоколе съезда: все члены Президиума ЦК при оглашении их имен в состав нового ЦК получают лишь простые «аплодисменты» и лишь один Хрущев — «бурные аплодисменты»[23]!

Даже судя по резолюции июньского пленума ЦК 1957 года, период после XX съезда — это период перманентных столкновений, конфликтов и интриг блока Молотова — Кагановича — Маленкова против Хрущева. Резолюция не рассказывает подробности всех этих перипетий. Она лишь говорит о том, что группа организовала «тайный сговор» для свержения руководства партии, то есть Хрущева. Некоторые подробности сообщил председатель Комитета партийного контроля Шверник. В цитированной речи в Ленинграде он заявил: «Антипартийная группа стала фракционными методами вербовать себе сторонников, устраивать за спиной Президиума ЦК тайные собрания, расставлять кадры, намереваясь захватить в партии и стране власть в свои руки»[24]. Но и Хрущев не бездействовал. В июле 1956 года, в день визита маршала Тито в Москву, без пленума ЦК, в порядке простой канцелярской рутины он проводит через Президиум ЦК и Президиум Верховного Совета решение о снятии Молотова с поста министра иностранных дел СССР. И здесь Хрущеву исключительную помощь сказал секретарь ЦК и председатель Комиссии по иностранным делам Верховного Совета Шепилов, за что Шепилов был вознагражден назначением на место Молотова. Но вот неожиданно и бурно развернулись сначала октябрьские события в Польше, а потом и всеобщее восстание героического венгерского народа (октябрь — ноябрь 1956 г.). Теперь, вероятно, молотовцы с полным правом заявили Хрущеву: вот плоды твоего разоблачения Сталина!

События эти вызвали брожение не только в остальных сателлитах в Восточной Европе, но и в самом СССР.

Молотовцы почувствовали в этих событиях смертельную опасность для всей Советской Империи. Страх перед совместной гибелью вновь воссоединил обе группы. Время было слишком серьезное, опасность была слишком велика, чтобы тут же сводить счеты с Хрущевым. История опять-таки будто еще раз повторялась, правда, в другом месте и в ином масштабе: когда восставший генерал Корнилов двинул свои войска на Петроград, а судьба правительства Керенского висела на волоске, большевики, в том числе и Молотов, требовали от Ленина — «давайте воспользуемся случаем и покончим с Керенским!» Ленин на это отвечал: «Керенский — наш, он от нас не уйдет, а сейчас — все на Корнилова!»

Вероятно, так же думали и молотовцы, когда, капитулировав в Польше, они вместе с Хрущевым с жестокой беспощадностью обрушились на несчастную Венгрию с тем, чтобы потом по-домашнему разделаться и с Хрущевым, ибо «Хрущев — наш, он от нас не уйдет!» Эти расчеты оказались иллюзорными, хотя судьба Хрущева действительно висела на волоске в эти дни, не потому, что давление оппозиции было велико, а потому, что сам аппарат Хрущева — партийный и полицейский — находился в глубоком кризисе. Если в этом аппарате все еще был человек, который не потерял головы, то этим человеком был сам Хрущев. С невероятной энергией юноши, со сталинским талантом комбинатора и с затаенной хитростью мужика он перевел старую истину Клаузевица на язык политики: «Лучший вид обороны — это наступление». И Хрущев двинулся в наступление, резко повернув внимание партии и народа к внутренним проблемам. Причем он избрал такие участки для наступления и такие проблемы для дискуссии, которые были, во-первых, жизненно актуальными для народа, во-вторых, явно провокационными для оппозиции и, в-третьих, исключительно важными для собственной популярности. Проблемы эти были следующие: 1) курс на ликвидацию централизованной правительственной бюрократии (уступка «братским республикам» по усилению их власти и «суверенитета»); 2) освобождение колхозных дворов от натуральных поставок с их личных хозяйств (уступка крестьянству); 3) лозунг «в ближайшие два-три года догнать Америку по производству на душу населения мяса, молока и масла» (уступка рабочим, служащим и интеллигенции).

Вместо подведения итогов польско-венгерских событий Хрущев навязывает группе Молотова дискуссию по этим вопросам. Разумеется, ни по одному из этих вопросов Молотов и Каганович не могут согласиться с установками Хрущева. Они понимают, что курс на децентрализацию есть легальная форма новой чистки, на этот раз чистки от той огромной армии бюрократов, которую Молотов и его сторонники создавали десятилетиями и которая составляла их социальную базу в центре. В отношении крестьянства они по-прежнему стояли на точке зрения Сталина, что всякая уступка крестьянину по линии его личного хозяйства есть удар по колхозному строю, прецедент, который может повести к развалу всей колхозной системы.

Что же касается лозунга «догнать Америку в 2—3 года» по продукции животноводства, то такой лозунг они считали демагогической игрой в «популярность» первого секретаря без всяких реальных данных для его осуществления. Но они не хотели открыто дискутировать с Хрущевым на эти слишком «взрывчатые» темы. Они предпочитали дискуссию в закрытых апартаментах Президиума ЦК. И там, конечно, они были все еще сильны. Но первый секретарь, со свойственной ему бесшабашностью, выносит спорные вопросы из тайников Кремля на открытую всесоюзную арену. Он едет, как выражается советская пресса, «советоваться» с народом. На ряде собраний колхозников, рабочих, служащих и партийных работников он излагает основные пункты своей новой программы и просит народ высказать свое мнение. Это мнение Хрущев, конечно, знает заранее, но ему важно сделать народ гласным арбитром негласных споров в Президиуме ЦК. «Вот, видите, народ думает так, как я думал, а вот вы, товарищи Молотов и Каганович, думаете иначе, значит, вы оторвались от народа!» — заявит им потом первый секретарь. Что Хрущев при этом по существу повторяет «план Маленкова», за который он его в свое время угробил, дела не меняет. Он учился у Сталина, а Сталин со своими противниками часто поступал так.

В этих условиях молотовцам ничего не остается, как проглотить горькие пилюли Хрущева. Но с тем большим упорством они сопротивляются, уже в блоке с Маленковым, против нового, для их судьбы решающего удара — против плана по ликвидации их московской базы бюрократии. В данном случае весь «бюрократический народ» Москвы на их стороне, против Хрущева, решившего ликвидировать около сорока хозяйственных министерств, оставив лишь одни «классические министерства». Хрущев пробует провести этот план уже на декабрьском пленуме ЦК 1956 года (доклад Булганина), но терпит поражение. Слишком велико сопротивление вождей бюрократии, сидящих в Президиуме ЦК — Молотова, Кагановича, Маленкова, Первухина, Сабурова. Не хотят, вероятно, обострения положения Булганин и Ворошилов. Еще свежи в памяти события в Польше и Венгрии, моральная ответственность за которые приписывается Хрущеву. Пленум принимает компромиссное решение о частичной децентрализации, но московские министерства остаются. Расширяются права местных министерств. Госплан делят на два самостоятельных органа — на Госплан (перспективное планирование) и Госэкономкомиссию (текущее планирование). Но Госэкономкомиссии передают такие административные и оперативные функции, которыми не располагал в центре ни один орган правительства, кроме самого Совета министров СССР. Первухина назначают главой Госэкономкомиссии, своего рода «хозяйственным диктатором» СССР. Из частичной «децентрализации» получился в конечном счете абсолютистский централизм. Не этого добивался Хрущев. Тем более не думал он на этом успокоиться. Он отстраняет от этого дела своего «мягкотелого» друга Булганина и сам берется за него. Выезжает сам и рассылает членов Секретариата ЦК и Бюро ЦК по РСФСР на места, в области и республики, чтобы обработать членов пленума ЦК в нужном направлении. Печати дает задание по-прежнему писать о «ленинском демократическом централизме» и через месяц с лишним созывает после декабрьского пленума новый пленум ЦК (февраль 1957 г.). На этом пленуме Хрущев уже лично докладывает о том, как должна быть проведена децентрализация. Опираясь на уже подготовленное большинство рядовых членов ЦК, Хрущев смело берет реванш: решения декабрьского пленума фактически аннулируются, ведомство Первухина ликвидируется и Президиуму ЦК поручается подготовить проект решения о реорганизации для утверждения на сессии Верховного Совета СССР.

Теперь, после июньского пленума, стало ясно, что, победив на пленуме ЦК, в Президиуме ЦК Хрущев опять оказался в положении, при котором большинство, по крайней мере 6 членов Президиума, категорически выступали против его «плана реорганизации» (Молотов, Булганин, Каганович, Маленков, Сабуров, Первухин). Но Хрущев и тут поступает по-своему. Через голову большинства Президиума ЦК 30 марта 1957 года он публикует во всей центральной прессе «Тезисы доклада товарища Хрущева». Уже тогда бросалось в глаза такое необычное название официального документа. Почему «тезисы товарища Хрущева», а не ЦК и Совета министров, как это делалось раньше? После разгрома группы Молотова выяснилось, что они действительно были «тезисами т. Хрущева», а не всего Президиума ЦК и Совета министров. Хрущев опять «советовался» с народом, предлагал народу высказать свое мнение, внести дополнения и изменения в эти «тезисы». «Тезисы» предусматривали ликвидацию всех центральных хозяйственных министерств, переход их многих прав к местным республикам и областям через организацию экономических районов со своими самостоятельными совнархозами, ликвидацию Госэкономкомиссии. Народ «посоветовал» Хрущеву превратить свои «тезисы» в закон. Но борьба большинства Президиума ЦК, то есть группы Молотова, против «тезисов» продолжалась. Правда, ее члены как люди «дисциплинированные» совершенно не приняли участия «во всенародном обсуждении тезисов», но, продолжая борьбу против них внутри ЦК, они «спасли, что можно было спасать»: из около сорока министерств, намеченных к ликвидации, было ликвидировано только двадцать семь. Зато для ликвидации этих министерств Хрущев дал ультимативный срок: через полтора месяца (к 1 июня 1957 г.) чиновники всех двадцати семи министерств должны были покинуть столицу словно «персоны нон грата». Хрущев даже прочел этим чиновникам напутственное, хотя далеко не вдохновляющее слово: «Можно не сомневаться, — говорилось во введении к «тезисам», — в том, что эти товарищи правильно поймут проводимые партией и правительством мероприятия и вернутся к живой и организаторской деятельности на производстве»[25].

Очень важной была и вторая победа Хрущева. Под маркой поднятия авторитета и расширения «суверенных прав» союзных республик, он ввел в состав Совета Министров СССР всех (пятнадцать) председателей советов министров союзных республик, людей, подобранных и назначенных Секретариатом ЦК КПСС. Теперь первые заместители — Молотов, Каганович, Сабуров, Первухин — и просто заместитель Маленков должны были заседать в правительстве, в котором преобладало хрущевское большинство. Если верить резолюции июньского пленума, группа Молотова продолжала борьбу против децентрализации и после того, когда «тезисы Хрущева» стали законом, утвержденным сессией Верховного Совета. В резолюции говорится: «Они были против расширения прав союзных республик... Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата...

Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью... Эта группа зашла настолько далеко, что даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на сессии Верховного Совета СССР — она продолжала борьбу против реорганизации управления промышленностью»[26].

В середине июня борьба достигла своего высшего драматического пункта. Правда, наши сведения как об этом пункте, так и о самой развязке исходят из источника победителя. Поэтому вполне естественно, что ход и исход борьбы победитель рисует в том свете, в каком это ему выгодно, тем более, что ведь победители всегда правы! Более или менее цельный рассказ о разыгравшейся драме в Кремле с 18 по 29 июня 1957 года помещен в органе ЦК Итальянской коммунистической партии «Унита» от 8 июля 1957 года в статье его московского корреспондента Джузеппе Боффа. Источник Д. Боффа — это закрытое письмо ЦК КПСС на имя местных парторганизаций с отчетом о том, как и что происходило во время обсуждения спорных вопросов в Президиуме ЦК КПСС и как проходило само осуждение группы Молотова на пленуме ЦК КПСС. Корреспондент «Униты» говорит, что поскольку к этому письму приложены стенографические протоколы заседаний Президиума ЦК и самого пленума ЦК, то он считает, что официальная версия правильно воспроизводит действительную картину событий.

В данном случае для нас важно, что корреспонденция Д. Боффа уже сама является полуофициальным документом, поскольку она напечатана в центральном органе Итальянской коммунистической партии. Вот что рассказывает Д. Бофф со слов своих информаторов из ЦК КПСС.

Группа Молотова разработала план удаления Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС. Воспользовавшись отсутствием трех членов Президиума ЦК, она потребовала созыва заседания Президиума якобы для обсуждения текста речей членов Президиума, которые должны быть произнесены на праздновании двухсотпятидесятилетия Ленинграда. Однако, когда 18 июня Президиум собрался, они немедленно потребовали изменения состава Секретариата ЦК и правительства, заявляя, что политика Хрущева «троцкистская и оппортунистическая». Группа Молотова внесла список предлагаемого ею состава нового руководства и потребовала немедленного голосования. В этом списке имя Хрущева отсутствовало. Некоторые члены Президиума ЦК выступили против этого требования, заявив, что решение такой важности должно приниматься Президиумом в полном его составе. Им удалось оттянуть голосование до прибытия отсутствовавших членов Президиума. После прибытия этих членов сторонники Хрущева заявили, что принять решение об изменении состава Секретариата ЦК и самого Президиума полномочен только пленум ЦК. Однако Молотов, Каганович и Маленков продолжали настаивать на принятии решения об изменении руководства еще до созыва пленума ЦК и на немедленном опубликовании в печати этого решения вместе с политическим заявлением, текст которого был составлен Шепиловым. Дискуссия по этому вопросу в Президиуме продолжалась несколько дней. Извещенные об этих событиях, члены ЦК начали съезжаться в Москву и потребовали немедленного созыва пленума ЦК.

22 июня открылся пленум, на котором секретарь ЦК и член Президиума Суслов сделал информационный доклад о событиях в Президиуме ЦК. После Суслова выступили Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов с требованием изменения руководства. Однако их требование не получило поддержки со стороны большинства членов ЦК. Почувствовав свою изоляцию, они попытались отступить со своих позиций, но члены пленума ЦК этим не удовлетворились и потребовали удаления всей этой группы из центральных органов партии. Группу Молотова обвинили в попытке захватить власть нелегальным путем.

Такова информация «Униты». Некоторые дополнительные, но характерные сведения узнал об этих событиях и варшавский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» из руководящих кругов Польской объединенной рабочей партии. Согласно этим сведениям, первая схватка Хрущева с Молотовым произошла на первом же заседании пленума ЦК 22 июня по вопросу о повестке дня пленума. Желая покончить с группой Молотова, Хрущев внес предложение поставить первым пунктом повестки дня вопрос «О внутреннем положении в КПСС». Молотов, напротив, предложил обсудить первым вопрос «О международном положении СССР в связи с попытками империалистических путчей в Познани и Венгрии», а также «об отношениях с коммунистическими партиями в Польше, Италии, Японии и США», то есть с теми коммунистическими партиями, руководства которых не присоединились к официальным советским заявлениям об империалистическом характере происхождения восстаний в Познани и Венгрии.

Против Молотова немедленно выступил секретарь Свердловского обкома партии Кириленко, заявив, что «виновники той бури возмущения, которая поднялась во всем мире против Советского Союза после венгерских событий, находятся в самой нашей партии» и что «консерватизм группы Молотова привел к восстанию в Венгрии и она же виновата в падении международного престижа Советского Союза после подавления венгерского восстания». По сведениям тех же польских кругов, на первом заседании, продолжавшемся беспрерывно тридцать пять часов, Хрущев выступил с трехчасовой речью, в которой указал, что антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова имела центр в Москве и распространила свое влияние через своих ставленников на весь партийный аппарат в КПСС. Молотов же, используя Министерство иностранных дел и советский дипломатический аппарат за границей, проводил свою личную политику. Он саботировал также примирение между СССР и Югославией, намечавшееся уже в 1954 году, которое задержалось на целый год из-за интриг Молотова. Таковы сведения из польских кругов. Как корреспонденция московского представителя «Униты», так и информация варшавского корреспондента названного американского агентства в основном подтверждаются не только текстом резолюции июньского пленума, но и теми подробностями, которые были сообщены членами Президиума ЦК КПСС в их речах в Ленинграде 6 июля 1957 года.

Молотов и Каганович стали жертвами собственной школы и по этой линии. Как я рассказывал в первой части этой книги, именно они, вместе со Сталиным, при помощи таких же методов использования «московского актива», свергли в октябре 1928 года руководство Московского Комитета во главе с Углановым. Поведение Хрущева в масштабе всего ЦК лишь свидетельствует о превосходстве талантливого, хотя и неблагодарного, ученика над своими вчерашними учителями.

Посмотрим теперь, каково было партийно-политическое лицо того съезда, который открыл Хрущеву дорогу к власти? По данным секретаря ЦК и председателя Мандатной Комиссии XX съезда Аристова, 69% делегатов XX съезда составляли люди, вступившие в партию после установления единоличной диктатуры Сталина, то есть после ликвидации мыслящей партии. Свыше 500 делегатов получили должность функционеров после смерти Сталина. Такому съезду Хрущев мог преподнести любую программу и безнаказанно разоблачить кого угодно, если он владеет аппаратом власти. Вот этот съезд и избрал тот Центральный Комитет, который судил и убрал с партийной сцены своих вчерашних создателей.

Стоит только посмотреть на партийное лицо этого верховного судьи, чтобы понять всю глубину падения подсудимых «уклонистов»: Маленков в КПСС — с 1920 г., Каганович в КПСС — с 1911 г., Молотов в КПСС — с 1906 г. А судьи кто? Вот партийное лицо ЦК, избранного на XX съезде:

Партийный стаж	Количество
до октября 1917 г.	6
с 1917 г. по 1920 г.	14
с 1921 г. по 1924 г.	7
с 1925 г. по 1930 г.	44
с 1931 г. по 1937 г.	13
с 1938 г. по 1942 г.	28
умерло и выбыло	7
не установлено	14

Итого 133 человека

(вычисления сделаны по мандатным данным: «XX съезд КПСС. Стенографический отчет», ч. II. Москва, 1956).

Таблица показывает, что из 130 членов состава суда над Молотовым, Кагановичем, Маленковым 124 человека, в том числе и Хрущев, вступили в партию после прихода к власти большевиков, 110 из них — тогда, когда Молотов, Каганович, а потом и Маленков были секретарями ЦК КПСС. Но зато из общего состава 255 членов и кандидатов этого ЦК 100 человек, или около 40%, были впервые избраны туда на хрущевском XX съезде. Из общего состава 236 членов и кандидатов ЦК сталинско-маленковского XIX съезда 90 человек были вычищены (около 38%). Это был наглядный урок для тех, кто остался от XIX съезда. Вот почему и они единогласно голосовали за Хрущева на июньском пленуме ЦК[27].

Подводя итоги июньского пленума, «Коммунист» писал: «Можно сказать без преувеличения, что пленум спас единство... Раскольники не поняли того, что навсегда и безвозвратно устранено то ошибочное положение, которое имелось в период широкого распространения культа личности и при котором принижалась роль ЦК, когда избранные им органы оказывались стоящими над ЦК и брали на себя решение таких вопросов, которые являются исключительно компетенцией пленума ЦК»[28].

Под «единством», которое спас пленум ЦК, надо, конечно, понимать «спасение» самого Хрущева. Но стал ли и на самом деле пленум ЦК таким высшим органом, который диктует свою «коллективную волю» и Секретариату и Президиуму? «Коммунист» утверждает, что дело обстоит именно так. Вот соответствующее место из той же статьи: «Решительный разгром антипартийной группы еще и еще раз подтвердил непоколебимую силу коллективного партийного руководства, все значение того, что не отдельные лица и группы, а авторитетный, коллективный, съездом избранный орган руководит партией»[29]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такое категорическое заявление как раз подтверждает то, что оно хочет опровергнуть. Сила большевистского руководства всегда заключалась в том, что так называемый законодательный корпус (съезд, пленум) постоянно служит лишь громкой вывеской, полезным прикрытием для оправдания текущей практики исполнительных органов. Партия, съезды, пленумы служат для «голосования» за то, что им преподносит данная исполнительная власть, независимо от того, кто ее возглавляет — Ленин, Сталин, Маленков, Хрущев или кто-либо другой из ее будущих руководителей. В этом альфа и омега пресловутого «демократического централизма» Ленина. Один из бывших соратников Ленина С. Дмитриевский рассказывает в своих мемуарах, как Ленин учил Сталина на конференции РСДРП в Таммерфорсе (1905 г.) тому, что такое «демократический централизм» и почему он должен быть ведущим принципом большевистского руководства. До Сталина это учение явно не доходило и поэтому он угрюмо молчал. Ему претил какой бы то ни было демократизм. «К чему это? — сказал он, когда Ленин в перерыве спросил о его мнении. — Боевая партия должна иметь постоянный состав руководителей, не зависящих от случайности выборов. Разве на войне выбирают начальников?» Ленин усмехнулся: «Ничего не поделаешь. Новая обстановка — нужно искать и новые формы... Ведь по существу ничего не меняется. Правят не те, кто голосует, а те, кто правят. И уже от умения тех, кто правит, зависит, чтобы они всегда были выбраны...» Сталин все-таки был недоволен. Лишь много лет спустя он понял, что «демократический централизм» — прекрасная вещь, если уметь распоряжаться его аппаратом»[30]. «Отдельные лица» (Хрущев) и «группы» (Секретариат ЦК) «еще и еще раз подтвердили непоколебимую силу» этого главного принципа руководства на июньском пленуме. Этот же принцип лежит в основе создания нового расширенного Президиума ЦК. Но Хрущев сделал и в этом деле шаг вперед и ввел «новшество» в структуру законодательной власти, на которое формально не отважился сам Сталин.

А именно: в новом Президиуме из 14 человек, который по уставу партии считается высшей законодательной властью между пленумами, ведущее большинство (11 человек!) имеет Секретариат ЦК — то есть исполнительная власть, так как, кроме десяти секретарей ЦК, к Президиуму принадлежит и председатель Комитета партконтроля при том же Секретариате.

Таким образом, Хрущев в лице нового Президиума создал некий «малый пленум ЦК», всецело находящийся под контролем Секретариата. Это «новшество», по

которому «законодательная власть» не столько «слита», сколько поглощена «исполнительной» властью, гарантирует от случайностей непредвиденного «бунта» в Президиуме, как это было в старом Президиуме, где исполнительная власть имела из 11 голосов только три голоса (Хрущев, Суслов, Кириченко). Не менее важно и другое обстоятельство. Постоянная апелляция к пленуму ЦК как к арбитру не только неудобна практически, но и опасна политически. При таком положении пленум ЦК действительно может присвоить себе «компетенции», которые, правда, ему положены по уставу, но которые не могут быть допущены на практике, если Хрущев хочет избежать участи Молотовых и держать руль правления в партии и государстве в своих руках.

В персональном подборе людей Хрущев поступил точно так же, как поступал Сталин. Ведь это Хрущев говорил: «Предложение (Сталина) после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина»[31]. После смерти Сталина этот Президиум был разогнан, но теперь Хрущев из подобранных Сталиным «неопытных» людей вернул в члены и кандидаты Президиума 8 человек (Аристов, Коротченко, Куусинен, Шверник, Брежнев, Игнатов, Косыгин и Суслов, который был возвращен еще в 1955 г.), прибавив к ним несколько других лиц, еще менее «опытных», но зато, вероятно, еще более преданных самому Хрущеву.

Если же рассматривать членский состав нового Президиума с точки зрения представительства в нем высших корпораций советского общества, то в нем отсутствуют представители тех социальных групп, которые при Сталине всегда присутствовали: политическая полиция, армия, руководители промышленности, профсоюзы. Кандидатский состав Президиума ЦК тоже подобран почти из одних партаппаратчиков. В нем также не представлены полиция, армия, профсоюзы и комсомол. Зато из десяти кандидатов 5 человек находятся в прямом подчинении Секретариату ЦК. Принцип преобладания исполнительной власти над законодательной и здесь выдержан в той же пропорции, что и в членском составе Президиума.

После пленума ЦК по стране, на партийных собраниях и на митингах беспартийных, прошла большая пропагандная кампания против «раскольников». О Молотове, Кагановиче, Маленкове говорилось не только как о «заговорщиках» против руководства ЦК, но и как о людях, которые были лишены каких-либо государственных способностей. Председатель Госплана РСФСР Байбаков утверждал: «Претендуя на роль теоретика в партии, Молотов давно потерял связь с учением Ленина. Он не разбирался в существе того или иного вопроса». Или: «Каганович показал себя человеком, неспособным осуществлять руководство теми участками, которые ему поручались. Он настолько отстал и не разбирался в технической политике нашей страны, что дело иногда доходило до анекдотов»[32].

Министр сельского хозяйства СССР Мацкевич утверждал: «Маленков тормозил решение коренных вопросов развития сельскохозяйственного производства... В то же время в целях саморекламы и приобретения дешевой личной популярности Маленков пытался приписать себе меры, которые были приняты ЦК КПСС по снижению сельскохозяйственного налога...» Или: «Молотов, проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и упорно сопротивлялся проведению этого важнейшего мероприятия...» Или: «Каганович, совершенно не зная сельского хозяйства, тем не менее выступал против политики партии в вопросах сельского хозяйства»[33]. Так пишут вчерашние ученики о своих учителях, которых во всех «энциклопедиях СССР» десятилетиями величали «выдающимися руководителями КПСС» и «талантливыми организаторами социалистического строительства».

С такой же пропагандой люди Хрущева двинулись и в «народ». Здесь основной упор делали на то, что Молотов, Каганович и Маленков были против поднятия жизненного стандарта трудящихся. Реакция при этом всегда была самая желательная. Один советский писатель передает разговор двух колхозников, который он якобы подслушал на берегу Дона: «Одного я никак не разберу, — медленно говорил человек в гимнастерке, — чего они добивались, чего им нужно было? Разве же они знали, что желается нашему брату, колхознику? Разве тот же самый Маленков или, скажем, Каганович ездили по колхозам или же беседовали по-свойски с наро-

дом? Ничего они не ездили, сидели по кабинетам, как суслики в норках». «Посадить бы их с вилами на лобогрейку, они бы узнали, как народу хлебушек достается», — хмуро сказал второй... «Дело не в лобогрейке, — перебил первый... — Дело, брат ты мой, в том, что они про нашу жизнь только по бумажкам знали, да по кино». «Народу очки не вотрешь, обманом не возьмешь». «То-то и оно. Народ теперь грамотный стал»[34].

К осуждению антипартийной группы Молотова Хрущев вновь вернулся на сентябрьском и декабрьском пленумах ЦК 1958 года. Только тогда впервые было сообщено, что к антипартийной группе принадлежал и Булганин. Наконец, на XXI съезде в январе — феврале 1959 года люди Хрущева сообщили, что к группе Молотова принадлежали еще и два других члена Президиума ЦК — Первухин и Сабуров. Таким образом, выясняется, что из 11 членов Президиума 6 человек твердо голосовали за снятие Хрущева (Булганин, Молотов, Маленков, Каганович, Первухин, Сабуров), и это законное большинство Президиума ЦК было вполне правомочно снять Хрущева. Причем, какова была позиция Ворошилова, остается неясным и сейчас. Но Хрущев сумел объявить это большинство «меньшинством», да еще исключить его из ЦК партии. «Презренная, предательская, подлая, мерзкая группа заговорщиков» — таковы эпитеты, которыми награждали группу Молотова на XXI съезде. Более того, съезд потребовал от членов группы Молотова выступить с покаянными речами, как это делалось во времена Сталина. Наиболее настойчиво это требование выставил новый выдвиженец Хрущева первый секретарь Ленинградского обкома партии И. Спиридонов. Он заявил: «И если до сих пор с участников этой группы был суровый спрос со стороны ЦК, то следует не менее сурово и строго держать ответ перед высшим органом партии — перед съездом, особенно тем, кто еще остался в составе ЦК. Все вы знакомы с выступлением Булганина на декабрьском пленуме ЦК. Вспомните, как он характеризует своих соучастников по антипартийной группе. Молотов — оторвавшийся от жизни человек; Каганович — фразер, что в переводе на русский язык означает болтун; Маленков — интриган, способный на любую мерзость. Мы можем поверить Булганину, что эти характеристики сложились у него давно, так как он работал с этими людьми не год и не два, а добрых два десятка лет: как же в такую семью «дружных ребят» попал Булганин»[35]. Но на съезде с покаяниями выступил только один Первухин. Молотов, Каганович, Маленков и даже участвовавший в работе съезда Сабуров отказались выступить или подать заявление с покаяниями.

Все делегаты с понятным единодушием подчеркивали мудрость и личные заслуги Хрущева, «стоящего во главе партии, ЦК и его Президиума». Заместитель председателя Совета министров СССР Д. Устинов приписал Хрущеву не только политические успехи ЦК, но и научно-технические успехи русских ученых. Он заявил: «Успехами по созданию и запуску искусственных спутников Земли и космической ракеты мы прежде всего обязаны Президиуму ЦК и лично Н. С. Хрущеву»[36]. Бесславное «коллективное руководство» скончалось столь же бесславно, но группа Молотова кончит либо в Кремле, либо на Лубянке.

Каковы же были мотивы выступления группы Молотова против хрущевского руководства в освещении официальной пропаганды? Заместитель председателя Совета министров СССР Косыгин отвечает: «Основным мотивом в их антипартийных действиях была личная обида, амбиция. Они считали, что в их руках мало власти»[37]. Другими словами, то была голая борьба за власть между двумя группами в одной и той же коммунистической олигархии. С таким утверждением можно согласиться только отчасти. Что всякая политическая борьба есть борьба за власть — это азбучная истина. Но если власть не самоцель, а средство к осуществлению определенной политики, то заявление Косыгина ничего не объясняет.

Конечно, у группы Молотова не было и не могло быть другой программы, чем программа Хрущева. Соревнующиеся группы спорили не о программе, а о тактике, не о «генеральной линии» в идеологии, а о методах ее проведения, не о реформах, а о темпах и масштабе их осуществления, даже не о Сталине, а о сталинизме. Группа Молотова смотрела дальше и глубже в отношении тех последствий, которые вытекают из похода Хрущева против сталинского наследства. Они слишком хорошо понимали, что нынешний режим в СССР может держаться лишь как сталинский режим или он вовсе погибнет. Его можно и нужно корректировать и модернизировать, но нельзя подвергать ревизии его ведущие методы. Если идеал

правления у Хрущева, как и у Молотова, остается старым — неограниченная диктатура партолигархии, то тогда сталинская система правления, независимо от личных качеств покойного учителя, должна сохраниться как самая совершенная, как самая универсальная из всех доселе известных тиранических систем. Поэтому всякая критика сталинизма, а тем более сталинских методов, есть покушение на самоубийство. Короче, люди, обязанные по самой природе режима управлять по-сталински, не могут осуждать сталинские методы — вот вся «философия» группы Молотова.

Не просто жажда власти (они ее имели достаточно), а обоснованный страх за гибель режима — таким мне кажется внутренний мотив «антипартийных действий» группы Молотова. В лице Хрущева они видели вернейшего могильщика этого режима. Поэтому вся их борьба и была сосредоточена вокруг личности первого секретаря. Семь дней они бились на пленуме, чтобы доказать недоказуемое: не ЦК существует для секретаря, а секретарь для ЦК. Члены группы Молотова надеялись в этой борьбе на свой моральный капитал, авторитет и заслуги в прошлом. Но эти надежды оказались напрасными. Партия, которая вчера развенчала на весь мир своего полубога, показала сегодня достаточный внутренний иммунитет против угрызений совести, когда надо было покончить и с его главными апостолами.

Сталин, Молотов, Каганович и Маленков учили эту партию служить не идеалам социального общежития, а людям партийного аппарата. И она служит. Ничто не сможет свести ее с этого пути — ни логические аргументы, ни былые заслуги былых вождей, ни их грозные предупреждения об опасности. В довершение всего этого, они проглядели и тот колоссальный психологический переворот, который новый вождь произвел в сознании партии и страны своим развенчанием Сталина. Они и после этого упорно цеплялись за вчерашний день партии. Они даже не заметили, что тем временем первый секретарь властной рукой открыл новую главу в истории той же самой коммунистической партии.

Хрущев — этот «перманентный» революционер по натуре — хочет войти в историю России как ее великий коммунистический реформатор. Сталин обещал сытную жизнь правнукам, Хрущев хочет накормить русский народ еще при своей жизни. Вот если это ему удастся, а к этому он стремится совершенно искренно, то тогда кончится и его историческая миссия: сытые люди начнут заниматься политикой. Лучше Хрущева еще никто не выразил этой «марксистской истины», когда он, в беседе с советскими писателями, заявил: «Я знаю таких людей, которые ходят в теоретиках, а по сути дела вся их теоретическая «мудрость» сводится к жонглированию по поводу и без повода цитатами из высказываний классиков марксизма-ленинизма. Выдавая себя за теоретиков, подобные горе-ученые не могут понять такую важную марксистскую истину, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде, чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой и искусством»[38].

Я от души желаю успеха в практическом претворении в жизнь этой истины. Желаю потому, что убежден в правоте мудреца: революцию делают не голодные люди, а сытые, которых не накормили лишь один день.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Коммуиист», № 12, 1957, стр. 20.
2. Там же, стр. 19.
3. Там же, стр. 20.
4. Устав КПСС, §§ 33, 39, Москва, 1952.
5. «Коммунист», № 10, 1957, передовая.
6. Ленин, т. 10, стр. 28; см. «Коммунист», там же, стр. 17.
7. «Коммунист», там же, стр. 16—17.
8. «Коммунист», № 12, 1957, стр. 21.
9. Там же.
10. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 41—42.
11. «НОД», 10.1.1958.
12. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 48.

13. Хрущев. «За тесную связь литературы...» и т. д. «Коммунист», № 12, 1957, стр. 20.
14. «Правда», 24.1.1955.
15. «Правда», 3.2.1955.
16. «Известия», 9.2.1955.
17. «Вопросы истории КПСС», № 1, 1957, стр. 6.
18. «Коммунист», № 14, 1955, стр. 127—128.
19. «Коммунист», № 11, 1957, стр. 13.
20. «Правда», 7.7.1957.
21. «Правда», 7.7.1957.
22. «Правда», 16.7.1957.
23. «XX съезд КПСС, стенографический отчет», ч. II, стр. 403.
24. «Правда», 7.7.1957.
25. «Правда», 30.3.1957.
26. «Вопросы истории КПСС», № 1, 1957, стр. 4—5.
27. Бертрам Д. Вольфе в своем блестящем анализе доклада Хрущева в книге «Khrushchev and Stalin's Ghost», стр. 28, приводит другую цифру — 113 человек, или 44%, впервые избранных в ЦК. Вероятно, он считает вычищенными и тех, кто выведен из ЦК, но остался в Центральной ревизионной комиссии. Кстати, из ЦРК были вычищены 12 человек из общего числа 37, а новых введено 38 человек (общее число членов ЦРК теперь 63 чел.).
28. «Коммунист», № 10, 1957, стр. 8.
29. «Коммунист», там же, стр. 9.
30. С. Дмитриевский. Сталин. Берлин, 1931.
31. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 58.
32. «Правда», 4.7.1957.
33. «Правда», 12.7.1957.
34. «Литературная газета», 25.7.1957, очерк В. Закруткина.
35. «Правда», 30.1.1959.
36. «Правда», 5.2.1959.
37. «Правда», 4.7.1957.
38. «Коммунист», № 12, 1957, стр. 17.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 года

Глава XVII. *Конституция Добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги*

В станицах Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армия — на «чужой» территории, представляя своеобразный бытовой и военный организм, пользовавшийся полным государственным иммунитетом. С первого же дня моего командования, без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписанная конституция Добровольческой армии, которой до известной степени разграничивался ранее круг ведения генералов Алексеева и Корнилова. Ген. Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я — верховное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм.

Щепетильность в этом отношении ген. Алексеева была удивительна — даже во внешних проявлениях. Помню, в мае, в Егорлыкской, куда мы приехали оба беседовать с войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад, предоставив это мне и утверждая, что «власть и авторитет командующего не должны ничем умаляться». Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за мной. Кажется, один только раз, после взятия Екатеринодара, я убедил его принять парад дивизии Покровского, сказав, что я уже смотрел ее. В то же время на всех заседаниях, конференциях, совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

В начале июня, перед выступлением моим в поход, ген. Алексеев переехал из Мечетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни Юга.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9.

Его присутствие там требовалось в интересах армии. Работая с утра до вечера, он вел сношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с Доном, и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии.

Но временная наша разлука имела и свои отрицательные стороны. При ген. Алексееве образовался «военно-политический отдел», начальником которого стал полковник Ген. штаба Лисовой. Этот «отдел» был пополнен молодыми людьми, обладавшими, по-видимому, повышенным честолюбием... Вскоре началась нервирующая переписка по мелким недоразумениям между отделом и штабом армии. Даже милейший и добродушнейший Эльснер стал жаловаться на «двоевластие» в Новочеркасске и на Лисового, который «весьма ревностно следит, не получает ли кто-либо, а главное (он — Эльснер) каких-либо политических сведений помимо него». Бывали случаи и посерьезнее. Так, например, совершенно неожиданно мы прочли в газете[1], случайно попавшей в армию, официальное уведомление от «военно-политического отдела», что уполномоченными представителями армии по формированию пополнений («начальники центров») являются только лица, снабженные собственноручными письменными полномочиями ген. Алексеева... Это сообщение поставило в ложное положение меня и в роль самозванцев — начальников разбросанных повсюду по Украйне и Дону «центров» и вербовочных бюро, которые назначались мною и руководились штабом. В архиве я нашел переписку, свидетельствующую, что это сделано было самовольно «молодыми людьми». Положение осталось, конечно, прежним.

По инициативе «отдела» и за подписью Лисового также неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезное изменение в «конституцию» Добровольческой армии. В этом сообщении «ввиду неправильного осведомления общества» разъяснялась сущность Добровольческой иерархии, причем ген. Алексеев был назван впервые «Верховным руководителем Добровольческой армии». Так как в моих глазах моральное главенство ген. Алексеева было и без того неоспоримым, то официальное сообщение не могло внести в жизнь армии каких-либо перемен, тем более что практика «дуализма» осталась без ущерба. Мне казалось лишь несколько странным, что узнал я о новом положении из газет, а не непосредственно. Об этих эпизодах я никогда не поднимал разговора с ген. Алексеевым.

Все политические сношения, внутренние и внешние, вел ген. Алексеев, пересылая мне из Новочеркасска исчерпывающие сводки личных переговоров и подлинные доклады с мест. С большинством исходивших от него лично письменных сношений я ознакомился только впоследствии. Но то взаимное доверие, которое существовало между нами, вполне гарантировало, что ни одного важного шага, изменяющего позицию Добровольческой армии, не переговорив со мною, ген. Алексеев не предпримет. И я со спокойным сердцем мог вести армию в бой. С половины июля М. В. был опять при штабе армии — сначала в Тихорецкой, потом в Екатеринодаре, и личное общение наше устраняло возможность каких-либо трений, создаваемых извне.

Добровольческая армия сохраняла полную независимость от политических организаций, союзников и врагов. Непосредственно возле нее не было и видных политических деятелей.

Между прочим, и на Доиу были попытки организации государственной власти и возглавления добровольческого движения, встретившие отпор со стороны ген. Алексеева: Родзянко совместно с проживавшими в Ростове и Новочеркасске общественными деятелями усиленно проводил идею созыва верховного совета из членов всех четырех Дум. Присылал гонцов и в мою ставку. Писал мне о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», так как «в этом одном спасение России». Но при этом, к моему удивлению, ставил «непременным условием, чтобы М. В. Алексеев был абсолютно устранен из игры»[2]. Я ответил, что общее политическое руководство армией находится в руках М. В., к которому и следует обратиться по этому вопросу непосредственно... Алексеева я не посвятил в нашу переписку — и без того между ним и Родзянко существовали враждебные отношения.

Не было при нас и никакого кадра гражданского управления, так как армии предстояло выполнение частной временной задачи в Ставропольской губернии и на Кубани, и ген. Алексеев, вовлеченный в переговоры о создании общерусской власти за Волгой, не считал пока нужным создавать какой-либо аппарат при армии. Мы оба старались всеми силами отгородить себя и армию от мятущихся, борющихся политических страстей и основать ее идеологию на простых, бесспорных национальных символах. Это оказалось необычайно трудным. «Политика» врывалась в нашу работу, врывалась стихийно и в жизнь армии.

Первый Кубанский поход оставил глубокий след в психике Добровольцев, наполнив ее значительным содержанием — отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига. Но вместе с тем вызвал невероятную моральную и физическую усталость. Издерганные нервы, утомленное воображение требовали отдыха и покоя. Хотелось всем пожить немного человеческой жизнью, побыть в обстановке семейного уюта, не слышать ежедневно артиллерийского гула. Искушение было велико.

От Ростова до Киева и Пскова были открыты пути в области, где не было ни войны, ни большевиков, где у многих оставались семьи, родные, близкие. Формальное право на уход из армии было неоспоримо: как раз в эти дни (май) для большинства Добровольцев кончался обязательный четырехмесячный срок пребывания в армии... Ворвавшаяся в открытое «окно» жизнь поставила к тому же два острых вопроса — об «ориентации» и «политических лозунгах». Для многих это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых — действительно мучительный вопрос совести. Кризис в армии принял глубокие и опасные формы.

Германофильство смутило сравнительно небольшую часть армии. Активными распространителями его в армейской среде были люди заведомо авантюристического типа: доктор Всеволожский, Ратманов, Сиверс и др., ушедшие из армии и теперь формировавшие на немецкие деньги в Ростове и Таганроге какие-то «монархические отряды особого назначения»... Панченко, издававший грубые, демагогические «бюллетени» — чрезмерно угодливые и рассчитанные на слишком невежественную среду; в них, например, создавшиеся между Германией и Россией отношения объяснялись как результат «агитации наших социалистов, ибо главным врагом (своим) они почему-то считали Императора Вильгельма, которого мировая история справедливо назовет Великим». Немецкие деньги расходовались широко, но непроизводительно. Впрочем, иногда цели достигали: начальником самого ответственного разведочного узла Добровольческой армии в Ростове какими-то непостижимыми путями оказался некто «полковник Орлов»[3], состоявший агентом немецкой контрразведки и членом организации Всеволожского...

Влияние более серьезное оказывали киевские германофильские круги. Но и они не могли побороть прочно установившиеся взгляды военной среды, находя отклик главным образом в той части офицерства, которая либо искала поводов «выйти из бойни», либо использовала немецкие обещания в качестве агитационного материала против командования.

Несравненно труднее обстоял вопрос с лозунгами. «Великая, единая и неделимая Россия» — говорило уму и сердцу каждого отчетливо и ясно. Но дальше дело осложнялось. Громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами. В одном из своих писем[4] ген. Алексеев определял совершенно искренне свое убеждение в этом отношении и довольно верно офицерские настроения: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целость, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонились от этого основного принципа»[5].

Но в мае — июне настроение офицерства под влиянием активных правых общественных кругов было значительно сложнее. Очень многие считали необходимым немедленное официальное признание в армии монархического лозунга. Это настроение проявлялось не только внешне в демонстративном ношении романовских медалей, пении гимна и т. п., но и в некотором брожении в частях и... убыли в рядах армии. В частности, появились офицеры — агитаторы, склонявшие Добро-

вольцев к участию в тайных организациях; в своей работе они злоупотребляли и именем в. кн. Николая Николаевича. Меня неприятно удивила однажды сцена во время военного совета перед походом: Марков резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций; Дроздовский вспылил: «Я сам состою в тайной монархической организации... Вы недооцениваете нашей силы и значения...»

В конце апреля в обращении к русским людям я определил политические цели борьбы Добровольческой армии[6]. В начале мая мною, с ведома ген. Алексеева, был дан наказ представителям армии, разосланным в разные города, для общего руководства: I. Добровольческая армия борется за спасение России путем 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственного и правового порядка. II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски. III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа, после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства. IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых. V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности русского государства, и на началах, указанных в 1914 году русским Верховным главнокомандующим.

Оба эти обращения нашли живой отклик, но... не совсем сочувственный. Офицерство не удовлетворялось осторожным «умолчанием» Алексеева — формулой, которая гласно не расшифровывалась, разделялась многими старшими начальниками и в цитированном мною выше письме[7] была высказана вполне откровенно: «...Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач».

Еще менее, конечно, могло удовлетворить офицерство мое «непредрешение» и в особенности моя декларация с упоминанием об «Учредительном собрании» и «народоправстве». Начальники бригад доложили мне, что офицерство смущено этими терминами... Такое же впечатление произвели они в другом крупном центре противобольшевистского движения — Киеве. Ген. Лукомский писал мне в то время[8]: «...Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправение произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно»...

Милюков сообщал ЦК партии в Москву, что он «вступил уже в сношения с ген. Алексеевым, чтобы убедить его обратить Добровольческую армию на служение этой задаче»...[9] А кн. Г. Трубецкой несколько позже в своем донесении Правому центру[10] недоумевал: «...Как все переменилось! Ведь, как это ни дико, но для штаба Добровольческой армии, например, позиция Милюкова слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного собрания, и не высказались еще за монархию».

Атмосфера в армии сгущалась, и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы ответили бы и слагавшимся тогда настроениям значительных групп несоциалистической интеллигенции, но рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством — тогда не только не склонным к приятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей. Мы решили поговорить непосредственно с офицерами. В станичном правлении в Егорлыкской были собраны все начальники, до взводного командира включительно. Мы не сговаривались с ген. Алексеевым относительно тем беседы, но вышло так, что он говорил о немцах, а я о монархизме.

В пространной речи ген. Алексеев говорил о немцах, как о «враге — жестоком

и беспощадном» — таком же враге, как и большевики[11]... Об их нечестной политике, об экономическом порабощении Украйны... О колоссальных потерях немцев, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о малых шансах ее на победу... О Восточном фронте... О том будущем, которое сулит России связь с Германией: «политически — рабы, экономически — нищие»... Словом, обосновал два наши положения: 1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен. 2) Пока — ни мира, ни войны.

Я сказал кратко и резко: «Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны или мира, монархии или республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, повидимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь, если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с которым теперь идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную армию в предстоящем нашем походе? Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?»

«Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует естественно требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?» «Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию». «Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

Мои взгляды в отношении «политических лозунгов» несколько расходились с алексеевскими: ген. Алексеев принял формулу умолчания — отнюдь, конечно, не по двоедушию. Он не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя, веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно. У нас — мои взгляды разделяли всецело Романовский и Марков — не было такой веры. Мы стояли поэтому совершенно искренне на точке зрения более полного непредрешения государственного строя.

Я говорил об этом открыто всегда. В начале — так же, как и в конце своего командования. Через полтора года на «Верховном круге» в Екатеринодаре мне опять придется коснуться этого вопроса[12]: «...Счастье родины я ставлю на первом плане. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления — я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в массе желает той или другой власти. И поверьте, все ваши предрешения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам — большим и малым законодателям — придется только преклониться перед его державной волей».

Как бы то ни было, два основных положения — непредрешение формы государственного строя и невозможность сотрудничества с немцами — фактически нами были соблюдены до конца. Помню только два случая некоторого колебания, испытанного ген. Алексеевым... В конце августа или начале сентября, будучи с армией в походе, я получил от него письмо; под влиянием доклада адмирала Ненюкова, ген. Алексеев высказывал взгляд относительно возможности войти в соглашение с германским морским командованием по частному поводу включения наших коммерческих судов Новороссийского порта в общий план черноморских рейсов, организуемых немцами. Предложение исходило от ген. Гофмана и являлось, очевидно, первым шагом к более тесным сношениям с австро-германцами. Ген. Алексеев пожелал знать мое мнение. Я ответил отрицательно, и вопрос заглох.

Другой раз в Екатеринодаре я получил очередной доклад «Азбуки» с ярким изображением нарастающего монархического настроения и с указанием на непопулярность Добровольческой армии, не выносящей открыто монархического лозунга... На докладе была резолюция ген. Алексеева в таком смысле: «Надо нам, наконец, решить этот вопрос, Антон Иванович, — так дальше нельзя». Я зашел в тот же день с Романовским к ген. Алексееву. «Чем объяснить изменение Ваших взглядов, Михаил Васильевич? Какие новые обстоятельства вызвали его? Ведь настроение Дона, Кубани, ставропольских крестьян нам хорошо известно и далеко неблагоприятно идее монархии. А про внутреннюю Россию мы ровно ничего не знаем»... Резолюция, по-видимому, была написана под влиянием минуты. Михаил Васильевич переменил разговор, и более этой темы до самой его смерти мы не касались.

Возвращаюсь к Егорлыцкому собранию. После моей речи ген. Марков попросил слова и от имени своей дивизии заявил, что «все они верят в своих вождей и пойдут за ними». То же сделал Эрдели[13]. Мы ушли с собрания, не вынеся определенного впечатления об его результатах. Но к вечеру Марков, успевший поговорить со многими офицерами, сказал: «Отлично. Теперь публика поуспокоилась».

Глава XVIII. *Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и воины. Генерал Романовский. Кубанские настроения. Материальное положение. Сложение армии*

Тяжело было налаживать и внутренний быт войск. Принцип добровольчества, привлекая в армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавал несколько своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов. Положение множества офицеров на должности простых рядовых изменяло характер взаимоотношений начальника и подчиненного; тем более, что сплошь и рядом, благодаря новому притоку укомплектования, рядовым бывал старый капитан, а его ротным командиром подпоручик. Совершенно недопустимо было ежедневно менять начальников, по приходе старших. Доброволец, беспрекословно шедший под огонь и на смерть, в обыкновенных условиях, на походе и отдыхе, не столь беспрекословно совершал не менее трудный подвиг повиновения.

Добровольцы были морально прикреплены к армии, но не юридически. Создался уклад, до некоторой степени напоминавший удельно-вечевой период, когда «дружинники, как люди вольные, могли переходить от одного князя на службу другому».

Не менее трудно было установить правильные отношения со старшими начальниками. Необычайные условия формирования армии и ее боевая жизнь создавали некоторым начальникам наряду с известностью, вместе с тем, какой-то своеобразный служебный иммунитет. Не кубанская рада, а ген. Покровский, благодаря личному своему влиянию, собрал и привел в армию бригаду (потом дивизию) кубанских казаков — вооруженную и даже хорошо сколоченную за время краткого похода. И когда кубанское правительство настойчиво просило устранить его с должности, выдвигая не слишком обоснованное обвинение в безотчетном расходовании войсковых сумм в бытность его командующим войсками, явилось большое сомнение в целесообразности этого шага...

Своим трудом, кипучей энергией и преданностью национальной идее Дроздовский создал прекрасный отряд из трех родов оружия и добровольно присоединил его к армии. Но и оценивал свою заслугу не дешево. Позднее, как-то раз обиженный замечанием по поводу неудачно проведенной им операции, он писал мне: «... Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а может быть, и спасении ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней — (мне), пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне»[14]...

Рапорт Дроздовского — человека крайне нервного и вспыльчивого — заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского. Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии... Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

«Не беспокойтесь, Ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан». «Как?» «Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его командующему я не мог». «Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову...» «Это неважно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости и раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверно, рад такому исходу». Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте. Но слухи об этом эпизоде проникли в армию и дали повод клеветникам чернить память Романовского: «Скрывал правду от командующего»!..

Высокую дисциплину в отношении командования проявляли ген. Марков и полковник Кутепов. Но и с ними были осложнения... Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, неудовлетворенных «лозунгами» армии, завел речь о своем уходе. Я уговорил его остаться. Марков, после одной небольшой операции в окрестностях Егорлыкской, усмотрев в сводке, составленной штабом, неодобрение его действиям, прислал мне рапорт об увольнении своем от службы. Разве возможен был уход Маркова? Генерала легендарной доблести, который сам в боевом активе армии был равноценен дивизии... Поехал Иван Павлович в Егорлыкскую к своему близкому — еще со времен молодости — другу извиняться за штаб...

Подчинявшиеся во время боевых операций всецело и безотказно моим распоряжениям, многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу, когда обстановка требовала объединения групп. Сколько раз впоследствии приходилось мне командовать самому на частном фронте в ущерб общему ведению операции, придумывать искусственные комбинации или предоставлять самостоятельность двум-трем начальникам, связанным общей задачей. Приказ, конечно, был бы выполнен, но... неискренне, в несомненный ущерб делу.

Так шли дни за днями, и каждый день приносил с собою какое-нибудь новое осложнение, новую задачу, предъявляемую выбитой из колеи армейской жизнью. Выручало только одно: над всеми побуждениями человеческими у начальников в конце концов все же брало верх чувство долга перед Родиной.

Особое положение занимал И. П. Романовский. Я не часто упоминаю его имя в описании деятельности армии. Должность «начальника штаба» до известной степени обезличивает человека. Трудно разграничить даже и мне степень участия его в нашей идейной работе по направлению жизни и операций армии — при той интимной близости, которая существовала между нами, при том удивительном понимании друг друга и общности взглядов стратегических и политических.

Романовский был деятельным и талантливым помощником командующего армией, прямолинейным исполнителем его предначертаний и преданным другом. Другом, с которым я делил нравственную тяжесть правления и командования и те личные переживания, которые не выносятся из тайников души в толпу и на совещания. Он платил таким же отношением. Иногда — в формах трогательных и далеко не безопасных. «Иван Павлович имел всегда мужество, — говорит один из ближайших его сотрудников по штабу, — принимать на себя разрешение всех, даже самых неприятных вопросов, чтобы оградить от них своего начальника».

Ген. Романовский был вообще слишком крупной величиной сам по себе и занимал слишком высокое положение, чтобы не стать объектом общественного внимания. В чем заключалась тайна установившихся к нему враждебных отношений, которые и теперь еще прорываются дикой, бессмысленной ненавистью и черной клеветой? Я тщательно и настойчиво искал ответа в своих воспоминаниях, в письменных материалах, оставшихся от того времени, в письмах близких ему людей, в разговорах с соратниками, в памфлетах недругов... Ни одного реального повода — только слухи, впечатления, подозрительность.

Служебной деятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя объяснить создавшегося к нему отношения. В большом деле ошибки неизбежны. Было, ведь, много учреждений, несравненно более «виновных», много грехов армии и властей, неизмеримо более тяжелых. Они не воспринимались и не осуждались с такой страстностью.

Но стоит обратить внимание, откуда исключительно шли и идут все эти обвинения, и станет ясным их чисто политическая подкладка. Самостоятельная позиция командования, не отдававшего армии в руки крайних правых кругов, была причиной их вражды и поводом для борьбы — теми средствами, которые присущи крайним флангам русской общественности. Они ополчились против командования, и прежде всего против ген. Алексеева, который представлял политическую идеологию армии.

Для начала они слагали только репутации. Самый благородный из крайних правых граф Келлер, рыцарь монархии и династии — человек прямой и чуждый интриги, но весьма элементарного политического кругозора — искренне верил в легенду о «мятежном генерал-адъютанте», когда писал ген. Алексееву: «Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении; но для пользы и спасения родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя»...

Руководители Астраханской армии еще летом 18 года говорили представителям Правого центра: «В Добровольческой армии должна быть произведена чистка... В составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, ген. Романовский»...

«Относительно Добровольческой армии, — сообщала нам организация Шульгина, — Совет монархического блока решил придерживаться такой тактики: самой армии не трогать, а при случае даже подхваливать, но зато всемерно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей армии. На днях правая рука герцога Г. Лейхтенбергского Акацатов в одном доме прямо сказал, что для России и дела ее спасения опасны не большевики, а Добровольческая армия, пока во главе ее стоит Алексеев, а у последнего имеются такие сотрудники, как Шульгин...» Такая политика «правых большевиков», по выражению «Азбуки», приводила даже в смущение просто правых: Алекс. Бобринский на днях говорил: «Я боюсь не левых, а крайних правых, которые, еще не победив, проявляют столько изуверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно»...

Такое же настроение создавалось в соответственных кругах, группировавшихся в армии и возле армии, и такая же тактика применялась ими.

Как составлялись репутации в армии, или вернее для армии, об этом свидетельствует письмо ко мне ген. Алексеева, относящееся к этому периоду[15]: В заседании донского правительства (24—25 июня) атаман, по словам М. В., заявил: «Ему достоверно известно, что в армии существует раскол — с одной стороны, Дроздовцы, с другой — Алексеевцы и Деникинцы. Дроздовцы будто бы определенно тянут в сторону Юго-Восточного союза... В той группе, которую Краснов называет общим термином «алексеевцы и деникинцы», тоже, по его мнению, идет раскол; я числюсь монархистом, и это заставляет, будто бы, накоторую часть офицерства тяготеть ко мне; Вы же, а в особенности Иван Павлович, считаетесь определенными республиканцами и чуть ли не социалистами. Несомненно, это отголоски, как я полагаю, наших разговоров об Учредительном собрании»...

Человек серьезный, побывавший в Киеве и имевший там общение со многими военными и общественными кругами, говорит о вынесенных оттуда впечатлениях[16]: «В киевских группах создалось неблагоприятное и притом совершенно превратное мнение о Добровольческой армии. Более всего подчеркивают социалистичность армии... Говорят, что «идеалами армии является Учредительное собрание, притом прежних выборов.., что Авксентьев, Чернов, пожалуй, Керенский и прочие господа — вот герои Добровольческой армии, но мы ведь знаем, что можно ждать от них»...

Атака пошла против всего высшего командования. Но силы атакующих были еще слишком ничтожны, а авторитет ген. Алексеева слишком высок, чтобы работа их могла увенчаться серьезным успехом. С другой стороны, крепкая связь моя с основными частями армии и неизменные боевые успехи ее делали, вероятно, дискредитирование командующего нецелесообразным и, во всяком случае, нелегким... Главный удар, поэтому, пришелся по линии наименьшего сопротивления.

От времени до времени в различных секретных донесениях, в которых описывались настроения армии и общества, ставилось рядом с именем начальника штаба сакраментальное слово — «социалист». Нужно знать настроение офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвинения, которая ложилась на Романовского. Социалист — олицетворение всех причин, источник всех бед, стрясшихся над страной... В элементарном понимании многих в этом откровении относительно начальника штаба находили не раз объяснения все те затруднения, неудачи, неустройства, которые сопутствовали движению армии и в которых повинны были судьба, я, штаб, начальники или сама армия.

Даже люди серьезные и непредубежденные иногда обращались ко мне с доброжелательным предупреждением: «У вас начальник штаба — социалист». «Послушайте, да откуда вы взяли это, какие у вас данные?» «Все говорят». Слово было произнесено и внесло отраву в жизнь. Затем началась безудержная клевета. Только много времени спустя я мог уяснить себе всю глубину той пропасти, которую рыли черные руки, между Романовским и армией.

Обвинения были неожиданны, бездоказательны, нелепы, всегда безличны и поэтому трудно опровержимы. «Мне недавно стало известным, — говорит генерал, непосредственно ведавший организационными вопросами, — что еще в 1918 году готовилось покушение на Ивана Павловича за то, что он якобы противодействовал формированию одной из Добровольческих дивизий... Ну можно ли это изобрести про начальника штаба, только и думающего о развитии мощи армии и больше всего о Добровольцах... Один из друзей Романовского, бывший и оставшийся монархистом и правым, описывает ту «атмосферу интриг», которая охватила его осенью 18 года, когда он приехал в Екатеринодар: «Многие учли мой приезд — человека, близкого к Ивану Павловичу, как могущего влиять на него, и стали внушать мне, что он злой гений Добровольческой армии, ненавистник гвардии, виновник гибели лучших офицеров под Ставрополем... С мыслью влиять через меня на Ивана Павловича, а следовательно, и на командующего армией, расстались не сразу. И месяца два моя скромная квартира не раз посещалась людьми, имевшими целью убедить меня, какой талантливый и глубоко государственный человек Кривошеин и т. д... Посещения эти резко оборвались, как только убедились в несклонности моей к политической интриге»...

Психология общества, толпы, армии требует «героев», которым все прощается, и «виновников», к которым относятся беспощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль «виновника» генерала Романовского. Этот «Барклай-де-Толли»[1] добровольческого эпоса принял на свою голову всю ту злобу и раздражение, которые накапливались в атмосфере жестокой борьбы.

К несчастью, характер Ивана Павловича способствовал усилению неприязненных к нему отношений. Он высказывал прямолинейно и резко свои взгляды, не облекая их в принятые формы дипломатического лукавства. Вереницы бывших и ненужных людей являлись ко мне со всевозможными проектами и предложениями своих услуг; я не принимал их; мой отказ приходилось передавать Романовскому, который делал это сухо, не раз с мотивировкой, хотя и справедливой, но обидной для просителей. Они уносили свою обиду и увеличивали число его врагов. Я помню, как однажды, после горячего спора о присоединении к армии одного отряда на полуавтономных началах, Иван Павлович за столом у меня в большом обществе обмолвился фразой: «К сожалению, к нам приходят люди с таким провинциальным самолюбием»... В начальнике отряда — человеке доблестном, но своенравном он нажил врага... до смерти.

Весь ушедший в дело, работавший до изнеможения, он не умел показать достаточно внимания, приласкать тех служилых людей, которые с утра до вечера толпились со своими нуждами в его приемной. Они уносили также в полки, в штабы, в общество представление о «черством, бездушном формалисте»... И только немногие близкие знали, какой бесконечной доброты полон был этот «черствый» человек и скольких людей — даже враждебных ему — он выручал, спасал от беды, иногда от смерти...

Об отношении к себе в армии и обществе Иван Павлович знал и болел душой. «Отчего меня так не любят?..» Этот вопрос он задал одному их своих друзей, вращавшихся в армейской гуще, и получил ответ: «Не умеешь расположить к себе людей». Однажды со скорбной улыбкой он и ко мне обратился со своим недоумени-

ем... «Иван Павлович, вы близки ко мне. Известные группы стремятся очернить вас в глазах армии и моих. Им нужно устранить вас и поставить возле меня своего человека. Но этого никогда не будет».

Кубанские казаки, входившие в состав армии, в массе своей мало интересовались пока еще «ориентациями» и «лозунгами» и, стоя на самой границе своей области, томились ожиданием наступления и освобождения своих станиц. Кубанское офицерство разделяло мятущееся настроение всего добровольчества.

Атаман и правительство придерживались союза с Добровольческой армией, не желая рисковать им для новых комбинаций. 2 мая в заседании рады были установлены основные положения кубанской политики: 1) «Необходимость продолжения героической деятельности Добровольческой армии, действующей в полном согласии с кубанским правительством»... 2) «В настоящее время вооруженная борьба с Центральными державами является нецелесообразной.., но необходимо принять все меры для предотвращения... продвижения германской армии в пределы (края) без согласия на то кубанского правительства»... 3) «Необходимо полное единение с Доном». 4) «Для заключения (союза) с Доном, выяснения целей германского движения и определения отношений с Украйной... отправить в Новочеркасск, Ростов и Киев делегации»[17].

Назначение последних двух делегаций вызывало некоторое опасение и у нас, и у атамана, оказавшееся необоснованным. Делегация на Украйну, добивавшаяся помощи материальной — военным снабжением и дипломатической — «чтобы на мирной конференции между Украйной и Советской республикой Кубанский край не был включен в состав РСР» — не достигла цели. Гетманское правительство дало понять делегации, предлагавшей «федерацию», что «без включения Кубанского края в состав Украинской республики на автономных правах (оно) не сможет оказать помощи Кубани»... В среде кубанских правителей возникло опасение, что «при соединении на этих началах с Украйной для немцев возникнет возможность распространить на Кубань силу договора, заключенного Германией с Украйной, со всеми последствиями»[18]. Вопрос остался открытым.

Точно так же непосредственные сношения с немцами в Ростове ограничились взаимным осведомлением, а переговоры о Доно-Кавказском союзе, как я говорил ранее, усиленно затягивались кубанцами. Кубанский дипломат Петр Макаренко неизменно проводил взгляд, что «кубанцы не являются противниками идеи Юго-Восточного союза, но воплощение его в жизнь в спешном порядке при настоящих условиях не является приемлемым».

Атаман, рада и правительство больше всего опасались, чтобы Добровольческая армия не покинула Кубани, отдав ее на растерзание большевиков, и чтобы на случай нашего ухода на север область была обеспечена теперь же своей армией. Последнее требование, имевшее главным мотивом упрочение политического значения кубанской власти, привело бы к полной дезорганизации армии и встретило поэтому решительный отказ командования.

Между тем в самой среде кубанцев шла глухая внутренняя борьба. С одной стороны, социалистическое правительство и рада, с другой, кубанское офицерство — возобновили свои старые неоконченные счеты. На этот раз с офицерством шел атаман, полковник Филимонов, поддерживавший периодически то ту, то другую сторону. Назревал переворот, имевший целью установление единоличной атаманской власти.

30 мая состоялось в Мечетинской собрание, на котором атаман перечислял вины правительства и рады, «расхитивших его власть». Офицерство ответило бурным возмущением и недвусмысленным призывом — расправиться со своей революционной демократией. Поздно ночью ко мне пришли совершенно растерянные Быч — председатель правительства и полковник Савицкий — член правительства по военным делам; они заявили, что готовы уйти, если их деятельность признается вредной, но просили оградить их от самосуда, на который толкает офицерство атаман.

Переворот мог вызвать раскол среди рядового казачества, а главное, толкнуть свергнутую кубанскую власть в объятия немцев, которые, несомненно, признали бы ее, получив легальный титул для военного и политического вторжения на Кубань. Поэтому в ту же ночь я послал письмо полковнику Филимонову, предложив ему не осложнять и без того серьезный кризис Добровольческой армии. Впоследствии полковник Филимонов в кругу лиц, враждебных революционной демократии, не раз говорил: «Я хотел еще в Мечетке покончить с правительством и радой, да генерал Деникин не позволил».

Так же отрицательно отнеслись к этому факту и общественные круги, близкие к армии; в них создалось убеждение, что «тогда, на первых порах была допущена роковая ошибка, которая отразилась в дальнейшем на всем характере отношений Добровольческой армии и Кубани»...

Я убежден, что прийти в Екатеринодар — если бы нас не предупредили там немцы — с одним атаманом было делом совершенно легким. Но долго ли он усидел бы там — не знаю. В то время во всех казачьих войсках было сильное стремление к народоправству не только в силу «завоеваний революции», но и «по праву древней обыкновенности». Во всяком случае, то, что сделал на Дону Краснов, оставив внешний декорум «древней обыкновенности» и сосредоточив в своих руках единоличную власть, было не под силу Филимонову.

Как бы то ни было, в лице кубанского казачества армия имела прочный и надежный элемент. Офицерство почти поголовно исповедовало общерусскую национальную идею; рядовое казачество шло за своими начальниками, хотя многие и руководствовались более житейскими мотивами: «Они только и думают, — говорил на заседании рады один кубанский деятель, — как бы скорее вернуться к своим хатам, своим женам; они теперь охотно пойдут бить большевиков, но именно, чтобы вернуться домой».

Финансовое положение армии было поистине угрожающим. Наличность нашей казны все время балансировала между двухнедельной и месячной потребностью армии. 10 июня, т. е. в день выступления армии в поход, ген. Алексеев на совещании с кубанским правительством в Новочеркасске говорил: «... Теперь у меня есть четыре с половиной миллиона рублей. Считая поступающие от донского правительства 4 миллиона, будет $8^1/_2$ миллионов. Месячный расход выразится в 4 миллиона рублей. Между тем, кроме указанных источников (ожидание 10 милл. от союзников и донская казна), денег получить неоткуда... За последнее время получено от частных лиц и организаций всего 55 тысяч рублей. Ростов, когда там был приставлен нож к горлу.., обещал дать 2 миллиона... Но когда... немцы обеспечили жизнь богатых людей, то оказалось, что оттуда ничего не получим... Мы уже решили в Ставропольской губ. не останавливаться перед взиманием контрибуции, но что из этого выйдет, предсказать нельзя»[19].

30 июня ген. Алексеев писал мне, что, если ему не удастся достать 5 милл. рублей на следующий месяц, то через 2—3 недели придется поставить бесповоротно вопрос о ликвидации армии... Ряду лиц, посланных весною 18 года в Москву и Вологду[20], поручено было войти по этому поводу в сношения с отечественными организациями и с союзниками; у последних, как указывал ген. Алексеев, «не просить, а требовать помощи нам» — помощи, которая являлась их нравственной обязанностью в отношении русской армии... Денежная Москва не дала ни одной копейки. Союзники колебались: они, в особенности французский посол Нуланс, не уясняли себе значения Северного Кавказа как флангового района в отношении создаваемого Восточного фронта и как богатейшей базы для немцев, в случае занятия ими этого района.

После долгих мытарств для армии через Национальный центр было получено ген. Алексеевым около 10 миллионов рублей, т. е. полутора-двухмесячное ее содержание. Это была первая и единственная денежная помощь, оказанная союзниками Добровольческой армии. Некто Л., приехавший из Москвы для реализации 10-миллионного кредита, отпущенного союзниками, обойдя главные ростовские банки, вынес безотрадное впечатление: «По заверениям (руководителей банков), все капиталисты, а также и частные банки держатся выжидательной политики и очень неуверены в завтрашнем дне».

В таком же положении было и боевое снабжение. Получили несколько десятков тысяч ружейных патронов и немного артиллерийских от Войска Донского; Дроздовский привез с собой свыше миллиона патронов и несколько тысяч снарядов. Это были до смешного малые цифры, но мы давно уже не привыкли к таким масштабам и поэтому положение нашего парка считали почти блестящим. Техническая часть? Кроме полевых пушек — 2 мортиры, 1 гаубица, 1 исправный броневой автомобиль... Было смешно и трогательно видеть, как весь гарнизон станицы

Егорлыкской ликовал при виде отбитого 31 мая у большевиков испорченного броневика «Смерть кадетам и буржуям», и с какою радостью потом мечетинский гарнизон смотрел на этот броневик, преображенный в «Генерала Корнилова» и появившийся на станичных улицах. Несколько дней и ночей, чтобы поспеть к походу, чинили его в станичной кузнице офицеры — уставшие и вымазанные до ушей, но теперь торжественно-серьезные...

Ген. Алексеев выбивался из сил, чтобы обеспечить материально армию, требовал, просил, грозил, изыскивал всевозможные способы, и все же существование ее висело на волоске. По-прежнему главные надежды возлагались на снабжение и вооружение средствами... большевиков. Михаил Васильевич питал еще большую надежду на выход наш на Волгу: «Только там могу я рассчитывать на получение средств», — писал он мне. «Обещания Парамонова... в силу своих отношений с царицынскими кругами обеспечить армию необходимыми ей денежными средствами разрешат благополучно нашу тяжкую финансовую проблему».

В таких тяжелых условиях протекала наша борьба за существование армии. Бывали минуты, когда казалось, все рушится, и Михаил Васильевич с горечью говорил мне: «Ну что же, соберу все свои крохи, разделю их по-братски между Добровольцами и распущу армию»...

Но мало-помалу горизонт стал проясняться. Еще в мае Покровский привел конную кубанскую бригаду, которая удивила всех своим стройным — как в дореволюционное время — учением; 3 июня к нам пришел из большевистского района полк мобилизованных там казаков; через два дня гарнизон Егорлыкской с недоумением прислушивался к сильному артиллерийскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой с большевиками отколовшиеся от Красной армии и в тот же день пришедшие к нам в Егорлыкскую одиннадцать сотен кубанских казаков.

В конце мая прибыла и долгожданная бригада Дроздовского. В яркий солнечный день у околицы Мечетинской на фоне зеленой донской степи и пестрой радостной толпы народа произошла встреча тех, кто пришли из далекой Румынии, и тех, кто вернулись с Первого Кубанского похода. Одни — отлично одетые, подтянутые, в стройных рядах, почти сплошь офицерского состава... другие — «в пестром обмундировании, в лохматых папахах, с большими недочетами в равнении и выправке — недочетами, искупавшимися боевой славой Добровольцев»[21].

Встреча была поистине радостная и искренняя. С глубоким волнением приветствовали мы новых соратников. Старый вождь, ген. Алексеев, обнажил седую голову и отдал низкий поклон «рыцарям духа, пришедшим издалека и влившим в нас новые силы»... И в душу закрадывалась грустная мысль: почему их только три тысячи [22]. Почему не 30 тысяч прислали к нам умиравшие фронты великой некогда русской армии...

Впрочем, мало-помалу начали поступать и другие укомплектования. Во многих пунктах были уже образованы «центры» Добровольческой армии и «вербовочные бюро». Они снабжались почти исключительно местными средствами — добровольными пожертвованиями, так как армейская казна была скудна, и ген. Алексеев мог посылать им лишь совершенно ничтожные суммы[23]. В городах, освобожденных от большевиков, сталкивались «вербовщики» нескольких армий, в том числе и самостоятельные вербовщики бригады Дроздовского. Все они применяли нередко неблаговидные приемы конкуренции, запутывая и без того сбитое с толку офицерство. Тем не менее оно текло в армию десятками, сотнями, привозя иногда разобранные ружья и пулеметы; прилетали и «сбежавшие» из-под охраны немцев и большевиков аэропланы...

В самый острый период армейского кризиса, когда начался отлив из армии под формальным предлогом окончания четырехмесячного договорного срока службы, я приказал увольнять всех желающих в трехнедельный отпуск: захотят — вернутся, нет — их добрая воля. В последние дни перед началом похода мимо дома, в котором я жил, на окраине станицы, по большой манычской дороге днем и ночью тянулись подводы: возвращались отпускные. Приобщившись на время к вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись в свои полки и батареи для неизвестного будущего, для кровавых боев, несущих с собою новые страдания, быть может, смерть. Добровольческая армия сохранилась.

Глава XIX. *Красная армия.*

К весне 1918 года обнаружилась окончательно полная несостоятельность Красной гвардии. 5-й съезд Советов восстановил всеобщую воинскую повинность: «На каждом честном и здоровом гражданине в возрасте от 18 до 40 лет лежит долг по первому зову Советской Республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов... Из буржуазии призывного возраста должно быть создано тыловое ополчение для укомплектования нестроевых частей, служительских и рабочих команд».

На этих общих основаниях началась организация «рабоче-крестьянской» Красной армии. Строилась она на принципах старых, отметенных революцией и большевиками в первый период их властвования, в том числе на нормальной организации, единовластии и дисциплине. Введено было «всеобщее обязательное обучение военному искусству», основаны инструкторские школы для подготовки командного состава, взят на учет старый офицерский состав, привлечены поголовно к службе офицеры Генерального штаба и т. д. Советская власть считала себя уже достаточно сильной, чтобы влить без опасения в ряды своей армии десятки тысяч «специалистов», заведомо чуждых или враждебных господствующей партии...

Организация армии шла с великим трудом и большими препятствиями: инерция несения государственной повинности была прервана, прежний двигатель борьбы — иноземное нашествие — сильно поблек и к тому же вытравлялся большевиками из народного сознания, новый — буржуазная контрреволюция — не был воспринят в должной мере; других стимулов не было; в качестве побудительного фактора оставался лишь страх и принуждение.

Русская жизнь этого периода (лето 1918 года) являет разительную аномалию народной психологии, вытекавшую из недостаточно развитого политического и национального самосознания русского народа. На огромном пространстве страны возник десяток правительств и десяток армий, отмеченных всеми цветами политического спектра, начиная с Красной и кончая Южной. Все они производили мобилизации на занятых ими территориях. Во все шел народ — с превеликим нежеланием, оказывая пассивное, очень редко активное сопротивление, но все же шел и воевал, проявляя то высокую доблесть, то постыдное малодушие; бросал «побежденных», переходил к «победителям» и менял красную кокарду на трехцветный угол и наоборот с такою легкостью, как будто это были только украшения форменной одежды... Все усилия красных, белых и черных вождей придать борьбе характер народный не увенчались успехом. За все пять лет русской смуты происходил глубокий внутренний процесс разложения и сложения социальных слоев, были вспышки народного гнева, были миражи народного подъема, но вооруженной народной борьбы еще не было. Когда она начнется на самом деле, то, в какие бы формы не вылились ее политические лозунги, она будет национальной, весьма скоротечной и положит конец великой смуте.

Первый призыв военнообязанных был объявлен советским декретом во второй половине июля. Пять призывных возрастов (21—25-летний) дали до 800 тысяч солдат. Число это испытывало огромные колебания по пути от уездных приемников до фронта. Тем не менее, к 1 ноября советская власть насчитывала на территории России до полумиллиона штыков и сабель.

С Красной армией в собственном смысле слова мы встретимся только поздней осенью. Летом шла лишь подготовка и некоторые преобразования. Армия оставалась смешанного типа — частью из добровольцев, частью из людей, мобилизованных на местах — насильственно, беспорядочно, властью местных Советов или частных войсковых начальников. Центральное управление употребляло большие усилия, чтобы собрать воедино множество возникших самостоятельно отрядов и придать им организацию полков, дивизий, армий; чтобы взять в свои руки волю «контрреволюционных начальников» путем установления за ними неусыпного наблюдения политических комиссаров и вместе с тем заставить распущенную солдатскую массу повиноваться этим начальникам.

Выборное начало было отменено и если на практике еще применялось, то только в отношении должностей не выше ротного командира. Уже в июне к нам попал большевистский приказ, в силу которого упразднялись войсковые комитеты; взамен их в частях не выше полка допускались «комиссии» с контрольно-хозяйственными функциями. При этом приказ предупреждал, что всякое вмешательство

этих комиссий в действия командного состава будет рассматриваться как контрреволюционное выступление, и виновные будут расстреливаться... В области репрессий были восстановлены все прежние виды наказаний до смертной казни включительно.

Я не буду останавливаться на других военных мероприятиях советской власти, в силу разнообразных причин никогда не достигших преображения Красной армии в действительно серьезную национальную силу. Интересно отметить лишь тот путь, которым пошли Советы — путь решительной и полной реставрации во всем — в строе, в службе и быте войск. Это явление было естественным по той простой причине, что Красная армия строилась исключительно умом и опытом «старых царских генералов». Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского[II], товарищей Аралова[III], Антонова (Антонов-Овсеенко. — *Ред.*), Сталина и многих других было вначале чисто фиктивным. Они играли лишь роль надзирателей над работами арестантской артели и вместе с тем учились исподволь у своих «арестантов» их сложному и новому для себя искусству; одни оставались неучами, другие преуспевали — по крайней мере в такой степени, чтобы отличить меру, явно целесообразную, от грубой провокации. Одни дали разум, другие внесли волю.

Все органы центрального военного управления возглавлялись генералами-специалистами (особенно широко был представлен Генеральный штаб), работавшими под неослабным надзором коммунистов. Почти все фронты[24] и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии. Периодически на большевистском горизонте вспыхивали довольно яркими звездами самородные таланты, рожденные войной и революцией, но это были лишь редкие исключения, и вся сила, вся организация Красной армии покоилась на старом генералитете и офицерстве.

Первое время, кроме десятка авантюристов, еще в начальный период революции оторвавшихся от идеологии офицерства и теперь безоглядно шедших с большевиками, весь прочий генералитет, поступивший на службу, был им враждебен. Почти все они находились в сношениях с московскими Центрами и Добровольческой армией. Не раз к нам поступали от них запросы о допустимости службы у большевиков... Они оправдывали свой шаг вначале необходимостью препятствовать германскому вторжению, потом «недолговечностью большевизма» и стремлением «кабинетным путем разработать все вопросы по воссозданию русской армии и пристроить так или иначе голодных офицеров». Жизнь ответила им годами террора, «внутренних фронтов» и прямым участием в междоусобной борьбе. Часть их перешла впоследствии в противобольшевистские армии, другая была последовательно истреблена большевиками, остальных засосало большевистское болото, в котором нашли успокоение и человеческая низость, и многие подлинные душевные драмы.

Московские Центры поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла опра- ать их жертву и окупить приносимый самым фактом их советской службы вред. За $2^1/_2$ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью[V]. Я не хочу сейчас называть его имя... Были, конечно, переходы к нам на фронте отдельных лиц и целых «красных» частей, но в общем операции большевиков протекали довольно планомерно, иногда талантливо, поскольку это зависело от высшего командования, а не исполнителей.

Рядовое офицерство уничтожалось или насильственно привлекалось в Красную армию. Жизнь разделила резко старый офицерский состав на три группы. В первой — весьма малочисленной — были «стоящие на советской платформе» — коммунисты искренние или «октябрьские», во всяком случае настолько скомпрометированные своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было... Во второй — столь же малочисленной — так называемые «контрреволюционеры», невзирая на необычный гнет, сыск и террор

советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, переходе на сторону «белых армий» и т. д. Свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий. Наконец, третья группа — наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной армии голодом, страхом, принуждением, — разделила общую судьбу русской интеллигенции, обратившейся в «спецов». Страдающие морально или беспечные, нуждающиеся или берущие от жизни все, что можно, они слились в одну массу лояльных советских работников. Но неприглядность положения и неспокойная совесть заставляли их искать более высоких идеологических обоснований своей жертвы или падения.

Для немногих представителей революционной демократии это был временный этап — гораздо более близкий и родственный, чем ненавистный им «белый стан»; этап, приближающий к устроению социалистического отечества, арена идейной пропаганды, имеющей целью «превратить армию из средства порабощения широких народных масс в реальную вооруженную силу демократии». Для многих правых — такой же этап, только на другом пути: «Мы убежденные монархисты, но не восстанем и не будем восставать против советской власти потому, что раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем бить их самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»[25]... Наконец, и тогда уже, летом 18 года, послышались те мотивы, которые впоследствии с большим опозданием восприняли Устрялов[VI] и прочие сменовеховцы: белое движение не опирается на народ и раздробляет Россию; большевизм — явление чисто народное, объединяющее страну; большевизм погибнет сам, когда народ изживет его; сопротивление бесполезно и задерживает лишь естественный исторический процесс...

Как бы то ни было, советская власть может гордиться тем искусством, с которым она поработила волю и мысль русского генералитета и офицерства, сделав их невольным, но покорным орудием своего укрепления. Восприняв большевистскую практику, эти люди, конечно, по-прежнему чужды большевистской идеологии. Настанет день, когда и они вместе с народом приложат руку к спасению страны — совершенно искренно и даже с энтузиазмом. И будут отрицать тогда, что ведь благодаря и их трудам спасение это пришло так поздно...

Жизнь Красной армии в тот переходный период протекала чрезвычайно разнообразно. Были, однако, общие черты, свойственные частям всех фронтов. Формировались части по распоряжению штабов и совдепов, но чаще по частной инициативе. Принимали название по местности формирования, иногда по фантазии организатора: «Черная хмара», «Гроза буржуазии», «Пятый неустрашимый» и т. д. Отдельные отряды совершенно произвольной численности жили полусамостоятельной жизнью, входя в состав «колонн», дивизий, армий. Жили на местные средства — реквизицией и грабежом, редко имея связь с довольствующими учреждениями. Умирали в них люди массами — от постоянных боев и еще более — в результате потрясающего неустройства санитарной части.

Основное ядро полков, отрядов составляли обыкновенно «коммунистическая ячейка», матросы и деклассированные элементы — старые солдаты, по тем или другим причинам не вернувшиеся домой и обратившие военную службу в ремесло. Из последних выбиралось обыкновенно ротное начальство — несведущее в военном деле, но восполнявшее до некоторой степени отсутствие военного образования длительным опытом и зачастую отменным знанием психологии своих подчиненных. Охотно выбирали в командиры и старых офицеров, отношение к которым значительно переменилось в сравнении с первым периодом революции. Иногда назначали их насильно, против воли, так как власть приносила тогда больше терний, чем роз. Должно быть, сроднило общее несчастье и одинаковый гнет со стороны коммунистов. Главную массу армии составляло по-прежнему крестьянство — инертное и невоинственное.

Наконец, огромную роль в утверждении коммунистической власти, в особенности вначале, играли отряды наемников — латышей, китайцев, пленных венгров и немцев. Полное непонимание совершающихся событий, презрение к стране и

народу, холодная страшная жестокость и садизм и, вместе с тем, тревожное чувство обреченности и грядущего возмездия — делали этот элемент чрезвычайно удобным, слепым и покорным, орудием в руках советской власти. Эти отряды составляли личную охрану советских самодержцев, комплектовали кадры палачей в чека и в армии, участвовали во всевозможных карательных экспедициях, усмиряли крестьянские восстания, истребляли интеллигенцию и «белых», подогревали с тыла пулеметами дух красных воинов и расправлялись с непокорными честолюбцами, появлявшимися время от времени среди красного командования.

Эта своеобразная «интервенция», примененная народными комиссарами, своими кровавыми образами запечатлелась надолго в памяти русского народа.

Летом 18 года сводки штаба Добровольческой армии устанавливали «резко бросающуюся в глаза черту Красной армии: борьбу между начальниками, старавшимися установить порядок, и подчиненными — пассивно, иногда активно сопротивлявшимися этому… Приказы и телеграммы полны жалоб, указаний, увещаний, угроз. Наиболее распространены в армии неисполнение приказаний, небрежное несение службы, самовольное оставление фронта, насилия, грабежи, пьянство». Обучение отсутствовало почти вовсе. Жизнь в войсках принимала такой тяжелый и сумбурный характер, что, под влиянием более разумного элемента, некоторые части сами выносили постановления о применении в них суровых мер наказания, включительно до розог и смертной казни.

Красная армия в переходный период жила еще преемственно традициями «революционной армии» 17 года, и потому боевая годность ее была весьма относительной. Но она шла массами. Стихийная тяга к земле, к дому, просто к мирной жизни вызывала дезертирство в небывалых размерах, особенно летом, обращая красные части в проходные этапы, через которые переливала человеческая волна. Ушедших заменяли новые люди — иногда являвшиеся добровольно, чаще взятые насильно. И они шли опять массами, подгоняемые пулеметами «карательных отрядов», побуждаемые страхом столько же, сколько и злобой, подогреваемые надеждой на скорое окончание безумной кровавой борьбы. А на территориях, пораженных войной, люди подымались с насиженных мест, разоряли свои хозяйства и шли куда глаза глядят, без толку и без смысла. За армией двигался громадный обоз с добром красноармейцев — своим и награбленным, с женщинами, которые их ссорили и развращали, с детьми, которые их связывали. Казалось тогда, что в толще народной слагается безразличное отношение к вопросу — кто победит: лишь бы скорее конец.

(Продолжение следует)

Примечание автора

1. «Вечернее Время» 18 года, № 16.
2. Письмо от 7 июня.
3. Как выяснилось впоследствии — человек с темным прошлым, по имени И. В. Добровольский.
4. Письмо к ген. Щербачеву от 31 июля 18 года.
5. Я предпочитаю изобразить взгляд М. В. его собственными словами и утверждаю, что этот взгляд был присущ ему во всех стадиях нашей совместной деятельности на Юге России.
6. Декларация от 23 апреля. См. Т. II, гл. XXXI.
7. Алексеева к Щербачеву.
8. 14 мая 18 года.
9. Объединение России путем контакта с немцами и восстановление конституционной монархии. Письмо 7 мая 18 г.
10. 30 июля 18 г.
11. Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: «Да, но это враг — культурный…»
12. Речь 16 января 1920 года.
13. В Егорлыкской стояли только 1-я (Марков) и Конная (Эрдели) дивизии, 2-я дивизия (Боровский) — в Мечетинской и 3-я (Дроздовский) была еще в Новочеркасске.
14. 27 сентября, № 027.

15. От 26 июня, № 59.
16. Доклад полковника Крейтера от 18 сентября.
17. Протокол заседания 2 мая.
18. Объяснения Быча в заседании 10 июня.
19. Отчет о совещании.
20. Ген. Казанович, А. А. Ладыженский, полковник Новосильцев, ротмистр Шапрон.
21. Впечатления Дроздовцев.
22. В том числе 1340 штыков, 400 шашек.
23. Сохранились записи денег, ассигнованных «на образование центров»: Одесского — 10 тысяч рублей, Тираспольского — 5 тыс., Таганрогского — 3 тысячи и т. д.
24. Северный — против Архангельска (ген. Парский). Восточный на Волге (полк. Каменев), Южный — против Дона (ген. Сытин), Западный — на фронте немецкой оккупации, Северо-Кавказский — против Добровольческой армии, частью против Дона (ген. Снесарев[IV]).
25. Доклад капитана гв. Энгельгарта о впечатлениях, вынесенных им с Восточного — противочешского фронта.

Примечания редакции

I. *Барклай-де-Толли Михаил Богданович* (1761—1818) — генерал-фельдмаршал (1814 г.), князь (1815 г.). В 1810—1812 гг. военный министр. В Отечественную войну 1812 г. командующий 1-й армией, в июле — августе главнокомандующий, в Бородинском сражении командовал правым крылом русских войск. В 1813—1814 гг. командующий русско-прусской армией.

II. *Подвойский Николай Ильич* (1880—1948) — партийный, государственный и военный деятель. В революционном движении с 1898 г., в 1901 г. вступил в РСДРП. В 1917 г. член Петербургского комитета РСДРП(б) и руководитель его военной организации, председатель Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председатель Петроградского ВРК. В ноябре 1917 — марте 1918 г. нарком по военным делам. С января 1918 г. председатель Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армией: затем член Высшего военного совета, Высшей военной инспекции РККА, Реввоенсовета РСФСР и нарком по военным и морским делам Украины. В 1919—1927 гг. начальник Всевобуча и ЧОН (частей особого назначения), председатель Спортинтерна. В 1924 — 1930 гг. член ЦКК ВКП(б), член ВЦИК.

III. *Аралов Семен Иванович* (1880—1969) — военный и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1903 г., член РСДРП(б) с 1918 года. Участник первой мировой войны (штабс-капитан) и Октябрьской революции. С января 1918 г. начальник оперативного отдела Московского военного округа, в марте — сентябре — оперативного отдела Наркомвоена. В сентябре 1918 — июле 1919 г. член РВСР, одновременно в октябре 1918 — июне 1919 г. военком Полевого штаба РВСР и в ноябре 1918— июле 1920 г. начальник управления Полевого штаба. В июне 1919 — ноябре 1920 г. член РВС 12-й армии, в ноябре — декабре 1920 г. член РВС Юго-Западного фронта; член советской российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей. В январе — марте 1921 г. член РВС Киевского военного округа. С 1921 г. полпред в Литве, затем в Турции, Латвии. С 1925 г. на государственной и научной работе. Участник Великой Отечественной войны.

IV. *Снесарев Андрей Евгеньевич* (1865—1937) — военный деятель и ученый-востоковед, профессор, Герой Труда (1928 г.). В первую мировую войну командовал дивизией, корпусом, генерал-лейтенант. В 1917 г. избран командующим 9-го армейского корпуса. В мае 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был военным руководителем Северо-Кавказского военного округа. В ноябре 1918 г. начальник Западного района обороны, затем до мая 1919 г. командующий Западной (с марта Литовско-Белорусской) армией, с июля начальник Академии Генштаба РККА. В дальнейшем на научной и преподавательской работе. В январе 1930 г. обвинен в участии в контрреволюционной монархической офицерской организации, арестован, выслан в Севлаг. В связи с тяжелым недугом в 1934 г. отпущен домой на излечение и вскоре умер. Реабилитирован в 1958 г. (подробнее о нем см.: Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь — науке. — Военно-исторический журнал, 1965, № 2).

V. Возможно, имеется в виду генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский (1860—1921). С 1918 г. (?) участвовал в работе Военно-исторической комиссии при Главном штабе Красной Армии. Расстрелян за измену (?).

VI. *Устрялов Николай Васильевич* (1890—1938) — общественно-политический деятель, публицист, кадет (с 1917 г.). С 1920 г. в эмиграции. Один из идеологов сменовеховства. В 1938 г. вернулся в СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1919 год

30 августа/12 сентября. Я увлекаюсь, читая «Vie et correspondance de Taine». Вчера читал с 1870 и 71 гг. Я выписываю здесь несколько отдельных фраз; они легко приложимы к нашему теперешнему состоянию и к моим мыслям до войны, в войну и в революцию. «On souhaite la paix, le commerce, le travail, le bien-être pour soi et pour le moment, et l'on résiste de plus en plus énergiquement aux raisonnement qui. dans la tête d'un souverain, feraient tuer cent milles hommes pour le bénéfice des générations futures et pour le maintien d'une prééminence» (II, 336). «Le 12 (juillet 1870) j'ai écrit à une personne influente (? Princesse Mathilde), pour lui dire que nous allions avoir contre nous le passions de 1813, que la *guerre était imprudente*; presque tous les hommes cultivés pensaient comme moi» (III, 16). «Pour moi le sentiment des maux publics est si vif que je ne sens plus véritablement le beau» (III, 27). «Il est bien probable qu'à mon retour, je ferai à Paris des articles politiques de fonds, malgré ma répugnance et mon insuffisance; il faut maintenant que tout le monde mette la main a l'oeuvre; mais la parole est si peu de chose contre les institutions et le caractère national! Enfin je ferai ce que je pourrai, malheureusement avec peu d'espoir; tu sais ce que je pense de notre pays et cela depuis des années» (III, 480; 7 fevrier 1871). «(21 mars): La bétise inouie de la garde nationale et la trahison de l'armée nous mettent aux mains des gens du ruisseau» (III, 68-69).

«Mon chagrin est si profond et mes prévisions sont si tristes que j'aime mieux ne pas en parler» (26 mars, III, 74). «D'après mes entretiens avec plusieurs personnes bien informées et dont l'une revient de Londres, les menées et l'argent bonapartistes sont pour beaucoup là-dedans» (28 mars, III, 76-77). «L'argent ba manquer à la Commune; on parlait hier de menaces contre la Banque; il y aura des violences contre les grands établissements de crédit, contre les financiers, les riches; la Commune les forcera à signer des traités, on emmenera plusieurs comme otages; elle va se trouver acculée à des crimes» (30 mars, III, 81). «Comme banquier, magistrat etc., ils sont menacés; on parle de quinze cents personnes arrêtées à Paris comme suspectes» (1 avril, III, 85). «Conversation aujourd'hui avec un professeur de science et un vieux peintre. Ils sont tous les deux favurables ou presque favorables aux insurgés. Cela me confond toujours; on ne comprend pas qu'un homme intelligent ait une si faible notion du droit et de la justice» (8 avril, III, 99). «Il y aura une terrible bataille dans Paris; les insurgés ont des chefs très résolus» (17 avril, III, 102). «Paris — c'est un pandémonium; la mère d'une dame qui est ici (Tours), sortant de chez elle ces jours-ci en robe très simple, a été apostrophée dans la rue par une mégère: 'A bas les aristocrates en toilette; on vous mettra

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12; 1992, №№ 1—5.

bientôt à bas' » (30 avril, III, 104). «Je mange et dors bien, mais ma barbe a grisonné» (5 mai, III, 107). «Deux principes inconnus en France, admis universellement et appliqués fidèlement dans tous les pays libres: (1) quand la majorité a prononcé, se soumettre franchement, sérieusement, ne pas garder l'arriere-pensée de la violenter par un coup d'Etat; (2) permettre à la minorité de dire et imprimer tout ce qui lui convient» (21 mai, III, 121). «J'apprends à l'instant les horreurs de Paris... les misérables! Ce sont des loups enragés» (25 mai, III, 128)[1].

Это анализ в изречениях и русской так называемой революции и повторение моих собственных мыслей.

Я ездил с Володей в Пушкино за пудом муки, который Р[епманы] выменяли на наш револьвер, пролежавший год в дупле. Кстати зашли к старикам Армандам. Боже, какой ужас в Пушкине! В саду рубят деревья на дрова, пасутся телята на цветниках; старики замерли в ожидании смерти, которая подкралась уже к половине их. Дорожки запущены, калитка в парк настежь. Я ушел с тяжелым чувством. Общие новости, официальные и неофициальные, расходятся, как никогда: они пишут о движении вперед близ Конотопа и Бахмача. Слухи, идущие из источников достоверных, говорят о поражении под Осколами и Касторным, под Царицыном[2] и под Гомелем. Переговоры с эстонскими меньшевиками оказались филькиной грамотой, как этого и следовало ожидать.

31 августа/13 сентября. Еще несколько изречений из Тэна: «Le suffrage universel, dans un pays apathique tend toujours à mettre le pouvoir aux mains des bavard déclassés (III. 172). L'essentiel est que les classes éclairées et riches conduisent les ignorants et ceux que vivent au jour le jour (III, 173)»[3].

Гуляя, я видел русских интеллигентов, пилящих дрова; не боясь плоской шутки, скажу, что интеллигенция, которая своими усилиями довела дело до того, что ей самой приходится пилить дрова, — вполне этого до стойна; на другое она не годится. Много разговоров о движении немцев на Бологое, о котором возвещается в большевистских газетах[4]; для меня это еще неясно. Узнал, что выпущены Богословский, Петрушевский и Бахрушин. Комиссариат, т. е. товарищ Покровский, сократил наши лекции на одну треть, потому что у них сократили кредиты на одну треть; хорошенький способ оценки ученого преподавания в высшей школе.

1/14 сентября. Газета: товарищи признают, что их отбили от Царицына; они признают также занятие Ельца, Старого и Нового Осколов, что показывает, что вся линия Елец — Валуйки в руках Деникина. Это может иметь очень большие последствия. Арестовывают нотариусов, в том числе дядю Костю. Сегодня все утро таскал разные вещи, 2 пуда капусты; была большая мена: за разное старое добро мы получили мешок картофеля, меру репы, грибов, молока и т. п. Прекрасно заполненное dimanche d'un bourgeois[5].

2/15 сентября. День, как всегда, без известий. Однако, в воскресенье, вчера, товарищи сообщили, что их вышибли из Бахмача. Выходит, что через месяц после наступления, предпринятого 15 августа, успехи товарищей сводятся только ко взятию Камышина. Посещение Лаврской библиотеки, помещающейся над трапезной; там же находится и старый архив, в котором великое богатство неиспользованного материала по монастырскому хозяйству и землевладению XVI—XVII веков; весь архив в полном порядке, благодаря труду никому неизвестного монаха-библиотекаря отца Алексея. Вот где бы заняться, если бы только явилась возможность дать волю моим проектам об исследовании XVI века. Завтра опять в проклятую Москву! Не хочется!

Выписываю еще несколько изречений из Тэна, которые вполне соответствуют моим мыслям: «Vous savez si j'aime la Révolution; pour qui la voit de près, c'est l'insurrection des mulets et des chevaux contre les hommes sous la conduite des singes qui ont des larynx des perroquets; mais l'ancien régime n'est pas beau non plus...» (III, 266).

«Ma seule thèse intime est contre le pouvoir arbitraire et absolu, soit de la foule, soit d'un individu. Un être humain ou une collection d'êtres humains, qui est despote et ne subit pas le contrepoids d'autres pouvoirs, devient toujours malfaisant et fou» (III, 272—73).

«Le suffrage universel qui est un chancre toujours coulant» (IV, 45; 24 mars 1878).

«Je vous assure que les Girondins de la législative ne sont pas jolis à voir de près; l'orgueil doctrinaire et juvenile est le fond, et ils se permettent jusqu'au 10 août tout ce qu'on fera contre eux après le 10 août» (IV, 93; 28 juin 1879)[6].

Разве это не наши кадеты?

2/15 сентября. Я надумал, сидя в Сергиевом Посаде, общий план моих занятий на всю жизнь. План больше, чем время, которое мне осталось работать. Хочу его записать на всякий случай.

1) Введение в русскую историю — научная разработка археологического материала по Восточной Европе до 862 года (условно, конечно, понимая эту дату). Это не сделано.

2) Взаимное отношение русских к Балканскому полуострову и к славянам до завоевания Балкан турками и образования Московской державы. Это — terra incognita[7].

3) Опыт сравнительного изучения славянского права: *Р[усская] Пр[авда]*, [Вислицкий] статут, Законник Ст[ефана] Д[ушана], *Закон Винодола* и т. д. Пс[ковская] [судная] гр[амота], судебники, Нешав[ские] ст[атуты], Полиц[кий] ст[атут] и т. д. 3-е вытекает отчасти из 2-го.

4) Здесь начинается главная часть проектов: образование Московского государства — в виде очерков по истории XV и XVI вв. — *«Иван Грозный», «образование дворянства», архитектоника державы XVI века: сознательные усилия Московских государей в созидании своей державы.* «Идеология XVI века: Осифляне, связь с юго-славянством, теории власти, ереси». Московское государство в представлении иностранцев; отношение к Литве, Польше и другим державам; культурные заслуги итальянцев. Москва и Крым в XV—XVI вв. Экономическое состояние Московии, особенно до кризиса 60-х годов (архив Троицкой Лавры). Главное — подчеркнуть: цари создали дворянство как послушную им силу.

5) Мой очерк Смутного времени и другие мои работы о Смуте формулируют мои мысли об этой эпохе.

6) Замосковный край — есть в сущности история дворянства в XVII в. в главных чертах.

7) Сословная политика Петра Первого. Начать с идей 80-х гг.; дворянство на исходе XVII века, пробуждающееся к политическим вожделениям XVIII века. Петр и дворянство: это что-то вовсе не известное.

8) История областного управления, принявшего громадные размеры — есть не что иное, как *будничная* история дворян от Петра до Екатерины II, когда они окончательно завоевали все.

9) Пушкин как квинтэссенция дворянской культуры. Лучшее, что она дала до наступления момента, когда оно само в себе усумнилось.

10) Падение Российской Империи, мною начатое уже. 1, 2—3 (3 цикла), 4—10.

Из самого большого сделаны 5, 6, 8 и набросан эскизно 10. Чтоб сделать все остальное, надо две жизни; но все, вместе взятое, составило бы ряд монографий, в которых были бы выражены все мои взгляды на всю русскую историю. В частности же, вышел бы цельный цикл по истории дворянской России, возникшей в XV—XVI в. и павшей в XX[8].

7/20 сентября. Сергиев Посад после четырех дней в Москве. Московские запуганные буржуи и «буржуиды» — необыкновенные дураки. Они все еще думают, что все должно измениться во мгновение ока, и поэтому плачут и рыдают, если им в большевицкой газете что-нибудь покажется не так. Например, на этой неделе в среду написали, что эстонцы желают мириться с большевиками, и в Москве уныние. Как будто что-то может измениться оттого, что какие-то чухонские социал-предатели — меньшевики, трудовики и тому подобная сволочь — задумали поцеловаться с советской властью. В четверг военная сводка была довольно интересна; главное — везде отступили и, между прочим, бои происходят около г. Тима — почти прямо к востоку от Курска[9]. И вот настроение вдруг поднимается — столь же неосновательно, как накануне оно опустилось.

В пятницу мы заседали с тов. Волгиным в виде собрания исторического отделения и говорили о зачеркнутых курсах[10]. Новый Магницкий или Рунич[11] — тов. Покровский — все это черкал единолично или совместно со своим famulus'ом[12] или Вагнером — тем же Волгиным. Надо было видеть, с каким самодовольством этот подлец докладывал, что тот или иной курс был вычеркнут по недоразумению, что с единоличным мнением Покровского не следует считаться и т. п. заведомую ложь. Я вернулся сюда с вечерним поездом; что за ужас эта тьма на железных дорогах! Паровоз идет при одном освещенном фонаре, вместо 3; на каждой станции по одному фонарю на всю территорию станции; в вагонах абсолютная тьма, так что можно убить человека — и этого не заметишь.

Большевики желают подвергнуть преследованию Сухаревку под тем же предлогом, что надо бороться со спекуляцией, но тогда Сухаревка возникнет на каждом углу и перекрестке. По рецепту врача для Нины я добыл 5 фунтов сыру — это тоже достойно примечания! В пятницу я решил ехать в Сергиево; в течение сентября я буду ездить контрабандой, пропуская дни в Музее. Надо заботиться о семье и беречь здоровье — это последнее, что остается. А приехав сюда сегодня, рыл картошку и колол дрова.

9/22 сентября. Несомненно, Деникин перешел в общее наступление по всему фронту. Это показывает, что он выдержал наступление большевиков, начавшееся 2/15 августа и не давшее результатов, за исключением взятия Камышина, и теперь нашел в себе достаточно сил, чтобы ответить наступлением. Мои предположения, что на юге творятся большие дела, оправдываются. Теперь надо ждать результатов предпринятого движения; они могут быть очень большими, но могут и сорваться. Если Деникин добьется продвижения к Москве, хотя

бы до Брянска, Орла и Ельца, то тогда опасность для Москвы будет обрисовываться более определенно. Но в данный момент я еще не усматриваю начала Московской операции; я думаю, что сделать все одним ударом было бы очень трудно. Однако первый результат уже сказался: все повеселели; даже телефонные разговоры из Москвы обнаружили веселое состояние обывателя. Возможно, что они располагают кое-какими дополнительными сведениями, но возможно и то, что достаточно было газетных известий, чтоб привести москвичей в радужное состояние: новый признак необыкновенного легкомыслия и дряблости московского обывателя.

Я набросал несколько слов для характеристики старого Герье, чтоб прочесть их в заседании его памяти, которое непременно будет устроено Историческим обществом. Я думаю, что этот «кальвинистский пастор» был создан, чтоб «требовать» от людей, и потому, несмотря на свои громадные заслуги, он никогда не был популярен. Стоит дивная сентябрьская погода; ходили с Ниной в Лавру и грелись на солнце, как весною; странно подумать, что уже 6-й месяц, как мы водворились в Посаде. Сегодня я отсутствую в Музее контрабандой.

11/24 сентября. Вчера день был кошмарным по сумме полученных впечатлений. Расстреляны Алферов, Астровы, Н. Н. Щепкин и А. А. Волков как шпионы Деникина[13]. Впечатление такое, что подобная участь может в любой день постигнуть каждого из нас. «Они» окончательно озверели, быть может, под влиянием неудач на юге, где оставлены Курск. Льгов, перешли через Сейм и подбираются к Воронежу[14]. Но сегодня газета — пуста. Надо, конечно, ослабить впечатление. Хожу на съезд академических библиотек — Боже, какая скука.

12/25 сентября. Продвижение продолжается. Сегодня, однако, газеты необыкновенно пусты. Видимо, хвастаться нечем. Видел я В. Н. Щепкина, который является единственным ходатаем по делам семьи брата; оказывается, что кроме него расстреляны его два зятя[15]. По его словам, тов. Покровский чувствовал себя неловко, принимая его по делам, и сначала сказал ему, что он его не узнал. На это В. Н. Щепкин ответил ему, что он, конечно, очень постарел. Общее впечатление, что казни вызвали не терроризацию, а озлобление. На чем основано такое мнение, мне неясно, ибо я конкретных данных по этому поводу не имею. Но какое огромное накопление злобы!

13/26 сентября. Брошена бомба в помещение РКП, иначе, в дом гр. Уваровой, причем убито несколько второстепенных деятелей[16]. Сердце заранее содрогается при мысли о тех репрессиях, какие последуют за этим происшествием. Конечно, это дело левых с.-р.[17], которые таким поступком пожелали нагадить одновременно и *направо* и *налево,* но расплатятся неповинные люди. На фронте их дела плохи. Сегодня означается станция Золотухино, почти под Орлом[18]. Говорят, что уже есть распоряжение об эвакуации Смоленска; что на юге под Орлом у них осталось только 4000 штыков, что туда они бросают несформированные, раздетые и разутые дивизии из-под Алатыря и Ардатова[19], о которых я месяц назад слышал, что солдаты там просят милостыню. Продолжаю ходить на библиотечный съезд, где сегодня пришлось спасать библиотеку консерватории от поползновения одного из отделов «наркомпроса» и отстаивать библиотеки учреждений, которые хотят уплотнять.

14/27 сентября. Путешествие в Сергиево с вечерним поездом, в полной темноте. Кругом разговоры горилл, в общем неприязненные для большевиков, а главная тема — о жидах. Большинство очень хвалило поляков; юдофилом оказался лишь один человек, вернее — один голос из темноты, принадлежавший русскому полуинтеллигенту. У своих я застал настоящую панику, происходившую от слухов об осадном положении, при котором нельзя будет ни въезжать в Москву, ни выезжать из нее. Мне кажется, что до такого момента еще далеко. Погода продолжает быть дивной. Беспокойство увеличивается нервным настроением П. Н. Каптерева и возможностью ареста И. Ф. Огнева, который вчера не вернулся из Москвы; слухи о его аресте привез я, а до меня они дошли в связи с арестом В. Ф. Саводника; 65-летний профессор-гистолог, на что он им нужен[20]. Во время разговора в вагоне я услыхал о таком разделении коммунистов: 1) материалисты или сволочь и [2] «священные» — которые «только и думают соблюсти свою идею». Возможно, что такое разделение возникло в среде самих коммунистов. Чувствуется, что мы подходим к настоящему кризису.

15/28 сентября. Очень хорошая сводка — Малоархангельск, Нижнедевицк — таковы характерные пункты[21]. Война перешла в Великороссию самым решительным образом. Известий из Москвы нет. Сегодня похороны жертв бомбы[22]. Было бы все-таки интересно знать, кому пришло в голову ее бросить так не вовремя. Целое утро происходила мена; бурку на картофель, башмаки на масло; продавалась ротонда на деньги, и на деньги покупалась мука. Пара туфель оценивается 1500 рублей! «Да ведают потомки православных»!..

16/29 сентября. День с малым количеством известий. Последний из утренних поездов не пошел, т. к., говорят, произошло где-то повреждение пути. Теперь это — обычное явление. Погода по-прежнему великолепная. Стараюсь сегодня воспользоваться свободным днем, чтобы хорошо поработать.

17/30 сентября. В прошлую пятницу погиб дядя жены, Д. К. Александров-Дольник. Он был арестован 3 недели назад, вместе с другими нотариусами, подозреваемыми, что кто-[то] из них из-под большевиков продал Метрополь. Когда за него стали хлопотать, то в ЧК сказали: «Вы не знаете, за кого хлопочете — ведь это царский прокурор».

В четверг 12/25 была брошена бомба в дом гр. Уваровой; в пятницу в 8 часов вечера его из Бутырок отправили в ЧК на Лубянку, где он был в тот же вечер расстрелян «по постановлению трех», как бывший прокурор. По рассказам одного из нотариусов, сидевших с ним в Бутырках и освобожденных после его увоза, он очень волновался, узнав в пятницу о расстреле Алферовых и К⁰, и о взрыве: он уже видел себя следующей возможной и подходящей жертвой, тем более, что его товарищей освобождали, а его нет. О последних минутах его мы ничего не знаем. Вероятно, тело его свалили на Калитниковское кладбище[23], куда обычно сваливают жертв террора. Вчера обо всем этом очень просто сказали Надежде Васильевне, узнавшей о его переводе на Лубянку и добивавшейся передать ему пищу. Вечером была очень простая, но потрясающая по существу панихида. Он погиб одной из жертв новой вспышки красного террора. Пострадав от Щегловитова 12 лет назад[24], он теперь пострадал от революционеров — такова участь людей благомыслящей середины в той ужасающей склоке, которая зовется русской революцией.

Мы были с ним в хороших отношениях, несмотря на его несколько тяжелый, себялюбивый характер. Это был честный человек и честный деятель, с широким юридическим умом. Если бы старый порядок окружал себя такими людьми и действовал через них, то Россия имела бы другую судьбу. Царство ему небесное!

История с проф. И. Ф. Огневым оказалась в сущности трагикомедией; он попал в засаду, вслед за своей прислугой, отправившейся искать углей в квартиру родственников Алферовых. Огнева пошли искать другие, и таким образом бабка за дедку, дедка за репку — в засаду попали человек 12—15, в том числе служащие Румянцевского Музея, Саводник и Усова, живущие в том же доме. Я рад за бедного старика, который отделался двухдневным недоеданием.

По отношению к Университету Комиссариат Народного просвещения преследует какую-то определенную политику сделать занятия невозможными: нас, кажется, стесняют временем от 4 до 6 вечера — остальные помещения нужны для «рабочего факультета»[25]. Сводка по-прежнему указывает на продвижение внутрь Совдепии по всем направлениям, кроме северного.

21 сентября/4 октября. Я вернулся в Посад всего через четыре дня, а мне кажется, что прошла целая вечность. Причина — трагическая смерть Д. К. Едучи вчера, я долго думал о том, как это примет Нина и не повлияет ли на восприятие ею грустной вести ее теперешняя болезнь. Но записка моя, которую она получила вчера, объяснила ей уже все; она поняла и приняла весть так же, как и все мы, со спокойным ужасом. Я стараюсь определить сущность данного момента; он, конечно, серьезнее, чем год назад, когда вспышка «красного террора» была последствием покушения на Ленина. Натиск извне усилился: они сами сознают, что наступают решительные дни. Говорят, они решили не эвакуировать Москву, а защищаться здесь. Все это может создать особенно тяжелые моменты — моменты смертельной опасности, дикого произвола, ужасающей жестокости. Мы все более и более приближаемся к положению Парижа в мае 1871; но тогда это был один Париж, а теперь мы все еще в середине очень большой территории, из которой нет никакого выхода на волю. Остающимся в этой территории предстоит пережить все возможные ужасы, прежде чем трагедия придет к своему логическому концу, и остатки России примут нормальный облик, и старуха — русская интеллигенция с разбитым корытом мессианизма — должна будет приняться за починку своей разгромленной избы.

Вчера мне пришлось быть у тов. Рязанова, с ходатайством о Лизе Рар; он был очень милостив и даже запросил сведения о ее муже[26]. Я не знаю, что заставляет его идти навстречу таким ходатайствам — природная отзывчивость или желание перекинуть мост? В последние дни разнесся сенсационный слух, что большевики хотят закрыть все занятия в высших учебных заведениях, за исключением медицинских факультетов. Это, конечно, жест отчаяния (или глупости?), но, может быть, было бы даже лучше, если бы и не ломать глупой комедии занятий, когда нет ни слушателей, ни даже помещений: лучшую аудиторию в Университете, помещение историко-филологического факультета, большевики захватили под «рабочий» факультет — ведь надо же выдумать такое глупое название — и будут там, вероятно, читать свою «карлу-марлу». Мы же должны читать в помещении юридического факультета или на курсах Полторацкой. Некоторые историки склоняются в пользу последнего помещения; я же решил остаться в Университете и добровольно из него не уходить.

Возвращаясь к убийствам последних дней, я думаю, что в них имеют значение старые личные счеты: в этом меня убедила статья в «Известиях ВЦИКа» от 3-го октября, под заглавием «Сашка-каторга». Это инсинуации против А. А. Волкова, исходящие из среды, близкой к земству Ярославской губернии[27]. Вероятно, автор ее или подобные ему не были чужды смерти Волкова. Возможно, что старые личные счеты сыграли роль и в смерти Д. К. Донос царствует более, чем когда-либо.

Масло стоит уже 500 рублей, а мука 3300. Вчера они пропечатали в газетах телеграмму Ленина, призывающую к доставке хлеба в города. Тщетные иллюзии, ибо все, что осталось, занято перевозкой войск, а хлеб уже и возить неоткуда. Остались только линии Москва — Нижний и Москва — Арзамас — Казань. Все остальные имеют уже значение чисто военных дорог. Отсюда забота добывать муку во что бы то ни стало.

23 сентября/6 октября. Весь воскресный день прошел в мене вещей. Мы запасли 5 мешков картофеля, около 2 пудов пшена и теперь остается запасти муки, что, кажется, труднее всего. Кольцо суживается, и надо предвидеть время, когда придется испытывать настоящий голод. Нина занята приготовлениями на зиму — самыми элементарными и неожиданными, вроде сушки репы — все это вопросы жизни, вытекающие из современного момента. К счастью, ее силы несколько поднялись и состояние улучшилось. Два вечера я сам чистил и резал репу. В девять часов я заваливаюсь спать и сплю 11 часов; быть может, это результат общей слабости, быть может — следствие потрясающих впечатлений прошлой недели. Вчерашняя сводка благоприятна для белых; красные признают потерю Ливен и Дмитриева (Курской губернии) и движение Деникина наперерез линии Гомель — Брянск. Таким образом Деникин, видимо, не столь углубляет свой прорыв, сколько расширяет его на запад, чтоб отрезать большевиков, оставшихся на Украйне и на востоке, чтоб отрезать части красной армии, действующие на границе Донской области к югу от линии Грязи — Царицын[28].

Передают новую фазу в вопросе о закрытии занятий в Университете: будто бы слушатель Университета Шанявского Канделаки [?], поддерживаемый гнусом Покровским, предлагает закрыть филологический факультет как контрреволюционный. П. Н. К[аптерев] передавал, что вопрос будет решен в понедельник, ни более ни менее как в ЦИКе.

26 сентября / 9 октября. Вновь в Сергиеве, по случаю того, что в Румянцевском Музее морят жуков, которые едят этнографических болванов. Думаю воспользоваться, чтобы побольше поработать. Во вторник я начал занятия в Университете. Пришло 6 слушателей, большей частью старых, уже знакомых. Меня поместили в самую малую из юридических аудиторий, рассчитанную приблизительно на 400 человек, неуютную, похожую на сарай. Для удобства я перенес все занятия на один день — вторник.

Вчера товарищи признались, что потеряли Воронеж. Двигаясь, как сказано в «Известиях», к Усмани, а по слухам уже от Грязей к Козлову, белые отрезают красную армию, находящуюся между Новохоперском и Камышином[29]. Для этого им нужно захватить только Грязи и Козлов, узлы железных дорог. С другой стороны, усиленно говорят о движении в обход Орла и наперерез линии Брянск — Калуга[30]. Слухи очень согласны между собой, невзирая идут ли от простых обывателей или от коммунистов.

В соответствии с этим, в Москве настроение, я бы сказал, недурное, несмотря на необычайную местную тревожность. В частности, в последние дни были обыски в Университете и в Высших Женских Курсах, и ЧК что-то нюхала в Историческом Музее. Это создало паническое настроение и в Румянцевском Музее; пришлось часть вынести, частью переложить похоронки. На это ушло вчера все утро и часть дня. Еще оригинальная черточка: гр. П. С. Шереметев говорил мне вчера, что в его беседе с тов. Рязановым относительно 2 убитых его зятьев (они были убиты вместе с Д. К.), Гудовича и Сабурова, Гольдендах его спросил: «Гудович — граф?» и на утвердительный ответ заметил, сочувствуя Шереметеву и, по-видимому, сам возмущаясь порядками: «Этого совершенно достаточно!» Т. е. достаточно иметь титул, чтоб погибнуть[31].

27 сентября / 10 октября. Тихий день. Известий из Москвы пока нет. Работал над своим «Смутным временем», отделывая его с редакционной стороны. Сегодня на базаре 10 яиц стоили 200 рублей, масло, которого было очень много, — 520 рублей фунт.

29 сентября / 12 октября. Из Москвы П. Н. К[аптерев] привез массу хороших вестей; не знаешь только, верить ли всему этому. Все же, по-видимому, обрисовывается движение на Тулу, может быть даже в обход Орла. Затем дрогнула большевистская армия на Дону[32], это

— то известие, которое переполошило большевиков и заставило снять с очереди вопрос об историко-филологическом факультете. Много указаний на их растерянность. Цены скачут еще более усиленным ходом: сегодня здесь яйца 200 рублей, молоко 210 рублей, мясо 560.

1/14 октября. Вчера и сегодня приготовления к переезду в Москву. Устраиваем свое здешнее жилье на зимний лад и, хоть и очень мало тащить с собой, а все-таки накапливается не мало. На этих днях обрисовалось здесь новое большое дело: Румянцевский Музей должен взять под свое покровительство библиотеку Духовной Академии. Это надо сделать во имя будущего[33]. Для меня это искомый легальный титул для приездов сюда. Живя здесь, теряешь последние полуреальные представления о действительности. С одной стороны, смутные благоприятные слухи доходят и сюда; с другой, газеты маловыразительны и глухи. Точно они все хотят замолчать.

5/18 октября. Я не мог записывать в Москве, так как опасался это делать, не зная, куда мне прятать свои записи. За неделю изменилось очень многое. Обнаружился громадный натиск на Петербург, такой, какого не было никогда раньше. Сегодня большевики сознаются, что потеряли Красное Село[34], и статья Троцкого в «Известиях» указывает на возможность боя на улицах. Словом, Петербург может ускользнуть из-под власти большевиков. На юге дело также обстоит благополучно; продвижение за Орел, по слухам даже за Мценск, хотя последнее требует проверки; очень быстро большевики отступают между Воронежем и Волгой. Зато минусом надо считать набег большевиков на Киев; они хвастаются, что они его заняли, хотя общее впечатление таково, что в их сообщениях, очень кратких и неясных, что-то не то. В лучшем случае, это именно не более, как налет[35]; так, по крайней мере, думает большинство.

Впервые на этой неделе заговорили о том, что может произойти в Москве, если сюда дойдет Деникин. Гадают о том, будут ли большевики защищаться в самой Москве или удерут из нее заблаговременно. Пока мнения расходятся — сторонников и того, и другого, кажется, одинаковое число. Много говорят и о грядущей тактике Деникина — пойдет ли он в лоб на Тулу или будет обходить Тулу и Оку (древний «берег») через Калугу. Пока можно отметить только желание большевиков сдержать его посредством нажимов на фланги у Графской [36] — Усмани и от Киева до Брянска.

Я не видел Ленина и не был на Сухаревке; как будто приходится торопиться, но полагаю, что исполню только второе и увижу только одно из двух остающихся мне неизвестными великих проявлений русской революции. Выпустили из Бутырок нашу Е. Б. Юрьеву; она вышла из тюрьмы, видимо, потрясенная тем, что там перечувствовала. Я узнал от П. Н. К. подробности о том, как возят обреченных. Их вызывают для отправки «по городу с вещами»; последние переходят убийцам. Вызывают обыкновенно после 4 часов дня и до позднего вечера; и это время — самое тревожное в тюрьме. Из лиц сколько-нибудь заметных убит один из русских социалистующих — Волк-Карачевский[37].

Я сдал рукопись «Смутного времени»; мне сказано, что на ее печатание «получено разрешение»; я, однако, думаю, что ее внутренний дух слишком противен теперешним веяниям и что лучше будет ее печатать позднее[38]. Еще одна заметка: вопрос о дровах для Румянцевского Музея зависит от того, будет ли грузчикам (грузить должны со станции Берендеево Ярославской железной дороги[39]) доставлено некоторое, и притом сравнительно небольшое, количество табаку, соли, спичек и папирос. Вот от чего зависит благополучие или, вернее, возможность функционирования Музея и публичной библиотеки. В Сергиев Посад мы приехали опять, чтобы менять разные вещи. К желанию освободиться от всего лишнего прибавляется еще боязнь, что дом наш не уцелеет, если сражение будет происходить на территории самой Москвы.

7/20 октября. Известия двоякие: с одной стороны, большевики хвастаются, что взяли Фастов[40], перешли в наступление против Орла и Воронежа и отбили обратно Гатчину. С другой — потеряны Красное Село и Гатчина, и войска отводятся на линию Петербургско-Витебской железной дороги, потерян Новосиль и понесено поражение под Царицыном. Кроме того, билеты по Николаевской железной дороге выдаются только до Малой Вишеры[41]. Сегодня я принимал в опеку Румянцевского Музея библиотеку Московской Духовной Академии; прекрасная библиотека и в полном порядке. Будет приятно способствовать спасению этого книжного сокровища.

12/25 октября. Вся эта неделя, безразличная в житейском отношении, была очень тяжела в отношении дел общих. Взяты обратно Орел, кажется, Воронеж[42], и произошла большая заминка перед Петроградом, который не взят, хотя все настроились уже на то, что он должен пасть. Что является действительной причиной всего этого, мы не знаем, но впечатление этих фактов на обывательское чувство, которое только что окрылилось надеждами, — удручающее. Несомненно и то, что в «их» сообщениях есть, как всегда, ложь, но опять-таки учесть количество лжи и отделить ложь от правды — невозможно, и в этом вторая причина мрачных настроений. Все же предстоит мучительный вопрос — неужели и на этот раз сорвалось? Неужели теперь они выскочат из дыры, в которой они, как нам казалось, уже сидели? Ослабевают ли те? или опять найдут в себе силы? — Вот мучительные вопросы, которые стучатся неотступно в голову. Во всяком случае происходит новая заминка, новая оттяжка против оптимистических ожиданий той недели или даже нескольких предшествующих недель.

Мучительно хочется из этой ужасной страны, которая быстро приходит в состояние полного первобытного варварства, и чувствуешь, что все желания напрасны, что мы сидим в самой ужасающей и самой мрачной тюрьме. Здоровье Нины меня также беспокоит до последней степени: приближается зима, а все наши надежды на летнюю поправку оказались тщетными, и зима для нее настает при еще более ослабленном организме. Из этого адского круга мыслей нет выхода.

13/26 октября. Все утро лезли черные мысли о голоде и о здоровье Нины и о том, что все, что нас окружает, бесконечно и неисходно. Утром ездил смотреть Вифанскую библиотеку — хорошее собрание до 10 000 томов, в основе которого лежат библиотеки Платона, Филарета и Макария[43]. Видел разрушенную церковь Вифанской семинарии — большая и грязная зала и в ней солея, которая служит или может служить эстрадой.

14/27 октября. Выясняется, что никогда еще не было такой разницы между тем, что сообщается, и тем, что происходит в действительности. Приехал из Сергиева в обстановке, в какой я никогда еще не ездил. Поезд набит в 5 раз против нормы. Я только в половине пути мог войти в вагон. Все пассажиры везли мешки с картошкой; плата была 600 рублей мера (яйца — 230, мясо — 650). Настроение добродушное, но чувствуется озлобление и утомление. Сегодня открыли Музей. Я рад, потому что это позволяет видеть много людей и заполняет время.

19 октября / 1 ноября. От записей дома приходится отказаться. Это слишком опасно. Я давно не был в таком подавленном состоянии, как эти дни. Петербургская авантюра лопнула, если не совсем, то надолго. На юге началось отступление Деникина из-под Орла, Ельца и Кром[44]. В чем дело, понять нельзя; достоверных сведений нет. Но все очень похоже на первые дни отступления Колчака: удар в центр, отступление в центре и некоторое время устойчивость на флангах. Я очень был бы рад, если бы я ошибался, но боюсь, что это именно так. Оптимистов много и сейчас; они продолжают на что-то надеяться, а у меня кошки скребут на сердце. Возможно, конечно, что и с моей стороны дело объясняется нервами. Дай Бог! Как бы то ни было, я думаю, что мы засели с большевиками на 3-ю зиму.

Мое уже угнетенное настроение усиливается, во-первых, тем, что дом наш не топят. За Музеем закреплено до 350 вагонов дров, но эти дрова в Берендееве Северной дороги, а железные дороги реквизируют все дрова, которые поступают в Москву и, по слухам, направляют их на дороги, ведущие на юг от Москвы, которые не имеют ни полена своих дров. У нас еще не отбирали дров, но есть большая опасность, что это произойдет. Между тем, в квартире 7° и мозги начинают стучаться о стенки черепа от холода. Другая, точнее — третья, причина моей подавленности — здоровье Нины. Оно не хуже, но перспектива для нее такой зимы, как та, которая нам угрожает, приводит меня в ужас. Наконец, вопрос голода становится настолько острым, что думаешь, что сколько вещей ни распродавай, все равно денег не хватит, и когда все распродастся, то придется складывать оружие и беспомощно опускать руки.

Из области курьезов: в мемуарах Тихомирова, которые он закончил мне читать незадолго до моего отъезда из Сергиева Посада, кн. Львов назван «политически глухонемым». Блестящее и верное определение. Н. А. Бердяев подал заявление о продлении его охранной грамоты на библиотеку[45]. М. Н. Покровский положил резолюцию: «Препятствий не имею»; но, по слухам, Бердяев находится на Украине. Такова осведомленность о служащих в Комиссариате Просвещения.

22 октября / 4 ноября. Победы красной армии по всей линии. Состояние дома без перемен. Холод невозможный. Продажа вещей идет полным ходом. Я перестаю читать газеты и решаю предоставить все на волю — не знаю чью. Более, чем когда-либо, я боюсь, что небольшую группу русских цивилизованных людей бросят на произвол судьбы и оставят дохнуть в стране, где цивилизации подписан смертный приговор. Остается добиваться одного — выпуска за границу. Если доживет кто-нибудь до этого момента, да будет ему благо. Но — увы — кто из нас доживет до весны?

23 октября / 5 ноября. Хлеб поднялся до 150 рублей. Везде все отнимают; газет я не читаю, потому что они скверны. Здоровье жены ухудшается. Железные дороги останавлива-

— то известие, которое переполошило большевиков и заставило снять с очереди вопрос об историко-филологическом факультете. Много указаний на их растерянность. Цены скачут еще более усиленным ходом: сегодня здесь яйца 200 рублей, молоко 210 рублей, мясо 560.

1/14 октября. Вчера и сегодня приготовления к переезду в Москву. Устраиваем свое здешнее жилье на зимний лад и, хоть и очень мало тащить с собой, а все-таки накапливается не мало. На этих днях обрисовалось здесь новое большое дело: Румянцевский Музей должен взять под свое покровительство библиотеку Духовной Академии. Это надо сделать во имя будущего[33]. Для меня это искомый легальный титул для приездов сюда. Живя здесь, теряешь последние полуреальные представления о действительности. С одной стороны, смутные благоприятные слухи доходят и сюда; с другой, газеты маловыразительны и глухи. Точно они все хотят замолчать.

5/18 октября. Я не мог записывать в Москве, так как опасался это делать, не зная, куда мне прятать свои записи. За неделю изменилось очень многое. Обнаружился громадный натиск на Петербург, такой, какого не было никогда раньше. Сегодня большевики сознаются, что потеряли Красное Село[34], и статья Троцкого в «Известиях» указывает на возможность боя на улицах. Словом, Петербург может ускользнуть из-под власти большевиков. На юге дело также обстоит благополучно; продвижение за Орел, по слухам даже за Мценск, хотя последнее требует проверки; очень быстро большевики отступают между Воронежем и Волгой. Зато минусом надо считать набег большевиков на Киев; они хвастаются, что они его заняли, хотя общее впечатление таково, что в их сообщениях, очень кратких и неясных, что-то не то. В лучшем случае, это именно не более, как налет[35]; так, по крайней мере, думает большинство.

Впервые на этой неделе заговорили о том, что может произойти в Москве, если сюда дойдет Деникин. Гадают о том, будут ли большевики защищаться в самой Москве или удерут из нее заблаговременно. Пока мнения расходятся — сторонников и того, и другого, кажется, одинаковое число. Много говорят и о грядущей тактике Деникина — пойдет ли он в лоб на Тулу или будет обходить Тулу и Оку (древний «берег») через Калугу. Пока можно отметить только желание большевиков сдержать его посредством нажимов на фланги у Графской [36] — Усмани и от Киева до Брянска.

Я не видел Ленина и не был на Сухаревке; как будто приходится торопиться, но полагаю, что исполню только второе и увижу только одно из двух остающихся мне неизвестными великих проявлений русской революции. Выпустили из Бутырок нашу Е. Б. Юрьеву; она вышла из тюрьмы, видимо, потрясенная тем, что там перечувствовала. Я узнал от П. Н. К. подробности о том, как возят обреченных. Их вызывают для отправки «по городу с вещами»; последние переходят убийцам. Вызывают обыкновенно после 4 часов дня и до позднего вечера; и это время — самое тревожное в тюрьме. Из лиц сколько-нибудь заметных убит один из русских социалистующих — Волк-Карачевский[37].

Я сдал рукопись «Смутного времени»; мне сказано, что на ее печатание «получено разрешение»; я, однако, думаю, что ее внутренний дух слишком противен теперешним веяниям и что лучше будет ее печатать позднее[38]. Еще одна заметка: вопрос о дровах для Румянцевского Музея зависит от того, будет ли грузчикам (грузить должны со станции Берендеево Ярославской железной дороги[39]) доставлено некоторое, и притом сравнительно небольшое, количество табаку, соли, спичек и папирос. Вот от чего зависит благополучие или, вернее, возможность функционирования Музея и публичной библиотеки. В Сергиев Посад мы приехали опять, чтобы менять разные вещи. К желанию освободиться от всего лишнего прибавляется еще боязнь, что дом наш не уцелеет, если сражение будет происходить на территории самой Москвы.

7/20 октября. Известия двоякие: с одной стороны, большевики хвастаются, что взяли Фастов[40], перешли в наступление против Орла и Воронежа и отбили обратно Гатчину. С другой — потеряны Красное Село и Гатчина, и войска отводятся на линию Петербургско-Витебской железной дороги, потерян Новосиль и понесено поражение под Царицыном. Кроме того, билеты по Николаевской железной дороге выдаются только до Малой Вишеры[41]. Сегодня я принимал в опеку Румянцевского Музея библиотеку Московской Духовной Академии; прекрасная библиотека и в полном порядке. Будет приятно способствовать спасению этого книжного сокровища.

12/25 октября. Вся эта неделя, безразличная в житейском отношении, была очень тяжела в отношении дел общих. Взяты обратно Орел, кажется, Воронеж[42], и произошла большая заминка перед Петроградом, который не взят, хотя все настроились уже на то, что он должен пасть. Что является действительной причиной всего этого, мы не знаем, но впечатление этих фактов на обывательское чувство, которое только что окрылилось надеждами, — удручающее. Несомненно и то, что в «их» сообщениях есть, как всегда, ложь, но опять-таки учесть количество лжи и отделить ложь от правды — невозможно, и в этом вторая причина мрачных настроений. Все же предстоит мучительный вопрос — неужели и на этот раз сорвалось? Неужели теперь они выскочат из дыры, в которой они, как нам казалось, уже сидели? Ослабевают ли те? или опять найдут в себе силы? — Вот мучительные вопросы, которые стучатся неотступно в голову. Во всяком случае происходит новая заминка, новая оттяжка против оптимистических ожиданий той недели или даже нескольких предшествующих недель.

Мучительно хочется из этой ужасной страны, которая быстро приходит в состояние полного первобытного варварства, и чувствуешь, что все желания напрасны, что мы сидим в самой ужасающей и самой мрачной тюрьме. Здоровье Нины меня также беспокоит до последней степени: приближается зима, а все наши надежды на летнюю поправку оказались тщетными, и зима для нее настает при еще более ослабленном организме. Из этого адского круга мыслей нет выхода.

13/26 октября. Все утро лезли черные мысли о голоде и о здоровье Нины и о том, что все, что нас окружает, бесконечно и неисходно. Утром ездил смотреть Вифанскую библиотеку — хорошее собрание до 10 000 томов, в основе которого лежат библиотеки Платона, Филарета и Макария[43]. Видел разрушенную церковь Вифанской семинарии — большая и грязная зала и в ней солея, которая служит или может служить эстрадой.

14/27 октября. Выясняется, что никогда еще не было такой разницы между тем, что сообщается, и тем, что происходит в действительности. Приехал из Сергиева в обстановке, в какой я никогда еще не ездил. Поезд набит в 5 раз против нормы. Я только в половине пути мог войти в вагон. Все пассажиры везли мешки с картошкой; плата была 600 рублей мера (яйца — 230, мясо — 650). Настроение добродушное, но чувствуется озлобление и утомление. Сегодня открыли Музей. Я рад, потому что это позволяет видеть много людей и заполняет время.

19 октября / 1 ноября. От записей дома приходится отказаться. Это слишком опасно. Я давно не был в таком подавленном состоянии, как эти дни. Петербургская авантюра лопнула, если не совсем, то надолго. На юге началось отступление Деникина из-под Орла, Ельца и Кром[44]. В чем дело, понять нельзя; достоверных сведений нет. Но все очень похоже на первые дни отступления Колчака: удар в центр, отступление в центре и некоторое время устойчивость на флангах. Я очень был бы рад, если бы я ошибался, но боюсь, что это именно так. Оптимистов много и сейчас; они продолжают на что-то надеяться, а у меня кошки скребут на сердце. Возможно, конечно, что и с моей стороны дело объясняется нервами. Дай Бог! Как бы то ни было, я думаю, что мы засели с большевиками на 3-ю зиму.

Мое уже угнетенное настроение усиливается, во-первых, тем, что дом наш не топят. За Музеем закреплено до 350 вагонов дров, но эти дрова в Берендееве Северной дороги, а железные дороги реквизируют все дрова, которые поступают в Москву и, по слухам, направляют их на дороги, ведущие на юг от Москвы, которые не имеют ни полена своих дров. У нас еще не отбирали дров, но есть большая опасность, что это произойдет. Между тем, в квартире 7° и мозги начинают стучаться о стенки черепа от холода. Другая, точнее — третья, причина моей подавленности — здоровье Нины. Оно не хуже, но перспектива для нее такой зимы, как та, которая нам угрожает, приводит меня в ужас. Наконец, вопрос голода становится настолько острым, что думаешь, что сколько вещей ни распродавай, все равно денег не хватит, и когда все распродастся, то придется складывать оружие и беспомощно опускать руки.

Из области курьезов: в мемуарах Тихомирова, которые он закончил мне читать незадолго до моего отъезда из Сергиева Посада, кн. Львов назван «политически глухонемым». Блестящее и верное определение. Н. А. Бердяев подал заявление о продлении его охранной грамоты на библиотеку[45]. М. Н. Покровский положил резолюцию: «Препятствий не имею»; но, по слухам, Бердяев находится на Украине. Такова осведомленность о служащих в Комиссариате Просвещения.

22 октября / 4 ноября. Победы красной армии по всей линии. Состояние дома без перемен. Холод невозможный. Продажа вещей идет полным ходом. Я перестаю читать газеты и решаю предоставить все на волю — не знаю чью. Более, чем когда-либо, я боюсь, что небольшую группу русских цивилизованных людей бросят на произвол судьбы и оставят дохнуть в стране, где цивилизации подписан смертный приговор. Остается добиваться одного — выпуска за границу. Если доживет кто-нибудь до этого момента, да будет ему благо. Но — увы — кто из нас доживет до весны?

23 октября / 5 ноября. Хлеб поднялся до 150 рублей. Везде все отнимают; газет я не читаю, потому что они скверны. Здоровье жены ухудшается. Железные дороги останавлива-

ются. Возникает призрак голодной смерти. А. И. Я[ковлев] передавал сейчас, что некоторые шишки в комиссариате открыто сознают, что все прогорело, но добавляют: «Но...» Из-за этого «но» мы все погибаем.

26 октября / 8 ноября. The rest is silence[46]. Так можно определить мое миросозерцание последних дней. Мрак без просвета. Остается ждать, что будет, не строя никаких планов и расчетов. Вчерашние празднества были много скромнее, чем в прошлом году. Никаких выдач обывателям, кроме полфунта белого хлеба детям. Завтраки в школах много тощее, чем в прошлом году. Все, что было, выдавалось красноармейцам. Манифестаций я не видал, но местами они были жидки, местами на них сгоняли принудительно. Такими средствами набирались толпы манифестантов, которые вместе с войсками составляли в нужных местах достаточное количество людей. Я начинаю думать, что нас оставят гнить в блокаде неопределенное время, в течение которого вымрут 4/5 цивилизованных русских людей, оставшихся в большевицком плену. В конце концов, бывшая Россия все-таки, как спелый плод, упадет в объятия международного капитала.

28 октября / 10 ноября. Положение все то же. Устроил Нину в санаторию; ехать 20-го; начинаю бояться, будет ли это достаточно. Здоровье ее беспокоит меня бесконечно. Единственные думы: прокормиться, подлечить жену и протерпеть до весны. Скучно, пошло, гадко. Жизнь и деятельность замирают почти везде. Сегодня смотрел на Архив Иностранных Дел и на наш Музей — глаза бы не смотрели. В старое здание Университета переводят тифозный госпиталь; еще новый способ убить Московский Университет.

31 октября / 13 ноября. Вопрос о продовольствии заслоняет все остальное, кроме вопроса о топливе. Сущность дела заключается в том, что большевики, не имея никаких запасов, решают закрыть все учреждения, думая этим сэкономить топливо для железных дорог, для которых у них нет дров. Движение замирает даже на железных дорогах. Вследствие этого мы сидим без дров, как в Музее, так и в Университете, и, наконец, дома. Единственно, когда себя чувствуешь прилично, это сидя вечером дома в одной комнате, которую отапливаем при помощи железной печурки. Тогда горе и заботы временно отходят на задний план, и их как будто забываешь, но утром они вновь овладевают с большей силой.

1/14 ноября. Получил копию интересного документа, который здесь прилагаю[47]. Факт налицо, этот парх куда-то едет, но остается совсем не ясным — зачем. Сумма частных сведений такова, что на юге никто не сражается[48]. Перефразируя сообщения их же печати, очумевшие московские обыватели вышивают по ним, как по канве, и брешут о всяких переговорах с Антантой и о т. п. глупостях. Факт остается фактом, положение безвыходно; мука стоит 6—7 тысяч, мясо 150 рублей, яйца 330 рублей десяток. Купив вчера 10 яиц и 4 фунта мыла, мы истратили 1000. Говорят, что закрываются лекции на всех гуманитарных факультетах; пока только на время, до весны, с сохранением содержания. Интересно, как все это будет завтра.

4/17 ноября. На нас ополчается само небо. Сегодня с утра метель и вьюга, как в добром феврале. Можно себе представить, как это должно отразиться на состоянии железных дорог, а следовательно, и на нашем продовольствии. Хорошо бы, если эта разруха отозвалась бы и на большевиках; но в данном случае — их агония есть и наша агония. В нашей квартире 0°. Мы переселились к теще; поэтому всякое подобие дома разрушено. Живешь на торчке, не зная, где преклонить голову. В будущем приходится рассчитывать на путь эволюции. Кто выживет и дождется его результатов, не знаю. Если дело пойдет эволюцией, то это пахнет годами такого смешения доктринерства с пугачевщиной, которого не выдержит ни одна живая душа. Смешение это есть именно главная сущность русской революции — ее Saft und Kraft[49]; оно и есть залог гибели всего живого в России. Существование в Москве измеряется только теми печурками, которые поставлены в некоторых комнатах: это быт эскимосов или самоедов. Мелкий штрих: есть в Румянцевском Музее предложение купить дрова по спекулятивной цене у лица, которое состоит и спекулянтом и членом ЧК Виндавской железной дороги. Типично для русской революции.

5/18 ноября. Псевдоголландцы, засевшие в доме тетки Е. А., стали после ее ареста принимать участие в грабеже дома и вчера, по рассказам, напились остатками ее вина. Картина, достойная великой русской революции, которая есть не что иное, как один сплошной грабеж. Слышал еще, как грабили дом в Кунцеве[50] и дом гр. Уваровой в Карачарове: там крестьяне-коммунисты резали на куски персидские ковры и делили их между собою. Такая же грабиловка начинается в доме тетки. По ее же делам я был вчера у главного деятеля так называемого политического Красного Креста, присяжного поверенного Н. К. Муравьева, у которого также в прошлом рыльце в революционном пушку[51]. Сухой и представительный, седеющий блондин лет 50-ти; вежливый и знающий себе цену; принимал меня, греясь у железной печки

в хорошо меблированной комнате, где я видел много прекрасного фарфора, убранного в большом шкафу. Он занимает небольшой, но симпатичный особняк, который, очевидно, не трогают.

10/23 ноября. Я вернулся из четырехдневного странствования: 19-го вечером мы с Ниной выехали из Мертвого переулка на санях, любезно нам предоставленных от главного начальника высших учебных заведений (!)[52]. Это было настоящее катание, притом приятное, по первопутью, напоминавшее старые времена, если бы только мы не ехали по совершенно темным улицам. Утром мы двинулись далее в Щелково. Там не оказалось лошадей из санатории и пришлось требовать их по телефону. В России ничего не может произойти без особого беспорядка! Чтобы поспеть вовремя в Москву, я, не дожидаясь лошадей, отправился в Гребнево, т. е. в санаторию, пешком, но по дороге меня подвез добрый поселянин, возвращавшийся, исполнив повинность привоза дров на совдеп. В разговоре он сильно ругал товарищей.

Санаторий расположен в Гребневском палаццо, когда-то виденном мною при проезде из Пушкина в Берлюковскую пустынь. Какой размах! Какая красота давно прошедшей и погибшей жизни! Санаторий произвел на меня хорошее впечатление. Погуляв и побеседовав с доктором Гриневским и с М. М. Богословским, который там лечится, я отправился пешком обратно и версты за полторы от санатория встретил Нину, которая, видимо, устала от несколько затянувшегося путешествия. По дороге наиболее интересное место — Щелковский фабричный поселок, где все вывески красные; видимо, все в руках совдепщиков, а фабрики (Рабенека, Четверикова) безвозвратно стоят[53]. Накануне было сожжено здание продовольственного склада, для того чтобы спрятать концы хищения в воду.

21 и 22 я провел в Сергиевом Посаде и, несмотря на тамошние передряги, я, как всегда, чувствовал там какое-то душевное облегчение. Мои подопечные библиотеки я нашел в порядке. Уладилось и дело Лавры: ее восстановили, но только с 43 монахами в качестве сторожей. По словам председателя Комиссии охраны, гр. Ю. А. Олсуфьева[54], это — лучшие монахи. Если это так, то Лавра ничего не проиграла. Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Троицкий Собор и т. п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры. Между прочим, он рассказал мне, что во время переговоров с совдепом из уст председателя оного, чухонца из военных писарей, Ванланена[55] вылетела такая фраза: «Мы вашего дяденьку из гроба выковырнем».

Ходил в первый раз обедать в советскую столовую: грязь неописуемая и везде портреты бога-Маркса и его пророков. За 12 рублей получил тарелку скверного супа из воблы и картофельный рулет. Мои поездки протекли вполне благополучно. В Посад я выехал с опозданием на 1 час, но ехал только 3 часа; 3 часа мы ехали и обратно, несмотря на метель и вьюгу. По современному состоянию железных дорог, это блестяще. Ужасно впечатление от темных вагонов, куда перед Москвой врываются потоки людей, не находящих себе места: это какая-то холодная геенна! Niflheim[56] современной большевизии — ругательства, вопли, просьбы куда-то пройти и потесниться, и все это заглушается криками — «Товарищи!» До ближайших к Москве станций и по мере того, как от нее отъезжаешь, разговоры спокойнее, но все они вертятся вокруг наболевшего вопроса — кто виноват в переживаемом ужасе. Вчера я присматривался к ехавшим в Москву пресловутым курсантам, занимающим Лавру, и слушал как один из них убеждал некую обывательницу Посада, что все идет очень хорошо — типичный социалистующий юноша из русских интеллигентов — рыхлый, глупый, невежественный неофит новой религии социализма.

Об общих делах говорить не приходится. Все идет как нельзя хуже. Я более чем когда-либо, однако, боюсь, что нас оставят гнить в блокаде бесконечно долгое время. Несмотря на все уверения товарищей, что кто-то с ними желает вступить в соглашение, я очень плохо этому верю. Ведь нельзя же победителям мира вступать в соглашение с бандитами, нарушающими элементарные принципы публичного и гражданского права! Да и нет в этом никакой нужды.

12/25 ноября. Положение без всяких перемен. Но от их продвижения нам ни радости, ни героев. У меня чувство, что все потеряно. В квартире — −3°; ночую, ютясь у тещи. Сын лежит в постели, чтоб не простудиться еще больше. Сестра жены, Таня, выходит замуж в комиссариате за двоюродного брата, Алешу Гвоздева, для того, чтоб получить 40 аршин ситца, щедро раздаваемого большевиками всем, кто через их посредство заключает брак. Прилагаю письмо Лизы Рар из тюрьмы: это характерный документ[57].

14/27 ноября. Вчера я читал на архивных курсах. Передо мною сидела пролетарская девица в платочке. Что может она почерпнуть из моих лекций? Получил изданный в Петербурге «Исторический Архив» с хорошими статьями петербургских историков, в том числе

уже покойных Лаппо-Данилевского и Дьяконова. Хорошая книжка, написанная бывшими людьми[58]. Говорят, что архивный диктатор Рязанов недоволен ее слишком старомодным содержанием. Холод по-прежнему царствует в квартире, в Музее, в Университете. Враг, с которым не могут справиться и большевики. Сегодня встретил сапожника Скурятникова, у которого шила обувь вся шикарная Москва; теперь его кормит сапожник, который, вероятно, у него работал — у него пропало все, и они расстреляли его единственного сына.

16/29 ноября. Я почти уверен, что победители мира хотят удушить большевиков теми же приемами, которыми они удушили Германию. Беда лишь в том, что мы сами подохнем вместе с большевиками. Вчера встретил прекрасно одетого старика, несомненно хорошего общества, который просил милостыню.

18 ноября / 1 декабря. Двухдневная поездка в Гребневскую санаторию. Здоровье Нины пока в том же положении. Моя надежда заключается в длительном пребывании ее там, что, может быть, несколько восстановит ее надорванные силы и позволит ей перезимовать. Я сознаю, что это последняя и[ли] одна из последних ставок, и под влиянием этих дум я провел много тревожных часов. Вот еще один из примеров жертв войны и революции. Ее организм не вынес потрясений, нервная система дала трещину, а предрасположение к сахару указало путь к разрушению организма; т. к. темперамент ее не создан для борьбы с болезнью, то и это создавало новые и неблагоприятные условия. И вот результат — она инвалид, а наш дом сметен и обращен в ничто. Сегодня пришло известие сразу о смерти двух старых библиотечных Румянцевских служащих — С. И. Соколова и В. И. Безсонова: грозное предупреждение на зиму; да и вообще для всех нас: ведь это грядущая участь всех нас, кому не удастся бежать из этого ада. Вчера я сделал 9 верст пешком от санатории до железной дороги и 5 верст по Москве с пудом картошки за спиной — итого 14 верст. Это тоже штрих из нашей жизни. Общие дела без перемен. Большевицкие слухи о переговорах, кажется, преувеличены; мрак окружает нас по-прежнему и готовится нас поглотить.

21 ноября / 4 декабря. Вчера — похороны В. И. Безсонова. Я случайно, по забывчивости, прошел в соседнюю приходскую церковь, в конце Остоженки[59]; там хоронили троих, но В. И. между ними не было; я сообразил, что мне надо было идти в церковь Воскресения, рядом, и там нашел двух покойников, в том числе того, кого искал. А что было в соседних других церквах? Неужели то же самое? После убогой службы бедного В. И., в гробу со щелями, положили на простые салазки и поволокли на Ваганьково. Чудесная жанровая картина. Я по-прежнему живу цыганом, т. к. Володя кашляет, и его нельзя еще привести домой. Целыми днями я передвигаюсь, чтобы добыть то одно, то другое — пищу, лекарства — то Нине, то Володе, то на общую потребу, и, в конце концов, так все становится утомительным, что временами падаешь духом. Надо собраться с силами, чтоб сесть и писать что-нибудь, хотя бы для того, чтоб заработать на хлеб — и нет никакой возможности. И так без конца, без просвета, без края. Во вторник, 2-го, ко мне приходили 2 курсистки и 3 студента; я занимался с ними в спальной, как единственной более или менее теплой комнате, причем лекция и семинарий прерывались хлопотами по части топки печурки. Таковы условия преподавания в Московском Университете в 170 году его существования.

Большевики ожидают нападения с запада. Что это будет за нападение, трудно сказать слепым кротам. Все, что было до сих пор, скорее показывает неосновательность походов на РСФСР и особую манеру владык вопить ранее, чем их схватят за горло, чтобы потом, когда минует воображаемая опасность, орать: «Мы непобедимы». Чисто жидовская тактика. Объективный показатель есть только один: квазиделегацию Красного Креста выгнали из Польши и теперь не пускают отсюда поляков, которые собрались было ехать домой. Университет умер; Музей замирает; здоровье Нины не поправляется. Чего остается ждать?

22 ноября / 5 декабря. Сижу без известий о Нине. Не знаю — или Таня не приехала, или же приехала, но ничего не сообщает. Положение без перемен. Слухи о чуме на востоке; тиф, по-видимому, усиливается. Опять разговоры, что поляков выпускают из Москвы. В остальном без перемен. Меня очень занимает, что они хотят сделать с Туркестаном; они обращают на эту страну особое внимание. Для чего? Чтобы сделать его базой похода на Индию или же, чтобы насадить там образцовую коммуну? Во всяком случае, если бы мне предложили туда ехать, я был бы в большом опасении и раздумье.

27 ноября / 10 декабря. В пятницу 5/22 я отправился в мой обычный поход. Я нес до 30 фунтов продовольствия для моей бедной Нины. Я шел вечером на вокзал мимо Театральной площади, которая освещалась кровавым светом надписи 7-го Всероссийского съезда советов, красовавшейся на колоннах Большого театра. Доступ к театру ревниво охраняли те, кто ранее назывались солдатами, в отличных новых тулупах и шубах: рабоче-крестьянское правительство еще резче отмежевалось от народа, чем правительство царское.

Я шел со смутным чувством, потому что Таня не приехала в назначенное время и осталась в санатории. На вокзале у Лели я узнал, что Таня прислала письмо, сообщая, чтоб не беспокоились, что она осталась до моего приезда, чтоб Нине не было скучно. Тем не менее, письмо Тани посеяло мрачные мысли и предчувствия.

Курдюмовы были взволнованы только что происшедшим обыском у их соседа и приятеля Мантейфеля, барона, эмигранта и меньшевика, начальника тяги Северных дорог, которого арестовали и увезли в ВЧК за злостный саботаж, потому что где-то нашли неиспользованный не вполне испорченный паровоз.

Мне пришлось провести ночь в вагоне, где меня любезно приютил приехавший в Москву начальник одного из дальних участков (?). Это был простой вагон 2-го класса, перешедший в его частное владение — как, по его словам, все мягкие вагоны 2-го и 1-го классов. Таково положение дел в РСФСР.

6/23 я совершил беспрепятственно мое путешествие и в 12 часов был в Гребневе, где от М. М. Богословского, которого встретил во дворе, узнал потрясающее известие о том, что моя Нина в безнадежном положении. Болезнь вдруг резко ухудшилась и приходила к своей естественной развязке — «диабетической коме». Все произошло сразу накануне вечером. В 3 часа Нина вдруг стала возбужденно заговариваться, а в 5 часов она уже впала в тот сон, из которого нет возврата. Он продолжался 31 час, и она скончалась в ночь на 7-е в $11^{1}/_{2}$ часов вечера. Никто не ожидал такой развязки. Даже врачи не ждали ее, по крайней мере, так скоро. Утром 7-го Таня уехала в Москву, чтобы предупредить стариков и приготовить Володю.

Я остался на месте, чтобы побыть с ней и подготовить похороны. Мой дорогой друг М. М. Богословский не оставлял меня ни минуты. Какая чуткая, славная душа, какое теплое отзывчивое сердце и какая вместе с тем сдержанность. Все устроилось и быстро, и гладко — и администрация санатория, и местное духовенство были необыкновенно внимательны и предупредительны. Единственное осложнение было в сооружении гроба (это — характерная черта момента), теса не оказалось нигде, и чтоб сделать его, разломали перегородку оранжереи; тем не менее, гроб был все же готов в понедельник утром. В 1 час дня ее перенесли в церковь; в 5 часов была совершена заупокойная всенощная, после чего священник позвал М. М. Богословского и меня пить чай. Моя первая мысль была отказаться, но он приглашал так радушно, что мы пошли, и прекрасно провели время: маленькая комната, жарко натопленная, приветливо пыхтевший самовар, сдобное печенье, мед, кофе с молоком и маслом, старинное радушие — даже на душе как-то отлегло на время. Среди присутствующих были два бывших человека — свиты Е. И. В. г. м. Петрово-Соловово Б. М. и рязанский прокурор В. П. Звонников, уверявшие в один голос, что сколько-нибудь жить можно только вне Москвы.

Вечером приехали Таня, Леля, брат В. Вл., Э. К. Вилькен, Ал. Ал. Гвоздев, Н. В. и Липа Дольник, которых необыкновенно радушно приняли [и] разместили в санатории. 9/26, в мои именины, совершали отпевание и поставили Нину в холодной церкви, чудесной, стильной, светло-белой и голубой, точно преддверие небес, куда переселилась моя праведница, и затем, поблагодарив всех за теплое участие, мы отправились пешком в обратный путь.

Сегодня, 27/10, я обходил разные совдепии и довольно легко получил разрешение на погребение ее в Новодевичьем монастыре. Наш бедный Володя мужественно переживает свое первое великое горе: он многое понимает, но старается сдерживаться и таит скорбь в своей маленькой ребяческой душонке. Задачей нашей будет поддерживать в нем культ матери, которого та так заслуживает. Вот она, безвинная, в медленных муках погибшая жертва зверских аппетитов немцев и неистовств русских революционеров. Исходной точкой болезни были ужасы войны; невозможность изъять Нину из кипящего котла русских безобразий довела ее до рокового конца. Да будут прокляты и прусские юнкеры и русская сволочь вместе с ними.

Я, со своим бедняжкой мальчиком, — настоящая épave[60] житейского моря. Построить вновь здание своего благополучия я не сумею и не захочу; сумею ли я сделать то единственное дело, которое мне предстоит, исполнить единственное обязательство, которое лежит на мне перед Ниной — воспитать Володю, чудесного, богато одаренного мальчика, с большими и хорошими задатками? Это будет последняя жизненная битва. Ее надо выиграть, но уверенности нет, как нет ее у меня более ни в чем. До сих пор биты были мои ставки на общественные дела; теперь бита моя главная жизненная ставка; я стал одиноким стариком, вступившим в тот период жизни, который можно назвать кладбищенским. Все дорогое, все люди, которых любил — все в могиле, за исключением света в окошке — Володи. Бродить между могильными камнями — вот все, что остается мне в личном моем уделе. Addio, le sante memorie![61] Здравствуй, одинокая старость, которой я всегда боялся более всего, даже когда в шутку говорил Нине, что уверен, что умру ранее ее и что ей не миновать быть вдовой.

Я слишком много остановился на личных чувствах, которых избегал в этих заметках. Но ведь моя личная катастрофа стоит в прямой связи с катастрофой общей, и потому я и описываю ее здесь. Когда я приехал в Москву и спрашивал о том, что брешут в Москве — никто не мог ничего ответить. Никто газет не читает: Москва в маразме и даже не плодит слухов. Кажется, всякие переговоры, если только они были (в чем я сомневаюсь), кончены, прерваны, и мы опять погрузились в какой-то беспросветный мрак большевизма, выхода из которого не дано есть человеку […] и который, быть может, наступит через несколько лет, когда и мы все успеем давно уйти вслед за моей дорогой Нинкой в «страну, иде же несть печали и воздыхания».

4/17 декабря. Все эти дни я по-прежнему жил моим личным горем. Общие дела отошли куда-то далеко. Мне вспоминается один эпизод из одного романа Салиаса[62]: богатый купец, все потерявший в чуму, сам вырыл себе могилу и, легши в нее, повернулся к стенке и перестал думать. Я сам себе напоминаю этого купца. Я просто более ничего не думаю и ничего не жду. Мне только до сих пор непонятно, что вокруг меня так вдруг стало пусто и что я осужден на вечное одиночество. Сегодня я начал заниматься делами, и мне казалось, что это лучше, но как только останешься один сам с собою, так и ловишь себя на мысли, что вот-вот расскажешь что-нибудь, когда приедешь в Посад или в санаторий к моей дорогой Нинке, которой нет и никогда не будет.

Фактическая обстановка последних дней была такова: в четверг утром я выбрал место в Новодевичьем монастыре и условился с могильщиками, что они приготовят могилу к субботе. Вечером я пошел ночевать к Лене и в пятницу выехал в Гребнево вместе с М. В. Сергиевским[63], который с удивительной любезностью вызвался меня сопровождать. Мы были в санатории в четверть 12-го дня. Возчик уже ждал нас; мы условились, что выедем в 4-м часу. До того я сидел все время в комнате М. М. Богословского. Нечего говорить, что и Сергиевский и я встретили такой же радушный прием в санатории, как и в предыдущие дни. В 4 мы вышли из санатории пешком до церкви, поставили гроб в розвальни, привязали его и, сев сбоку, отправились в путь в 4 3/4 дня. В 8 часов вечера мы были в селе Пехре[64], в 15 верстах от заставы, где оставались до половины 3-го. Гроб стоял во дворе; мы соснули в чайной, где, конечно, не обошлось без всякого рода вопросов. Когда мы выехали вновь, то мороз очень усилился, светила луна, и все небо было усеяно звездами: Орион, Сириус, Юпитер и наконец Венера — все перебывало перед нашими глазами. Она так любила кататься, и ее последнее катанье было в такой феерической обстановке. Однако лошадь была уже утомлена, и ехали мы медленнее; мы даже больше шли пешком, нуждаясь в пробеге, чтоб согреться.

У заставы мы были в 5 3/4, после чего начался проезд через Москву по самому длинному концу, который вообще в Москве существует — он занял 2 3/4 часа, что равняется приблизительно 12 верстам; у ворот монастыря мы были в 8 1/2 часов. На всем протяжении мы не встретили ни одного милиционера, и никто не спросил нас о цели нашего путешествия. Так кончилось это беспримерное путешествие, возможное только при большевицком режиме. Остальное не представляет ничего замечательного. Вторые похороны Нины прошли, как должны были пройти — в них было все, кроме отпевания, как в Гребневе было все, кроме опускания в могилу. Несмотря на большевицкие декреты, мне удалось получить место и для себя, рядом с моей Ниной, и таким образом приобрести земельную собственность в то время, когда эта собственность отрицается. Кладбище Новодевичьего монастыря мне всегда нравилось, потому что красив сам монастырь, и еще потому, что около нового кладбища проходит окружная дорога: и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть!..

Вчера была обедня в Румянцевском Музее по инициативе моих сослуживцев, которые вообще очень сочувственно ко мне относятся. Оба дня я чувствовал страшное утомление и непреодолимое желание спать.

6/19 декабря. Общими делами я совершенно перестал интересоваться. Я теперь чувствую и познаю, что такое чувство мертвого спокойствия. Я вижу и знаю, что у меня более нет родины, нет семьи, что моя деятельность замирает, как ненужная; остается только сын, которого нужно спасти — вот вся цель моей жизни и деятельности.

9/22 декабря. Ездил в Посад. Как всегда, эта поездка действует на меня успокоительно. Близость к природе, относительная тишина. Мучительным было только возвращение по железной дороге.

11/24 декабря. Мое состояние душевное превращается в какое-то окаменение. День за днем проходит, и думаешь, слава Богу, что еще одним днем меньше. Русская трагедия вошла в стадию мрака. Запрудский Васька Никифоров посетил меня и принес в гостинец сухарей. Я послал поклон всему Запрудью, но нарочно просил не передавать поклона Алексею. У нас

цел и дом, и скот, и инвентарь. Спрашивал меня, не хочу ли я поехать в деревню. Я ответил, что деревня для меня умерла, и что больше я туда не поеду.

12/25 декабря. Еще один скучный день. Продолжают говорить, а они продолжают писать о какой-то опасности с запада. Я думаю, что дело идет об опасности, которую вообразили себе жиды; они кричат, а за ними кричат и все остальные.

13/26 декабря. И. Ильин говорил мне о своей беседе с Каменевым; тот удивлялся, почему русская интеллигенция не с ними. Я нахожу, что русская интеллигенция заслужила, чтобы большевики думали, что она должна быть с ними. Мор кругом увеличивается, сегодня в их газетах я обратил внимание на заявление Клемансо, что западные державы возведут колючую проволоку вокруг советской России[65]. Я думаю, что это так и будет, несмотря на ходящие слухи об интервенции поляков.

16/29 декабря. С. Д. Бахарев рассказал мне свою эпопею. Он был в Саратовской губернии, проехал оттуда в Каширу[66] на тормазе, на паровозе и пешком, а теперь поступил на железную дорогу конторщиком. Еле справляется с прокормлением семьи. Наслышался самых ужасных рассказов — 2 достоверных случая того, как едят людей; ассистенты университетских лабораторий едят собак и кошек. И все это производится тихо, смирно и без шума. Вчера весь день сидел с Володей, который, слава Богу, здоров и хорошо упитан. Чувствую нравственное утомление, какого не испытывал давно. Продолжаются слухи о каких-то нападениях с запада. Сегодня рассказывали, что большевики спешно перебрасывают войска на польскую границу. Где истина и где ложь?

18/31 декабря. Кончается самый ужасный для меня год. Впереди ничего — ни в частной жизни, ни в общих перспективах. Революция съела у меня все, что было у меня самого дорогого, и оставила мне пока хрупкое бремя в виде малолетнего сына, воспитать которого при современных условиях более чем проблематично. Днями я испытываю тяжелую невыразимую тоску, из которой нет выхода, как нет выхода и из нашей жизни. Холод, голод, смерть нравственная и физическая — вот удел всех, кто не приспособился и не спекулирует. Сегодня услыхал, что бельгийцев предполагают также выпроводить. Счастливые Вилькены. Дай Бог дожить, чтобы за ними последовать.

1920 год

Январь. Начинаю записи 5-го января, потому что маразм, в котором я нахожусь, не только не проходит, но все увеличивается. Впереди ничего, кроме ужасного одиночества и страха перед голодом (один с малолетним сыном встречаю я новый год). В субботу я ходил на Введенские горы, сделать единственный намеченный на праздники визит — на могилы родителей: там все занесено снегом, мерзость запустения, которой там никогда не бывало. Путешествие по Москве, грязной, загаженной, занесенной, облупленной, полной нечистот, произвело на меня, как всегда, самое удручающее впечатление. Не менее тяжелое впечатление произвел визит к Лизе: после дворца она с детьми и мужем[67] ютится в двух каморках, где жила прислуга; отнято все и угрожают выгонкой.

27 декабря / 9 января. 3 дня так называемого отдыха. Старался сидеть дома; тяжелое состояние духа. Тоска не проходит, а усиливается. Тщетно добиваюсь быть принятым тов. Каменевым по предмету освобождения Е. А. Готье[68]. К теперешним генералам доступ много труднее, чем к прежним. Новые слухи о каком-то движении с запада. Официально сообщают о взятии Двинска. Кем?[69] Стараюсь не слушать ничего, и сам более ничему не верю.

30 декабря / 12 января. В субботу вместе с Э. В. Готье мы вновь отправились искать свидания с товарищем Каменевым. В том месте, где выдают пропуски, нам заявили, что принять нас может только его секретарь, товарищ женского рода Крыленко[70], но что ее сейчас нет, а она должна приехать. Это было в 2 часа. До половины четвертого мы терпеливо дожидались в помещении, когда [-то] ютившем в себе приезжих на зимние месяцы дворян из провинции, теперь загаженном выше всяких возможностей. В половине четвертого произошел такой разговор по телефону: здесь дожидаются очень много товарищей, дожидаются уже два часа, можно ли их пустить? Ответ, после некоторых колебаний, последовал утвердительный, и мы пошли через площадь в бывший генерал-губернаторский дом. Здесь нас не пустили дальше аванзалы, т. к. тов. Крыленко заявила, что нас принимать она придет именно сюда. Еще через 45 минут явилась маленькая, разбитная и, надо сказать, любезная девица, которая очень бойко исполняла свою роль, выслушала нас, взяла документы и заявила, чтобы мы ей потелефонили в понедельник в два часа о результатах нашего посещения. Ожидая ее, приглядывались к лицам — или жиды, или русские гориллы. Недаром в последние дни ходит остро-

та: «На чем держится советская власть? На жидовских мозгах, на латышских стрелках и на русских дураках». В Москве опять ходят баснословные слухи, теперь уже насчет поляков. Но, увы, не поляки спасут Россию! Пшено стоит 9500—10 000 рублей пуд.

31 декабря / 13 января. От тов. Крыленко я получил ответ, что тов. Каменев еще не знакомился с делом. Я думаю, что нас и не вызовут. Дело пойдет своей обычной чередой, и выживет ли тетка в ВЧК или нет, это предоставляется решить судьбе. Некоторые уверяют, что 1920 год увидит какое-то разрешение. Я думаю, что и этого ждать нельзя. Старое русское общество переходит в состояние удобрения и перегноя для будущего. Это будущее для меня представляется совершенно темным.

8/9 — 21/22 января. Я не записывал целую неделю, с того времени, как уехал из Москвы. Причина все та же: невозможность быть уверенным, что ежедневная запись не попадет в такие руки, в какие это не следовало бы. Главные события этого времени — сообщение официальной прессы о снятии блокады с России. Опять все увлеклись. Опять не замечают, или не хотят заметить, что официальные сообщения отражают не объективную истину, а только то, что власть желает сообщить для внутреннего употребления. Лично я не делаю пока никаких выводов из этих сообщений: они не отличаются ясностью, а, с другой стороны, у меня нет уверенности, что завтра не будет сообщено что-нибудь противоположное. Тем не менее, в связи с этими слухами, просыпаются мысли о возможности легального выезда за границу; где-то в далеком будущем эта возможность мерещится.

Все эти дни в Москве какие-то празднества в память Герцена; на торжественных собраниях выступают владыки земли; выступают и присяжные ораторы — товарищ Сакулин и Лемке[71]. Происходит заседание «Университета» совместно с обществом губителей русской словесности[72], и на этом заседании Университета не присутствует ни одного профессора или почти так, несмотря на то, что на плакатах, вывешенных на университетской ограде, заманчиво добавлено «Вход свободный, помещение отапливается». Добавлю, что на том же плакате, сверх широковещательной программы торжественного заседания в память Герцена, чьей-то, более современной по духу, рукой были начертаны карандашом два слова — истинно заборные — х... и п... Бедный Герцен. Как горько пришлось бы ему от всех этих большевичьих поминок. И нам в Музее пришлось устроить выставку в его память. Какая была тоска ее делать; какое чувство бесполезности и никчемности было в моей душе, когда я, из нежелания попасть в саботажники, понукал милейшего В. Ф. Саводника сносить экспонаты и раскладывать их по витринам. Сегодня (22) вечер в Малом театре, где жид Цедербаум-Мартов будет что-то говорить, а бедные издыхающие клячи — Южин и Ермолова[73] — будут что-то читать из его произведений.

Сегодня целый день сидел дома и бегал только в свою «куплю», в монастырь, стараясь добиться, чтобы над моей Ниночкой поставили крест. И это затруднено; однако я открыл секрет, который очень прост: и здесь надо смазать. Поездка в Посад немного улучшила мое настроение в том отношении, что я отдохнул. В тишине Посада так хорошо спать. Я и спал по 12 часов в сутки. Здесь опять исчезло то относительное душевное спокойствие, которое я было там приобрел: es machen mir meine Gespenster sogar einen Tagesbesuch![74] Тоска, беспросветная тоска одиночества, с новою силой овладела мной, и я более, чем когда-либо, чувствую, что от себя никуда не уйдешь.

Е. А. Готье, по поводу которой мы были у секретаря товарища Каменева, выпущена, но накануне ее освобождения за ней опять приехали, чтоб ее арестовать. Она пришла домой в день похорон своей сестры, о смерти которой она ничего не знала.

11/24 января. Вчера я присутствовал на заседании Государственного Ученого Совета при Народном Комиссариате Просвещения, который должен был решить вопрос об уставе университетских библиотек. Председательствовал Покровский [75]. Присутствовали почти только неинтеллигентные люди, за исключением тов. Волгина, который с глупым и нахальным видом требовал обеспечения особым образом интересов сторонних абонентов Университетской библиотеки. Особенный интерес возбудило положение библиотечной комиссии, в которую эти люди непременно пожелали насовать представителей студентов-коммунистов и представителя комиссариата. При этом отличился какой-то молодой человек — по-видимому, представитель студентов-коммунистов в этом совете; он желал сунуть в библиотечную комиссию даже представителей районных советов. Характерно его лицо — низкий лоб, злое выражение губ и глаз. Интересны были реплики самого Покровского, дышавшие открытой злобой против Университета и профессоров. Присутствовавшие коммунисты обменивались между собой замечаниями о политике, и здесь чувствовался тон торжества и уверенности, что они победители всех и всего. Увы, русская действительность дает им пока внешнее основание так говорить. Библиотечную комиссию похоронили. Я подал, кроме того, Покровскому

докладную записку о необходимости покупать книги за границей. Было отвечено, что сейчас как раз время готовиться к этой покупке. Дай Бог!

16/29 января. Иваново-Вознесенск. Опять не записывал по тем же причинам. Теперь на свободе, выехав на гастроли[76] и сидя в санаторском режиме в Иванове, сажусь записывать за целую неделю.

12/25 января я был утром на дорогой могиле. Целый день провел на именинах моей belle-soeur Татьяны Николаевны. Вечером отправился в университет, где должно было быть товарищеское собеседование и чашка чаю[77]. В круглом зале правления собралось около 150 человек — совет в его численном составе эпохи Временного правительства. Ректор[78] открыл собрание сообщением некоторых статистических данных. Из них наиболее интересным было известие о том, что в Университете (объединенном) числится свыше 26 000 человек студентов. Сообщение было встречено дружным хохотом. Общий смысл отчетных данных был тот, что Университет делал что мог, но after a gallant fight[79] не мог не подчиниться большевикам. Затем говорили деканы о положении факультетов, причем наиболее академически говорили Грушка и Март[ынов]. Очень глупо говорил Реформатский, тоном протодиакона сообщивший, что 1919 год был в Университете лучше, нежели 1918 (!?) Очень удачно сказал Винавер — что факультет общественных наук есть незаконнорожденный сын Университета, ищущий узаконения[80]. Если он не сказал этого в данных выражениях, то таков был смысл его речи.

Собрание оживлено было чаем с сахаром, печеньем и черным хлебом с маслом. После деканов говорили еще, но я слышал одного Кизеветтера, который по обыкновению играл подобно сельтерской воде: светил, но не грел. Он говорил, что русские ученые подобны тому Екатерининскому часовому, который поставлен был охранять розу и был не сменен, а забыт, между тем как роза зачахла. Это было бы верно, но далее он стал доказывать, что русский народ — государственный народ, и что он воссоздаст то государство, которое он долго и упорно созидал. Я думаю, что он сам не верил в то, что говорил.

Из Университета я отправился в компанию актеров Камерного театра, куда пригласила меня именинница Татьяна Николаевна. Я решил подтянуться, не портить им их настроения и посмотреть. Оживление образов прошлого, когда-то давно минувшей холостяцкой жизни, когда я изредка, и то изредка, погружался в богему — вот что дал мне этот экскурс, да еще возможность выпить алкоголя в размере 2—3 рюмок, что представляет не малый интерес в настоящее время. Эти люди довлеют себе; более того, они даже поглощены собой; глядя на них, я понял, что сближает их с большевиками — они так же мало сомневаются в чем бы то ни было, как и большевики. Ночь была почти бессонной; я лег в 6 часов утра.

В понедельник 13/26 было общее собрание в Музее для перевыборов комитета служащих. Избрали тех, кого велел кто-то такое, и в результате в комитет попал Козлов и не попал Георгиевский. Я допускаю возможность, что этого хотел Виноградов, но это вышло до крайности глупо. Одним работоспособным человеком меньше и одним хамом больше. Какая пошлость и скука эти выборы, какой бесполезностью веет от них.

Во вторник — отбытие в Иваново-Вознесенск для чтения эпизодического курса лекций. По несовершенству порядков, я узнал, что еду, только за 3 часа до отхода поезда. Вышел я в хорошем настроении, неся на раменах два тюка. Билет был уже взят, и я очень хорошо устроился в сравнительно приличном вагоне первого класса, где поломано было далеко не все и который был сравнительно чист. Вшей, или, как их теперь называют, «семашек»[81], я не видал и не ощутил. В вагоне было в общем, как в старые времена; только утром в коридор набилось два коммуниста — оба типа «священных»; один — дурак-рабочий из слесарей, другой более интеллигентного типа, вероятно, побывавший в ссылке и эмиграции. Они спорили между собой о вопросах партийной тактики, сыпали словами «товарищ», «извиняюсь», губком, губхоз, исполком, губнаробраз и т. п.; главная суть их спора заключалась в том, нужны ли коллегии при учреждениях и кто должен в них входить; слесарь стоял за уменьшение их численности и значения; эмигрант отстаивал их; оба были привычны к митингам, оба орали, и ни один не переспорил другого.

Спал в вагоне я хорошо; но меня будили стоянки: в Хотькове мы почему-то стояли часа 3; в Александрове — с 4-х до 12-ти дня. Я[не?] первый раз ехал по железной дороге в глухое совдеповское время, и меня все еще злят эти бестолковые стоянки, к которым давно следовало бы привыкнуть. А главное — чувство, что в стране, где на железных дорогах потеряли всякое представление о срочности, потеряли даже самое чувство срочности, каждая стоянка может затянуться на неопределенно долгое время.

На станциях везде чувствуется обычная разруха; пассажиры — только покрытые вшами красноармейцы, серые, подобно самим вшам. Да и вправду бывшие серые герои — [...], как вши, изъевшие русскую землю. Мы прибыли в Иваново-Вознесенск в 11 часов ночи и, пройдя

пешком через весь город вместе с одним профессором-метеорологом из Петровской Академии, добрались в 12 часов до общежития. Спал я отлично. Сегодня посетил декана, секретаря и канцелярии, условился относительно лекций, которых прочту шесть и начну в субботу. Вообще, как следует ориентировался и вынес впечатление, что житие здесь подобно санатории — отходишь от своих дел; никто тебя не беспокоит, можно отдохнуть и кое-что привезти.

Но общее настроение все же не меняется. Упорное чувство погибшей жизни и погибшей страны; вспоминаются слова Данте, прочитанные на днях: «Vivere senza speranza in disio»[82]. И здесь, отойдя от московских дел, более чем когда-либо, чувствуешь, что в Совдепии только так жить и можно. Здесь, конечно, интересуются московскими новостями, но новостей никаких по существу нет — и рассказывать нечего. Одно только выделяется из московских слухов последних дней: что-то происходит между миром и большевиками, и это «что-то» позволяет некоторым надеяться на возможность выезда за границу.

18/31 января. Пока Ивановские впечатления продолжают быть прекрасными. Чувствуешь, как отходишь от Москвы. Это то же, что пребывание в санатории. По вечерам приятные беседы с умными людьми. Пока наиболее интересен Понтович[83], не то немец, не то поляк, но обруселый. В нем чувствуется гончаровский Штольц. В вечерних беседах немножко развязывается язык и отмокают мозги. Это не значит. что проходит чувство горя. Наоборот, оно часто бывает острым, как никогда. Например, вчера просматривал сочинения Герцена и отчасти читал переписку его с Наташей. И так стало больно и грустно. Словом, если даже «хочешь забыть, разлюбить — а все любишь больше, сильнее».

Сегодня запасся продуктами на рынке. Надо и самому отъедаться. Иваново-Вознесенск — очень смешной город. Он весь составился из сел, деревень и фабрик, сросшихся вместе; таким образом получилось нечто до крайности бестолковое и нелепое: город без центра, наполненный лачугами, среди которых изредка возвышаются палаццо бывших буржуев.

19 января / 1 февраля. По-прежнему чувствую себя на санаторском режиме — целый день отдыхал. Вечером была первая лекция. Аудитория смешанная; после лекции подошли и заговорили московские курсистки. Еще раз убедился, как мал мир. Сегодня утром осматривал Бурылинский музей: местный буржуй и эксмагнат[84] истратил много средств и собрал все, что угодно. Как всегда в таких случаях, много хороших вещей и много дряни. Остальной день собираюсь сидеть спокойно и отдыхать. Во время прогулки видел много местных дворцов, занятых под советские учреждения. Везде одна и та же картина грабежа и насилия. Грустно смотреть на замороженные, погибшие фабрики. И здесь, когда выйдешь из «санатории», то чувствуешь, что исход один — уехать из этой ужасной погубленной страны.

20 января / 2 февраля. Сегодня достал подсолнечного масла, но, чтоб получить его, надо было иметь бутылки. К счастию, на дороге встретилась одна из профессорш, с которой я здесь познакомился, и от своей молочницы, которая случайно оказалась живущей против места нашей встречи, вынесла мне две бутылки. Не будь этой случайной встречи, я бы не получил масла. После этой экспедиции сидел дома и грустил. С редкой ясностью чувствовалась пустота и ненужность теперешнего моего существования. Один только Володя, кому я нужен! Потом подтянулся и пошел на лекцию. Было до 30 человек. Аудитория внимательная; лекция меня немножко взбодрила. Вечером опять засел за сочинения Герцена в издании Лемке. Я просматриваю их для небольшого доклада в Обществе истории и древностей российских. Этот наркоз еще действует. Надо им пользоваться. Большевизация сегодня где-то потонула и не давит. Нет слухов, нет газет, и слава Богу.

21 января / 3 февраля. День без внешних событий. Метель. Целый день дома. Вечером лекция; несмотря на погоду, слушатели пришли и были внимательны. Целый день просматривал сочинения Герцена. Есть много общего в его чувствах после смерти жены со мной. Читал его письма 1852/53 годов, чувствуешь, как ему было тяжело и как мучил его вопрос о воспитании детей. А у него была все же материальная обеспеченность, и ему не надо было думать о завтрашнем дне. Все утро я размышлял о желательности и возможности отъезда и, несмотря на все возможные горя и неудачи, пришел к заключению, что если будет возможно, то уехать надо. Володю возьму, и будь, что будет. А здесь ни я сам лично, ни дело мое никому не нужны.

22 января / 4 февраля. Принимаю первые меры к возвращению в Москву. Много думал о том, что мне делать, если выпала бы возможность поехать за границу. Рассудок упорно велит остаться там надолго, несмотря на все тяжелые стороны такого оборота. Когда я сегодня обедал в здешней студенческой столовой, я еще раз пришел к тому же

выводу: кругом меня сидели дикари, которые мнят себя обновителями человечества. Ну что можно поделать с такими людьми, с таким народом? Вечером пытался устроить практические занятия; на мое приглашение пришло человек 5, большей частью местных автодидактов[85]. Не думаю, чтобы могло что-нибудь выйти.

23 января / 5 февраля. Газеты сообщают о мире с Эстонией [86]. Возможно, что временно образуется отдушина между Совдепией и миром. Хорошо, если бы удалось через эту отдушину устроить выписку заграничных книг. Поистине верна песнь о добром молодце и тоске[87]. От себя не уйдешь. Ночью ли. днем ли, идя на лекцию или среди занятий дома — я беспрерывно думаю о невозвратной, невознаградимой потере, о том, что у меня было все, а теперь нет ничего. Эта мысль звучит во мне, как погребальный звон. L'angélus[88] моей жизни.

25 января / 7 февраля. Настает время подвести итоги пребывания в Иваново-Вознесенске. Сегодня еду в Москву. Впечатления в общем прекрасные. Отличный прием, любезное и предупредительное отношение. Полная тишина в тепле и сытости в течение 10 дней. За это время нет московских слухов, нет трепки; под конец, в последний день, отличная баня. Здесь очень хорошо было бы жить семьей; хорошо в смысле покоя и относительной (кажется?) возможности забывать о существовании большевиков. Однако жить здесь — не безусловный выход из положения; ухудшение материальных условий происходит неуклонно и здесь, запаздывая против Москвы на несколько месяцев. Если не изменятся общие условия, то и здесь со временем будет невозможно. Затем — выбраться отсюда вон, конечно, труднее, чем из Москвы. Но, во всяком случае, мое пребывание здесь было для меня настоящим отдыхом.

Думаю, я здесь также был спокоен и на отдыхе старался углубиться в себя и обдумать свое положение. Надо сознаться, что оно отвратительно: Nel mezzo del cam&m*in di nostra vita// Mi ritrovai per una silva oscura[89] — con un piccolo bambino[90], приходится добавлять к словам Данте; воспитать сына без матери, да еще при современных условиях, почти невозможно. Eine Lebensgefährtin wiederzusuchen[91] — претит мысль. Уехать одному было бы проще простого; с Володей — везти его на чужбину без матери и без воспитательницы более, чем трудно. Найти воспитательницу нельзя. Полагаться на родню Нины можно, но бабушка непрочна, Таня не куплена, чтоб работать на меня, а Леля подавлена своей собственной семьей. Общее состояние жизни невозможное. В дальнейшем я в России вижу только одно умирание. Все это с необычайной ясностью предстало здесь моим глазам. Что делать, пусть укажет провидение или судьба. Я только думаю, что если будет возможно уехать вместе с Володей, то в этом надо будет видеть перст указующий и уезжать без колебаний. В Иваново-Вознесенск, пока я в Москве, я охотно возвращусь.

29 января / 11 февраля. Обратный путь в Москву был вполне благополучен, но довольно долгий. В Александров мы приехали в 11 часов утра, но там ждали до 11 часов вечера, пока нас прицепили к ярославскому поезду. Скука была весьма большая, но она сглаживалась сидением в тепле. Ходили в город искать обеда, но нам сказали, что в этот день приехали красноармейцы и, кроме того, съезд каких-то деятелей, поэтому приезжих профессоров просили пожаловать на следующий день. Из Александрова выехали в 11, а в Москву пришли в 6 часов утра; 7 часов — 105 верст, т. е по 15 верст в час; но это было к лучшему, т. к. по Москве пришлось идти днем.

В Москве сразу осенили всякие неприятности обычного типа, но мне на них наплевать. Я чувствую себя в расположении духа Печерина (его стихотворение о челноке). Вчера узналось, что профессорам дают паек[92], какой — еще не известно. Очевидно, большевикам нужно сказать Европе, что ученые здесь в чести. Володю я нашел в полном порядке и благополучии. Это единственное отрадное явление.

Музей опять перестали топить и теперь уже решительно до весны. Это вносит новую непоправимую разруху в дела библиотеки — опять холод и опять начинают мерзнуть пальцы. Вот и работай при этих условиях! Общее положение для меня смутно и мало понятно; одно скажу: не поляки спасут Россию.

1/14 февраля. Senza sperare vivemo in disio[93] — вот настоящий дантовский стих, который я в извращенном виде привел выше — он лучше всего определяет мое душевное состояние, как в общих, так и в частных делах и отношениях. Повесился В. М. Хвостов, по-видимому, в результате острого припадка меланхолии. Я давно его не видал, и его переживания в последний год его жизни были для меня далеко не ясными. Прежде это был человек более высоко себя ценивший, чем следовало бы, влюбленный и любующийся сам собою. Первый год революции он все время предсказывал, что будет в дальнейшем с русской революцией, и все невпопад. Потом он сам увидал всю тщету своих предсказаний и, быть может, изверился в своем предвидении. Однако еще в прошлом году, когда мы продолжали разговаривать о «compréhension réciproque», в Хвостове все еще сквозила уверенность в себе, в своем величии

и в своем будущем — с каким вкусом он говорил, например, как он будет читать лекции в Париже. У меня мелькает мысль, что, решив бесповоротно умереть, он должен был сказать почти как Нерон: «Какой великий ученый погибает»! Как надоедает мне Музей! Опять собачий холод; все кругом или не ходят, или больны, и приходится все делать за всех.

3/16 февраля. Два дня еще, в которые не произошло ничего нового. На душе тихо и мертво. Стынут мозги, стынет тело, так как Сретенские морозы на редкость сильны. Вдали где-то мерцает возможность уехать. Куда и зачем? Над этими вопросами иногда стараешься не задумываться.

6/19 февраля. Слухи о новом походе большевиков на гуманитарные факультеты и, может быть, даже о полном их уничтожении. Что ж — это будет только логично. Гуманитарные науки им не нужны, поскольку они не преследуют практические партийные цели. Факультеты будут заменены партийными школами, краткосрочными курсами, т. е. в нашей области будет то, что уже есть в области наук технических — будут созданы плохие полуучки техники, а ученые будут просто уничтожены, как ненужная роскошь в рабоче-крестьянской республике. Если бы они сделали и дальнейший вывод и отпустили всех гуманитарных профессоров на все четыре стороны. Как бы это было хорошо!

В Москве продолжаются аресты — сегодня сцапали Ю. В. Сергиевского; говорят, по доносу из Спасска[94]. Несмотря на их крики о какой-то новой эре в большевизме — все остается по-старому. Эмблемою всего существующего может быть картина, которую я созерцаю все дни: на угольной башне архива изображена фигура, очертания которой не разберешь, и под ней надпись: «Отречемся от старого мира». Кругом все засрано и зассано так, как никогда не было при старых порядках. Положительно возвращаюсь к своей давнишней мысли, что реформаторам русской жизни надо было научить прежде всего людей пользоваться отхожими местами.

На общем горизонте все такая же муть, как раньше. От тоски продолжаю заниматься приведением в порядок поступивших в Музей почтовых марок. Кстати о Музее: нас безнадежно перестали топить, и теперь внутри здания температура ниже нуля; чернила мерзнут, руки стынут. Никто не ходит, а кто и придет, тот бежит обедать. Какая же продуктивная работа возможна? Смерть, холодная и голодная, всюду. А известия о смертях сыплются, как дождь.

10/23 февраля. Я провел 4 дня у Лели Курдюмовой на «базе мостостроения» при пересечении Окружной дороги и Петербургского шоссе. Жизнь была хорошая с внешней стороны, т. е. были блины и даже немного алкоголя, так что была иллюзия чего-то старого. Об условиях нравственной атмосферы я умалчиваю, ибо интимная сторона жизни семьи пусть даже не записывается. Это лучше. Живут они на даче какого-то богатого человека Павлова. Дача расположена на низком месте, где, конечно, сыро, в лесу, который товарищи вырубили уже основательно и испортили. Дача была с затеями; много крыш, курятников, сараев и т. п. Я бы не поставил на этом месте даже конуры. Тем не менее, большая затея совершенно испакощена и носит на себе все следы ужаса и разрушения. Добавлю, что внутри снята и расхищена электрическая арматура; для нужд базы проектируется перепортить все комнаты главной дачи. Вот какова картина на месте.

Рядом станция Окружной дороги «Братцево», украшенная кладбищем в 35—40 мертвых паровозов. Мне сказали при этом, что это еще очень маленькое кладбище, а что на других станциях мертвецов еще больше. По дороге туда, за Тверской заставой, дороги засыпаны, близ бывшего бегового ипподрома кладбище мертвых трамваев; рельсы после были засыпаны; Стрельня с ее тропическим садом едва ли не вся замерзла; во Всехсвятском — разобранные дома, облупленные вывески, как и в Москве. Словом, от московского места выезда до места назначения — одна смерть, не прикрытая ничем, одна гибель, как и везде в бывшей России. Я не был за Тверской заставой года четыре, и, признаюсь, впечатление, несмотря на всю притупленность нервов, было тяжелое.

В Москве новая серия арестов, которым подвергнуты лица близкие к [далее зачеркнуто: быв...] Союзу Общественных Деятелей; еще, говорят, арестованы некоторые деятели кооперативного мира, будто бы заподозренные в сношениях с кооператорами, находящимися за границей, помимо официальных органов[95]. Как бы то ни было — в Москве опять волна беспокойств и уныния. В общих делах по-прежнему то, чего мы, ни во что не посвященные, разобрать не можем.

Получено известие о том, что в Томске умер от сыпного тифа М. М. Хвостов[96], мой университетский товарищ, хороший ученый, живой и отзывчивый человек, бывший долго главным деятелем по всеобщей истории в Казанском университете. И о скольких еще жертвах узнают со временем те, кому суждено пережить других в «сумерках русской жизни».

11/24 февраля. Вопрос об арестах, произведенных за последние дни, продолжает освещаться путем слухов в тех же тонах, как и в последние дни; стремление завязать сношения с кооператорами, находящимися за границей, стремление ЧК доказать свою необходимость, чье-то предательство и чья-то глупость. В комитете Музея мы рассуждали о том, что необходимо создать какое-то сельскохозяйственное предприятие, иначе, все равно, заставят летом участвовать в производительном труде, т. е., иначе сказать, насильно будут возвращать к первобытным формам жизни.

14/28 февраля. Дневник все более приобретает характер перемежающихся записок. Мое беспрестанное кочевание и все продолжающееся отсутствие безопасности для записей всякого рода мешают этому делу. Сегодня поляки проявили свои аппетиты, которые, впрочем, меня не удивили. Они требуют плебисцита в областях, входивших в состав Польши до 1772 года[97]. Ну что ж? Русским дуракам поделом; народ, который в 3 года разрушил то, что создавал 500 лет, достоин своей участи. Большевики по этому поводу вопят о «польских империалистах», но последние или все получат, чего они хотят, или же нам грозит новая война, которая падет своей тяжестью на Иванушку-дурачка, которого в 1917 году уверили, что он очень устал. Я вновь теперь поставил на очередь поездку для закупки книг за границей. Вчера по этому поводу было заседание в Комиссариате Народного Просвещения. Отношение самое предупредительное; видимо, в этом учреждении желают, чтобы иностранные книги приезжали в Москву. Фактически, вероятно, мне придется взять на себя всю организацию экспедиции, но смогу ли я поехать туда? Все будет зависеть от того, выпустят ли они со мной Володю или нет. Qui vivra, verra. Быть может, ждать остается и не так долго.

Дожидаемся профессорского пайка, а когда его дадут? Ничего не слышно более определенного. Все как будто успокоились; между тем, от слов к делу все еще не переходят. Рассказывают, что 7 человек — называю кого не забыл: Петрушевский Д. М., Д. Н. Анучин, А. А. Айхенвальд[98], Тимирязев, Горький, Волгин и кто-то еще — уже получили особые пайки, не только для себя, но и для семейств, при особых письмах от Совета Народных Комиссаров. Как лестно себя чувствовать ученым опричником советской власти и советской державы.

Возвращаюсь к вчерашнему заседанию у Покровского: он скептически настроен по вопросу о товарообмене и предполагает, что экспедиции за книгами будут выданы деньги в размере 300—400 миллионов бумажек. «Что ж? Ведь это только одна четверть ежедневного производства», — добавил он. Даже принимая во внимание программое стремление большевиков уничтожить всякие деньги — я не понимаю, куда они идут в своей безумной финансовой политике. Написал довольно много, несмотря на многочисленные помехи, проистекавшие оттого, что в течение двух часов кто[-то] по очереди со мной разговаривал, и оттого, что в конце концов застыли и руки и мозг от холода. В залах Музея холоднее, чем снаружи, где сегодня тает.

3 марта. На пятницу в заседании Государственного Ученого Совета поставлен вопрос об уничтожении всех факультетов, кроме медицинского. Таким образом, после всяческих переделок большевики решили упразднить Университет как таковой. Остается ждать недолго, чтобы узнать, что будет поставлено на место упраздняемых факультетов: что-нибудь или ничего, иначе сказать, будет ли это финалом разрушительной трагедии или комедией с переодеванием. Сегодня совещание в Государственном издательстве «об агентуре за границей для покупки книг» — бледно и скучно. Мой проект проще и жизненнее. Мне не стоило больших трудов заставить принять некоторые из основных положений моей записки. Чувствовалось общее сознание всеобщей беспомощности и, в то же время, сознание необходимости завязать сношения с заграницей. За эти дни мука возвысилась до 13—15 000 рублей, пшено до 16—17 000. Вопрос о питании делается все труднее и труднее. Во мне все более и более укрепляется желание, чтобы был мир и только мир, при котором была бы восстановлена свобода передвижения. Мне не нужно больше ничего.

6 марта. Я решил действовать, чтобы найти выход из надвигающейся катастрофы, материальной и физической. Был разговор с югославянами — Бахрушин и я, с нашей стороны, Илич и Иванович, с той. Иванович — тип интересный, с ясно выраженным югославянским типом — носатый брюнет. Он говорил с нами, по-видимому, искренно и откровенно, находя, что, с точки зрения его и радикальной партии, к которой он принадлежит, появление русских ученых в Сербии очень желательно, но что, находясь здесь, они ничего не могут сделать и ничего не могут сказать наверно. Тот из них, кто вырвется отсюда, будет стараться о поднятом деле[99]. Наше впечатление с Бахрушиным то, что при благоприятном ходе дела из этого может что-нибудь выйти. Иванович утверждал, что в будущее России он все еще верит, что большевики отличаются необычайной способностью ко лжи, что верить им он ни в чем не может. Кризис большевизма Россия, по его мнению, должна изжить сама изнутри.

Вчера же, за 2 часа до отмеченного разговора, я был на заседании «научного сектора» Народного Комиссариата Просвещения в присутствии Покровского и Луначарского. Кроме них были Артемьев и Тер-Оганесов[100] — рыжий армяшка нахального вида, говорят, прислуживающийся пред Лениным. Я продекламировал мою записку и нашел полное сочувствие. Сознание необходимости завязать культурные сношения с другими странами в «них» говорит довольно сильно, и все присутствовавшие большевики основные положения моего проекта приняли; теперь предстоит провести его через коллегию комиссариата и затем через Комиссариат иностранных дел и решить вопрос о лицах, которые поедут. Я решил опекать дело до конца, независимо от того, придется ли мне воспользоваться им или нет. База в Балтийском крае, видимо, нравится им. В разговоре сквозило желание придать всему предприятию известную деловитость. Экспедиция должна быть невелика по своему составу, и в ней должны быть отражены нужды более или менее всех заинтересованных учреждений.

Я первый раз близко видел тов. Луначарского, Лунапаркского-Лупанарского. Свежий мужчина лет 45, очень здорового и упитанного вида; наслаждение самим собою видно в нем в каждом движении, каждом слове. Едва ли, однако, он пользуется большим авторитетом у своих товарищей. Видно, что и они считают его человеком пустым.

Перед заседанием я имел случай говорить с Покровским и возбудить вопрос о переходе русских профессоров на юг. «Вы затрагиваете очень насущный вопрос», сказал он мне, «надо передвигать даже не людей, а целые учреждения. Ведь существование 42 высших учебных заведений в Петербурге — ненормально и немыслимо. Петербург не сохранится в прежнем виде и не вернет своего прежнего значения. Я думаю даже, что и в Москве столица не удержится». «Где же вы ее мыслите — в Харькове или Киеве?» «Может быть, а вернее в Одессе. Там в будущем образуется центр республики. Жизнь должна переместиться в производящие губернии». По вопросу о переводах на юг, он сказал: «Быть может, Вы представите соображения по этому вопросу». Сегодня говорил об этом с Бахрушиным, который собственно поднимает дело. Но каковы воззрения крупного большевика на русское будущее! Очевидно, что весь север России представляется им одной сплошной пустыней. Большевики убили Колчака[101]. Так они уничтожают всех выдающихся русских людей. Вши и серое болото горилл. Вот ближайшее будущее бывшей России.

10 марта. Общее состояние без перемен. Интересные слухи через А. И. Яковлева от Димитрия Ильича Ульянова, что на юге нет никаких армий — ни красных, ни белых, что отряд в 500 человек считается уже очень большой силой. Анархия и развал на юге полные. Наступления белых ждать нельзя, в чем я, впрочем, уже давно был убежден. Очень многие продолжают чего-то ждать от поляков, но по всем данным поляки ничего не забыли и ничему не научились. Большевики собирают в Москве ученую комиссию, которая собирает данные по разграничению с Польшей. Значит, начнется торговля, причем будут уступлены все земли, каких поляки пожелают, с тем расчетом, чтобы потом путем пропаганды разложить всю Польшу. Мне кажется, что ни у нас, ни за границей не отдают себе отчета в том, что Россия, посредством искусственного подбора, может сделаться вместилищем всех коммунистов и безобразников со всего мира — будет то, что было в Женеве при Кальвине: сюда соберутся все жиды и коммунисты со всего мира, в отсюда постепенно вытравится все несочувствующее — вымрет или уйдет — и тогда международное хулиганство под именем коммунизма воцарится над глупым варварским русским народом. И это будет его могилой, вырытой русскими интеллигентами.

Для меня эти дни были днями продовольствия — получил 3 пуда муки через «организацию», которую давно считали пропавшей. Характерною для русской подлости чертою является то, что те из наших коллег, которые не пожелали рискнуть внесением денег на эту «организацию», теперь, когда она неожиданно благополучно довезла муку до Москвы, потребовали своей доли и сделали целый скандал. Затем я выхаживал пресловутый профессорский паек, который, в общем, довольно приличен.

12 марта. Свидание с С. Ф. Платоновым. Вид у него неплохой; энергии, как и прежде, очень много: она так и бьет из него. Обедали у меня вместе с ним Яковлев и Бахрушин и много его расспрашивали. Его воззрения не слишком расходятся с нашими: эволюция, причем практики сначала поедят идеологов, а потом сами будут поглощены спекулянтами. По его рассказам, в Петербурге не так уж плохо живется тем, по крайней мере, кто получает паек; но город безумно и неудержимо падает. По мнению Платонова, в будущем это будет громадная русская гавань — и только. В этой будущности Петербурга он совершенно не сомневается.

Инцидент с мукой благополучно разрешился. После долгих дебатов общее собрание «коллектива» утвердило отчисление по 2 фунта и удовлетворило всех неполучивших в размере 10—15 фунтов на человека. Вчера и сегодня я реализовал свой профессорский паек. Благодаря этой подачке мы с моим Володей можем себя чувствовать несколько обеспеченными, по крайней мере на время.

29 февраля / 13 марта. Сегодня день, назначенный для чистки домов и учреждений; поэтому все закрыто, и у нас в Музее народу еще меньше, чем когда бы то ни было; а между тем, наверно, и дома никто ничего не делает — таким образом, получается обычная картина — принимаемое мероприятие приводит к неожиданным последствиям и притом прямо противоположным тем, которые имеются в виду. И на Музей дали 48 пайков; сегодня делили их; тяжелая операция — выделить 48 человек из 300, когда все одинаково голодны. Случайно я имел в руках сегодня три N. N. «Vie Parisienne»[102], за сентябрь 1919 г. — все тот же смех, остроты, блеск, смех и остроумие. Война там не прекратила жизни. La brave vieille France[103] все та же — смеющаяся и не теряющая бодрости. Mieux vaut de rire que de larmes écrire, pour ce que rire est le propre de l'homme[104]. Философия Рабле остается философией его потомков. Какой контраст со страной тусклой природы и тусклого коммунизма.

2/15 марта. В воскресенье обычная прогулка в монастырь. Начинает таять, солнышко греет, «и у гробового входа младая будет жизнь играть, и равнодушная природа красою вечною сиять». Вечером посетил Б. И. Угримова[105], у которого не бывал лет 15; с ним и с его женой вспоминали прошедшие дни; целых 30 лет простирается за нами. Сегодня читал письма гр. Е. А. Уваровой, писанные из Полтавы в ноябре. Пахнуло другим миром, который — увы! — рухнул и на этот раз, кажется, безвозвратно. Старая графиня дает уроки, копается в огороде и раскопала дольмен. Маленькая графиня Екатерина Алексеевна уехала в Салоники[106].

4/17 марта. Известие о контрреволюционном перевороте в Германии[107], опубликованное еще вчера, не производит на меня большого впечатления. Обыватель опять заговорил и строит всякие предположения, на что-то надеется. Ich aber verhänge das Fenster des Zimmers mit schwarzem Tuch: Es machen mir meine Gespenster sogar einen Tagesbesuch[108]. Мои горести сделали меня мрачным философом. Если даже Западная Европа в результате этого переворота переменит свое отношение к России, то результаты такой перемены скажутся не скоро. Мне кажется, что этот переворот может даже на время укрепить русскую власть: и Германия и Антанта нуждаются в России. Теперь и будут стараться извлечь из нее наибольшее количество пользы, стараясь как-нибудь разложить большевиков.

6/19 марта. Познакомился с генералом Брусиловым, который доживает свой век в большевицкой Москве, держа себя достойно и в стороне от большевиков[109]. Он не получает ничего, нуждается и продает шкафы, которые Румянцевский Музей у него покупает. Если бы мне сказали 5 лет назад под гром успехов 8-й армии и позднее в 1916 году при успехах юго-западного фронта, что я когда-нибудь буду оказывать мелкие услуги Брусилову, я бы не поверил. Он производит впечатление бодрого, умного и твердого старика. Перспективы поездки в Юрьев сегодня изменились несколько; тов. Покровский стоит теперь за малую экспедицию; возможно, что, если дело не переменится еще несколько раз, то это для нас выгоднее. Сегодня опять должен писать записку по этому делу. Германские события мутны и неясны; надо выждать время. Сегодня говею с Володей, и по этому случаю, впервые после нашей катастрофы, мы ночуем дома. Тяжело и грустно.

8/21 марта. В Германии неразбериха; мое впечатление таково: вместе с правыми подняли голову и левые, но, вероятно, в итоге опять победят средние, которые и будут праветь постепенно. Я не сожалею о неудаче юнкерской авантюры; ведь это те, которые более всего хотели погубить Россию и более всех внешних врагов сделали для этого. Говорят о каких-то волнениях среди крестьян и на заводах. Я не верю в них или, по крайней мере, не надеюсь на них. Большевики подавят всех протестантов порознь при помощи даже не латышей и китайцев, а прожженной русской сволочи, которая на все способна и не остановится ни перед чем.

Кругом везде разговоры только о пайках. По-видимому, некоторое число их дадут Румянцевскому Музею; я думаю, что это — единственное средство предотвратить разбег служащих куда глаза глядят. Пайков ученых, или подобных ученым, роздано в Москве несколько сот, говорят, что на этих днях товарищи народные комиссары дадут еще 1300 или 1800 пайков на Москву. И это — целое событие, потому что 2000 пайков спасают всю московскую ученую братию или, вернее, ее остатки. Я думаю, что 2000 пайков дать ничего не стоит; несмотря на всю разруху, ведь содержат же они миллиона два лодырей-красноармейцев и коммунистов всякого рода. А вместе с тем, эти цифры еще раз меня убеждают в том, как ничтожно число более или менее цивилизованных русских. Такое число не может уберечь страны от полной варваризации.

12/25 марта. Я опять в Иваново-Вознесенске. Путешествие протекло вполне благополучно; ехали в двуместном купе вчетвером и спали карточными фигурами; мне первый раз пришлось так спать на верхней полке. Наиболее неприятный момент путешествия — ходьба по Москве с пудовой ношей на плечах, да еще принимая во внимание московскую грязь.

Здесь обычное радушие и ласковый прием; однако ввиду того, что со мною одновременно приехал Кизеветтер, мои лекции несколько пострадают. Сегодня все утро улаживал дела продовольственные и канцелярские и только после обеда сажусь за занятия. После Москвы, обычное чувство оттяжки; погода прекрасная, весенняя, и, по ассоциации идей, у меня неотступно встают воспоминания о прежних весенних радостных поездках в Крым, и, по закону контраста, еще в большем ужасе рисуется мое теперешнее положение человека, обреченного на вечное одиночество.

Мне кажется, что за последнее время я еще больше привязался к Володе, но я все более и более боюсь за него и жалею его; как ему придется расти? Увозить его — а я думаю, что если представится возможность, то это надо сделать — значит обрекать его на возможность нищеты еще большей, чем та, какую мы здесь испытываем; оставить здесь — значит обрекать на возможную духовную гибель. Вот и разбирайся. А отъезд из Совдепии есть все-таки единственная возможность, хоть и слабая, достигнуть приличной жизни. Здесь все в прошлом — и молодость, и счастие, и любимое дело, и даже сколько-нибудь сносная человеческая жизнь. За последние дни душевный мрак овладел мною более, чем когда-либо. Счастливое прошлое неотступно стоит передо мною, и я менее, чем когда-либо, склоняюсь перед неизбежным. А снаружи удивляются моей сдержанности.

13/26 марта. Пребывание в Иваново-Вознесенском Политехническом институте вновь начинает оказывать на меня свое благотворное действие. Опять чувствую, что попал на несколько дней в санаторию. И Москва, и все события отошли далеко. Ходил слушать лекцию Кизеветтера и заметил, что и он не чужд подражания Ключевскому: произношение некоторых слов на о, ударения логические, не свойственные А. А. в разговоре, вдруг появляются на лекции. Его учебных лекций я не слыхал никогда, и поэтому мне особенно было интересно это посещение. В его исполнении замечаются обычные для[него] качества и недостатки — живость, образность, пластичность, с одной стороны, некоторая погоня за фразой, с другой. Вечером беседа у Понтовича. Собрались некоторые из профессоров, и Коган-Бернштейн, ученик Струве[110], сделал введение о механике русской революции по сравнению с французской и английской. Было высказано немало предположений о том, как Россия могла бы выйти из революции; конечно, этого вопроса мы не решили, но время провели прекрасно.

14/27 марта. Санаторский режим продолжает давать себя чувствовать. Испытываю чувство отдыха от Москвы. Первая лекция прошла, по-моему, удачно, несмотря на поздний час и конкуренцию А. А. Кизеветтера. Досуга так много, что мы ходим слушать друг друга. Это ли не идиллия в ученых афинах, именуемых Иваново-Вознесенском?

16/29 марта. Идиллия нарушилась 28/15 утром арестом А. А. Кизеветтера. Это произошло между 9 и 10 утра. Я встал в 10 часов и вышел в уборную, причем мне шепнули: «обыск у Кизеветтера». Пока я мылся, постучали, вошел А. А. и сказал мне совершенно спокойно: «Меня опять забирают». Затем он хотел оставить мне свои черновые лекции, но этого ему не разрешили. В ордере значилось, что арест произведен по предписанию из Москвы. Здесь носятся слухи о том, что в Москве идут большие аресты; все недоумевают о их причине. Вечером должен был состояться в Педагогическом институте вечер в память Герцена. Его торжественно отменили, потому что «по независящим обстоятельствам» (какой иронией звучат эти слова!) А. А. не может на нем участвовать.

Я кончил здесь, наконец, книгу M. de Vogüé — «Le Roman russe»[111]. Прекрасная, блестящая книга, не только хорошо написанная, но верно уловившая многое и в русской жизни и литературе. Мне все чаще и чаще приходит в голову, что наблюдательные иностранцы видели в нас многое такое, что есть на самом деле, и чего мы по недостатку перспективы не видели вовсе.

17/30 марта. Кизеветтера увезли в Москву. Вчера вечером мы, т. е. Петрушевский, Понтович, Бернштейн и я, ходили по разным местам узнавать, верен ли этот слух или нет, и в каких условиях ему приходится ехать. Из Губ. ЧК ответили, что бояться заражения тифом нельзя, т. к. с ним вместе они отправили своих людей, «которыми они тоже дорожат». Когда мы узнали наверное, что его отправляют, было уже поздно, чтобы отправить ему пищи; но, по нашим соображениям, он должен был иметь ее достаточно.

В «Известиях» напечатано прелюбопытное объявление, приглашающее от имени ВЧК эс-эров, «правых и левых», бежавших из тюрьмы, вернуться в нее без опасения, что их заключение будет более тяжелым. Нет ли связи между этим побегом и арестом Кизеветтера?

Ведь невозможного в этом нет ничего. Несмотря на грустный исход поездки Кизеветтера, профессорская идиллия продолжается. Вчера меня слушали Петрушевский, Понтович и Бернштейн, и лекция, по-видимому, произвела на них хорошее впечатление.

18/31 марта. День без инцидентов. Дивная летняя погода. Я опять испытываю на себе действие санаторного режима Иваново-Вознесенска. Лекции по-прежнему пользуются неожиданным успехом.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Люди хотят мира, торговли, труда и благополучия для себя в данный момент и все более энергично протестуют против хода мыслей в голове какого-нибудь властителя, который приведет к убийству ста тысяч человек ради блага будущих поколений и ради сохранения господствующего положения» (II, 336). «12 (июля 1870) я написал одной влиятельной особе (принцессе Матильде?), чтобы сказать ей, что мы будем объектом страстей 1813 года, что *война неблагоразумна;* почти все культурные люди думают как я» (III, 16). «У меня ощущение недугов общества так остро, что я поистине больше не восприимчив к прекрасному» (III, 27). «Вполне возможно, что, вернувшись в Париж, я буду писать настоящие политические статьи, несмотря на отвращение и неумение; надо, чтобы сейчас все взялись за дело; однако слово так слабо против установившегося порядка и национального характера! Ну что же, буду делать, что могу, к сожалению, без большой надежды; ты знаешь, что я думаю о нашей стране, и не первый уж год» (III, 480; 7 февраля 1871). «(21 марта): Из-за невероятной тупости национальной гаардии и предательства армии мы попадаем в руки шпаны» (III, 68—69).

   «Печаль моя так глубока, а прогнозы столь унылы, что я предпочел бы об этом не говорить» (26 марта, III, 74). «Судя по моим разговорам с некоторыми хорошо осведомленными лицами, в том числе одним вернувшимся из Лондона, тут сыграли значительную роль махинации и деньги бонапартистов» (28 марта, III, 76—77). «У Коммуны не будет денег; вчера говорили об угрозах Банку; подвергнутся насилию крупные кредитные учреждения, финансисты, богатые люди; Коммуна будет принуждать их подписывать соглашения, многих захватят в качестве заложников; Коммуна окажется вынужденной совершать преступления» (30 марта, III, 81). «Как банкир, должностное лицо и т. п., они оказываются под угрозой; говорят, в Париже по подозрению арестовано полторы тысячи человек» (1 апреля, III, 85). «Сегодня разговор с преподавателем-естественником и со старым художником. Оба симпатизируют, или почти симпатизируют, восставшим. Это меня всегда поражает; непонятно, как умный человек может иметь такое слабое представление о праве и справедливости» (8 апреля, III, 99). «В Париже будет ужасная битва; у повстанцев очень решительные предводители» (17 апреля, III, 102). «Париж — ад кромешный; на днях какая-то ведьма обругала на улице мать одной дамы, которая сейчас здесь (в Туре), вышедшую из дому в очень простом платье: „Долой разодетых аристократов; скоро вас скинут"» (30 апреля, III, 104). «Я ем и сплю хорошо, но борода у меня поседела» (5 мая, III, 107). «Два принципа, неизвестные во Франции, но пользующиеся всеобщим признанием и неуклонно применяемые во всех свободных странах: (1) когда большинство высказалось, честно и по существу подчиняться, не тая задней мысли о насильственном перевороте; (2) разрешать меньшинству говорить и печатать все, что ему угодно» (21 мая, III, 121). «Я только что узнал о *парижских ужасах*... Мерзавцы! Это — взбесившиеся волки» (25 мая, III, 128).
2. В ожесточенных боях под Царицыном 5—9 сентября армия Врангеля нанесла тяжелое поражение 10-й армии (26—28 декабря командующий подполковник Л. Л. Клюев), входившей в группу Шорина.
3. «Всегда вероятно, что при всеобщем избирательном праве в апатичной стране власть попадет в руки деклассированных болтунов» (III, 172). «Существенно важно, чтобы просвещенные и зажиточные классы руководили невежественными и теми, кто перебивается со дня на день» (III, 173).
4. 12 сентября в «Известиях» было напечатано короткое сообщение «из финских газет» о том, что войска генерала фон дер Гольца в Латвии готовят наступление внутрь России в направлении на Бологое. О войсках этих говорилось, как о банде отступников, порвавших связь с Германией. Действительно, вскоре (21 сентября) генерал заключил соглашение с Русским западным правительственным советом, образованным в Митаве под председательством графа К. К. Палена, о включении своих частей (состоявших главным образом из германских и балтийско-немецких добровольцев) в армию Бермондт-Авалова. Наступление на Бологое не состоялось.
5. Воскресенье буржуа *(фр.).*
6. «Вы знаете, как я люблю Революцию; ибо для того, кто видит ее вблизи, это — восстание против людей мулов и лошадей под предводительством «обезьян с глотками попугаев»; но и старый порядок

не прекрасен...» (III, 266). «Единственное мое существенное положение направлено против произвольной и неограниченной власти, будь то толпы или отдельного лица. Человек или группа людей, если они деспотичны и не испытывают противовеса других властей, всегда становятся зловредными и сумасбродными» (III, 272—73). «Всеобщее избирательное право, которое всегда — незаживающая язва» (IV, 45; 24 марта 1878). «Я вас уверяю, что жирондисты Законодательного собрания при ближайшем рассмотрении непривлекательны; в основе — доктринерское и мальчишеское чванство, и до 10 августа они позволяют себе поступать так, как после 10 августа будут поступать с ними» (IV, 23; 28 июня 1879).

7. Земля неизвестная *(лат.)*.
8. Позднее Готье выполнил первый пункт плана в работах «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства» (1925 г.) и «Железный век в Восточной Европе» (1930 г.) и работал над некоторыми другими пунктами (см. библиографию его трудов). Интересно, что исследования, намеченные в третьем пункте, были в значительной степени выполнены Б. Д. Грековым (1882—1953), который в 1905—1907 гг. учился в Московском университете; возможно, Готье уже тогда указывал студентам на желательность таких работ.
9. *Тим* — уездный город Курской губернии.
10. То есть исторического отделения факультета общественных наук. По-видимому, Волгин был поставлен во главе отделения; позже он был главой факультета, а затем (с 1921 г.) и университета. «В учебном плане исторического отделения факультета общественных наук в 1919/20 уч. г. отводилось второстепенное место изучению истории России, мимоходом изучались вопросы экономической политики Советского государства. В то же время читалось несколько курсов по истории религии и церковному праву» (Московский университет за 50 лет Советской власти. М. 1967, с. 55).
11. *Магницкий Михаил Леонтьевич* (1778—1855) — в 1819—1826 гг. член Главного правления училищ министерств духовных дел и народного просвещения и попечитель Казанского учебного округа. *Рунич Дмитрий Павлович* (1778—1860) — член Главного правления училищ и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа. Оба были гонителями просвещения, их имена стали символами официального мракобесия.
12. Рабом *(лат.)*.
13. 23 сентября в «Известиях» был опубликован список 67 лиц, расстрелянных по распоряжению ВЧК (у Мельгунова — 66), среди которых и упоминаемые Готье. По словам Мельгунова (в «Красном терроре в России», без указания источника), «по признанию самих большевиков расстреляно было по этому делу более 150». *Астров Александр Иванович* (1871—1919) — профессор Петровской сельскохозяйственной академии, кадет; во время первой мировой войны заведовал одним из технических отделов Всероссийского союза городов. *Астров Владимир Иванович* (1872—1919) — мировой судья, гласный Московской городской думы. *Волков Александр Александрович* (?—1919) — приват-доцент математики в Московском университете, профессор в ряде других высших учебных заведений; бывший земский деятель. По данным «Красной книги ВЧК», они не входили в Национальный центр, но оказывали техническую помощь Н. Н. Щепкину (Волков — в расшифровке шифрованных писем).
14. *Курск* был взят Добровольческой армией 20 сентября. *Льгов* — уездный город Курской губ., узловая железнодорожная станция. Расположены на р. Сейм. *Воронеж*, взятый 11 сентября с налета Мамонтовым, был им оставлен на следующий день.
15. *Щепкин Вячеслав Николаевич* (1863—1920) — филолог-славист, палеограф, искусствовед. Коллега Готье по университету и Высшим женским курсам; с 1913 г. член-корреспондент Академии наук (см. статьи о нем в кн.: Булахов М. Г. Восточно-славянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 1. Минск. 1976; «Славяноведение в дореволюционной России». Биобиблиографический словарь. М. 1979).

Щепкины — потомки знаменитого актера — дали плеяду театральных, литературных, научных и общественных деятелей. *Николай Михайлович Щепкин* (1820—1886) — известный издатель и книгопродавец, близкий знакомый Герцена, гласный Городской думы; его жена (родная сестра Н. В. Станкевича) — писательница; дочь (?) Екатерина Николаевна (1854—?) — историк, педагог, участница и исследовательница женского движения; сын Евгений Николаевич (1863—1920) — профессор всеобщей истории Новороссийского университета. К концу жизни он истолковал дедовский завет иначе и в 1919 г. вступил в РКП(б). В числе родственников, о которых пришлось заботиться В. Н. Щепкину, были, вероятно, будущие актрисы Малого театра Елена Николаевна (1889—1978) и ее дочь Александра Александровна (1917—1987) Щепкины.

16. Дом гр. Уваровой — дом № 18 по Леонтьевскому пер. (между Тверской и Б. Никитской), где помещался МК РКП(б), до этого в нем находились ЦК и МК ПЛСР. Вечером 25 сентября там проходило совещание руководящих работников горкома и райкомов партии с участием пропагандистов и агитаторов, посвященное вопросам агитации в связи с раскрытием Национального центра и организации партийных школ. С главным докладом (по-видимому, вместо ожидавшегося, но не приехавшего Ленина) выступил Н. И. Бухарин. Террористический акт, известный в литературе как «взрыв в Леонтьевском переулке», привел к гибели 12 человек. В числе жертв был В. М. Загорский (1883—1919) — с июля 1918 г. секретарь МК РКП(б), член политкомиссии по руководству Центральным штабом отрядов особого назначения Москвы, в сентябре 1919 г. вместе с Дзержинским возглавлявший Комитет обороны Москвы. Раненых и контуженых было 55 человек, в том числе Бухарин (на собрании присутствовал и выступал с докладом Покровский, но от взрыва не пострадал).
17. Взрыв был подготовлен Всероссийским штабом революционных партизан — террористической организацией, в которую входили сторонники левого крыла ПЛСР и Всероссийской организации анархистов подполья; обе группы считали необходимой борьбу с «комиссаросамодержавием» и с большевистской партией, которая, по их мнению, предавала «завоевания Октябрьской революции». Анархисты, кроме того, объявили, что взрыв был местью за расстрел в Харькове в июне 1919 г. 8 членов штаба Махно. Инициатором и, по-видимому, главным организатором взрыва был Д. А. Черепанов (?—1920) — левый эсер, кандидат в члены ЦК ПЛСР, с 20 марта до июля 1918 г. кандидат в члены Президиума ВЦИК. Приняв деятельное участие в событиях 6—7 июля 1918 г., он скрылся и заочно ревтрибуналом при ВЦИК был приговорен к тюремному заключению на 3 года «с применением принудительных работ». Летом 1919 г. вместе со своими сторонниками из левого крыла ПЛСР исключен из партии (правомерности этого решения они не признали). После взрыва в Леонтьевском пер. опять скрылся; арестованный 17 февраля 1920 г., на допросе, проведенном в тот же день Дзержинским, Лацисом и др. руководителями ВЧК, показал, что решение о взрыве в здании МК было принято, в частности, потому, что на собрании предполагалось присутствие «гражданина Ленина». По решению Московской ЧК расстрелян.
18. *Золотухино* — железнодорожная станция между Орлом и Курском к югу от Орла.
19. *Ардатов* — здесь, вероятно, уездный город Симбирской губернии.
20. *Огнев Иван Флорович* (1855—1928) — в 1891—1914 гг. (уволен Кассо) и в 1917—1924 гг. профессор Московского университета. *Саводник Владимир Федорович* (1874—1940) — литературовед, историк литературы и общественной мысли, поэт. Был учителем словесности и сотрудником библиотеки Румянцевского музея. Его учебники по истории русской литературы для средних школ пользовались большой популярностью и служили основными пособиями до конца 20-х годов (в эмиграции и позже). Готье, вероятно, был знаком с ним со студенческих лет.
21. *Малоархангельск* — уездный город Орловской губернии. *Нижнедевицк* — уездный город Воронежской губернии.
22. Похороны состоялись у Кремлевской стены на Красной площади под лозунгами «расправы с контрреволюционерами» и «беспощадного красного террора». Выступали Каменев, Троцкий, Калинин, Зиновьев и другие коммунисты.
23. *Калитниковское кладбище*, существующее с конца XVIII в., расположено за Таганской (Покровской) заставой.
24. В административном и дисциплинарном отношениях прокуроры подчинялись генерал-прокурору, каковым был по должности министр юстиции.
25. 11 сентября в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление коллегии Отдела высшей школы Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах». Создавались они «в целях предоставления рабочим и крестьянам возможности фактически и широко использовать свое право поступления в высшие учебные заведения». В слушатели записывались лица, направляемые органами РКП(б), комсомола и т. п. организациями, но большинство из них отсеивалось (часто вследствие мобилизации на гражданскую войну, позднее — на различные политические кампании). Фактически рабфаки были одним из средств политизации и идеологизации высшей школы. Рабочий факультет при Московском университете, о мерах по организации которого идет речь в дневнике, был открыт в октябре.
26. *Рар Елизавета Львовна* (?—1920) — двоюродная сестра автора, дочь его дяди Льва Владимировича Готье, жена А. А. Рара. В описываемое время находилась в заключении в Бутырской тюрьме (см. приложение 8). А. А. Рар был арестован 28 июня и, вероятно, все еще был в заключении.
27. Статья в «Известиях» за подписью некоего Сергея Заревого (псевд.?) действительно производит впечатление сведения личных счетов. Автор утверждает, что Волков, в бытность его деятелем Ярославского земства, принадлежал к правым и держался оскорбительно по отношению к простому люду. Якобы среди левых земских служащих он был известен под кличкой «Сашка-каторга», так как из-за его доносов земские врачи и статистики лишались службы и арестовывались. Статья заканчивается словами: «Ярославцы скажут спасибо за его казнь».
28. *Ливны* — уездный город Орловской губ. к юго-востоку от Орла. *Дмитриев* — уездный город Курской губ. к северо-западу от Курска. *Грязи* — важная узловая ж.-д. станция к юго-востоку от Липецка. По словам Деникина в «Очерках русской смуты», эти действия Вооруженных сил Юга России объяснялись не столько общим планом командования, сколько положением на фронте.

29. Воронеж был взят, по-видимому, 6 октября 3-м Кубанским казачьим корпусом генерала А. Г. Шкуро (1887—1947). *Усмань* — уездный город Тамбовской губ. на железнодорожной линии Воронеж — Грязи — Козлов к югу от Грязей. *Козлов* расположен к северо-востоку от Грязей. *Новохоперск* — уездный город Воронежской губ. на железнодорожной линии Харьков — Балашов. «Красная армия, находящаяся между Новохоперском и Камышином» — части Юго-Восточного фронта, в который 30 сентября была преобразована группа Шорина. В течение октября они вели оборонительные бои, но отрезаны не были.

30. В этом направлении наступала входившая в корпус генерала Кутепова Дроздовская дивизия (начальник — полковник А. В. Туркул, ?—1957), взявшая уездные города Орловской губ. Дмитровск и Севск. В корпусе ходили слухи, что начальник его штаба генерал Е. И. Достовалов работает на большевиков и разбрасывает части корпуса веером, чтобы ослабить фронт. После гражданской войны генерал перешел на сторону большевиков.

31. *Гудовичи* — графский род, потомки генерал-фельдмаршвла И. В. Гудовича (1741—1820), сподвижника Суворова. *Сабуровы* — старинный московский дворянский род одного происхождения с Годуновыми. Возможно, зять графа П. С. Шереметева был сыном П. А. Сабурова (1835—?) — дипломата, сенатора, известного археолога и собирателя древностей, или его брата А. А. Сабурова (1838—1916) — либерального юриста и деятеля народного образования (в 1875—1880 гг. — попечитель Дерптского учебного округа, в 1880—1881 гг. — управляющий Министерством народного просвещения), сенатора, члена Госсовета.

32. Входившая в корпус Кутепова Корниловская дивизия (начальник — полковник Н. В. Скоблин) в ходе наступления на Орел взяла уездный город Орловской губ. *Кромы* в 41 км к юго-западу от Орла, что могло быть истолковано как попытка обхода его с запада (см. также прим. 30). *Скоблин Николай Владимирович* (1893—?) — впоследствии генерал-майор, в эмиграции стал агентом ОГПУ — НКВД, в 1937 г. участвовал в похищении генерала Миллера; исчез в день похищения (см. о нем вышеупомянутую книгу Прянишникова «Незримая паутина»). На Дону войска Юго-Восточного фронта вели оборонительные бои в районе станиц Усть-Медведицкой и Иловлинской против Донской армии генерала Сидорина.

33. В библиотеку Румянцевского музея библиотека Московской духовной академии не поступила.

34. Новое наступление Северо-Западной армии Юденича началось 28 сентября. *Красное Село* — поселок в 25 км к юго-западу от Петрограда; до 1917 г. здесь была летняя царская резиденция и летний лагерь гвардейского корпуса и других частей столичного гарнизона. Взято войсками Юденича 16 октября. В тот же день была взята Гатчина — другая царская резиденция, узловая железнодорожная станция в 45 км к югу от Петрограда.

35. Орел был взят Корниловской дивизией 13—14 октября; до Мценска (уездного города Орловской губ. в 52 км к северо-востоку от Орла по железной дороге на Тулу) белые войска не дошли. Между Воронежем и Волгой Красная Армия отступила до Хопра. Киев занимался частями 12-й армии (10 сентября 1919 г. — 10 июня 1920 г. командующий капитан С. А. Меженинов, 1890—1937?) 13—14 октября, но был опять взят Киевской группой Добровольческой армии.

36. *«Берег»* — московская оборонительная линия по Оке в XIV — XVII веках. *Графская* — узловая станция на железнодорожной линии Воронеж — Козлов к северо-востоку от Воронежа.

37. *Волк-Карачевский В. В.* (?—1919) — общественно-политический деятель, видный член Народно-социалистической партии; депутат II Государственной думы, лидер фракции. Один из создателей Союза возрождения России (заседания устраивались на его квартире) и организаторов Тактического центра, хотя членом последнего не был. Арестован в квартире Н. Н. Щепкина, где после ареста хозяина была устроена засада.

38. Небольшая книга Готье (152 стр.) «Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия» вышла в 1921 году.

39. *Берендеево* — станция примерно в 140 км к северо-востоку от Москвы.

40. *Фастов* — город в Васильковском уезде Киевской губ., узловая железнодорожная станция в 57 км к юго-западу от Киева.

41. *Малая Вишера* расположена в 162 км от Петрограда.

42. Контрнаступление войск Южного фронта (11 октября 1919 — 10 января 1920 командующий полковник А. И. Егоров, 1883—1939?) началось 11 октября. Орел был взят 20 октября, Воронеж — 24-го.

43. Митрополиты московские, известные книжники. *Платон* (Левшин Петр Егорович, 1737—1812) — выдающийся церковный деятель, духовный писатель и проповедник, педагог, историк; в 1766—1770 гг. — архимандрит Троице-Сергиевой лавры, с 1775 г. — митрополит. *Филарет* (Дроздов Василий Михайлович, 1783—1867) — митрополит с 1825 г.; влиятельный церковный и общественный деятель, духовный писатель, проповедник, переводчик. Один из основателей и вице-президентов Российского библейского общества, руководил работой по переводу на русский язык текстов Св. Писания. Составил манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. *Макарий* (Булгаков

Михаил Петрович, 1816—1882) — богослов, церковный историк (автор классических трудов по догматическому богословию и истории русской церкви), проповедник, церковный и общественный деятель (поборник реформы духовного образования и церковного суда). С 1842 г. профессор, в 1850—1857 гг. ректор Санкт-Петербургской духовной академии, с 1857 г. ее почетный член; с 1854 г. ординарный академик (действительный член) Академии наук; действительный или почетный член многих ученых обществ. Митрополит с 1879 года. Принимал деятельное участие в пушкинских торжествах 1880 г., при открытии памятника выступил с проповедью. Имел репутацию просвещенного и гуманного иерарха, подвергался травле со стороны реакционеров и мракобесов.

44. Контрнаступление войск Западного фронта под командованием полковника В. М. Гиттиса началось 20 октября. 7-я армия (17 октября — 17 ноября командующий генерал-лейтенант Д. Н. Надежный, 1883—1945) 23 октября заняла Царское Село, 26-го — Красное Село. 15-я армия (22 октября 1919 — 26 октября 1920 командующий подполковник А. И. Корк, 1887—1937) 31 октября взяла Лугу. На юге Орел был взят 20 октября, Новосиль — 23-го, Кромы и Лиски 26-го, 27-го(?) началось наступление на юго-запад от Ельца.

45. При конфискации частных библиотек научным работникам (видимо, с разрешения начальства и на определенный срок) разрешалось оставлять ограниченное число книг по их специальности, нужных им для работы. На эти книги и выдавалась «охранная грамота».

46. «Дальнейшее — молчание» (*англ.*, слова Гамлета, V, 2).

47. Документ этот в архиве не найден, и о чем идет речь, не ясно.

48. «Частные сведения» ввели автора в заблуждение. В действительности на юге в первой половине ноября шли бои, в основном определившие судьбу Вооруженных сил Юга России. Общая инициатива принадлежала красным: 13-я армия (16 апреля 1919 г. — 18 февраля 1920 г. командующий штабс-ротмистр А. И. Геккер, 1888—1938?), 14-я армия (6 октября 1919 г. — 24 февраля 1920 г. командующий подпоручик И. П. Уборевич, 1896—1937) и отдельный конный корпус (командующий старший унтер офицер С. М. Буденный, 1883—1973) продолжали наступать. Белые отступали с боями и не раз предпринимали успешные контратаки. До 14 ноября красными были взяты Ливны, Севск, Щигры, Дмитриев; 14-го — Фатеж, 15—16-го — Касторная (важная узловая железнодорожная станция на пересечении линий Елец — Валуйки и Воронеж — Курск), 17-го — Курск, Льгов и Тим.

49. Сок и сила *(нем.)*.

50. *Кунцево* — дачный поселок к западу от Москвы по Александровской (Белорусской) железной дороге.

51. *Муравьев Николай Константинович* (1870—1936) — московский адвокат; выступал защитником по политическим делам как до, так и после 1917 г. (в частности, в 1920 г. по делу Тактического центра, в 1922 г. по делу ЦК ПСР). По политическим взглядам был близок к социал-демократам. С 8 марта 1917 г. председатель Чрезвычайной следственной комиссии при министре юстиции по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров и других высокопоставленных лиц (материалы ее см. в кн. «Падение царского режима». Тт. 1—7, Л.—М. 1924—1927); в июне докладывал о деятельности комиссии на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. С 1921 г. (?) участвовал в работе Юридической подсекции Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С середины 20-х годов член Московской городской коллегии защитников.

Политический Красный Крест — Комитет помощи политическим заключенным, действовал с февраля 1918(?) до 1937 г.; помогал главным образом социалистам и анархистам. Председателем была Е. П. Пешкова (1876 — 1965), бывшая жена Горького, почетным председателем В. Н. Фигнер (1852—1942). Сходные организации существовали в Петрограде, Полтаве и Харькове (см. сб. «Память». Вып. 1, 3).

52. Вероятно, имеется в виду Покровский.

53. *Щелково* — село в Осеевской волости Богородского уезда к северо-востоку от Москвы по Монинской ветке ж. д. Ярославского направления; с конца XVIII — начала XIX в. центр текстильной (сначала главным образом шелковой) промышленности. Фабрика *Рабенека* существовала с 1832 г., *Четверикова* с 1840 года. *Гребнево* — волостное село в Богородском уезде к северо-востоку от Щелкова. Гребневская усадьба, о которой пишет Готье, известна с конца XVI века. С 1781 г. она принадлежала генерал-майору Г. И. Бибикову (? — 1812), создавшему грандиозный архитектурный ансамбль в стиле раннего классицизма (перестроенный в начале XIX в., он сохранился до нашего времени). *Берлюковская Николаевская мужская пустынь*, существовавшая (по преданию) с XIV в., находилась к юго-востоку от Гребнева, в селе Берлюки Богородского уезда на р. Воре и привлекала много богомольцев.

54. *Олсуфьев Юрий Александрович*, граф — искусствовед, автор научных описаний художественных ценностей лавры (икон, крестов, ложек, чарок и др. серебра), изданных в Сергиеве в 1920—1926 гг., соавтор (с П. А. Флоренским) исследования «Амвросий, троицкий резчик XV века» (Сергиев, 1927).

55. *Ванланен* — вероятно, Venäläinen (эта финская фамилия означает «русский»).

56. *Niflheim* (древне-исл. Niflheimr) — в скандинавской мифологии мир мрака.
57. См. приложение 8.
58. Исторический архив. Кн. 1 (Пг. 1919) — сборник статей преимущественно источниковедческого и археографического содержания, выпущенный Главным управлением архивным делом Народного комиссариата просвещения.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919) — историк-теоретик, методолог, источниковед, археограф, археолог; с 1890 г. приват-доцент Санкт-Петербургского университета (среди его учеников были С. Н. Валк, Г. В. Вернадский, С. С. Ольденбург, Б. А. Романов), в 1891—1905 гг. также профессор Историко-филологического института, с 1899 г. действительный член Академии наук, член ее Археографической комиссии. По политическим воззрениям был близок к кадетам; в 1906 г. избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, но вскоре сложил с себя это звание. К Октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно, в заседании Академии 21 ноября 1917 г. назвал его великим бедствием. В некрологе в «Известиях Российской АН» (1919, № 8—11) назван жертвой «нависшего над истерзанной Россией тяжкого лихолетья». Первая книга его труда «История политических идеи в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» — «История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVII вв.» — ныне впервые вышла в свет (М. 1990); вторая, посвященная XVIII в., готовится к печати.

59. *Остоженка* — улица к юго-западу от Кремля и Румянцевского музея, идущая от Бульварного до Садового кольца.
60. Отбросы *(фр.)*.
61. Прощайте, святые воспоминания! *(итал.)*.
62. *Салиас* — Салиас де Турнемир Евгений Андреевич (1840—1908), граф, писатель, автор исторических романов.
63. *Сергиевский Максим Владимирович* (1892—1946) — филолог-романист; в 1916 г. окончил Московский университет, где, вероятно, слушал лекции Готье. В описываемое время был его коллегой на факультете общественных наук. Впоследствии (с 1925 г.) профессор и заведующий кафедрой романо-германской филологии.
64. *Пехра* — название двух сел в Пехорской волости Московского уезда на р. Пехорке около фабричного поселка Балашихи. Очевидно, автор проезжал через село Пехра-Покровская, расположенное к северу от Балашихи, где проходит Стромынское (Щелковское) шоссе.
65. Выступая в палате депутатов, Клемансо огласил заявление (подготоаленное в согласии с Ллойд Джорджем), в котором, между прочим, говорилось: «Мы не только не заключим мира с Советским правительством, но и не вступим с ним ни в какую сделку [...] Мы пришли к соглашению о необходимости окружить Советскую Россию, если можно так выразиться, колючей проволокой [...]». Провозглашенная таким образом политика «санитарного кордона», вызванная стремлением препятствовать распространению коммунистической пропаганды, в жизнь фактически почти не проводилась.
66. *Кашира* — уездный город Тульской губ. на правом берегу Оки; станция Рязано-Уральской железной дороги.
67. Рар Елизавета Львовна с мужем Александром Александровичем и детьми Еленой и Львом.
68. *Каменев Лев Борисович* — председатель Московского совета. *Е. А. Готье* — жена дяди автора Э. В. Готье.
69. Двинск 3 января был взят войсками латвийского Временного правительства.
70. *Крыленко* — возможно, Ольга Васильевна (1896—?), младшая сестра Н. В. Крыленко (см. Eastman M. Love and Revolution. N. V. 1964, pp. 338—343).
71. Отмечалось 50-летие со дня смерти А. И. Герцена 21 января 1870 года. *Лемке Михаил Константинович* (1872—1923) — журналист, литературный и издательский деятель левых взглядов; в 1915—1916 гг. военный цензор в ставке Верховного Главнокомандующего; после 1917 г. сторонник большевиков, с 1922 г. член РКП(б). Издал Полное собрание сочинений и писем Герцена в 22 томах (1915—1925 гг.) с обширными комментариями, содержащими много документальных материалов, но, как и другие его работы, в научном отношении оставляющими желать лучшего (Лемке окончил военное училище и не имел историко-филологического образования).
72. Так Готье назвал Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811—1930). Ирония его, по-видимому, вызвана тем, что в данном случае общество использовалось для политической пропаганды.
73. *Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович* (1873—1923) — с конца 1917 г. лидер РСДРП. В описываемое время член ВЦИК, депутат Московского Совета; хотя в политическом отношении эти посты имели преимущественно декоративный характер, они несколько облегчали ему возможность публичных выступлений. *Южин (Сумбатов) Александр Иванович* (1857—1927) — актер (с 1882 г.) Малого театра, драматург, театральный деятель, народный артист Республики (1922 г.), почетный член Петербургской Академии наук (1917 г.). *Ермолова Мария Николаевна* (1853—1928) — актриса Малого театра (1871—1921), народная артистка Республики (1920 г.), Герой Труда (1924 г.), крупнейшая представительница русского театрального искусства.

74. «Привиденья являются мне даже днем» *(нем.)*. См. также прим. 108.
75. *Государственный ученый совет* был образован в составе Наркомпроса 4 апреля 1919 г. для реформы высшей школы. Постепенно превратился в громоздкое учреждение, занимавшееся, в частности, утверждением уставов, программ, учебных планов, учебников, пособий н т. д. для школ всех уровней. Председателем совета был М. Н. Покровский.
76. В Иваново-Вознесенск был переведен эвакуированный в 1915 г. Рижский политехнический институт; в описываемое время он именовался уже Иваново-Вознесенским (первый выпуск инженеров на новом месте состоялся в том же году). Готье был в числе московских профессоров, привлеченных для чтения лекций.
77. По условиям времени профессора и доценты вынуждены были отмечать традиционный праздник университета — Татьянин день — неофициально.
78. Ректором с весны 1919 г. был М. М. Новиков.
79. После доблестного боя *(англ.)*.
80. *Грушка* — декан филологического факультета. *Мартынов Алексей Васильевич* (1868—1934) — декан медицинского факультета, хирург. *Реформатский Александр Николаевич* (1864—1937) — декан физико-математического факультета, химик. *Винавер Александр Маркович* (1883—?) — первый декан (избранный профессорами и доцентами) нового факультета общественных наук; до этого преподавал на юридическом факультете.
81. Ироническое использование фамилии Н. А. Семашко (1874—1949), народного комиссара здравоохранения (1918—1930), вероятно, объяснялось тем, что в стране свирепствовал сыпной тиф.
82. «Жить без надежды в желании» *(итал.)*.
83. Вероятно, один из лекторов, живших, как и Готье, в общежитии.
84. *Бурылин* — купец, владелец крупной фабрики хлопчатобумажных изделий в Иваново-Вознесенске.
85. Самоучки *(ред.)*.
86. Мирный договор между РСФСР и Эстонской республикой был подписан в Юрьеве (Тарту) 2 февраля.
87. См. Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 5. СПб. 1899, №№ 105, 106.
88. L'angélus *(лат.-фр.)* — здесь колокольный звон, трижды в день призывающий верующих католиков к молитве Богородице.
89. Земную жизнь пройдя до половины // Я очутился в сумрачном лесу (Данте. Ад. I, 1—2. Пер. М. Лозинского).
90. С маленьким мальчиком *(итал.)*.
91. Опять искать подругу жизни *(нем.)*.
92. Профессорский паек был введен постановлением СНК от 23 декабря 1919 года. Число пайков, первоначально 1800, впоследствии было увеличено до 2000 (см. Fitzpatrick Sheila. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917—1921. Cambridge. 1970, p. 82).
93. «Мы жаждем и надежды лишены» (Данте. Ад. IV, 42. Пер. М. Лозинского).
94. *Сергиевский Ю. В.* — возможно, Георгий Владимирович (1886—?), автор работ по истории искусств и истории Западной Европы. Какой Спасск имеет в виду автор, не ясно.
95. В феврале возобновились аресты лиц, связанных с организациями, входившими в Тактический центр (Советом общественных деятелей, Национальным центром и Союзом возрождения России). Об этих организациях см.: Красная книга ВЧК. Т. 2, а также статью С. П. Мельгунова «Суд истории над интеллигенцией» («На чужой стороне», 1923, № 3) и его «Воспоминания и дневники». Вып. 2, ч. 3. Париж. 1964.
96. *Хвостов Михаил Михайлович* (1872—1920) — ученик П. Г. Виноградова, с 1900 г. преподававший в Казанском университете (с 1907 г. профессор всеобщей истории). Главные труды по древней истории и социально-экономической истории нового времени. Позже Готье писал, что Хвостов «блестяще поставил дело преподавания всеобщей истории в Казанском университете» (Московский университет в воспоминаниях современников. М. 1989, с. 570). В Советской Исторической энциклопедии и БСЭ (3-е изд.) датой его смерти указывается 25 февраля.
97. В губерниях Гродненской, Минской, Могилевской, Волынской, Подольской и Киевской (без левобережной части и города Киева).
98. *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — ученый (антрополог, этнограф, археолог, географ) и общественный деятель; организатор и руководитель ряда научных учреждений; заслуженный профессор Московского университета, почетный член Российской АН и многих русских и иностранных ученых обществ. Один из издателей и редакторов влиятельиой в либерально-демократических кругах «профессорской» газеты «Русские ведомости» вплоть до запрещения ее в 1918 году. *Айхенвальд*

— Эйхенвальд Александр Александрович (1863—1944), физик, профессор Московского университета, сотрудник Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства. В том же году эмигрировал.

99. Радикальная партия, основанная в 1881 г., была наиболее влиятельной партией в Сербии, а затем в Югославии; в описываемое время входила в правящий блок. В ней всегда были сильны русофильские настроения. После эвакуации белыми Крыма много эмигрантов попало в Югославию, где они были встречены приветливо и им были созданы благоприятные условия для профессиональной деятельности. Русские ученые внесли большой вклад в развитие в этой стране высшего образования.

100. В литературе о Наркомпросе отмечается наличие в его составе «научной секции» и «научного отдела». Кажется, первая включала научный и библиотечный отделы. *Тер-Оганесов Вартан Тигранович* (1890—?) — астроном, преподавал в Московской горной академии (основанной в 1918 г.); член государственной комиссии по просвещению, член коллегии Научного отдела Наркомпроса (как и Артемьев).

101. Адмирал А. В. Колчак был расстрелян в Иркутске 7 февраля 1920 года.

102. «Парижская жизнь» *(фр.)*.

103. Добрая старая Франция *(фр.)*.

104. Лучше смеяться, чем писать в слезах, ибо человеку свойственно смеяться *(фр.)*.

105. *Угримов Борис Иванович* (1872—?) — ученый-электротехник.

106. *Уварова Екатерина Алексеевна* («маленькая графиня») — дочь графини Прасковьи Сергеевны («старой графини»). Позднее обе жили в эмиграции.

107. Речь идет о «Капповском путче», названном по имени его политического руководителя (Kapp Wolfgang, 1858—1922), одного из основателей (1917 г.) и лидеров Немецкой отечественной партии. Добровольческие отряды из демобилизованных офицеров и солдат, раздраженных «капитулянтским» поведением республиканского правительства, подписавшего Версальский мирный договор, 13 марта заняли Берлин, создали правительство во главе с Каппом, просуществовавшее меньше недели; 17 марта Капп бежал в Швецию, в Берлин вернулось республиканское правительство.

108. Heine Heinrich. Lyrisches Intermezzo, № 37: А я окно в нетерпенье // Завесил черным сукном; // Знакомые мне виденья // Меня посещают и днем (Гейне Г. Собр. соч. Т. 1. Л. 1956, с. 69, перевод Т. Сильман).

109. С мая 1920 г. генерал А. А. Брусилов служил в Красной Армии.

110. *Коган-Бернштейн* — вероятно, Бернштейн-Коган Сергей Владимирович (1886—1951) — экономист и географ, преподавал (с 1920 г. профессор) в различных высших учебных заведениях (в том числе в Московском университете), затем работал в экономических ведомствах. Учеником Струве был, по всей вероятности, в Санкт-Петербургском политехническом институте им. Петра Великого.

111. ... г-иа де Вогюэ — «Русский роман» *(фр.)*. Вогюэ Эжен Мари Мельхиор де — Vogüé Eugéne Marie Melchior de (1848—1910) — виконт, французский дипломат, писатель, историк литературы. Много путешествовал по России, был женат на дочери генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, члена Государственного совета. Прославился главным образом работами о России («Русские сердца», 1893 г.), в особенности книгой о русском романе, о которой пишет Готье (1886, 21-е изд. — 1927).

Приложения автора к дневниковым записям за 1918—1919 годы

1.

(Вопросы истории, 1991, № 12, прим. 34)

В Московскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией. В отдел спекуляции гражданина Юрия Владимировича Готье, проживающего в [...] 1-ом Тверском комиссариате по Большому Знаменскому пер. в д. № 4

Прошение

Прибыв в Москву из разрешенного мне на летнее вакационное время 1918 года отпуска, который я проводил в пределах Тверской губернии, я был уведомлен домовым комитетом о том, что Московская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией (отдел спекуляции) наложила на меня штраф в десять тысяч рублей за приобретение в апреле сего года 1 пуда 5 фунтов сахара вне установленных для получения сахара правил, причем в бумаге, направленной в домовой комитет Комиссией, указано было, что означенный штраф налагается на приобретших сахар как на представителей буржуазного класса.

Настоящим считаю долгом объяснить, что я живу исключительно моим личным трудом, поддерживая существование мое и моей семьи в течение 25 лет только получаемым за личный труд и службу содержанием. Я никогда не эксплуатировал чужого труда и никогда не занимался никакими спекулятивными предприятиями [зачеркнуто: но всегда жил своим интеллигентным трудом]; в настоящее время я работаю в советских учреждениях. Я никогда не имел и в настоящее время не имею никаких посторонних нетрудовых источников дохода и никаких сбережений, вроде текущего счета и т. п.

Такие обстоятельства ставят меня в полную невозможность уплатить наложенный на меня штраф и вместе с тем дают мне основания как человеку [зачеркнуто: трудовому], не принадлежащему к нетрудовой буржуазии и, как видно из прилагаемых удостоверений, состоящему на службе РСФСР, просить Чрезвычайную Комиссию о пересмотре принятого по отношению ко мне решения и о сложении положенного на меня штрафа.

Если же Комиссия не найдет возможным сложить с меня штрафа полностью, то я ходатайствую о его уменьшении с тем, чтобы он погашался путем ежемесячных вычетов из получаемого мною по службе в Московском Государственном Университете и Московском Румянцевском Музее содержания, которое составляет единственный источник моего существования.

При сем прилагаю удостоверение Московского Университета за № 2174 и Московского Рум. Музея за № 436.

2.

(Вопросы истории, 1991, № 12, прим. 44)

Дорогой Юрочка! Как никогда, нам надо было бы быть вместе, чтобы разрешить все вопросы, которые налагает на нас жизнь. Письмами сноситься трудно. Постараюсь быть последовательной. Получив твое письмо, я долго думала, как мне быть: конечно, не будь Володюшки, не было бы разговору — я бы сейчас помчалась к вам, но глядя как он с наслаждением съедает утром яйцо и выпивает минимум крынку молока в день, я решаюсь остаться еще некоторое время — может быть, числа до 8-го — 10. Не знаю, выдержу ли дальше.

Насчет посылок в Москву дело существенно осложнилось. Посылку, которую я отправила вчера, А. С. вернул с любезной запиской, что со вчерашнего дня прием всяких съедобных посылок воспрещен Отделом Снабжения и для отправки (хотя бы до 1-го) нужно разрешение волостного Комитета бедноты. Поговорив с Леной, я решаюсь отправиться туда и подать прошение, хотя и не верую в успех. Что мне делать с Лялькой — вопрос. Сегодня пишу письмо А. Гр. Итак, получения продуктов из Загранья не будет, тем более, что Волков вчера же сообщил, что один из советских заправил ему говорил, что хлеб (всякий — рожь, овес, пшеница, жито[1]) будет отобран вооруженной силой, кроме 12 пудов на человека в год; в общей сложности пищевых продуктов, конечно, оставят только на тех, кто будет на месте, так что и Загранье нам не улыбнется в ближайшем будущем. Единственный выход — сидеть мне здесь до описи, чтобы 36 пудов нам оставили, но при неопределенности этого времени — едва ли я здесь высижу.

Относительно сахарной истории — надеюсь, что она уже ликвидирована и в благоприятном для нас смысле.

Теперь насчет квартиры: мне бесконечно жалко Таню и искренно завидно, что они уезжают. Нам, пока ты сидишь на своих должностях, не тронуться. Да если и двигаться кудa-нибудь, то не по России скитаться, а или уж в Сибирь, а лучше всего в благословенную Францию — я сама дошла до точки и искренно сочувствую тебе. Я не задумалась бы (во Франции ты всегда найдешь себе кусок хлеба при помощи своих друзей), если бы не родители, которых не смогу оставить во всем этом кошмаре — душа никогда не была бы спокойна. Но для Володи, право, было бы лучше увезти его куда-нибудь подальше — ведь бесконечные разговоры о голоде, возможных беспорядках действуют очень нежелательно. Когда я вчера сказала ему, что мы останемся пока в Загранье, он мне ответил — «Тут хорошо, но ведь папа один?» Вечный разлад, вечное беспокойство действует и на него.

Думается, что если французы еще не уехали из России, хорошо было бы поселить двоих в наших комнатах (немцев *ни за что* не хочу). Может быть, они помогли бы нам и в смысле еды — что-то у них бывает. Сдавать надо, конечно, без еды и лучше мужчинам.

У меня мелькает еще мысль, которую ты, может быть, и разделишь. Если у Курдюмовых не намечается казенной квартиры — не соединиться ли с ними? У нас есть некоторое количество муки, у них, верно, будет казенный паек в виде пищевых продуктов. Стоимость кормежки надо разделить, по возможности, пропорционально числу едоков. Квартиру мы дали бы, разделив ее таким образом: им спальню и детскую; нам устроить: в кабинете спальню мне с Володей и его уголок, тебе в гостиной кабинет с диваном. Столовую сделать общей комнатой. Дети, вероятно, поступят в гимназию, вечером будут учить уроки; по возможности, надо было бы взять общую француженку, часа на два—три, когда ты дома, чтобы было потише. Это, конечно, только проект, который надо очень и очень обсудить. Подумай сам, поговори с мамой без свидетелей. Вопрос, конечно, в прислуге (можно было бы Машу сделать только кухаркой без вмешательства в комнаты). Не выйдет эта комбинация еще и тогда, если Курдюмовы хотят брать человека к детям, которого некуда буквально ткнуть. Выгоды такого соединения, мне кажется, в том: 1) иметь своих в доме, 2) кормиться вместе, 3) иметь общую француженку и общую прислугу, 4) облегчить маме, которая, думаю, выбивается из сил, не имея своего угла. Минусы: 1) жить с Митей (хотя едва ли он часто дома), 2) скорее съесть свои запасы такой большой семьей, 3) полный дом народу, 4) больше хлопот мне, благодаря беспомощности Лели с детьми, хотя Юра и Т. будут в гимназии, вопрос значительно упростится, 5) кредитоспособность Мити. Подумай. Конечно, жизнь наша осложнится такой комбинацией, но, может быть, надо соединиться, чтобы легче кормиться и уплотняться своими людьми. Неприятностей с Лелей, надеюсь, у нас не будет. Конечно, может быть, ты разобьешь меня в пух и прах, но так как говорить с тобой я долго не смогу, то пишу тебе то, что говорила бы на словах. Лучше всего для нас было бы, конечно, сдать комнаты французам. Вторая комбинация тоже выход.

Чувствую себя ничего. Картофеля не ем совсем. Сижу на грибах, бобах и каше, которые заняла в усадьбе. Мяса купить негде; яиц почти нет — хватает только Володе, и иногда делаю яичницу; коровы дают мало — 3 кончают доить. На душе тяжело, как и всем — мысли почти всегда в Москве.

Пока кончаю, мой дорогой. Крепко, крепко целую тебя и наших. Напиши что-нибудь про папочку. Справлялся ли в университетской лавке о картошке? Твоя Нина.
26-го августа 1918 г.

3.

(Вопросы истории, 1991, № 12, прим. 46)

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович, Ваша телеграмма не застала меня в Новгороде, а потому я лишь сегодня в состоянии Вам написать.

Владимир Владимирович, слава Богу, жив и здоров, но по-прежнему находится под стражей. За день или за два до Московского покушения и Петроградского убийства[2] дело Вашего брата, в также [дела] товарища прокурора Троицкого и др. поступили из чрезв. комиссии по борьбе с контрреволюцией в трибунал, который намерен был освободить всех заключенных. Но вот грянули события в Москве и Петрограде, все дела были затребованы обратно в чрезв. комиссию в спешном порядке. А на следующее утро было расстреляно 6 человек, в том числе и мой товарищ по службе, бедный В. А. Троицкий. Одно компетентное лицо, которое посетили здесь по делу брата и Вы, рассказало мне, что дело Владимира Владимировича по какой-то счастливой случайности не попало тогда обратно в чрезв. комиссию и, возможно, что только благодаря этому Вл. Вл., волею Божией, не оказался седьмой жертвой.

То же лицо советовало мне (я обращался к нему по поводу возможности освобождения заложников, в числе 60 человек, среди которых находится и наш бывший прокурор) выждать немного, пока не уляжется волнение в сферах по поводу Московского события (и Петроградского), а затем можно будет принять в чрезв. комиссии шаги к освобождению заключенных под залог. В настоящее время уже освобождены 2 купца и один офицер под залоги в 3000—5000 рублей. В чрезв. комиссии все зависит от ее председателя; ныне эту должность занимает местный человек, некий Алексеев, студент. Мне говорили, что это человек с головой и рассудком и далеко не жестокий. Так что, по моему мнению, Вам надлежало бы выехать вновь в Новгород и принять здесь все меры к освобождению брата. К сожалению, все хлопоты лиц

посторонних, не родственников, рассматриваются как вмешательство не в свое дело и потому совершенно бесполезны.

Сейчас я узнал, что освобожден под залог также местный присяжный поверенный Боголюбов, один из заложников. Ваш брат в списках заложников не значится, но ясное дело, что он в свое время не был освобожден лишь в виду наступивших событий в столицах. Думаю, что Ваше присутствие в Новгороде и хлопоты крайне необходимы, и чем скорее, тем лучше. Чем только смогу, я, конечно, сочту своим долгом Вам помочь.

Прошу Вас принять уверения в самой искренней моей преданности и уважении. В. Бок. Новгород, 12 сент. 1918 года

4.

(Вопросы истории, 1991, № 12, прим. 48)

28-го авг. [1918]

Дорогой Юрочка! Хоть писать особенно нечего, но хочется хоть на бумаге поговорить с тобой. Сегодня погода отвратительная! Холодно, 5°, и целый день дождь. Настроение по погоде.

Л[ена] и М[аня] ездили в Комитет, который, вопреки мрачным ожиданиям, обошелся очень благополучно, и комендант Красного Холма, и комиссар были затравлены волостью: хотели отнимать лучших лошадей и вывозить мебель из усадеб для гг. комиссаров — все было отвергнуто. Говорили, что выгнали из имения Калитеевских и расхитили имущество. М. б., и Загранью грозит та же участь?! Иногда меня одолевают мрачные мысли. Следуя им, я завтра отправляю 8 простынь, твой белый костюм и еще кое-что. Что-то в воздухе носится неприятное, и порою жутко за здешнее будущее. Купила я 26 ф. масла по 13.50 за фунт на круг, и Леша Благ[овещенский] всеми правдами и неправдами хочет их отправить. Если теперь не удастся, то, м. б., через некоторое время.

У меня иногда мелькает серьезно мысль во имя экономии соединиться обедом с мамой. М. б., и им в материальном отношении было бы легче. Утром и вечером мы могли бы питаться сами. М. б., лучше я сама поговорю об этом.

Ю. Л. пишет отчаянные письма — но часто звучит та нотка, что ей тяжелее всех. Лена собирается 3-го в Москву отвезти ей по протекции кое-какие продукты с собой. Мне хочется ехать с ней, но заставляю себя не думать об этом и. во имя Володи, высидеть еще недельку. Не знаю, совсем освобожден ли деверь? Тогда он, верно, приедет в З[агранье], а я выеду с теми же лошадьми.

Если история с сахаром не будет ликвидирована, не позвонить ли Лене Р[епман], поместиться на некоторое время у них? Больше, кажется, некуда деваться. Ой, что бы я дала, чтобы быть сейчас с тобой. Часто приходит в голову уехать совсем далеко, но куда?!! Иду спать — 11 часов. Зуд мой меня совсем не беспокоит, и несколько ночей я лучше сплю. Крепко обнимаю тебя, дорогой мой. Поцелуй наших. Буська тебя часто вспоминает. Твоя Нина.

Бедные Вилькены. Ю. Л. писала, что описывают магазин. Чем они будут жить?

5.

(Вопросы истории, 1991, № 12, прим. 51)

31-го августа 1918 г.
Дорогой Юрочек! Сегодня 10 лет, как мы вместе, но кажется, ты мне дороже, чем был тогда. Сегодня особенно часто вспоминаю тебя и ту обстановку, которая нас окружала, особенно ту чистую, лунную ночь, когда мы ехали по белой дороге в Севастополь. Нет, не может быть, чтобы мы больше не переживали южных ночей! Сейчас вернулись с Володей с представления, которое давали Загранские — это вроде театра марионеток — детям очень нравится. Пьеса разбита на 4 вечера. Предварительно мы у них ужинали. Вообще едим мы часто вместе и живем дружно. Решили мы двинуться вместе с Леной 8-го числа, вероятно, на Рыбинск, так что, если ты соберешься к Репманам на 8 и 9, пусть наш приезд тебя не задержит. Съезди, там лучше, чем в Москве. Ты пишешь, что знаешь, что я не высижу лишнего дня — я это делаю только для Володи, который очень хочет еще пожить в Загранье, и для которого каждый лишний день полезен.

Сегодня утром ездили с Лешей Благовещенским отправлять масло; отправили 32 фунта (из них 7 фунтов Лялькиных). Да не удивится tante Marie[3], получив такую приятную посылку от имени А. П. Благовещенского. Я выбрала ее, как носящую фамилию, неизвестную Ал. Серг. Предупреди ее об этом. Как ты знаешь из моего предыдущего письма, все посылки запрещены без разрешения Комитета Бедноты, и масло пошло контрабандой. На днях еду по этим делам в Комитет. Погода не радует. Как нарочно, хорошие ночи, темные, с падающими звездами, и дождливые дни. Обмолотили рожь (76 мер[4]), жито — 24 меры, посадили на овин совсем мокрую пшеницу, чтоб спасти ее от кражи. Сегодня ночью у нас увезли 15 снопов пшеницы. Сегодня начали жать овес, который окончательно, вероятно, и не дозреет. На днях на собрании волостного комитета были Краснохолмские комендант и комиссар, которые объявили, что им нужны выездные лошади и мебель из усадеб. Волостной комитет отверг, но тем не менее комитету заявили, что они сделают, что хотят. Кроме того, в Юрьеве устраивается больница. Я, думая, что они не постесняются взять хорошее белье, убрала часть к сватье, часть к Алекс. Павл. Может быть, все-таки нам суждено еще побывать в Загранье. Две кровати, шкап и стол, часть посуды сданы Образцовым.

Где-то ты сейчас? (11 часов вечера). Крепко целую тебя, мой милый, мысленно, и теперь уже скоро я сделаю это на самом деле. Пишу в последний раз. Да, ты ведь сегодня пируешь на свадьбе. Пей и забудь все! Меня очень беспокоит мама. Целуй их всех за меня. Как я рада буду их видеть. Маша пристает ко мне, чтобы скорее ехать, и собирается тотчас же в деревню.

6.

(Вопросы истории, 1992, № 1, прим. 14)

Дорогой Юра, письмо твое от 22-го июля мы получили на днях, бесконечно обрадовались, так как все время думали о московских друзьях и ни от кого не имели Бог весть сколько времени никаких известий, так чего только в голову не лезло. Я глубоко тронута, что ты вспомнил меня 22-го и благодарю за поздравление. Если бы ты знал, как мы обе стремимся в Москву, как хотелось бы повидать[ся] и поговорить с теми, которых знали и любили столько лет и которые стали нам еще ближе в наши горькие, тяжкие дни.

Об унижении и гибели родины я и не говорю: это такая глубокая, болезненная рана, которая, мне кажется, никогда не заживет. Как счастлива Наташа, что не видит и не чувствует того ужаса, который мы переживаем; что бы было с нею теперь, которая всегда все так близко принимала к сердцу.

Мы все живы, физически бодры и здоровы (хотя Белочка очень худеет), насколько это возможно в наши уже очень преклонные годы. Л. Х. служит, а мне пришлось опять приняться за старое: даю уроки французского языка, но частные и у себя на дому; и счастлива, что есть ученицы, а то при нынешней дороговизне плохо бы нам пришлось, так как с 1-го марта пенсии мы не получаем; вот горе — служили столько лет, а под старость остались без куска хлеба, так как кроме пенсии у нас решительно ничего нет. П. П. тоже жив, но слабеет, да и не мудрено, ведь ему 85 лет.

Живем мы очень однообразно и скромно, почти нигде не бываем, ибо свои ноги плохи, а лошадиные дороги, т. е. к извощикам приступа нет; хорошо еще, что живем все в одном доме и вечера коротаем вместе, а то бы совсем одичали; обо всех ужасах, которые творятся везде, стараемся как можно меньше говорить, так как у всех взвинчены нервы, хотя с тех пор, как б[ольшевики] исчезли, у нас стало гораздо покойнее, по крайней мере не боишься выйти на улицу и быть раздетой, как это было раньше. Как хорошо, что Загранье уцелело, по крайней мере, есть у вас приют, где вы можете отдохнуть. А как мне хотелось к вам туда попасть; помнишь, как в наше последнее свидание мы сговаривались об этом с Ниной и тобою. Ты ничего не писал об Ляле: где он? как поживает? что делает? не женился ли?

Нине передай наш привет и крепкий поцелуй. Тебя тоже позволяем себе, как старухи, сердечно обнять и крепко, крепко поцеловать. Храни вас Бог. Любящая вас М. К. Черкасская.

Хоть изредка давайте весточку о себе. Живы ли Раму[?]

7.

(Вопросы истории, 1992, № 2, прим. 62)

Юрий! Пользуясь любезным посредничеством Н. Г. Тарасова, сообщаю, что с 25.XII ст. стиля живу в Моршанске после того, как до 6-го того же месяца по тому же стилю жил близ ст. Сампур Тамбовского уезда на медицинском пункте в селе Львове. Жена осталась там, девица в бывшем Тамбовском Александринском институте, соединимся ли мы — неизвестно. Мать, по моим сведениям, перенесла благополучно сыпняк. С 3-го января ст. стиля я служил председателем Моршанской комиссии о малолетних преступниках при медико-санитарном отделе, но с 29-го марта меня ушли, т. к., будучи командирован в Тамбов, я выяснил, что таковой штатной должности вовсе не имеется. Недурно? Ныне состою народным судьей по важнейшим делам (судимым шестью заседателями).

Живу и скудно, и скучно, хотя есть кое-какие отношеньишки кое с кем. Защищаю в ревтрибунале, представь себе, — с успехом, так что в последний раз даже барышни глазки делали. Живу, в общем, монахом. Советская власть, по-моему, укрепилась на Аридовы веки, так что мы ее не переживем. Со священством моим тоже плохо — владыка Зиновий в день исповеди моей у ректора бывшей семинарии в Казанском монастыре на первой неделе поста имел наивность предложить мне вакансию псалма.

Как изволите поживать, голодая и холодая, как смотрите на ближайшие перспективы? Мое quasi нелегальное положение оказалось сплошным мифом. Сообщите новости о Москве, пользуясь той же оказией, что и я, т. е. посредством Н. Г. Тарасова. Кто жив, кто умер — я ничего не знаю. Сообщи. Кланяйся Нине Николаевне. Что твой наследник (какая ирония)? Твой А. Гартунг.

P. S. Приезжай к нам на учительские курсы или в народный университет. По воскресеньям сей последний устраивает в летнем театре лекции с прениями, в которых я обыкновенно участвую. В воскресенье пришлось председательствовать на прениях об интеллигенции и революции. В будущее, 11 мая, воскресенье тоже, должно быть, придется председательствовать на лекции моченого полужида Г. О. Гордона о происхождении христианства. Сей последний заведует у нас отделом народного образования, очень умен и интересен и, по его словам, тебя знает. Если и не знает, то судит о тебе правильно.

P. P. S. Будешь читать, увидишься и, думаю, скажешь: горбатого могила исправит — Сашка все такой же: помесь И. А. Хлестакова с Ф. П. Карамазовым. Do widzenia[5].

P. P. P. S. Очень хорошо теперь по железным дорогам ездить — моментально обовшивеешь. Еще раз А. Гартунг.

Адрес мой: Моршанск, Почтовая ул., дом № 55, кв. К. И. Гаршкис.

8.

(Вопросы истории, 1992, № 11—12, прим. 57)

Хранителю Библиотеки Румянцевского Музея.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович, не найдете ли Вы возможным дать мне новую переводную работу, ввиду того, что я и раньше работала для музея, а сейчас располагаю временем и очень нуждаюсь в заработке. Прежнюю работу я смогу сдать немедленно по выходе из тюрьмы, так как она закончена вчерне. Если нужны справки или вообще для переговоров, прошу обратиться к моей матери, по моему городскому адресу. С почтением и благодарностью Е. Л. Рар.

14-го ноября 1919 г. Бутырская тюрьма. Женская одиночка № 9.

Примечания

1. Жито — здесь ячмень.
2. 30 августа в Москве было совершено покушение на Ленина, а в Петрограде убит Урицкий.
3. Тетушка Мария *(фр.)*.
4. Мера зерна — приблизительно 1 пуд.
5. До свидания *(польск.)*.

От редакции

Большую работу по подготовке рукописи дневника Ю. В. Готье «Мои заметки» к публикации и составлению примечаний проделала Марина Павловна Тынкова-Утехина.

В прим. 74 № 9—10 за 1991 г. Д. Г. Фокке назван немецким дипломатом. В действительности он был кадровым офицером российской армии, Генерального штаба подполковником; участвовал в брестских переговорах в качестве одного из военных консультантов при российской делегации.

В прим. 56 № 11 за 1991 г. вместо «тугориальная система» следует читать «туториальная» (от tutorial (англ.) — наставнический) — университетская система обучения путем прикрепления студентов к отдельным консультантам.

В прим. 123 (там же) утверждение, что Н. Н. Суханов никогда не был меньшевиком, неверно: короткое время он был меньшевиком-интернационалистом.

СООБЩЕНИЯ

Канун войны: Сталин и дело Гесса

Г. Городецкий

Полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, с миссией мира в Англию 10 мая 1941 г. остается одним из самых причудливых эпизодов второй мировой войны. То постоянное внимание, которое уделял Гессу в течение войны Сталин, ставило в тупик наблюдателей, считавших это капризом. Но если рассматривать это событие в более широких политических и стратегических рамках, то оно по-иному освещает просчеты Советского Союза в оценке британских и германских намерений накануне 22 июня 1941 года.

Историки, рассматривавшие вопросы германо-советского сотрудничества в 1933—1941 гг., не учитывали другого важного фактора — страха Сталина перед заключением сепаратного англо-германского мирного договора. Между тем этот страх постоянно присутствовал в советской внешней политике еще со времени гражданской войны. События, которые не имели непосредственного отношения к СССР, такие, как Локарнский договор 1925 г., вступление Германии в Лигу наций на следующий год и Мюнхенская конференция, интерпретировались лишь как шаги к тому, что Германия и Великобритания могут сблизиться и соединиться в походе против СССР. Во время «странной войны», зимой 1939—1940 гг., перспектива сепаратного мира, который мог остановить германскую военную машину, продвигающуюся на восток, заставила русских предпринять некоторые усилия в качестве посредника для прекращения войны. В то же время были приняты меры по созданию буферной зоны после неудачи обеспечить безопасность путем дипломатических переговоров в 30-х годах. Предполагалось, что пока Германия и Англия втянуты в военные действия, СССР сможет лучше подготовиться к войне[1].

Ошибочность этого предположения впервые обнаружилась тогда, когда Польша была раздавлена прежде, чем Великобритания смогла вооружить свои экспедиционные войска. Еще более сокрушительной была молниеносная немецкая кампания во Франции. В своих мемуарах Хрущев живо описывает панику, которая охватила Сталина после известия о взятии Парижа: Сталин «разразился отборными ругательствами и сказал, что Гитлер теперь наверняка выбьет из нас мозги»[2].

Сокрушительное поражение Франции подтолкнуло русских добиваться назначения британского посла в Москву. Они надеялись, что это будет истолковано как продолжающееся вовлечение Великобритании в войну[3]. В конце мая 1940 г. послом в Москве был назначен Стаффорд Криппс. Угроза сепаратного мира казалась особенно острой весной 1941 г., в

Городецкий Габриэль — директор института Камминга по исследованию России и Восточной Европы, Тель-Авивский университет (Израиль). Автор книги «Миссия Стаффорда Криппса в Москве 1940—1945» и других работ по истории международных отношений периода второй мировой войны.

свете немецкого вторжения на Балканы, тяжелых поражений, которые понесли британские войска в Греции и Северной Африке, усилившегося в Лондоне недовольства правительством. Еще большая тревога наблюдалась в Москве, когда германский посол граф Шуленбург, который должен был возобновить германо-советские переговоры, начатые Молотовым предыдущей осенью в Берлине, вернулся с пустыми руками после консультаций в Берлине.

Сталин, имевший обширную информацию о намерениях Германии и расстановке ее сил, в равной степени был осведомлен о слабости Красной Армии, серьезно покалеченной чистками 1937—1938 годов. Более того, хотя советская военная промышленность сделала значительные шаги в своем развитии, была несравнима с немецкой — Германия к тому времени контролировала большинство промышленных ресурсов Европы. К концу апреля, после падения Югославии и Греции, Сталин, должно быть, осознал острую необходимость в передышке, что вынуждало его на дальнейшие уступки Германии[4].

Но это решение оказалось недолговременным в связи с неожиданным ухудшением англо-советских отношений, что возродило опасения Советского Союза о заключении сепаратного мира. Эти опасения усиливались той схемой отношений, которая существовала между СССР и Великобританией с момента начала войны. Пакт Риббентропа — Молотова поддерживал политическую концепцию, которая постоянно культивировалась в Форин оффис и которая исключала возможность сотрудничества с СССР на весь период войны. Великобритания даже была на грани войны с Советским Союзом во время «зимней войны» в Финляндии и в марте 1941 г., когда рассматривалась возможность бомбардировки нефтепромыслов на Кавказе[5]. Таким образом, в Лондоне вплоть до первой недели июня считали (и это противоречит последующим утверждениям Черчилля), что массированное сосредоточение немецких войск на востоке является лишь способом воздействия, чтобы обеспечить положительные результаты переговоров, которые (как думали в Великобритании) должны были начаться с СССР[6].

Известное предупреждение Черчилля о намерениях Германии[7], которое было передано Сталину 21 апреля, совпало с неофициальным обращением Криппса к Молотову. Криппс, который не был согласен с концепцией своего правительства, полагал, что единственный эффективный, хотя явно «щекотливый», способ привлечь русских на сторону Великобритании — сыграть на их страхе перед сепаратным миром. Как скоро показали события, в Форин оффис были правы, возражая против использования этого «обоюдоострого оружия, которое могло побудить Сталина еще более цепко держаться за политику умиротворения»[8].

Не посоветовавшись с Лондоном, Криппс вручил Молотову длинный меморандум, в котором описывал трудности, стоящие перед русскими. За этим следовали уговоры и угрозы как последнее средство, чтобы вовлечь их в орбиту союзников. Если прочитать все это вместе с загадочным, кратким и любопытным предупреждением Черчилля, которое Криппс представил через несколько дней, то достигался обратный эффект и с серьезными последствиями — усиление подозрений с советской стороны, что Великобритания в отчаянии стремилась втянуть СССР в войну. Казалось, больше всего русских тревожило предупреждение Криппса: «Я уже говорил Вашему превосходительству, что если война продлится долго, то в Великобритании (и особенно в определенных кругах Великобритании) могло бы возникнуть искушение заключить соглашение об окончании войны на определенной основе, что недавно предполагалось в некоторых влиятельных сферах Германии, а именно — Западная Европа будет возвращена к своему прежнему положению, в то время как Германия будет беспрепятственно вести экспансию за свое «жизненное пространство» на востоке. Такое предложение могло бы также получить отклик в Соединенных Штатах Америки. В этой связи необходимо вспомнить, что целостность Советского Союза не является прямой заботой британского правительства, в отличие от поддержания целостности границ Франции и других западноевропейских стран»[9].

Эти угрозы были достаточно зловещими, хотя возможно, с точки зрения Криппса, эффективными, поскольку они использовали тайный страх русских. После падения Франции они казались особенно обеспокоенными продолжающимся включением в кабинет министров Черчилля «людей Мюнхена», которые могли склонить весы в сторону мира с Германией. После разгрома британских войск в Греции и на Крите, который вызвал рост недовольства в Англии, Майский был проинструктирован о необходимости бдительного наблюдения за «мюнхенскими» элементами в правительстве[10]. Как он признался Беатрисе Вебб, он не исключал, что Великобритания потерпит поражение из-за «предательства правящего класса, нечто вроде Петена и его группы»[11].

Эти опасения усиливал Криппс, который в некотором отчаянии убедил Галифакса, что Майского надо заставить поверить, что ответ Великобритании на мирные предложения Гитлера после поражения Франции будет зависеть от успеха переговоров между СССР и Великобританией[12]. Таким образом, советское правительство было поставлено в незавидное положение: оно было полно решимости наладить отношения с Великобританией и в то же время делало шаги навстречу Германии.

Если проанализировать полет Гесса в свете изложенных событий, то мы поймем позицию Советского Союза в надвигающемся конфликте. Гесс помогал Гитлеру в составлении антибольшевистских разделов «Майн Кампф» и был известен своими контактами и симпатиями к Великобритании. Подозрительность русских, естественно, усилилась, когда британское правительство, застигнутое врасплох появлением Гесса, хранило молчание и не заботилось о том, как это может быть воспринято в Москве[13]. Немцы первые заговорили об этом вечером 12 мая. Только после этого Черчилль подтвердил новости в парламенте, обещая впоследствии дать полный отчет о «полете… очень высокопоставленного и важного нацистского лидера». Публика осталась в нетерпеливом ожидании новостей, которые так никогда и не появились. Форин оффис убедило Черчилля, что было бы лучше оставить Германию в неведении и добиться побольше от Гесса «притворными переговорами и избегая создавать из него героя»[14].

Отсутствие информации возбудило в Москве дикие предположения и подозрения. Хрущев вспоминал, что он сказал Сталину: «Я думаю, что Гесс действительно прибыл с секретной миссией от Гитлера для ведения переговоров с Англией о прекращении войны на Западе, чтобы развязать Гитлеру руки для натиска на восток». Сталин выслушал меня и затем сказал: «Да, это так, Вы понимаете правильно». Когда Майский, ошеломленный, бросился в Форин оффис за информацией, он встретил Р. А. Батлера, заместителя министра, который выполняя правительственный запрет, был «скрытен» и отказался предоставить какую-либо информацию[15]. Майский интерпретировал это молчание как знак того, что Кабинет действительно серьезно рассматривал предложение о мире. Наличие лишь искаженной информации и первоначальные восторженные сообщения в прессе вместе с сообщениями, что герцог Гамильтон намерен поддерживать постоянный контакт с Гессом, а лорд Саймон и Ивон Киркпатрик, бывший советник британского посольства в Берлине, ведут переговоры с посланником Гитлера — все это подкрепило выводы Майского[16].

Казалось, что импровизированное предупреждение Криппса внезапно обрело реальность. Во время дружеского обеда у Веббов 23 мая Майский пожаловался на длинный меморандум Криппса, который вызвал раздражение его правительства. Затем он продолжал говорить о войне, пытаясь выявить их реакцию на идеи Криппса, которые его явно беспокоили: «Будет ли Англия держаться, не выступит ли значительная часть правящего класса за мир путем переговоров с Гитлером? Он сообщил то, что, как он полагал, было правдой о деле Гесса. Гесс совершенно откровенно говорил о цели своей миссии, хотя и отказался подтвердить, что это было совершено с согласия Гитлера. Он хотел убедить британское правительство уступить: Великобритания и союзники будут разбиты в войне за господство в Европе, хотя эта война и обессилит Германию. Германия должна остаться доминирующей силой в Европе, Великобритания должна сохранить империю, за исключением нескольких незначительных потерь в Африке. Затем Германия и Великобритания смогли бы остановить распространение большевизма»[17].

После этого Майский пришел к ошибочному мнению и телеграфировал в Москву: «Борьба началась за кулисами британской политики… Черчилль, Иден, Бевин и все министры лейбористской партии в общем сразу же недвусмысленно высказались против любых переговоров… Но среди министров находились такие люди, как Саймон, которые, поддерживаемые бывшими «клайвденцами» считали, что правительству следует использовать такую неожиданную возможность — прозондировать Гитлера о вероятных условиях мирного договора»[18].

Впечатление Майского было не единственным доказательством того, что может означать миссия Гесса и меморандум Криппса. Советские разведывательные источники подтверждали этот вывод. Рихард Зорге, знаменитый советский агент в Японии, сообщал, что полет Гесса был последней попыткой, санкционированной Гитлером, для ведения переговоров о мире[19]. Из посольства в Берлине В. М. Бережков сообщал, что при посещении Вильгельмштрассе в начале мая он был невероятно удивлен, заметив среди литературы в комнате ожидания довоенные памфлеты, озаглавленные «Германо-британская дружба». Естественно, обеспокоенные русские, как и Криппс, должны были ожидать заявления Черчилля с нетерпением, но тщетно.

Криппс постоянно информировал Форин оффис о том интересе, который проявляли русские к Гессу. Тем не менее он ошибочно предположил, что его угрозы Молотову «были по всей видимости проигнорированы». Но, сознавая всю взрывоопасную силу дела Гесса, он

предложил использовать полученную информацию против русских — либо усилить их страх перед сепаратным миром, либо успокоить их.

«Инцидент с Гессом, несомненно, заинтриговал Советское правительство столь же сильно, как и другие, и, вероятно, возбудил прежние страхи о заключении мирной сделки за их счет. Я, конечно, не осведомлен, до какой степени Гесс готов к переговорам, если готов вообще. Но предположив, что он действительно готов, я очень надеюсь, что вы срочно рассмотрите возможность, как использовать его откровенность, чтобы укрепить советское сопротивление давлению Германии либо а) усилив их страх перед перспективой остаться одним и расхлебывать всю эту заварушку, либо б) подталкивая их к мысли, что заварушка будет не такой страшной, если ее встретить сейчас и в компании, или лучше всего оба варианта»[20]. В следующей телеграмме он продолжал объяснять, что при правильном подходе к делу «эта информация могла бы удержать русских от догадок и убедить их, что сейчас у них есть, за что держаться, но возможно позже ничто их не удержит».

Таким образом, опасения советской стороны, без сомнения, усилились в начале июня, когда было принято решение Форин оффис «использовать Гесса в своих интересах, распространяя ложную информацию». «Мы передали через тайные каналы связи, что полет Гесса — свидетельство растущего раскола из-за политики Гитлера по сотрудничеству с Советским Союзом, и что в случае давления он настоит на заключении краткосрочных выгодных сделок, зная при этом, что будет вынужден их отбросить и нарушить любые обещания, какие могли быть сделаны Советскому Союзу, поэтому в конце концов их положение окажется хуже, чем вначале. Они потеряют потенциальных друзей, и сделают жизненно важные уступки, и будут оставлены одни перед Германией, в ослабленном состоянии»[21].

Эта дезинформация совпала с внезапным вызовом Криппса в Лондон в начале июня для консультаций. Его отъезд сопровождался эвакуацией служащих посольства и их семей на фоне растущих слухов о немедленном столкновении. Пытаясь последний раз удержать русских от уступок якобы имеющимся немецким требованиям, Криппс заявил в неофициальной форме Вышинскому, заместителю министра иностранных дел, что хотя он и вызван для консультаций, но может не вернуться в Москву. Его заявление вызвало «значительное удивление» в Москве. Более того, как бы подтверждая его намерения, жена Криппса вернулась вместе с ним в Лондон, в то время как дочь была эвакуирована в Тегеран[22]. В Форин оффис было отмечено, что известие об отъезде Криппса «было подхвачено почти всеми агентствами новостей 6 июня. Известие вызвало сенсацию среди журналистов всех национальностей в Лондоне и причины этой поездки назывались самые невероятные. Существовала общая тенденция «говорить об ухудшении англо-русских отношений»[23].

Вскоре после этого Майский узнал, что Саймон, поборник «умиротворения», получил задание дать дезинформацию[24]. При тех подозрениях, которые преобладали в Москве, отзыв Криппса вместе с дезинформацией, распространенной Форин оффис о характере его поездки, казалось, подкрепили гипотезу о том, что за кулисами была действительно выработана какая-то договоренность, дающая Гитлеру свободу действий на востоке. Таким же тревожным было косвенное свидетельство, что на Черчилля и Идена было оказано давление со стороны США с тем, чтобы принести СССР в жертву в обмен на мирные предложения.

Почти в тот же день, когда Криппс покинул Москву, Джон Вайнант, недавно назначенный американский посол в Лондоне, отбыл в Вашингтон для консультаций. Его отъезд вновь оживил распространенные в прессе предположения, которым дало толчок дело Гесса, что обсуждается вопрос о сепаратном мире[25]. Эти слухи, полученные из таких авторитетных источников, как бывший президент Герберт Гувер, продолжали распространяться в результате молчания, которое хранили британцы. Русские забеспокоились, что приезд Вайнанта в Вашингтон предвещает ухудшение американо-советских отношений. К 10 июня двум советским помощникам военного атташе было приказано покинуть Соединенные Штаты[26]. Наконец, в своей гипотезе об англо-американских переговорах советская сторона рассматривала и такой вариант, что Великобритания может дать понять немцам, что хочет сохранить нейтралитет, когда начнется война с Советским Союзом. Более того, немцев можно было бы спровоцировать и отвлечь на восток, если бы они заподозрили, что отзыв Криппса связан с консультациями о возможном англо-советском сближении на фоне постоянных слухов о неминуемой войне. Еще было свежо воспоминание о наказании, примененном к Югославии за ее обращение к СССР[27].

Именно в этом контексте следует оценить знаменитое тассовское коммюнике от 13 июня, в котором отрицались слухи о приближающейся войне. В своих мемуарах Майский остановился особенно подробно на собственных предупреждениях Сталину. Он намеренно обманывает читателей, уверяя, что 10 июня он передал в Москву «срочную шифрованную

телеграмму» со специальными данными разведки, которыми его снабдил А. Кадоган, заместитель министра иностранных дел, о намерениях немцев. Впоследствии Майский писал о «чрезвычайном изумлении», с которым он прочел коммюнике ТАСС.

Три раза в мемуарах, которые в остальном довольно приглаженно описывают этот бурный период, Майский подводит читателя к выводу, что «указание на Великобританию, с которого начиналось это тассовское коммюнике, не оставляло места для сомнений, что это был ответ на предупреждение Кадогана»[28]. Доказательством очевидной противоречивости версии Майского служит факт, что важная встреча с Кадоганом, во время которой он получил детальное свидетельство о концентрации сил немцев, произошла не 10 июня, как он утверждает, а скорее 15 июня, после публикации коммюнике. Откровенная дезинформация Майского связана с его попыткой свалить всю вину за неверную оценку ситуации накануне войны на Сталина. Если же учитывать его оценку британской внутренней обстановки, то Майский, без сомнения, за многое должен был бы ответить. Ссылки, которые обрамляют коммюнике и его чрезвычайно осторожный выбор слов, могут служить подтверждением этого искажения. «Указание на Великобританию», которое должно было озадачить Майского, звучало так: «Даже до приезда Криппса в Лондон и *особенно после того, как он туда приехал* (курсив мой. — *Г. Г.*), появлялось все больше и больше слухов о «скорой войне» между Советским Союзом и Германией... Это все не больше, чем неуклюжая пропаганда тех сил, которые заинтересованы в расширении войны».

Криппс добрался до Лондона лишь ночью 11 июня, и коммюнике ссылалось на заголовки в британской прессе от 12 июня, которые указывали, что «некоторое обострение германо-советских отношений было заметным»[29]. Под заголовком «Сэр С. Криппс возвращается; Возможные переговоры с Россией; Надежда на лучшие отношения» «The Sunday Times», например, отмечала, что Россия стремится к улучшению отношений с Великобританией, чтобы воспрепятствовать агрессии Германии[30]. Только Майский мог дать информацию и оценить высказывания британской прессы. Действительно, в беседах с корреспондентом «The Times» по внешней политике вечером 12 июня Майский горько сожалел о том, что было, как он полагал, «трюком Форин оффис во всех газетах вчера утром... Такая официальная кампания... должна оказать наихудший возможный эффект на Москву»[31].

На следующий день, все еще до выпуска официального опровержения, Майский выразил Идену свою озабоченность тем «типом публикаций», которые вряд ли его правительство воспримет как независимое мнение[32]. Как ни странно, в этом предположении было зерно правды. Криппсу и, возможно, Идену не было известно, что пресса получила инструктаж по этому вопросу из Форин оффис[33]. Можно лишь догадываться о мотивах, но Кадоган еще продолжал надеяться, о чем он и пишет в своем дневнике, что русские не подпишут договора во время предполагаемых переговоров с немцами, «так как я страшно хочу увидеть, как Германия будет тратить там свои силы»[34].

Несмотря на декларативный характер, официальное опровержение было предназначено прежде всего для немцев. Надеялись получить реакцию Германии на советское признание, что они осведомлены о концентрации немецких войск. Также важна была попытка не дать Германии неверно истолковать отзыв Криппса как признак того, что ведутся переговоры, на что намекала британская пресса. Действительно, русские очень быстро пожаловались, что официальному опровержению не придали значительного внимания в британской прессе, подразумевая под этим определенное правительственное вмешательство[35]. Майский явно примирился с теми действиями, которые обдумывали в Москве и которые основывались на его сообщениях. Ничто не говорит о том, что до 15 июня он расходился с Москвой в оценке расположения немецких войск[36].

Предчувствие Майского, что Великобритания отчаянно стремилась втянуть СССР в войну, казалось, подтвердила его беседа с Иденом 13 июня, после возвращения Криппса, в день когда было опубликовано коммюнике. Майский совершенно определенно «не выказал никакой личной реакции» и отверг предупреждение Идена, общее по своему характеру, о развертывании сил немцев. Он «был уверен, что [Англия] преувеличивала концентрацию сил немцев. Он не верил в возможность нападения немцев на Россию». Майский открыто обвинил Идена в распространении «сенсационных заявлений» в прессе о неминуемом германо-советском конфликте. Такая деятельность, предупредил он Идена, «не будет понята его правительством». Человек чрезвычайно осторожный, тем не менее он бросил вызов Идену — потребовал немедленно указать источник и детали данных разведки[37].

Необходимость действовать срочно не вызвала реакции у Идена и должно быть усилила подозрения Майского о провокации. Лишь поздно вечером в воскресенье 15 июня было окончательно санкционировано Черчиллем решение расстаться с важным доказательством, полу-

стя в Вашингтоне, — что британский флот шел на всех парах через Северное море для объединенного нападения вместе с Гитлером на Ленинград и Кронштадт»[53].

Поэтому не вызывает удивления, что в переговорах с Великобританией на ранних этапах войны Сталин не стремился к открытию второго фронта, но целеустремленно искал соглашения, которое обязало бы обе стороны не вести переговоры о сепаратном мире[54]. Эти страхи оставались даже после германского вторжения. Во время встречи с Бивербруком в Москве в октябре 1941 г. Сталин «казался сильно заинтересованным Гессом. Сталин дал понять, что он думает, что Гесс приехал не по просьбе Гитлера, но с его ведома»[55]. Осенью 1942 г. Сталин даже требовал суда над Гессом, которого, как он боялся, британцы могли использовать как эмиссара при возможных сепаратных британо-германских переговорах. В течение всей войны Сталин продолжал придерживаться этой интерпретации дела, сообщая Черчиллю даже в 1944 г., что Гесс был вовлечен в совместный британо-германский крестовый поход против СССР, который «не удался»[56].

Примечания

1. MASTNY V. Russia's Road to the Cold War. N. Y. 1979, ch. 1; BEAUMONT J. Comrades in Arms: British Aid to Russia 1941—1945. Lnd. 1980, ch. 1; ROSS G. The Foreign Office and the Kremlin. Cambridge. 1984, pp. 1—10.
2. Khrushchev Remembers. Boston. 1970, pp. 176—177; SALISBURY E. H. The Siege of Leningrad. Lnd. 1969, pp. 67—81.
3. GORODETSKY G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940—1945. Cambridge. 1984, pp. 24—41.
4. ERICKSON J. The Road to Stalingrad. Lnd. 1975, pp. 77—80.
5. Public Record Office, Foreigen Office, Political (далее — FO), 371, 29461, № 6029/243/38.
6. См.GORODETSKY G. Churchill's Warning to Stalin: A Reappraisal. — Historical Journal, 1986, 29(4).
7. Ibid.
8. FO, 371/29480, N1762/78/38.
9. FO, 371/29465, N1828/3/38.
10. Bodleian Library, Oxford, Lord Monckton's Papers, Box 5, p. 49.
11. Webb Papers, Diary, 3. VII. 1940; York County Library, Halifax Papers, A. 7. 8. 4, Diary, 10. VII. 1940; Dalton Papers, Diary, 26. VII.1940.
12. FO, 371/24844: N6072/30/38, 30. VII. 1940.
13. В. Г. Трухановский не случайно назвал в своей книге главу, где говорилось о Гессе, «Англия делает выбор» («Внешняя политика Англии в период второй мировой войны, 1939—1945». М. 1965); см. также: ГУС М. Тайная миссия Гесса. — Военно-исторический журнал, 1960, № 9.
14. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. Lnd. 1971, pp. 175—180.
15. Khrushchev Remembers, p. 137; FO, 371/29501, N227/122/38.
16. Webb Papers, Diary, pp. 7079—7080.
17. Ibid.
18. MAISKY I. Memoirs of a Soviet Ambassador, the War, 1939—1943. Lnd. 1963, pp. 144—147.
19. ВОЛКОВ Ф. Д. Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса. — Новая и новейшая история, 1968, № 6, с. 116; см. также: DEAKIN F. W., STORRY G. R. The Case of Richard Sorge. Lnd. 1966, p. 226.
20. Cripps Papers, Diary, 13. V. 1941; FO, 371/29481, N2171/78/38, 13. V. 1941.
21. FO, 371/29481, N2466, 371/29482, N2787/78/38; The Diaries of Sir Alexander Cadogan, pp. 386—387.
22. FO, 371/29466, N2628/3/38.
23. FO, 371/29466, N2674/3/38.
24. London School of Economics, Beatrice Webb's Papers. Diary, pp. 7103—7, 14. VI. 1941; Foreign Relations of the United States. Bd. 1, Washington, 1941, p.173.
25. WINNANT J. G. A Letter From Grosvenor Squaere: an Account of a Stewardship. Lnd. 1947, pp. 143—144.
26. LASH J. P. Roosevelt and Churchill, 1939—1941: the Partnership that Saved the West. Norton. 1976; Harper Papers. H. 22, f. 21. Harper to Henderson, 22 June 1941; DAWSON R. H. The Decision Aid Russia, 1941. Chapel Hill. 1959, pp. 60—61.
27. См. ВОЛКОВ Ф. Д. СССР — Англия. 1929—1945 гг. М. 1964, с. 343—344.
28. MAJSKY I. Op. cit., pp. 150 ff.
29. News Chronicle, 9. VI. 1941.
30. The Sunday Times, 8—9. VI. 1941.
31. FO, 371/29483, N2862/78/38.
32. FO, 418/87.
33. FO, 371/29483 N2887/78/38; 371/29325, W7499/53/50
34. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. p. 382.
35. FO, 371/29483, N2873/78/38. Отдел новостей Форин оффис сделал заключение после бесед с представителями ТАСС в Лондоне, что советское посольство подозревало британское правительство в распространении сообщений о скором конфликте, пытаясь тем самым втянуть Советское правительство в войну (см. N 2887/78/38).
36. FO, 371/29483 N2862/78/38.
37. FO, 371/29482 N2792/78/38; см. также: GORODETSKY G. Was Stalin Planning to Attack Hitler in June 1941? — RUSI, 131(2), 2. VI. 86.
38. FO, 371/29466, N30478/38. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. p. 388: MAISKY I. Op. cit., pp. 149, 161—165.
39. FO, 371 29466, N3099/3/38.
40. FO, 371 29484, N3047/78/38; The Times Archives — Доусон Галифаксу, 22 июня 1941 г.; 24 июня Галлахер, коммунист, член парламента, обнаружил, что перемена в оценке произошла 19 июня (Parl. Deb. HC, Bd. 372, col. 986).
41. ГОЛОВКО А. Г. Вместе с флотом. М. 1960, с. 14—20; ХАРЛАМОВ Н. М. Трудная миссия. М. 1983, гл. 3; КУЗНЕЦОВ Н. Г. Накануне. М. 1966, с. 324—340; ПАНТЕЛЕЕВ Ю. А. Морской фронт. М. 1965, с. 31—42; ВАЙНЕР Б. Северный флот в Великой Отечественной войне. М. 1964. с. 21—25; ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969, с. 232—234.
42. FO, 371 29483, N2898/78/38.
43. FO, 371 29466, N3099/3/38. Такая же ошибочная британская интерпретация отражена в FO, 371/29482, N2842 и 371/29483, N2891/78/38.
44. ERICKSON J. Op. cit., p. 96; FO, 371/29484, N3005, N3006/78/38.
45. БЕРЕЖКОВ В. Годы дипломатической службы. М. 1972, с. 60—64: SONTAG R. J., BEDDIE J. S. Nazi-Soviet Relations 1939—1941; Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington. 1975, pp. 353—356.
46. FO, 371/29466, N3232/3/38.
47. SELLA A. «Barbarossa»: Surprise Attack and Communication. — Journal of Contemporary History, 1978, 13(3).
48. FO, 371/29466, N3232/3/38; MAISKY I. Op. cit., pp. 156—157.
49. FO, 371/29560, N3056/3014/38.
50. Daily Express, 23. VI. 1941.
51. FO, 371/29466: N3180. 3489/3/38.
52. Cripps Papers. Diary, 9. VII. 1941. Эта навязчивая идея, владевшая Молотовым, видна из записей, сделанных советской стороной, его первых встреч с Криппсом 27 июня 1941 г. в Министерстве иностранных дел в Москве (Советско-английские отношения. Т. 1. М. 1984. с. 47—50).
53. The Library of Congress, Ambassador Davies Papers, Box 11; см. также: Halifax's Papers, A. 7. 8. 9, Diary, 11. XII. 1941.
54. Коалиция: первые, трудные месяцы. Новые документы дипломатической хроники военных лет. — Новое время, 1987, № 1.
55. CAB, 65/20, WP (41)272, № 12.
56. CHURCHILL W. S. The Second World War. Bd. 3. Lnd. 1950, p. 49.

Сестра милосердия Юлия Вревская

Ю. И. Проскуровская

В Петербургской газете «Новое время» 28 января 1878 г. Свято-Троицкая община сестер милосердия с прискорбием сообщала, что «в г. Бяле в Болгарии 24 января скончалась после тяжкой болезни, вследствие неусыпных трудов по уходу за ранеными и больными воинами, сестра Красного Креста, прикомандированная к Свято-Троицкой общине, баронесса Юлия Петровна Вревская». «Русская роза сорвана на болгарской земле сыпным тифом»[1], — написал об этой женщине ее друг, французский писатель В. Гюго. Чувством скорби проникнуто и письмо И. С. Тургенева из Парижа П. В. Анненкову: «К несчастью, слух о милой Вревской справедлив. Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо»[2]. На трагическую смерть Вревской отозвались многие замечательные люди России, посвятившие ей свои произведения, воспоминания.

Когда-то в поле моего зрения попала статья, напечатанная в одной из газет. Автор рассказывал о письме, отправленном в 1879 г. сыном великого поэта А. А. Пушкиным, участником Балканской кампании, командовавшим 13-м Нарвским гусарским полком, из подмосковного имения Лопасня П. Ф. Раменскому и содержавшем подробности гибели его двоюродного брата. В том письме были такие слова: «На его могилу приезжала его старый друг и Ваша землячка Юлия Вревская. Она возложила на могилу венок из белых роз»[3]. Это письмо связывало воедино Мологино Тверской губ., куда оно было адресовано, и слово «землячка». До тех пор не было известно, откуда родом Вревская (в девичестве — Варпаховская).

Мы обратились в Государственный архив Тверской области (ГАТО), где обнаружили дело «По прошению портупей прапорщика Родиона Максимова Варпаховского о внесении его в Дворянскую Родословную книгу Тверской губернии»[4]. Оно содержало родословную Варпаховских. Из нее следовало, что П. Е. Варпаховский (отец Юлии) происходил из рода невельских шляхтичей, которые «по взятии города Смоленска под Российскую державу» выехали в Россию. Их «прапрадеду Станиславу за службу» в 1679 г. «жаловано было имение, состоящее в Бельском уезде в Моненской волости деревня Овинцы с деревнями с крестьянами и с пустошами и со всеми принадлежащими к ним угодьями». Это «имение с крестьянами переходило по наследству от него Станислава к сыну его Якову и от Якова к сыну его Ивану»; «законное же рождение от Ивана Яковлева Варпаховского сына майора Евдокима, от майора Евдокима Иванова Варпаховского сына генерал-лейтенанта Петра и от сего последнего и жены его Каролины Ивановны детей: сыновей Петра, Ивана, Евгения, Владимира и дочерей

Проскуровская Юлиана Израилевна — краевед.

Натальи и Юлии доказывается метрическими свидетельствами и отношением Смоленской, Могилевской и Херсонской духовных консисторий и обер-священника Армий и Флотов». А поиски в Государственном архиве Смоленской области помогли установить, что вышеприведенные сведения были использованы П. Е. Варпаховским для доказательства древности его рода с целью внесения его семьи в родословную книгу дворян Смоленской губ., где они числились с 1852 года[5].

Метрические свидетельства найти, однако, не удалось. Поэтому вызывал сомнения год рождения Юлии — 1841-й, приводимый почти во всех статьях о ней и высеченный на ее памятнике в Болгарии. В «Формулярном списке» П. Е. Варпаховского[6] указано, что его дочерям было: Наталье — 13, а Юлии — 11 лет. Они 1 января 1849 г. находились в Одесском институте благородных девиц. Значит, год рождения Юлии — 1837-й, а не 1841-й. Об учебе сестер Варпаховских в Одессе сведений мы не имеем. В 1848 г., когда отец был назначен командующим резервной дивизией, Варпаховские переехали в Ставрополь. Юлии тогда было более 10 лет. В мае 1849 г. сестры были уже в Ставрополе. Там открылось тогда «Средне-учебное заведение Св. Александры для воспитания женского пола», где они и продолжили свое образование.

Среди документов о дворянском происхождении Варпаховских, хранящихся в Санкт-Петербурге, имеется выписка: «Рождение оной Юлии в метрической книге пехотного Генерал фельдмаршала Герцога Веллингтона полка церкви Покрова Пресвятыя Богородицы за 1838 год под № 2 значится записанным так: 1838 г. генваря 25 числа командира 1 бригады 7 пехотной дивизии генерал-майора Петра Евдокимова Варпаховского православного вероисповедания и законной жены его Каролины Ивановны евангелического вероисповедания родилась дочь Юлия»[7]. Откуда же появился 1841 год? Скорее всего, он заимствован из письма И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской от 25 декабря 1874 г.[8], в котором он сравнивал свой и ее возраст: «Если Вам 33 года — мне целых 55».

В Ставрополе прошла юность Юлии. Окружавшая ее военная жизнь наложила отпечаток на характер доброй и отзывчивой девушки, которая с ранних лет отличалась серьезностью и деятельной любовью к людям. Атмосфера героизма, рассказы о военных событиях, страдания раненых и больных — все волновало ее. В Ставрополе же Юлия познакомилась с бароном И. А. Вревским.

Вревские, дети из крепостного гарема князя А. Б. Куракина, образовали русский баронский род, получивший фамилию от погоста Врев Островского уезда — пригорода Пскова, где находилось имение их отца, подаренное ему в день коронации Павла I. А австрийский император Франц I в 1808 г. даровал ему баронство для его старших детей. Младшие же получили от царя Александра I дозволение именоваться баронами в 1822 г. с пожалованием им российского потомственного дворянства. И. А. Вревский был человеком большого мужества, трижды награжденный золотым оружием с алмазами и надписью «За храбрость». Он выбирал, как о нем говорили, «самые почетные позиции по опасности» и, по словам М. Д. Скобелева, «один стоил четырех конных дивизий»[9].

Уже немолодой генерал был холост. Юная Юлия, сиявшая красотой, завладела его сердцем. В конце 1855 г. он писал брату Борису в с. Голубово Псковской губ.: «Я тебя еще не известил о моем очень скором браке с Юлией Варпаховской... Жюли будет 18 лет; она блондинка, выше среднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами; добра — бесконечно. Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюбленным состоянием, но успокойся, это голос всеобщего мнения»[10]. Письмо датировано 25 декабря 1855 г., то есть 18 лет Юлии должно было исполниться через месяц. Значит, баронессой она стала в начале 1856 года. Это подтверждает в своих воспоминаниях А. Л. Зиссерман, занимавшийся с середины 1855 до марта 1856 г. у Вревского перепиской документов: «В последнее время моего пребывания при нем он женился на дочери генерала Варпаховского»[11].

Молодожены поселились во Владикавказе. Туда же переехали мать Юлии, сестра и компаньонка-англичанка. Юлии нелегко было исполнять обязанности хозяйки дома, где постоянно толпились сослуживцы ее мужа и деловые люди. Но она вносила в быт семьи жизнерадостность, сердечность, тепло и нежность. Не забывала она и о «незаконных» детях Вревского, рожденных от черкешенки, к тому времени умершей, окружив их заботой и вниманием и ничуть не осуждая мужа за легкомысленный шаг его молодости, ибо, будучи дочерью военного, хорошо знала жизнь кавказских офицеров.

Весной 1856 г. Вревский с Юлией и ее родственниками побывал на Орловщине, где вместе с братьями считался совладельцем с. Мишкова Малоархангельского уезда. Он представил молодую жену крестьянам как их барыню, но долго задерживаться в имении не стал, так как надо было начинать подготовку к летней экспедиции в Лезгинстан, которой суждено было

стать последней в его жизни. 20 августа он был тяжело ранен и спустя десять дней скончался на 45-м году жизни.

Вместе с матерью и сестрой осенью 1858 г. Юлия уехала в Петербург. Александр II не оставил без внимания вдову прославленного генерала: Юлия была назначена фрейлиной ко двору императрицы Марии Александровны. Она проводила много времени в теплых краях, Вревская сопровождала ее в поездках в Венецию, Александрию и Палестину. В течение многих лет она оставалась одной из самых блистательных великосветских дам. «Я во всю свою жизнь не встречал такой пленительной женщины, — писал граф В. А. Соллогуб. — Пленительной не только своей наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой... Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла никому злословить, а, напротив, всегда в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны. Многие мужчины за ней ухаживали. Много женщин ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее в чем-нибудь, и самые злонамеренные люди склоняли перед нею голову»[12].

На найденной в архиве поэта П. В. Шумахера фотографии Вревской стоят слова: «Святая. Очень меня любила и жалела». В одном из писем он признавался, что всем, что в нем имелось лучшего, он обязан нескольким женщинам, в том числе Вревской[13]. Болгарский общественный деятель и ревнитель болгаро-русской дружбы С. Заимов вспоминал: «Молодая и красивая баронесса жила большей частью в Париже, в близкой дружбе с великим французским писателем Виктором Гюго и великим русским поэтом и беллетристом Тургеневым. В их обществе она была самым милым и избалованным ребенком, всегда осыпанным их отцовскими ласками. В высших петербургских кругах благодаря своей красоте и уму она занимала первое место. Все толпились вокруг нее, чтобы полюбоваться ее красотой, молодостью, остроумием»[14].

Но Вревскую не удовлетворяла светская жизнь — ей было скучно. Она мало жила в Петербурге, часто путешествовала, а также подолгу оставалась в орловском имении Мишково. Ее связывала с Тургеневым глубокая дружба. Их знакомство произошло в начале 1870-х годов. Потом они неоднократно встречались и вели оживленную переписку. Сохранилось, однако, лишь восемь неполных писем Вревской к нему, хотя дошло до нас 50 писем Тургенева Вревской. Шутливые по форме и вместе с тем лиричные, они доныне читаются как фрагменты «тургеневской повести в письмах», которой суждено было трагически оборваться. Из них мы узнаем о некоторых фактах жизни Вревской и привязанности к ней писателя, считавшего ее своим близким другом.

В 1874—1877 гг. Вревская и Тургенев встречались в орловской деревне, на заграничных курортах, в Париже и в Петербурге. Писателю очень нравился громадный черно-полосатый дом в мавританском стиле на Литейном проспекте в Петербурге, где поселилась Юлия Петровна вместе с семьей сестры. Напоминая ей однажды об ожидающей их скорой встрече, Иван Сергеевич писал: «Через две недели я в Вашем восточном кабинете»[15]. Тургенев относился к ней нежнее, чем к другу, но она отстраняла всякие иные отношения, кроме чисто дружеских. «Между нами остался все тот же ров, — писала она ему в апреле 1876 г., — по которому смирнехонько бежит Карлсбадская водица — да что за нужда, все-таки я Вас крепко и крепко люблю, и перепрыгивать через ров нам нет ни малейшей надобности»[16].

В ту пору русское общество было особенно занято «славянским вопросом». Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и начавшаяся за ним сербо-черногорско-турецкая война породили жесточайшие османские репрессии против славянского населения Балкан. С июня по всей России стали формироваться отряды добровольцев на защиту «братушек». Этим объясняются постоянные возвращения к теме войны в переписке Тургенева с Вревской. Когда 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции, «воинственная горячка охватила всех; все старались быть причастниками к делу. Кто хлопотал поступить в действующие войска; кто в Красный Крест, кто жертвовал... одним словом, всякий старался, как мог, выразить свою готовность быть хоть чем-нибудь полезным в эти важные минуты»[17].

Среди неравнодушных к чужой беде оказалась и Вревская. Узнав о ее решении ехать на фронт сестрой милосердия, Тургенев пишет из Парижа: «Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным — и чтобы Ваше здоровье не потерпело»[18]. Последняя их встреча произошла в Павловске, на даче у поэта Я. П. Полонского. По случаю отъезда Вревской в Болгарию там собрались ее близкие друзья. Юлия Петровна была в сером платье с полосатым фартуком из бумажной ткани и красным крестом на груди, на голове — белая косынка. «Тургенев прибыл не один, — вспоминал сосед Полонского по даче. — С ним вместе приехала дама в костюме сестры милосердия. Необыкновенно симпатичная, чисто русского типа, черты лица ее как-то гармонировали с ее костюмом... Это была баронесса Вревская... Тогда начиналась война за освобождение Болгарии, и баронесса спешила на театр военных действий, чтобы посвятить себя деятельности сестры милосердия»[19].

В июне 1877 г. уезжали на войну сестры милосердия Свято-Троицкой общины и девять «доброволок», в том числе Вревская, изъявившие желание принять на себя звание сестер Красного Креста и готовившиеся к этой деятельности несколько месяцев на курсах. В час отъезда на Варшавском вокзале было многолюдно, играл духовой оркестр. Сестры Свято-Троицкой общины направлялись в румынский город Яссы, где им предстояло работать в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале — «главном средоточии помощи Красного Креста в тылу армии». Медицинский персонал госпиталя трудился почти круглосуточно. Воинские поезда не успевали вывозить из Ясс массы прибывавших. Сестры работали в операционных, перевязывали раненых, раздавали лекарства, наблюдали за сменой белья, разносили пищу, кормили больных и тяжелораненых, по очереди сопровождали санитарные поезда из товарных вагонов, лишенных малейших приспособлений.

«Раненых у нас много умирает, — пишет Юлия Петровна сестре, — офицеров пропасть под Плевной выбыло из строя... Ты можешь себе представить, что у нас делалось, едва успевали высаживать в другие поезда — стоны, страдания, насекомые,.. просто душа надрывалась. Мы очень устали и когда приходили домой, то, как снопы, сваливались на кровать, нельзя было писать, и давно я уже не читала, ни строчки, даже газет»[20]. По выражению Вас. И. Немировича-Данченко, очевидца и участника той войны, «эти „сливки общества“ в данном случае не киснули», их деятельность «доказывала, что высокие доблести жен декабристов не перевелись еще»[21].

В короткие минуты отдыха Вревская писала письма на родину: маленькие новеллы о беспримерном подвиге и великих муках, выпавших на долю русских солдат. «Как можно роптать, когда видишь перед собою столько калек, безруких, безногих и все это без куска хлеба в будущем». Жизнь эта, столь непривычная ей, оказалась ей по душе: «Я совершенно привыкла к нашей жизни, и мне было бы скучно без дела. Я очень рада работе, и меня тут, кажется, довольно любят»[22].

После четырех месяцев изнуряющей работы ей полагался двухмесячный отпуск, но она не уехала на родину, а решила провести отпуск в Болгарии, где в прифронтовых госпиталях не хватало сестер и сотни раненых сутками ожидали своей очереди, чтобы получить медицинскую помощь. Кроме того, ей хотелось побывать на передовых позициях. В ноябре 1877 г. в прифронтовое село Бяла въехал санитарный фургон, с которым, наконец, добралась до своего нового места службы Вревская. Турки стремились пробиться к этому удобному в стратегическом отношении селу. Госпиталь находился под постоянной угрозой нападения. Персонал часто не спал ночи напролет. Помощь оказывали, главным образом, тяжелораненым, остальных сразу эвакуировали в тыл. На 400 раненых приходилось пять сестер. Кроме того, нужно было присутствовать при операциях, делать перевязки.

«Наконец-то, кажется, буйная головушка нашла себе пристанище, — писала Вревская Тургеневу. — Я в Болгарии, в передовом отряде сестер... Тут уже лишения, труд и война настоящая, щи и скверный кусок мяса, редко вымытое белье и транспорты с ранеными на телегах. Я живу тут в болгарской хижине, но самостоятельно. Пол у меня земляной и потолок на четверть выше моей головы. Мне прислуживает болгарский мальчик, т. е. чистит мои большие сапоги и приносит воду. Мету свою комнату сама, всякая роскошь тут далека... Сплю на носилках раненого и на сене. Всякое утро мне приходится ходить за 3 версты в 48 бастион, куда я временно прикомандирована»[23].

Сестер на передовых перевязочных пунктах называли «счастливицами». Одной из них и стала Юлия Петровна. Она приняла участие в сражении у Мечки. Хрупкая женщина под градом пуль выносила из боя раненых и тут же оказывала им помощь. «Нас было всего три сестры, другие не поспели, — пишет она сестре. — Раненых в этот день на разных пунктах было 600 с убитыми, раны все почти тяжелые и многие из них уже умерли»[24]. Она самоотверженно ухаживала за ранеными и больными, одна из немногих ходила в тифозные бараки. «Тут слишком много дела, чтобы можно было бы решиться оставить, — писала она сестре в своем последнем письме, — все меня тут привязывает, интересует. Труд здешний мне по сердцу и меня не утомляет в том виде, как он тут, а в болезни бог волен»[25]. 5 января 1878 г. она заболела тяжелой формой сыпного тифа, а 24 января, не приходя в сознание, скончалась.

Вревская хотела быть похороненной в Сергиевой пустыни под Петербургом, где покоились ее мать и брат Иван, но судьба распорядилась иначе. Она ушла в могилу, не оплаканная ни близкими, ни родными. Ее оплакали раненые, за которыми она самоотверженно ухаживала. Они же рыли могилу в промерзлой земле и несли ее гроб. Похоронили ее в платье сестры

милосердия, у ограды местной церкви в Бяле, а колокола ее возвестили о кончине русской милосердной сестры, «положившей душу за други своя». Одного дня не дожила она до своего 40-летия.

В современной Бяле одна из улиц носит ныне имя Вревской. В домике музея «Освободительная война» с портрета неизвестного болгарского художника смотрит на нас молодая женщина с крупными чертами лица и черными, глубокими, подернутыми грустью глазами. Строгое темное платье. Косынка медицинской сестры. Стоя перед этим портретом, вспоминаешь строки из стихотворения в прозе Тургенева, посвященного ее памяти: «Нежное кроткое сердце... И такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... Она не ведала другого счастья... Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает». В заповедном парке Бялы, на могильном холме, на небольшом прямоугольном камне вырезаны слова: «Сестры милосердия Неелова и баронесса Вревская. Январь 1878 г.».

Примечания

1. БРАЙНИНА Б. На Старой Планине. М. 1975, с. 345.
2. ТУРГЕНЕВ И. С. Письма. Т. 12, кн. 1. М.—Л. 1966, с. 280.
3. Вечерняя Москва, 8. VI. 1976.
4. ГАТО, ф. 645, оп. 1, д. 505.
5. Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии. Смоленск, 1897, с. 59.
6. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 14720, оп. 1, д. 109.
7. Центральный государственный исторический архив, ф. 1343, оп. 18, д. 374, л. 157.
8. ТУРГЕНЕВ И. С. Письма. Т. 10. М.—Л. 1965, с. 344.
9. Цит. по: КРЕТОВА М. Привилегия духа. — Неделя, 1988, № 19, с. 10.
10. ВРЕВСКАЯ Н. П. Ю. П. Вревская-Варпаховская. — Архив Военно-медицинского музея Вооруженных сил СНГ (СПб.).
11. ЗИССЕРМАН А. Л. 25 лет на Кавказе. СПб. 1879, с. 396.
12. Исторический вестник, 1886, т. 26, № 12, с. 508.
13. НАЗАРОВА Л. Н. Подвиг сестры милосердия. — Звезда, 1978, № 3.
14. Цит. по: БРАЙНИНА Б. Ук. соч., с. 346.
15. ТУРГЕНЕВ И. С. Письма. Т. 12, кн. 1, с. 133.
16. Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН, ф. 5777, б. 67, лл. 1 сл.
17. Не смолкнет эхо над Балканами. М.—София. 1988, с. 40.
18. ТУРГЕНЕВ И. С. Письма. Т. 12, кн. 1, с. 161.
19. ОБОДОВСКИЙ К. П. Рассказы об И. С. Тургеневе. — Исторический вестник, 1893, № 2, с. 359.
20. ИРЛИ РАН, ф. 13452, LXXIII, б. 2.
21. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Год войны. Т. 1. СПб. 1879.
22. ИРЛИ РАН, ф. 13452, LXXIII, б. 2
23. Там же, ф. 5777, б. 67, лл. 1 сл.
24. Там же, ф. 13452, LXXIII, б. 2.
25. Там же.

Ржева Пустая

Н. В. Пиотух

История города Ржевы Пустой практически не известна. А раннему ее периоду посвящено несколько страниц в работе А. А. Попова «Новоржев»[1]. Между тем она играла заметную роль в средневековой истории Руси. Земли, на которых находилась Ржева Пустая, примыкали к древнейшей территории Великого Новгорода. В конце XVI в. Пусторжевский уезд занимал верховья р. Полисти, часть течения р. Локни, рек Сороти и Шести, а на юге доходил до верховьев р. Великой, где находилась область Заволочье[2]. Ржевская дань Новгороду сложилась после распространения новгородского владычества на Псков и течение р. Великой, то есть в XI веке. К XIV в. ржевская область была уже освоена новгородцами, о чем свидетельствует «Устав князя Ярослава о мостех»[3]. В одной из его статей перечислены городские и провинциальные сотни, среди которых на первом месте стоит Ржевская. Роль этих сотен заключалась в финансировании работ по ремонту Великого моста в Новгороде. Перечисленные в Уставе сотни (после Ржевской) относятся к землям в пределах Новгородской области, так что «нет оснований полагать, что название «Ржевьская» представляло исключение и относилось бы не к Ржеве Новгородской, а к Ржеве Володимерской»[4].

Название сотни идет от ее центрального населенного пункта. Им являлась Ржева Пустая. Первое упоминание о ней относится к концу XIV в. — в «Списке русских городов дальних и ближних». Существовала путаница в историографии, возникшая в связи с тем, что неподалеку от Ржевы Пустой в верховьях Волги находится еще одна Ржева, сохранившаяся до наших дней, — Ржева Володимерова. А поскольку о Ржеве Пустой упоминаний в документах сохранилось немного, а ее самой давно нет, свидетельства о ней часто относят к Ржеве на Волге. Но последняя никогда не называлась Пустой и не входила в состав новгородских земель, будучи территориально и исторически связанной со Смоленской землей[5].

В «Списке русских городов дальних и ближних» Ржева Пустая упоминается среди литовских городов. М. Н. Тихомиров[6] тоже относил ее к городам Верхней Волги и отождествлял с Ржевой Володимеровой. Он доказывал, что автор «Списка» был новгородцем. Однако трудно допустить, чтобы последний ошибся при перечислении новгородских городов, тем более что в «Списке» названа еще одна Ржева, среди залесских городов, совершенно очевидно являющаяся Володимеровой. Именно летописи помогают понять, почему Ржева Пустая указана среди литовских городов. Впервые она упоминается под 1405 г. (по новгородским летописям) и под 1406 г. (по псковским). Тогда Витовт «без вести» «повоевал Псковскую волость, и город Коложе взя на миру», — сообщает летописец. Псковитяне попросили

Пиотух Нина Валериевна — аспирантка Исторического факультета Московского университета.

помощи у Новгорода. Но его воеводы заявили, что их «владыка не благословил идти на Литву, а Новгород не указал. но идем с вами на немци». Однако Псков-то просил о помощи против Витовта. Псковитянам пришлось собрать «охочих людей», и они «шедше повоеваша Ржеву, а на Великих Луках стяг Коложский взяша и полону много приведоша». Новгородская летопись так описывает те события: псковитяне «ехавше на крестном целовании повоеваша села Новгородцькая Луки и Ржеву»[7].

Ясно, почему в «Списке» Ржева Пустая указана среди литовских городов: в начале XV в. она находилась под властью Великого княжества Литовского[8], а текст новгородской летописи отразил стремление новгородцев вернуть свои владения. Разорив Ржеву Пустую и Великие Луки, псковитяне отомстили Литве за Коложе, а новгородцам — за отказ в помощи.

После постройки в 1536 г. нового уездного центра волости, города Заволочье, Ржева Пустая продолжала существовать. В 1542 г. она была отдана В. В. Карамышеву в наместничье кормление. В 1614 г. взимались «со Ржевы Пустой, и з Заволочья, и з Дворцов» «кабатцкие деньги»[9].

О местонахождении Ржевы Пустой пока можно говорить лишь предположительно. Одни историки отождествляли городище Ржева Пустая с горой Ржевой возле дер. Подоржевки, на берегу р. Алоль, неподалеку от погоста Бардово. Другие считали, что Ржева Пустая находилась возле современного Новоржева, примерно на месте дер. Орша[10]. Нам представляется справедливой вторая точка зрения, но с той поправкой, что город располагался не к северо-западу от Новоржева, а восточнее или северо-восточнее, то есть на территории Борутского, а не Оршанского, стана XVI—XVII веков.

Хорошо известно, какое значение в средневековье имели традиции и как строго выдерживался формуляр официальных документов. В писцовой книге Пусторжевского уезда конца XVI в. вслед за описанием уездного центра Заволочья в южной части уезда следует описание Борутского стана в северной его половине. Таким образом сохранилась более ранняя традиция, когда уездным центром была Ржева Пустая. В той же писцовой говорится: «Да в Борутском же стану в черной волости в Борутской у Покрова святые Богородицы на речке на Борутице двор зелейной пуст»[11]. Но зелейные дворы, как правило, располагались на посадах или вблизи города.

Итак, в начале XV в. Пусторжевская волость подпала под власть Литвы, но не полностью. Зимой 1436 г. новгородцы «ходиша на Великие Луки ратью и повоеваша; тогда же и Ржеву воеваша, своих данщиков, а они не почаша дани давати новгородцем». Раз Ржева Пустая упоминается вместе с Великими Луками, которые находились в совместном владении Новгорода и Литвы уже в конце XIV в., можно предположить, что в 1430-е годы Пусторжевская волость тоже находилась в совладении. В летописи Ржева называется «данщиком» Новгорода. Перемирные грамоты XV в. указывают, что с этой волости дань шла и Литве[12]. Такое положение сохранялось на протяжении всего XV века.

Поход новгородцев 1436 г. был вызван тем, что ржевичи и лучане перестали платить дань Новгороду. Между тем новгородский владыка и бояре были в ней заинтересованы не только с экономической. но и с политической точки зрения: отказ от дани повлек бы за собой потерю этой территории. В декабре 1478 г. при переговорах между Новгородом и Москвой, когда Иван III потребовал передачи ему ряда волостей, принадлежащих архиепископу, монастырям и боярам, «владыка с посадники и с житьими, пришед к великому князю, явили ему волостей Луки Великие и Ржеву Пустую, он же не взя того»[13].

Новгородцы легко отказывались от двух городов, полностью им не принадлежавших, стремясь откупиться от великого князя Московского наименьшей ценой. Но в 80-е годы XV в. Ржева Пустая платила дань уже не только Новгороду и Литве, а и Москве. Это изменение зафиксировала грамота о ржевской дани[14]. Наименьшая часть дани шла Москве. Старинные даннические отношения были у Ржевы Пустой с Новгородом. Подтверждением служит то, что основная часть дани владыке и новгородским боярам с Бардовского погоста исчислялась в белках (с переводом на деньги) — старинной единице обложения.

Грамота о ржевской дани позволяет составить представление о территории и административном делении Пусторжевской волости в конце XV века. Она делилась на погосты Ошевский и Бардовский. Каждый из них состоял из третей: в Ошевском погосте — Ошевская, Туровская и Будкинская, в Бардовском — Бардовская, Ольская и Ругодевская. Ошевская треть делилась на три губы: Блицы, Цевло и Ратча. Погосты Ошев и Бардово, вероятно, были территориально-административными центрами волости. А. Н. Насонов ошибочно полагал, что г. Острей и область Заволочье в конце XV в. составляли часть Пусторжевской волости[15]. Но, как следует из той же грамоты, в конце XV в. то была литовская территория с королевским наместником.

Совместное владение территориями в Великолуцкой и Пусторжевской волостях отражало характер пограничных отношений Новгорода, Москвы и Литвы даже в XVI в., когда имели место частые набеги и велись переговоры о принадлежности той или иной волости, постоянно переходившей из рук в руки, что оборачивалось жестокими разорениями. Что касается Пусторжевской волости, то присоединение Новгорода к Москве принесло ее населению новые беды.

В 1484 г. весной Иван III «присла своих москвичь много множество в Великий Новгород, с всею ратною приправою, а потом иных присла своих людей на Ржову»[16]. Скорее всего, именно об этих московских посланниках говорится в грамоте о ржевской дани[17]. Сначала приехал князь Иван Лыко «и судил и грабил люд — што хотел, то на них брал». То же самое творили его слуги Тимофей и Бурец. Население волости трижды приводилось к присяге, не один раз раскладывались денежные сборы, много «рухляди, платья» было награблено княжескими слугами. Особенно пострадали те, кто служил Великому князю Литовскому. Результатом стало утверждение в Ржеве Пустой власти Великого князя Московского. Фактически произошел вооруженный захват территории, состоявшей в даннических отношениях с Литвой. «В течение 1488—1491 гг. шла дипломатическая переписка об этих землях. Мир 1494 г. признал их за Россией»[18].

В дальнейшем великие князья московские и цари, отодвигая западную границу все дальше, увеличивали территорию Пусторжевской волости. В результате перемирия 1503 г. «в районе Ржевы Пустой к России был присоединен город Острей с волостями Веснеболого, Березай, Усвай, Ловцы, Невель». Затем произошло присоединение Заволоцкой области с волостью Долыса в результате военных действий 1530-х годов, закрепленное договором 1537 года[19].

Основным способом укрепления границ было строительство на новых землях порубежных крепостей. В Пусторжевской волости в апреле 1536 г. было построено Заволочье, ставшее ее административным центром. «Тое же весны замысли государь наш князь великий Иван Васильевич новый город поставити от Литовского рубежа на Заволочье, озеро Подце, а остров Груда, начаша звать его по озеру Заволочье... и посажан свел на Заволочье, и повеле им там дворы ставити»[20]. Новый город был поставлен на о. Груда (оз. Подцо, через которое течет р. Великая). В Заволочье не просто были сведены «посажане»: великий князь велел перевести туда дворы из Ржевы[21]. Заволочье располагалось в самой южной точке Пусторжевской волости, запирая верховья Великой — основного пути к Пскову.

Героическая страница в истории Заволочья связана с последним этапом Ливонской войны. Город успешно оборонялся с 5 до 23 октября 1581 г. и сдался только после того, как польский король Стефан Баторий прислал подкрепления. 200 воинам Заволочья противостояло тогда около 4 тыс. неприятельских солдат. Согласно мирному договору 1582 г. Заволочье с Пусторжевским уездом осталось в пределах России. В том же году началась перепись уезда.

К концу XVI в. территориально-административное деление Пусторжевского уезда изменилось. Место погостов и третей заняли 12 станов. Военным центром уезда оставалось Заволочье, а административным стали постепенно Дворцы, расположенные в средней части уезда. Крупным населенным пунктом уезда был также г. Острей. Неподалеку от современного Новоржева стояла торгово-промышленная слободка Михалкова. Возле нее находилась пристань, куда приплывали купцы с товаром из Пскова[22].

В Смутное время Заволочье захватили поляки. Когда русские отбили город, поляки сожгли крепость. В середине XVII в. воевода С. Коведяев настаивал в связи с «нетихими» вестями с литовской стороны на восстановлении островной крепости, острога на посаде и на присылке в Заволочье государева наряда. Местные же помещики, монастыри и «всяких чинов люди» не видели необходимости в воссоздании крепости вследствие удаленности Заволочья от основной территории уезда — город «вдался в литовскую землю», из-за чего холопы и крестьяне в военное время «збегали в ыные твои государевы городы». И просили они для «воровства и управы» быть по-прежнему «губному старосте, а не воеводе... на Дворцах»[23].

За вторую половину XVII в. Заволочье так и не было отстроено[24], а во время Северной войны крепость уже не имела большого значения. В 1777 г. был возведен новый уездный центр — Новоржев, существующий поныне. От крепости Заволочье сохранилось только городище на острове да легенды о кладах, бытовавшие у жителей дер. Заволочье, что на месте древнего посада[25].

Примечания

1. ПОПОВ А. А. Новоржев. Л. 1977.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. СПб. 1848,с. 301; ЩЕКАТОВ А. Словарь географический Российского государства. М. 1801—1809, ст. «Заволочье, область...».
3. Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М. 1984, с. 233—248.
4. НАСОНОВ А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, с. 124.
5. ПСРЛ. Т. VII. СПб. 1856, с. 240—242; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.—Л. 1950, с. 475—477; ТИХОМИРОВ М. Н. Список русских городов дальних и ближних. В. кн.: Русское летописание. М. 1979, с. 94—96; карты в кн.: КУЧКИН В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М. 1984, а также с. 146—147.
6. ТИХОМИРОВ М. Н. Ук. соч., с. 84—94.
7. ПСРЛ. Т. IV, с. 145, 197.
8. Великие Луки в это время находились в совместном владеии Новгорода и Литвы (ТИХОМИРОВ М. Н. Ук. соч., с. 177), что нашло свое отражение и в «Списке», где Луки указаны дважды: как литовский и как новгородский город.
9. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I: 1257—1613. М. 1898, № 140; Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 28. М. 1912, с. 65.
10. СОФИЙСКИЙ Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков. 1912, с. 188; ГОДОВИКОВ И. Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. 1. Псков. 1912, с. 23; ВАСИЛЬЕВ М. Е. Городище Ржева Пустая. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 150. М. 1977; БЕЛЯЕВ И. Д. О географических сведениях в древней России. — Записки Русского географического общества. Кн. VI. СПб. 1852, с. 206.
11. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1209, К, № 8183, лл. 55 об. — 56.
12. ПСРЛ. Т. IV, с. 210; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л. 1949, №№ 70, 77.
13. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, с. 872; ПСРЛ. Т. VI. СПб. 1853, с. 216.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб. 1846, с. 87—89; Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб. 1866, № 29; РИБ. Т. 27. СПб. 1910, № 140.
15. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 124—125.
16. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 873; ПСРЛ. Т. V. СПб. 1851, с. 42.
17. Это летописное свидетельство может помочь при датировке грамоты, время создания которой не совсем ясно. В «Актах, относящихся к истории Западной России» указана дата «после 1479 г.»; в «Сборнике Муханова» — 1488 г.; в РИБ текст приведен без даты. Видимо, она была написана между 1484 и 1488 годами.
18. ШЕЛАМАНОВА Н. Б. Образование западной части территории России в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. М. 1971, гл. 2, с. 5; Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 35. СПб. 1882, с. 137.
19. ШЕЛАМАНОВА Н. Б. Ук. соч., гл. 2, с. 10, 14; Сб. РИО. Т. 35, с. 396; т. 59. СПб. 1887, с. 63.
20. ПСРЛ. Т. IV, с. 301.
21. Разрядная книга 1475—1598 под 7044 г. Древнейшая разрядная книга офиц. ред. М. 1901, с. 99; ПСРЛ. Т. VIII. СПб. 1859, с. 291.
22. ЦГАДА, ф. 1209, № 8183, лл. 12 об. — 22.
23. Сборник Московского архива Министерства юстиции (Сб. МАМЮ). Т. 6. М. 1913, №№ 76/III, 76/IV, 78.
24. Сб. МАМЮ. Т. 5, № 70, 7136/1627, №№ 72—86.
25. СОФИЙСКИЙ Л. И. Ук. соч., с. 189.

Ричард III — миф и реальность

А. А. Петросьян

Августовским днем 1485 г. на болотистом поле близ английского селения Босворт завершилась «великая усобица Алой и Белой Розы». Так именуют растянувшуюся почти на три десятилетия баронскую войну между двумя ветвями королевского дома Англии, Ланкастерами и Йорками, в их борьбе за престол. В гербе Ланкастеров была алая роза, в гербе Йорков — белая. В том сражении погиб последний представитель династии Плантагенетов король Ричард III, и на престол взошел основатель новой династии Генрих Тюдор.

В британской истории, пожалуй, нет более мрачной фигуры, чем Ричард III. Благодаря У. Шекспиру, создавшему в своей драме «История Ричарда III» неповторимый образ законченного злодея, его имя стало на протяжении столетий школьно-хрестоматийным олицетворением зла и всяческих преступлений. Но был ли Ричард действительно таким, каким его изобразил великий драматург? Открытие и публикация не известных ранее документов заставили исследователей переосмыслить предание о «кровавом тиране»[1]. Развернулись острые дебаты, в которые включились и советские историки[2].

Ричард Йоркский, герцог Глостер, младший брат короля Эдуарда IV (1460—1483) родился в октябре 1452 г., накануне «войны Роз». В ходе развернувшихся политических коллизий он оставался верен Эдуарду. Даже в критические для династии дни, когда бо́льшая часть знати, включая герцога Кларенса (брата Ричарда), перешла на сторону ланкастерцев, Ричард сохранял верность королю, разделив вместе с ним тяготы и трудности вынужденного изгнания. В решающих битвах при Тьюксбери и Барнете 1471 г., где были разгромлены основные силы ланкастерцев, юный герцог сражался с большим мужеством и полководческим искусством.

Преданность Глостера, воплощенная в его девизе «Верность — превыше всего», была по достоинству оценена королем: он получил руку самой богатой невесты Англии Анны Невиль и был назначен наместником северных графств. Именно там, в самом неспокойном краю королевства, считавшемся традиционной опорой ланкастерцев, проявились незаурядные качества Глостера как талантливого военачальника и администратора. За время наместничества он не только усмирил Север страны, но и превратил его в главную опору Йорков[3].

Тот, реальный Ричард совсем не походил на шекспировского «коварного герцога», снедаемого непомерным честолюбием и стремившегося любой ценой захватить престол. Современники единодушно отмечали, что «Глостер был чужд политических интриг и всячески старался держаться подальше от королевского двора, предпочитая жить на севере, в тихом Йорке»[4]. Последние пять лет правления Эдуарда IV Глостер оставался правой рукой своего капризного и подозрительного брата, был достаточно влиятелен и популярен и зарекомендовал себя как умный и деятельный правитель.

Петросьян Александр Армаисович — кандидат исторических наук.

Как же повел себя Глостер после смерти короля в феврале 1483 года? Согласно завещанию Эдуарда IV, престол переходил к его старшему сыну, 12-летнему принцу Эдуарду, при регентстве Глостера. Однако королева Елизавета Вудвиль и ее многочисленные родственники попытались совершить переворот. Захватив Тауэр и королевскую казну и не известив Глостера о смерти брата, они решили ускорить коронацию юного Эдуарда и провозгласить Елизавету регентшей. С этой целью в замок Лудлоу, где находился наследник, были отправлены с вооруженным отрядом в 2 тыс. человек лорды Риверс и Грей, то есть брат и сын Елизаветы[5].

Получив вскоре известие о смерти короля, Глостер, вместо того чтобы сразу двинуться в столицу, что было бы естественно для человека, намеревающегося захватить власть, отправился в Йорк, где привел к присяге юному Эдуарду V местную знать. Даже узнав от Гастингса, лорда-камергера покойного короля, о событиях в Лондоне, Глостер не вызвал подкреплений, а отправился с небольшим отрядом в 600 человек навстречу наследнику престола. И только в Стратфорде, после свидания с герцогом Бекингемом, подтвердившим сведения о перевороте, Глостер прибег к решительным мерам: арестовал вождей заговора Риверса и Грея и вместе с Эдуардом V двинулся к Лондону[6].

Попытка переворота провалилась. Большинство знати, враждебно относившейся к «выскочкам» Вудвилям, поддержало Глостера. Елизавета вместе с младшим сыном и пятью дочерьми укрылась в Вестминстерском аббатстве. 4 мая Глостер торжественно вступил в столицу, где был провозглашен лордом-протектором королевства. Это было встречено жителями города весьма благожелательно. Дальнейшие действия Глостера как регента свидетельствуют о его намерениях короновать своего племянника. Необходимые распоряжения о предстоящей коронации 22 июля были отданы сразу же по прибытии в Лондон. Наследник с подобающими почестями был препровожден в Тауэр, служивший тогда одновременно и королевской резиденцией. Там он должен был находиться, в соответствии с традицией, вплоть до коронации.

Но 9 июля произошли события, изменившие ситуацию и породившие новый политический кризис. О том, что произошло, мы можем судить на основании официальных документов. Летописцы же хранят молчание по этому поводу. Как явствует из письма епископа Т. Лангтона, во время экстренного заседания королевского совета епископ Уэльса Р. Стилингтон сделал неожиданное заявление о том, что покойный король до брака с Елизаветой был тайно обручен с леди Элеонорой Тальбот[7]. Это означало, что дети Елизаветы, включая Эдуарда V, являются незаконнорожденными и, следовательно, не могут наследовать трон.

На следующий день Глостер отправляет письма в Йорк с требованием «прислать войска для борьбы с королевой и ее сторонниками, намеревающимися убить меня и кузена Бекингема», а также «предать суду арестованных лордов Грея и Риверса в связи с вновь открывшимися обстоятельствами»[8]. Драматический эпизод в истории «июльского кризиса» произошел 13-го, во время очередного заседания королевского совета. Согласно скудной информации хронистов, «во время заседания были арестованы архиепископ Ротергэм, епископ Мортон, лорды Стэнли и Гастингс»[9], причем последний тут же был обезглавлен во дворе Тауэра.

Судя по всему, открытие Стилингтона, означавшее для Вудвилей крах их надежд, побудило партию королевы на организацию нового заговора, в который был вовлечен через Джейн Шор, любовницу покойного Эдуарда IV, недалекий лорд Гастингс[10]. Состоялась ли действительно помолвка Эдуарда IV с леди Элеонорой или же показания Стилингтона были фальшивкой, сочиненной кем-то из окружения Ричарда, не желавшим правления малолетнего короля, ибо это предвещало борьбу за власть различных группировок и, возможно, гражданскую войну? Определенно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Большинство исследователей, учитывая любвеобильное сердце Эдуарда IV, склоняется к первой точке зрения. Брат Ричарда герцог Кларенс поплатился головой за попытку раскрыть какую-то «тайну» короля [11]. В сложившейся обстановке открытие Стилингтона устраивало бо́льшую часть знати и горожан, желавших внутреннего мира. Неудивительно, что парламент, собравшийся 22 июля, на основании представленных ему доказательств о двоеженстве Эдуарда IV специальным актом отстранил от престола все его потомство как незаконнорожденное и постановил передать корону Ричарду Глостеру.

6 августа 1483 г. в присутствии почти всей английской знати состоялась торжественная коронация Ричарда III и его жены Анны Невиль. Как же проявил себя новый король? Его кратковременное правление было ознаменовано рядом реформ, многие из которых предвосхитили последующее законодательство Тюдоров[12]. Даже противники Ричарда признавали, что он был хорошим законоведом, «много сделавшим для облегчения жизни людей»[13].

Неудивительно, что в народной памяти Ричард остался «добрым королем, убитым вследствие измены, к большому огорчению простого люда»[14]. Но как политик Ричард оказался недостаточно дальновидным, чтобы удержаться на престоле. Сказались его чрезмерная доверчивость к людям, неискушенность в интригах и отсутствие элементарной бдительности, столь необходимой государственному деятелю. Цепь измен разных лиц из ближайшего окружения Ричарда — лучшее тому подтверждение.

Через месяц после коронации Ричарда против него поднял мятеж его кузен Бекингем. Заговорщики, возглавляемые опытным и честолюбивым интриганом епископом Д. Мортоном, действовали в династических интересах Генриха Тюдора, единственного уцелевшего представителя боковой ветви Ланкастеров, которого они намеревались женить на дочери Эдуарда IV принцессе Елизавете и тем самым соединить две ветви враждующих домов[15]. После подавления восстания Ричард ограничился казнью вероломного герцога и амнистировал большинство участников заговора, в том числе главную интриганку графиню Стэнли, то есть родную мать Генриха. Подобные меры явно не вяжутся с образом тирана и деспота, каким обычно изображают Ричарда.

А как же со знаменитой историей о «малолетних принцах», умерщвленных, согласно молве, по приказу Ричарда? Согласно «Большой хронике Лондона», последний раз принцев видели незадолго до коронации Ричарда, игравших на лужайке Тауэра[16]. Дальнейшая их судьба окутана мраком, и никаких сведений о том, что с ними произошло, нет ни в одной из хроник современников Ричарда. Вряд ли он был заинтересован в устранении племянников, тем более после коронации. И вряд ли примирилась бы с убийством принцев их мать Елизавета. Не таков был характер этой энергичной, честолюбивой, неутомимой в интригах женщины[17].

После мятежа Бекингема Елизавета Вудвиль примирилась с Ричардом III и вместе с дочерьми была допущена к королевскому двору. Наконец, имеются данные о том, что принцы вообще были живы в правление Ричарда: в книге коменданта Тауэра обнаружена запись от 9 марта 1485 г. насчет расходов на содержание «лорда-незаконного сына» (как именовался в официальных документах того времени юный Эдуард V)[18]. Устранение принцев скорее соответствовало династическим интересам Генриха Тюдора, нежели Ричарда: их смерть повышала шансы претендента в борьбе за престол. Именно Генрих и его сторонники, нашедшие убежище во Франции, начали распространять слухи об убийстве детей Эдуарда IV. На основании показаний епископа Мортона, бежавшего из Англии, французский канцлер Гильом де Рошфор в речи на открытии Генеральных Штатов (январь 1484 г.) обвинил Ричарда в казни племянников[19]. Особенно активно пропагандистская кампания против Ричарда велась с весны 1484 г., и не случайно. Именно тогда скоропостижно скончался сын Ричарда, и перед страной вновь встала династическая проблема. «После пасхи 1484 г., — писал анонимный хронист монастыря Кройланд, — появилось особенно много слухов об убийстве принцев по приказу короля Ричарда»[20]. Когда же на следующий год скончалась долго болевшая жена Ричарда королева Анна, из Франции был пущен слух о том, что она отравлена Ричардом, чтобы он мог жениться на его племяннице, принцессе Елизавете. Ричарду пришлось публично отрицать подобное намерение[21].

7 августа 1485 г. Генрих Тюдор с армией французских наемников высадился на западном побережье Англии[22]. Опираясь на поддержку уэльсской знати и войск лорда Стэнли, самого могущественного магната Юго-Западной Англии, поднявшего мятеж против Ричарда, претендент направился к Лейстеру, где находилась королевская армия. 22 августа оба войска приблизительно одинаковой численности (по 5 тыс. человек) встретились на Босвортском поле. Исход битвы предопределило предательство «самого верного и преданного» магната из ближайшего окружения короля, герцога Нортумберленда, который со своими отрядами не вступил в сражение. Окруженный со всех сторон, Ричард III отказался бежать и погиб с оружием в руках: единственный такого рода английский монарх, если не считать полулегендарного Ричарда Львиное Сердце, который пал при осаде крепости. Разбитую боевым топором королевскую корону нашли в кустах боярышника и тут же возложили на голову Генриха Тюдора.

28-летний Генрих VII обладал как раз теми качествами, которых недоставало Ричарду: изворотливым умом, мастерством скрытой интриги, дальновидностью. Первым делом он решил юридически закрепить свои сомнительные права на престол и тем самым оправдать узурпацию власти. По его настоянию парламент аннулировал прежний порядок престолонаследия и принял акт «об измене Ричарда и его сторонников»: Ричард был обвинен «в тирании, узурпации престола и многочисленных убийствах»[23]. Но в парламентском акте не содержалось никакого обвинения Ричарда в убийстве принцев, кроме неясной фразы о «пролитии дет-

ской крови». Для укрепления прав на престол Генриху было необходимо доказать, что мужская линия Плантагенетов пресеклась со смертью детей Эдуарда IV. В противном случае принцы являлись бы прямыми наследниками трона, тем более что дети Эдуарда были легитимированы специальным парламентским актом. Иначе Генрих не смог бы жениться на принцессе Елизавете.

Однако никаких заявлений на этот счет не последовало. Не была даже отслужена заупокойная месса по убитым принцам. Новый монарх упорно хранил молчание об их судьбе. Но вряд ли можно согласиться с версией о причастности Генриха Тюдора к смерти принцев[24]. Если бы это было действительно так, то первый Тюдор мог легко переложить ответственность за преступление на Ричарда, предоставив в качестве доказательства содеянного останки других детей того же возраста. Молчание Генриха VII скорее свидетельствует о том, что он сам точно не знал, что произошло с принцами и живы они или нет. Такая ситуация, учитывая непопулярность нового монарха, которого по признанию его канцлера Т. Бэкона «ненавидело почти все королевство»[25], грозила серьезными последствиями.

Дважды, в 1487 и 1491 гг., Англию потрясали выступления самозванцев, выдававших себя за детей Эдуарда IV, что едва не опрокинуло трон Генриха VII. Если самозванство первого претендента, 11-летнего сына пекаря Л. Симнела, было легко установлено, то личность другого искателя престола, некоего П. Варбека, до сих пор остается загадочной. Ряд исследователей, учитывая внешнее сходство Варбека с Эдуардом IV, прекрасное знание им придворных тайн и упорное нежелание Генриха VII провести очную ставку претендента с королевой Елизаветой и ее дочерьми, вполне допускают тот факт, что Варбек действительно был старшим сыном Эдуарда IV[26].

Чтобы разрешить «проблему принцев» и уберечь трон от появления новых претендентов, правительству Генриха требовалось убедить всех в смерти детей Эдуарда IV, убитых «преступным узурпатором» Ричардом. Одним словом, понадобилась легенда о «преступном тиране». И за дело взялись послушные хронисты, начавшие писать «новую историю» правления Ричарда III. Первый камень в основание этой легенды заложил современник Ричарда монах Д. Роуз, автор иллюстрированной истории графов Варвиков, показавший пример политического приспособленчества. После воцарения Генриха он переделывает свою «Историю» и превращает Ричарда из «самого благородного и справедливого правителя на Земле» в «воплощение Антихриста, казнившего невинных младенцев»[27]. Он же первым указал на физическое уродство Ричарда, изобразив его сухоруким и горбатым карликом с демоническим лицом. Это описание внешности Ричарда, ставшее традиционным в тюдоровской историографии, являлось лишь злобной карикатурой. Ни сохранившееся портретное изображение Ричарда, ни современные ему описания не содержат даже намека на физические уродства, которыми наградил его Роуз. По свидетельству императорского посланника фон Поппелау, получившего аудиенцию у короля весной 1485 г., «Ричард был человеком приземистым и кряжистым, обладавшим огромной физической силой... Его лицо выражало ум, энергию и волю и было не лишено привлекательности»[28].

Придворный хронист, лондонский купец Д. Фабиан добавил новое звено к цепи преступлений, якобы совершенных Ричардом, обвинив его в убийстве Генриха VI и в расправе над собственным братом Кларенсом[29]. Так постепенно стал создаваться образ короля-тирана и официальная версия «истории принцев». Для вящей убедительности не хватало только очевидцев преступлений Ричарда.

Весной 1502 г. по обвинению в «секретной переписке с врагами престола» был арестован Д. Тирел, комендант крепости Гине — одной из опорных английских баз во Франции. Верный слуга Ричарда III, Тирел после воцарения Генриха был лишен должностей и владений, но через год неожиданно получил прощение с восстановлением в прежней должности коменданта Гине, на каковом посту он находился вплоть до своего ареста. Приговоренный к смертной казни, он покаялся в убийстве принцев, совершенном им по приказу Ричарда III. Согласно его «Исповеди», Ричард сразу после коронации в августе 1483 г. послал к коменданту Тауэра Р. Бракенбури специального гонца с секретным письмом о тайной казни принцев. Однако комендант отказался исполнить приказ, и тогда Ричард поручил дело Тирелу, снабдив его королевским мандатом со всей полнотой власти в крепости на одни сутки. Получив ключи от Тауэра, Тирел и его сообщник-лакей наняли наемных убийц, которые ночью задушили принцев. Тела убитых захоронили под лестницей. Позднее их останки по приказу Ричарда перезахоронил неизвестный священник, который вскоре умер[30].

К моменту появления «Исповеди» Тирела из всех участников предполагаемой трагедии оставались в живых двое: сам Тирел и лакей. Последний, подтвердив показания своего господина, был отпущен на свободу и даже вознагражден пожизненной пенсией при условии постоянного проживания во Франции[31]. «Исповедь» Тирела является грубой фальшивкой, сочиненной в угоду Генриху VII и не выдерживающей критики. Первое, что бросается в глаза, — странный способ отдачи приказа о казни принцев. Гораздо проще было дать устное распоряжение и не оставлять такой улики, как письмо. Невероятным кажется и тот факт, что констебль Тауэра, отказавшийся выполнить королевский приказ, продолжал пребывать в должности и пользоваться расположением Ричарда, а не был устранен как опасный свидетель. Трудно предположить, что передача ключей от Тауэра даже на одну ночь прошла бы не замеченной служителями крепости и что они не преминули бы сообщить об этом Генриху во время их допроса осенью 1486 года. Наконец, почему правительство Генриха не провело официального расследования обстоятельств гибели принцев? Почему главный участник трагедии был казнен за совершенно другое преступление? Более того, Генрих VII вплоть до самой смерти так и не рискнул предать гласности «Исповедь» Тирела. Ни один из хронистов короля (ни Б. Андре, ни приглашенный из Италии Полидор Вергилий, допущенный к государственным архивам) не упоминает об «Исповеди» Тирела[32].

Завершающую роль в создании легендарного образа Ричарда сыграл государственный деятель Т. Мор, придавший этой легенде литературную окраску. Написанная около 1513 г., его «История Ричарда III» представляет собой яркий образчик произведения гуманистической мысли с осуждением всякой тирании[33]. Основные события правления короля Ричарда, описанные знаменитым утопистом, с огромной художественной силой были воссозданы им по воспоминаниям главного противника Ричарда кардинала и канцлера Генриха VII Д. Мортона, чья пристрастность и тенденциозность очевидны. В этой связи достоверность сочинения Мора вызывает у исследователей большие сомнения[34]. Авторитет и репутация Мора как человека и ученого оставались, однако, столь высоки на протяжении столетий, что его «История» превратилась в основной источник по описанию правления Ричарда III, из которого черпали сведения все последующие авторы, начиная с хронистов и кончая Шекспиром. Именно «золотое перо» Мора, вдохнувшее в легенду о Ричарде вечную жизнь, завершило оформление тюдоровского мифа о «кровавом тиране».

В 1933 г. историки с нетерпением ожидали результатов вскрытия «предполагаемых останков принцев», обнаруженных еще в 1674 г. под Белой башней Тауэра во время ремонта и погребенных в Вестминстерском аббатстве. В результате вскрытия было установлено, что найденные там кости принадлежат двум детям от 10 до 12 лет. Однако их пол определить не удалось. Экспертиза не установила также, к какому времени относятся останки. Найденные же кости говорят скорее против предположения, что это останки принцев. Иначе их нашли бы во время осмотра Тауэра властями Генриха VII. Кроме того, факт, что кости были обнаружены на глубине 10 футов, опровергает легенду о неизвестном священнике, перезахоронившем принцев[35].

Результаты вскрытия не оправдали надежд и еще больше подлили масла в огонь научной критики. Судьба принцев по-прежнему остается загадкой. Но в любом случае истинный Ричард существенно отличался от образа «кровавого убийцы и тирана». Конечно, незачем идеализировать его личность, как это делают некоторые авторы, изображающие его чуть ли не «последним благородным рыцарем Англии»[36]. Поколение, воспитанное в кровавых усобицах, равнодушно смотрело на кровь, и Ричард не являлся исключением. Вместе с тем правильно будет демонический характер, которым традиция наделяет Ричарда, оставить достоянием легенды, сохранив в истории образ талантливого, импульсивного, мужественного и честолюбивого человека[37].

Примечания

1. Richard the Third. Lnd. 1956; LAMB V. The Betrayl of Richard III. Lnd. 1973; KENDALL P. Richard the Third. Lnd. 1972.
2. БАРГ М. А. Шекспир и история. М. 1979; ЧЕРНЯК Е. Б. Приговор веков. М. 1971.
3. KENDALL P. Op. cit., p. 48.
4. Ungulph's Chronicle of the Abbey of Croiland. Lnd. 1854, p. 43.
5. ЛОЖКИНА Т. Г. К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III. В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 2. Л. 1976, с. 51.
6. Там же.
7. ELLIS H. Original Letters. Vol. 1. Lnd. 1827, p. 35.

8. Ibid., p. 39.
9. Ungulph's Chronicle, p. 76.
10. Новейшие исследования показали, что Гастингса казнили позднее, 20 июля, остальные заговорщики были прощены (HANHAM A. Richard III, Lord Hastings and the Historians. — English Historical Review, 1972, vol. 87, № 343).
11. ЧЕРНЯК Е. Б. Ук. соч., с. 234.
12. ШТОКМАР В. В. История Англии в средние века. Л. 1973, с. 122.
13. Memories of King Richard the Third and Some of His Contemporaries. Boston. 1902, p. 127.
14. Ibid., p. 134.
15. ЛОЖКИНА Т. Г. Ук. соч., с. 54.
16. The Great Chronicle of London. Lnd. 1938, p. 165.
17. БАРГ М. А. Ричард III, сценический и исторический. — Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 112.
18. MARKHAM C. Richard III. Portway. 1968, p. 146.
19. JENKINS E. The Princes in Tower. Lnd. 1976, p. 45.
20. Ungulph's Chronicle, p. 73.
21. Судя по письмам Елизаветы Ричарду, она действительно была влюблена в короля (GARDINER I. History of the Life and Reign of Richard the Third. Lnd. 1878, pp. 257—258).
22. За помощь, предоставленную французским двором, Генрих обещал навсегда отказаться от прав на Нормандию, Анжу, Гиень и Кале (REES D. The Son of Prophecy. Lnd. 1985, pp. 89—90).
23. Rotuli parlamentorum. Vol. III, Ip. VII. Lnd. 1936.
24. ЧЕРНЯК Е. Б. Ук. соч., с. 123.
25. Memories, p. 217.
26. Richard the Third, pp. 67—68.
27. Memories, p. 216.
28. HANHAM A. Richard III and His Early Historian. Oxford. 1975, p. 123.
29. Ibid., p. 143.
30. Ibid., pp. 153—154.
31. Ibid., p. 159.
32. ЧЕРНЯК Е. Б. Ук. соч., с. 123—124.
33. Подробнее см.: ОСИНОВСКИЙ И. Н. «История Ричарда III» Томаса Мора. В кн.: Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький. 1974.
34. Richard the Third, pp. 67—69.
35. JENKINS E. Op. cit., p. 234.
36. MARKHAM G. Op. cit., p. 12.
37. БАРГ М. А. Ук. соч., с. 197.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке

В. А. Дьяков

В ходе развития любой национальной историографии выдвигаются на первый план ученые, чья исследовательская деятельность становится эталоном научной добросовестности и профессионализма. Именно такое положение долгие годы занимал среди польских историков Стефан Кеневич. В библиографии, опубликованной к его 80-летию, значится 712 позиций, в том числе более 30 книг[1]. Ко дню его кончины — 2 мая 1992 г. — общее число его трудов достигло 800, а может быть, и превысило этот уровень.

Кеневич родился 20 сентября 1907 г.; он происходил из шляхетской семьи, жившей до 1917 г. в своем родовом именье Дерешевичи (Мозырьский уезд Минской губернии). В 1918 г. семья перебралась из Белоруссии в Польшу. Патриотические традиции семьи и атмосфера возрождения независимости Польши после длительной и тяжелой борьбы с иноземными захватчиками повлияли на мировосприятие Кеневича-студента и в значительной мере определили его научные интересы. Окончив в 1930 г. исторический факультет Познаньского университета, он одновременно дебютировал в печати магистерским сочинением об одном из соратников Т. Костюшко, активно участвовавшем в подготовке восстания 1794 года[2].

В Польше есть две ученые степени: доктор и доктор хабилитованы. Первую из них Кеневич получил за диссертацию о состоянии польского общества во время Познаньского восстания 1848 г., написанную под руководством М. Хандельсмана[3]. Хабилитационной диссертацией его стала биография Адама Сапеги; опубликованная до войны, она была защищена в 1946 году[4]. В 1937—1946 гг. Кеневич служил в Архиве Министерства финансов, продолжая научную работу. Постепенно исследовательские интересы Кеневича сосредоточились на истории Королевства Польского, принадлежавшего Российской империи. Свой путь ученого Кеневич прокомментировал 31 октября 1987 г. в интервью М. Турскому: «Магистериум я сделал в Познани, докторат в Варшаве, а хабилитацию в Кракове. Что касается моего внимания к различным регионам Польши, то пребывание в Познани породило интерес к этой части страны, выразившийся в монографии об И. Дзялыньском. Потом по заказу семьи была написана книга, посвященная Адаму Сапеге и всему этому магнатскому роду, имевшему большие владения в Галиции; а когда я получил кафедру в Варшавском университете, мне стало ясно, что я должен заняться историей так называемой Конгрессувки, Варшавы и Варшавского университета»[5].

В автобиографии предвоенный этап своей жизни Кеневич оценил весьма скромно: «В течение девяти лет после окончания учебы я издал две порядочные книги, а в остальном мало чем проявил себя. От природы несмелый, я сторонился контактов с коллегами, не

Дьяков Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

бывал на съездах историков. Опубликовал до 1939 г. несколько сообщений и несколько рецензий; время от времени мне удавалось напечатать в «Kurierze Warszawskim» какую-либо юбилейную «халтуру». Вместе все это составило 18 библиографических позиций»[6].

В период гитлеровской оккупации Кеневич участвовал в движении Сопротивления, являясь сотрудником Отдела информации и пропаганды Главного командования Армии Крайовой. Раненный в Варшавском восстании 1944 г., он затем оказался в немецких концентрационных лагерях, а после войны довольно долго находился в западных зонах оккупированной Германии. По словам Кеневича, многие из окружающих советовали ему остаться в эмиграции, но «я хотел возвратиться на родину как можно скорее, во-первых, из-за жены и детей, во-вторых, потому, что не понимал, как можно заниматься историей Польши, находясь за ее пределами»[7].

В 1946 г. Кеневич стал экстраординарным, а в 1949 г. — ординарным профессором Варшавского университета; в 1958 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1965 г. — действительным членом Польской Академии наук (ПАН). С момента создания Института истории ПАН в 1953 г. и до 1968 г. Кеневич работал в нем в качестве заместителя директора по научной части. В 1969 г. он был избран председателем Комитета исторических наук, занимающегося координацией исследовательской работы внутри страны и внешних связей польских историков, и 20 лет оставался на этом посту. Выйдя в 1978 г. на пенсию, Кеневич продолжал исследовательскую деятельность и работу в университете и академии, хотя возраст и ухудшающееся состояние здоровья все более давали о себе знать.

Большое место в научном наследии Кеневича занимают публикации источников. Наиболее значительные из них «1848 год в Польше» (1948 г.), «Польская революция 1846 года» (1950 г.), «Социальные и экономические перемены в Королевстве Польском в 1815—1830 гг.» (1951 г.), «Галиция в 1850—1914 годах» (1952 г.), «Письма Л. Кроненберга к Валигурскому 1863 г.» (1955 г.), «Следственные показания о восстании 1863 г.» (1956 г.), «Хрестоматия источников по истории Польши 1795—1864 гг.» (1956 г.), «Заговорщики и партизаны 1863 г.» (1967 г.), «Записки Ю. Лукашевского 1862—1864 гг.» (1973 г.). Часть публикаций имеет исследовательский характер и включает преимущественно источники, впервые введенные в научный оборот, другие предназначались для учебных целей и состояли главным образом из материалов, уже печатавшихся ранее.

В публикаторской деятельности Кеневича особое место занимает 25-томное советско-польское издание «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Подготовка его была начата в 1957 г. по инициативе советской стороны Институтом истории ПАН и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В работе также участвовали архивные учреждения обеих стран. Материалы для публикации выявлялись в хранилищах СССР и Польши, а также в западноевропейских архивах. По составленной при этом картотеке осуществлялся отбор документов и материалов как для включения в соответствующие тома и приложения к ним, так и для использования в комментариях. Публикация, изданная в 1961—1986 гг. (семь томов в Советском Союзе, 18 — в Польше), включает свыше 6 тысяч документов.

Будучи руководителем польской части редколлегии этого издания, Кеневич активно участвовал в выявлении и археографической обработке документов, их комментировании, был автором предисловий или вводных статей почти во всех томах, вышедших в Польше. На базе выявленных и изученных материалов, многократно превышающих по объему то, что удалось включить в публикацию, основываются десятки книг и сотни статей, подготовленных членами ее авторского коллектива. Ведущее место среди этих работ занимает капитальная монография Кеневича, отличающаяся широтой и надежностью источниковой базы, убедительностью и новизной выводов[8].

Творческий путь Кеневича обозначен рядом крупных монографий, выходивших с завидной регулярностью. В 1950 и 1951 гг. появились две его связанные между собой книги по истории польских земель Габсбургской монархии — «Галицийские конспирации 1831—1845 годов» и «Крестьянское движение в Галиции в 1846 году». Переключившись на более поздний период, Кеневич издал монографии «Крестьянский вопрос в восстании 1863 г.» (1953 г.) и «Варшава в восстании 1863 г.» (1954 г.). Следующие две книги он посвятил польской политической эмиграции: «Легион Мицкевича 1848—1849 гг.» (1955 г.) и «Брюссельский отшельник. Повесть об Иоахиме Лелевеле» (1960 г.). Итоги изучения идеологии и деятельности тех кругов польского общества, которые отвергали революционные методы национально-освободительной борьбы, были подведены в монографиях Кеневича «Между соглашательством и революцией. Анджей Замойский» (1962 г.) и «Драма трезвых энтузиастов. О людях органического труда» (1964 г.).

На протяжении ряда десятилетий специалисты во всем мире единодушно признавали Кеневича лучшим знатоком истории Польши XIX века. Он был одним из основных авторов и соредактором второго тома «Истории Польши 1764—1864 гг.», четыре части которого вышли в 1958—1960 годах. В 1968 г. Кеневич опубликовал «Историю Польши в 1795—1918 гг.», которая стала общепризнанным учебным пособием в польских университетах и пять раз переиздавалась в 1969—1983 годах. Кеневич был одним из основных авторов и редактором «Истории Польши», адресованной западному читателю. Первое издание этой книги на английском языке вышло в 1968 г., второе — в 1979-м; на французском — в 1972 году. А в 1982 г. эта книга была издана в Югославии на сербскохорватском языке.

Постоянно работая со студентами и докторантами в Варшаском университете, Кеневич в разное время прочитал курсы лекций — в Москве и Париже, в Чикагском и других университетах США. Судя по автобиографии, к 1980 г. под его руководством было защищено 170 магистерских работ и 50 докторских диссертаций.

Характерным для него как ученого было то, что он анализировал не только процессы, происходившие в материальной и духовной сферах, но пристально вглядывался в деятельность живых людей, стремясь выявить их воздействие на историю. Кроме уже упомянутых монографий о Дзялыньском, Сапеге, Лелевеле и Замойском, это проявилось в ряде журнальных статей и документальных публикаций. Как правило, в них давались мастерски выполненные портреты, основанные на тщательном изучении источников, прекрасном знании общего хода событий, воссоздании духа эпохи, о которой шла речь, а также с учетом того, как может восприниматься данный исторический деятель в наше время. «Портретная галерея» Кеневича, почти целиком посвященная соотечественникам, велика и многообразна. В ней преобладают общественно-политические деятели 30 — 70-х годов прошлого века, меньшее место в ней занимают историки. Примером могут служить в первом случае вводные статьи к воспоминаниям Ю. Лукашевского и Т. Бобровского, во втором — эссе о видном польском историке межвоенного периода Хандельсмане[9].

Биографический, а отчасти и автобиографический характер имеет последняя из опубликованных книг Кеневича. Она посвящена главным образом тем событиям, которые коснулись предков автора и его «малой родины» в Полесье. Книга содержит генеалогическое древо рода Кеневичей, мастерски написанную биографию его казненного в 1863 г. дальнего родственника — Г. Кеневича, а также ряд биографий людей, живших в Дерешевичах или же часто бывавших там в XIX — начале XX века. Используя многочисленные, в значительной части не известные ранее источники, автор стремился связать мерную поступь истории с конкретными человеческими судьбами[10].

Почти 50 лет Кеневич участвовал в издании «Польского биографического словаря» (ПБС), для которого подготовил не менее 200 статей (первая из них была опубликована в 1937 г., а последние еще готовятся к печати). В этом уникальном справочнике многие статьи имеют исследовательский характер и написаны с использованием архивных источников. «Самый ранний из моих героев, — писал Кеневич в автобиографии, рассказывая о своей работе в ПБС, — родился в 1754 г., самый поздний — умер в 1941-м. Среди них — выходцы из всех трех частей разделенной Польши; наряду с мало известными личностями были и такие, как наместник Голуховский, Князевич, Лелевель, Мерославский, Милковский, Мохнацкий, Немцевич». Долгие годы Кеневич проверял приводимые факты, сокращал или дополнял тексты, написанные разными авторами, активно участвовал в работе Редакционного комитета ПБС, а последнее время был его председателем.

В течение 40 лет (с 1952 г.) Кеневич был главным редактором и постоянным автором печатного органа Польского исторического общества «Przegląd Historyczny». Этот журнал хотя и не избежал давления сверху, тем не менее занимал достаточно независимую позицию, в чем немалую роль играл главный редактор, стремившийся при определении тематических приоритетов, подборе авторов, в самой тональности публикуемых материалов удерживать журнал в научных рамках, не допуская на его страницах полемики явно политического характера, не пропуская работ малосодержательных и рыхлых. Своей обязанностью Кеневич считал подготовку ежегодно нескольких рецензий для журнала, причем едва ли не каждая из них может служить образцом высокой требовательности, глубокой научности, а вместе с тем доброжелательности и лаконичности.

Говоря о редакторской работе с рукописями, поступающими в журнал, Кеневич справедливо отмечал: «Только немногие тексты могут быть напечатаны в том виде, как вышли из-под пера автора. В большинстве случаев требуются стилистическая правка и особенно сокращение. Многословие издавна является характерной чертой польского сочинительства. В преодолении этого порока я достиг, как мне кажется, некоторых результатов —

как в отношении собственных текстов, так и применительно к рукописям, получаемым редакцией»[11]. (На собственном опыте как читатель и автор «Przegląda Historycznego» я убедился, что Кеневич обладал удивительным уменьем сокращать и отшлифовывать текст, делая более доходчивыми все имеющиеся в нем обобщения и выводы, выявляя все нюансы подтверждающей их аргументации.)

Заметную часть печатного наследия Кеневича составляют небольшие книжки научно-популярного характера, приуроченные к различного рода юбилеям статьи в общедоступных периодических изданиях, иногда довольно пространные интервью, которые, начиная со второй половины 60-х годов, охотно брали у него представители органов различной политической ориентации — от католического «Tygodnika Powszechnego» до порповской «Polityki». В такого рода печатных выступлениях ученого, как и докладах, лекциях, почти не затрагивались проблемы текущей политической жизни, но сам выбор тем иногда весьма актуализировал их звучание. Примером может служить лекция «Традиции XIX в. в польском национальном сознании», прочитанная в Лондоне в разгар острейшего общественно-политического кризиса в мае 1981 г. и выдержанная в рассудительных спокойных тонах[12]. Практически в лекции говорилось о том же, о чем он писал в «Polityce» в 1978 г. и говорил в интервью Турскому в 1987 году. Вообще научные и идейно-политические позиции Кеневича отличались удивительной устойчивостью, что особенно бросается в глаза на фоне огромных перемен, происходивших в польском обществе после 1968 года.

Кеневич относится к тому поколению польских историков, чье мировоззрение складывалось в межвоенной Польше как под воздействием традиций польской исторической науки XIX в., так и под влиянием новых западноевропейских тенденций, сильно отразившихся, в частности, на творчестве Хандельсмана. Представители этого поколения, пережившие войну, прошли сложный и весьма болезненный путь идейно-политической эволюции, испытали на себе давление партийных и государственных структур, которые всячески старались ускорить внедрение марксизма в польскую историографию. В ее методологическом перевооружении, развернувшемся с начала 50-х годов, заметная роль принадлежала Кеневичу.

Исходные позиции своей эволюции он охарактеризовал в автобиографии: «Я приступил к работе в послевоенной Польше в полном убеждении в неизбежности и обоснованности происходящих политических и социальных преобразований. Будучи историком эпохи, когда польские земли были разделены между иноземными захватчиками, я считал себя обязанным заниматься запущенной до этого социальной проблематикой, в особенности аграрным вопросом. Не сразу мне стало ясно, что от историков потребуется усвоение марксистской методологии. Об историческом материализме я не имел ни малейшего понятия, основные его принципы и терминологию осваивал на ходу из разговоров с коллегами и издательскими редакторами, а также прислушиваясь молча к различным дискуссиям [...] Новые методологические предложения казались мне интересными и заслуживающими их опробования, хотя я еще не чувствовал принуждения, которое превращало эти предложения в обязательные догматы»[13].

На первой методологической конференции польских историков, организованной властями в конце 1951 — начале 1952 г., Кеневич чуть было не оказался в «черном списке» уклоняющихся от использования марксизма. Помог счастливый случай. Вышедшая в тот момент его книга о крестьянском движении в Галиции в 1848 г. послужила основанием для включения автора в число тех, кто, обладая высокой профессиональной квалификацией, готовы освоить марксистскую методологию. Именно поэтому он и был приглашен вскоре в Институт истории ПАН, созданный по рекомендации методологической конференции и предназначенный для форсированного развития марксистского направления в польской историографии.

Тончайший аналитик во всем, что касается источников, прекрасный знаток и интерпретатор необъятной, казалось бы, массы фактического материала, Кеневич довольно прохладно относился к теоретико-методологической сфере исторической науки. В 1980 г. он заявлял, что методологическими доктринами пользуется эклектично, выбирая для своей аргументации то, что соответствует требованиям здравого рассудка, хотя и знает, что данный критерий не лишен коварства[14]. Однако это вовсе не означало отказа от того, что он считал полезным для исторического исследования в марксистской теории общественного развития.

В 1987 г. на вопрос Турского об отношении к марксистской методологии Кеневич ответил: «Может быть, с моей стороны это упрямство, что я не иду за модой, следуя за колебаниями тех, которые еще вчера были воинствующими материалистами, а сегодня отрекаются от материализма. Я же стал убежденным сторонником некоторых аспектов этой методологии, пользовался ею и от нее не откажусь, не признавая, однако, что она является ключом к каждой двери. Считаю, что это не противоречит моим религиозным или идеологическим позициям. Иногда набожные католики спрашивают меня, можно ли говорить такие вещи и ходить в костел. Как видите, можно, отвечаю я»[15].

Как правило, Кеневич уклонялся от прямых высказываний по общеметодологическим вопросам. Тем не менее он изложил некоторые свои исследовательские принципы в докладе «Об этической стороне профессии историка», прочитанном в марте 1974 г. на пленарном заседании польского Общества любителей истории. Изучая нравы давних времен, говорил Кеневич, историк обязан видеть как светлые, так и темные стороны; копание в личной жизни великих людей не должно быть при этом самоцелью. И. Лелевель, Ш. Аскенази или X. Грынвассер оставили образцы объективности в конкретных оценках, хотя придерживались различных концепций, так или иначе обусловленных их классовой принадлежностью, и следы этого легко обнаруживаются в их работах. Ученый должен самоотверженно отстаивать и говорить правду: любая фальсификация истории имеет короткие ноги. Историк обязан выносить свой приговор людям и событиям, но ему никогда не следует забывать, что приговор этот не может быть окончательным. Каждый историк знает, что спокойно и с максимальной пользой можно работать над историей многих прошлых столетий и что хлопоты начинаются со второй четверти XX в., но кто из осторожности избегает актуальных тем, тот перестает интересовать читателей. Воздействовать на общественность можно только тогда, когда историк не боится поднимать широкую и еще живую для читателей проблематику. Историческая публицистика, памфлеты не решают существа проблем. Сложность их обязан раскрыть ученый[16].

Говоря об этике историка, Кеневич особо подчеркивал опасность утраты им объективности при оценке собственной нации и своего государства. Истинная правда, какой бы она ни была, нации повредить не может. Принцип полной солидарности со своим народом, независимо от того, прав он или нет, Кеневич считал недопустимым, опасным для историка, поскольку в этом случае он разделяет ответственность за все возможные преступления вплоть до массового человекоубийства. Если поляки, писал Кеневич, кажутся большими шовинистами, чем другие народы, это можно объяснить историческими условиями, но никак нельзя оправдать. Едва ли историки могут существенно изменить ситуацию, но они должны добиваться, чтобы их работы не усиливали те недобрые настроения, которые уже имеются. «Речь идет о том, чтобы, описывая конфликты прошлых столетий, учитывать не только доводы в нашу пользу, но доводы в пользу наших былых противников; чтобы не ограничиваться возмущением по поводу нанесенных нам обид, но говорить и об обидах, которые мы нанесли другим; чтобы, наконец, не усиливать и нашего убеждения в кажущемся превосходстве над иными нациями, помня о том, что аналогичное убеждение других народов по отношению к полякам справедливо нас возмущает»[17].

Плюралистический подход к теоретическим вопросам и в общем положительное отношение к некоторым из основных принципов творчески понимаемой марксистской методологии отражены в статье Кеневича, посвященной умершему в 1988 г. В. Куле. В ней Кеневич высоко оценил ряд теоретико-методологических работ этого известного ученого, написанных с позиций исторического материализма, его лекционные курсы, которые собирали многочисленную аудиторию не только в Польше, но и в ряде западных стран. Перечислив основные теоретические труды Кули, в том числе монографии «Экономическая теория феодального строя», «Проблемы и методы экономической истории», Кеневич с присущей ему скромностью писал: «Я проглатывал эти книги сразу же после их выхода в свет; на выражение восхищения с моей стороны автор отвечал не менее сердечными комплиментами в адрес моих старосветских, по преимуществу фактографических сочинений»[18].

Научный метод Кеневича отличают три черты: 1) предельно широкое привлечение первоисточников и тщательная проверка их достоверности; 2) многоаспектный анализ фактического материала; 3) интерпретация собранных сведений на основе «здравого смысла». В этом «здравом смысле» отчетливо просматриваются следы доброго старого позитивизма, господствовавшего в исторической науке XIX столетия. Однако научная методология Кеневича вобрала в себя также многие полезные для гуманитарных исследований положения неопозитивизма и неокантианства (ими, кстати, серьезно занимался учитель Кеневича — Хандельсман), доктрины «социальной истории» школы «Анналов», марксистской теории исторического материализма (в варианте, не изуродованном догматизмом и начетничеством). Перечисленные составные части научного метода Кеневича весьма органично соединяются друг с другом и образуют единое целое, явно способствующее

высокой результативности исторических исследований. Творческое наследие Кеневича настолько впечатляет своим объемом и высоким качеством, что хочется отречься от любого железобетонного монизма, ибо зачастую именно идеологическая зашоренность становится препятствием к достижению истины в конкретных исторических исследованиях.

Занимаясь главным образом политической историей и развитием различных форм общественного сознания, Кеневич признавал, что материальные факторы оказывают во многом определяющее воздействие на общественное развитие, но критически относился к свойственной марксистской историографии недооценке факторов духовных, как правило, уделяя этим последним не меньшее, а моментами даже большее внимание. Терминологией, связанной с теорией общественно-экономических формаций, Кеневич пользовался, но к периодизации истории Польши применял ее с большой осторожностью, предпочитая пользоваться критериями, давно сложившимися в польской историографии и учитывавшими преимущественно перемены политического характера. Историю Кеневич воспринимал как процесс, который в основном обусловливается объективными закономерностями; однако по сравнению с марксистской историографией он отводил в этих закономерностях гораздо большую роль, во-первых, факторам нематериального характера, во-вторых, непредсказуемой активности отдельных исторических личностей. В связи с этим Кеневич постоянно отстаивал необходимость, наряду с совершившимся вариантом событий, глубже исследовать все те альтернативы, которые складывались в истории, но не получили реализации по тем или иным причинам.

Посвятив себя изучению истории своей страны в XIX в., Кеневич едва ли не с первых шагов столкнулся в проблемой соотношения национальных и социальных стимулов освободительной борьбы польского народа. Особенно остро эта проблема встала перед ним в середине 50-х годов во время «оттепели», начавшейся в Польше после смерти И. В. Сталина и прихода к власти В. Гомулки. Весной 1957 г. состоялось многолюдное и бурное обсуждение собранными со всей страны специалистами второго тома «Истории Польши», охватывающего период борьбы польского народа за восстановление своей государственности. В числе наиболее дискуссионных был вопрос о месте в этой борьбе крестьянских волнений и о роли леворадикальных сил в национально-освободительных восстаниях. Ортодоксальные марксисты, ссылаясь на основоположников марксизма-ленинизма, догматизируя их высказывания, говорили о преобладании в польских восстаниях признаков аграрной революции, преувеличивали значение и идейную зрелость революционной демократии. Традиционалисты стояли на противоположных позициях — они объясняли борьбу польского народа исключительно национально-освободительными устремлениями, не хотели замечать социальной неоднородности в рядах заговорщиков и повстанцев, не признавали за левыми силами права на участие в руководстве движением[19].

Кеневич, который был одним из основных авторов и соредактором обсуждаемого тома, отстаивал точку зрения, которую неоднократно повторял впоследствии. В упоминавшемся уже лондонском докладе 1981 г. она сформулирована так: «Тесная связь между национальным и социальным аспектами событий является, пожалуй, наиболее устойчивой составной частью польской исторической традиции»[20]. Что касается способов борьбы за независимость Польши, то их Кеневич вовсе не ограничивал вооруженными выступлениями. Подтверждением этого может, в частности, служить следующий итоговый вывод его научно-популярной работы о восстании 1863—1864 гг.: «Отдавая надлежащие почести героям и мученикам восстания, автор старался довести до широкой общественности существенные, по его мнению, истины о том, что национальное движение 1861—1864 годов не было единым потоком, что различные группы и отдельные личности участвовали в нем (либо сторонились его), руководствуясь различными побуждениями, что сегодня можно увидеть в этом движении как светлые, так и темные стороны, что опыт 1863 г. может служить сегодняшнему поколению не только объектом слепого подражания, но и предметом изучения, предостережением от поспешных решений»[21].

В автобиографии Кеневич высказал сдержанное удовлетворение количеством и качеством своих научных трудов, которые, по его словам, вызывали дискуссии в Польше и за ее пределами, но их участники не отвергали его основных оценок и выводов. «Не исключено, — писал Кеневич, — что часть тиража моих публикаций 50-х годов попала в бумажные мельницы. Но работы последующих лет расходились быстро и не всегда переиздавались, несмотря на наличие заявок. Я получаю позитивные отклики от читателей. Однако до сих пор не знаю, многих ли людей я научил и чему именно? Удалось ли мне кого-либо убедить в правильности своего взгляда не только на подробности того или иного из восстаний, но

и на необходимость использования одних и тех же моральных норм в нашей оценке прошлого? Подсчета не только тех бед, которые пришлось перенести нашему народу, но и тех, которые он принес другим народам?» Будущему исследователю своих трудов Кеневич советовал учитывать, что кое в чем его взгляды менялись; но это, считал он, вещь естественная, она не заслуживает осуждения, если вызвана не конъюнктурными, а научными соображениями[22].

По своей натуре и жизненным навыкам Кеневич был неутомимым тружеником науки, склонным более всего к кабинетной, библиотечной и архивной работе. Он великолепно знал и охотно выполнял все виды археографической работы — от расшифровки трудночитаемых рукописей до комментирования публикуемых материалов и составления разного рода указателей. Научно-организационная деятельность в этих рамках нравилась ему, и он с ней справлялся, не столько командуя другими, сколько увлекая личным примером, помогая дружескими советами и предложениями. Административных же постов в науке он всячески избегал: несколько лет работал заместителем директора Института истории ПАН Т. Мантейфеля, согласившись занять этот пост только из уважения к нему; благодарил судьбу за то, что она спасла его от должности декана исторического факультета в Варшавском университете.

Человек прямой и открытый, Кеневич счел необходимым изложить свое житейское кредо в автобиографии: «За все то, что мне удалось сделать, я благодарен отчасти прирожденным способностям, а отчасти регулярному тяжелому труду в течение многих лет. Я отлично знаю, что ничего в жизни не дается даром, что за все нужно платить. Человек, который и в будни и в праздники работает с 9 утра до 8 вечера, должен от чего-то отказываться. Отказываться от дружеского общения, от спорта, от времяпровождения в кафе и за игрой в бридж, от общественной деятельности, театра, кино, литературных новинок. Очевидно, также — от телевизора в доме, от курения, ибо оно отрывает время, необходимое для работы в библиотеке. Теряет ли он что-либо на этом? Конечно, теряет и очень многое. Но ведь невозможно иметь в жизни все вместе. Лично у меня хватило бы средств на виллу и автомобиль, но они отнимали бы слишком много времени. Я бывал в разных странах — от Ленинграда до Сан-Франциско, от Шотландии до Сицилии, тратя время только на служебные надобности. Частный туризм, разумеется, был бы поучителен и для меня, но до сих пор для него не нашлось места в моем бюджете времени. Я охотно бы стал коллекционировать книги по своей специальности, но в моей квартире площадью в 50 с небольшим квадратных метров их негде разместить. Если появляется откуда-либо новая книга, то мне приходится отказываться от какой-то из уже имеющихся. Единственной роскошью в моей повседневной жизни является сервируемый в восемь утра завтрак, который можно провести в кругу близких родственников, спокойно разговаривая обо всем, что нас интересует»[23].

С конца 60-х годов Кеневич стал делать исключение для выступлений, адресованных не только профессиональной аудитории. Не всегда в этих выступлениях, иронизировал он над собой, много существенного и оригинального, но ведь бывают такие ситуации, когда нельзя оставаться в башне из слоновой кости. Устные выступления, по словам Кеневича, вызывали отклик, несмотря на то, что в печать попадали обычно с большой задержкой. «Не были они воззваниями к перевороту, ибо я не обладаю бунтарским темпераментом и стараюсь держаться в рамках того, чего можно достигнуть, не выходя за пределы здравого рассудка [...] Я ни на минуту не обманывал себя мыслью, что мои выступления могут что-либо исправить. Возможно, что «высовываясь», но весьма осторожно, я только успокаивал свою совесть. Во время ли я выступал, не слишком ли редко и несмело? На эти вопросы ответят потомки»[24].

Кеневич прожил 85 лет, из которых более 60 весьма плодотворно занимался историей польского народа, нередко затрагивая историю его соседей, особенно восточных. Российские историки хорошо знали покойного как по печатным трудам, так и длительному личному общению. Изучение огромного наследия этого большого ученого и замечательного человека — дело будущего. Источников для создания научной биографии Кеневича более чем достаточно, а ее необходимость представляется мне несомненной.

Примечания

1. Losy Polaków w XIX—XX w. Warszawa. 1987, s. 5—53.
2. KIENIEWICZ S. Ignacy Działyński. 1754—1797. Kórnik. 1930.
3. KIENIEWICZ S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 roku.
4. KIENIEWICZ S. Adam Sapieha (1828—1903). Lwów. 1939.
5. TURSKI M. Ile kto zajmie liniejek... — Polityka, 31. X. 1987, s. 14.
6. KIENIEWICZ S. Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych. — Kwartalnik historii nauki i techniki, 1980, № 2.
7. Ibid., s. 252.
8. KIENIEWICZ S. Powstanie styczniowe. Warszawa. 1972.
9. ŁUKASZEWSKI J. Pamiętnik z lat 1862—1864. Warszawa. 1973, s. 5—32; BOBROWSKI T. Pamiętnik mojego życia. Tt. 1,2. Warszawa. 1979; KIENIEWICZ S. Marceli Handelsman (1882—1945). In: Historycy warszawscy ostatnich dwóch stuleci. Warszawa. 1986.
10. KIENIEWICZ S. Dereszewicze 1863. Wrocław. 1986.
11. KIENIEWICZ S. Z rozmyślań dziejopisa, s. 262.
12. См. также: TURSKI M. Op. cit., s. 14; KIENIEWICZ S. Tradycje XIX wieku w polskiej swiadomości narodowej. In: KIENIEWICZ S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa. 1982.
13. KIENIEWICZ S. Z rozmyślań dziejopisa, s. 253—254.
14. Ibid., s. 265.
15. TURSKI M. Op. cit., s. 14.
16. KIENIEWICZ S. O etyce zawodu historyka. In: KIENIEWICZ S. Historyk a świadomosc narodowa.
17. Ibid., s. 138.
18. KIENIEWICZ S. Wspomnienie o Witoldzie. — Polityka, 19. III. 1988, s. 14.
19. KIENIEWICZ S. Kwartalnik Historyczny w latach powojennych. — Kwartalnik Historyczny, 1988, № 1, s. 27.
20. KIENIEWICZ S. Historyk a swiadomość narodowa, s. 334.
21. KIENIEWICZ S. Powstanie styczniowe. Warszawa. 1987, s. 76.
22. KIENIEWICZ S. Z rozmyślań dziejopisa, s. 265.
23. Ibid., s. 265—266.
24. Ibid., s. 266—267.

L. MALLY. *Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia.* University of California Press. Berkeley — Los Angeles. Oxford. 1990. 330 p.

Л. Мэлли. *Культура будущего. Пролеткультовское движение в революционной России.*

Автор рецензируемой монографии преподаватель Калифорнийского университета (США) довольно длительное время стажировалась в Московском университете. Она основательно изучила фонд Пролеткульта в ЦГАЛИ, периодику описываемых событий, историографию темы. В итоге перед нами фундаментальная работа, затрагивающая так или иначе все вопросы истории Пролеткульта. Автор так декларирует свои намерения: «В этой книге я рассматриваю Пролеткульт как сложное общественное и культурное движение с большим количеством противоречивых программ. Я в большей степени исследую его разнородный социальный состав и разнообразное применение на практике его культурных принципов, чем идеи его руководства» (с. XXIV).

Конкретизируя свою задачу, Мэлли пишет: «В этом исследовании я стараюсь избегнуть простого противопоставления теории и практики, которое сталкивает идеи таких лидеров, как Богданов, с повседневной работой местных кружков» (с. XXV). Однако не подлежит сомнению, что реальную деятельность Пролеткульта нельзя понять, не учитывая самостоятельную жизнь тысяч рабочих кружков, десятков местных отделений Пролеткульта, которая во многом зависела от принципов, провозглашавшихся лидерами этого движения на основе учения А. А. Богданова о пролетарской культуре.

Мэлли неоднократно подчеркивает, что двумя кардинальными принципами Пролеткульта являются самостоятельность и самодеятельность (с. 195). Именно с этих позиций она довольно подробно излагает события осени 1920г., когда Ленин вмешался в судьбу Пролеткульта. Отношение автора к этим событиям ясно выражено в самом названии параграфа «Конец автономии Пролеткульта» (с. 196—205).

Глухо упомянув, что Ленин был против теоретических воззрений лидеров Пролеткульта, автор подробно рассказывает о работе съезда этой организации 5—12 октября 1920 года. Однако она ничего не пишет о позиции Ленина в отношении культуры, сформулированной в речи на III съезде комсомола, как и о известном «Наброске резолюции о пролетарской культуре», адресованном Всероссийскому съезду Пролеткульта, акцентируя свое внимание на том, что, как утверждается в книге, партия и государство создали узкие рамки для Пролеткульта (с. 206), который сам был принесен в жертву нэпу (с. 228).

В данном случае Мэлли идет следом за некоторыми отечественными исследователями и в первую очередь за В. В. Горбуновым, который в своей книге «В. И. Ленин и Пролеткульт» среди ошибок Пролеткульта на первое место поставил сепаратизм и сектантство, а на последнее — идеологические взгляды лидеров Пролеткульта, хотя на самом деле все обстояло наоборот. Сепаратизм и сектантство, там, где они имели место, можно было легко исправить, а вот доказать руководителям Пролеткульта, что новая культура не создается одними лишь рабочими и непременно без отрыва от станка, оказалось куда труднее.

Не рассказывает Мэлли и о том, что в дни работы первого съезда Пролеткульта состоялось заседание Политбюро ЦК партии, на котором докладчиком выступила председатель московского Пролеткульта А. А. Додонова. Фамилия эта в книге упоминается, а вот воспоминания Додоновой, судя по всему, остались для автора неизвестными. Между тем в этих мемуарах рассказывается о реальной активной культурно-просветительной работе: о деятельности фабрично-заводских клубов, кружков, хора, изостудии. Такова была практика Пролеткульта, на основе которой и формировалась убежденность в том, что именно пролетариат путем самодеятельности, путем революционного творчества «может разрешить проблему пролетарской культуры».

О противопоставлении пролетариата другим социальным слоям общества, в первую очередь крестьянству, говорил на первой Всероссийской конференции культурно-просветительных организаций П. И. Лебедев-Полянский, один из лидеров Пролеткульта. А Ф. И. Калинин, другой лидер Пролеткульта, утверждал, что сторонники диктатуры пролетариата в политике и экономике боятся его диктатуры в области науки и искусства: «Примыкающая к нам интеллигенция мыслить с нами, а если нужно и за нас, может, — чувствовать же нет; лишь дело касается более глубоких переживаний, области переживаний, области чувств рабочего, тут интеллигент бессилен, его проникновение ограниченно»[2]. Поэт М. Герасимов всерьез утверждал: «Если мы хотим, чтобы наш горн пылал, мы будем бросать в его огонь уголь, нефть, а не крестьянскую солому и интеллигентские щепочки, от которых будет только чад, не более»[3].

Автор признает, что лидеры Пролеткульта, хотя и понимали необходимость союзов с беднейшим крестьянством и интеллигенцией, в большинстве своем все же настаивали на классовой чистоте своих организаций. «Пролетарская культура не может быть создана представителями крестьянства, армии, казачества или неразвитой городской бедноты», — провозглашалось в редакционной статье «Пролетарской культуры» в 1918 г. (с. 64). И далее: «Официальная позиция Пролеткульта по этому вопросу расходилась с линией коммунистической партии, которая выступала за союз беднейшего крестьянства и пролетариата. В самом деле, казалось, что Богданов спорил именно с большевистской платформой, когда настаивал, что крестьяне не могут разделить пролетарское мировоззрение, как бы бедны они ни были. Тем не менее, многие местные группы выступали с позиций, гораздо более близких к партийной линии. Эти позиции отражали то, что казалось очевидной истиной для участников движения: при капитализме как рабочие, так и крестьяне, особенно беднейшие крестьяне, были угнетены, и поэтому и те и другие имели право на культурные завоевания революций» (с. 79).

Автор справедливо обращает внимание на противоречивую природу взаимоотношений руководства Пролеткульта и его местных организаций: «Организация привлекла к своей деятельности гораздо более широкий круг людей, изменив тем самым масштаб всей своей работы. Местные кружки предлагали группы грамотности для необразованных, французские классы для стремившихся к утонченности и танцевальные вечера для молодежи. Пролеткультовские кружки не столько изучали природу пролетарского творчества, сколько старались удовлетворить самые широкие культурные потребности всех слоев трудящихся. Это искажало само определение пролетарской культуры и разрушало ту концепцию движения, которую выдвигали руководящие органы Пролеткульта. Центр не мог сформировать мировоззрения рядовых членов организации. Напротив, чаще всего он сам поддавался их влиянию» (с. 90).

Мэлли вынуждена признать факт очевидного расхождения между лозунгами гегемонии пролетариата в области культуры и их весьма скромным претворением в жизнь, что делало пролеткульт легко уязвимым «для обвинений в лицемерии. Это расхождение также наглядно демонстрировало, как трудно поддерживать культур-

ное творчество, не давая при этом власти носителям культурных традиций» (с. 120).

Конечно, Мэлли не могла пройти мимо такой незаурядной личности, как А. А. Богданов (1873—1928). Она правильно подчеркивает, что влияние Богданова, который был главным теоретиком и вдохновителем Пролеткульта, членом ЦК Пролеткульта, редактором журнала «Пролетарская культура», было значительно большим, чем его формальные полномочия. «Его разностороннее творчество по вопросам культуры, науки и социальной организации привлекало исследователей далеко за пределами Пролеткульта» (с. 108).

Признав идейное и организационное лидерство Богданова в Пролеткульте, Мэлли склонна считать, что главным в деятельности этой организации была не бесплодная попытка создания отвлеченной пролетарской культуры, то есть практическое воплощение теории Богданова, а противостояние Пролеткульта, стремившегося к автономии, и коммунистической партии. Когда же партийное руководство во главе с Лениным отвергло независимое в политическом отношении движение (с. 227), наступил крах Пролеткульта. Автор возражает против сведения этого конфликта к личным мотивам, противоборству между Лениным и Богдановым (с. 193). При этом она признает, что пролеткультовское видение утопического будущего, вдохновлявшее и объединявшее участников движения, само по себе было хрупкой конструкцией. Оно основывалось на героическом настрое, питаемом гражданской войной, и расширительном понимании гегемонии пролетариата, что расходилось с реальной жизнью нэповской России (с. 227—228).

Пролеткульт, подчеркивает Мэлли, в лице даже самых горячих его сторонников никогда не претендовал на роль простого носителя культуры, а видел свою задачу в том, чтобы заложить основы нового культурного устройства общества, в котором бы доминировал пролетарский классовый дух. «Пролеткульт не основал культуры будущего. Тем не менее в нем воплотился тот эйфорический оптимизм первых лет революции, который питал веру в то, что каждая кухарка может управлять государством, каждый [проф]союз может руководить экономикой и каждый рабочий может написать сонет; этот утопический взгляд не пережил 20-е годы, но он был значительной частью революции, которая пыталась изменить культуру так же, как и политическую и экономическую жизнь общества» (с. 258).

Ю. П. ШАРАПОВ

Примечания

1. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. М. 1918, с. 27.
2. Памяти Ф. И. Калинина. М. 1920, с. 76—77.
3. Протоколы Первой Всероссийской конференции, с. 47.

Р. Ш. ГАНЕЛИН. *Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция.* Санкт-Петербург. Наука. 1991. 223 с.

Монография чл.-корр. Российской АН Р. Ш. Ганелина посвящена проблеме, которая в наши дни вызывает острую полемику. Осознавая масштабность и неисчерпаемость проблемы «реформа и революция», автор сконцентрировал внимание на системном анализе механизма выработки принятия политических решений реформистского характера на уровне верхнего эшелона авторитарной системы. Разумеется, в меру необходимости и в силу самой логики исследования в книге освещается и другая сторона проблемы — революция как один из определяющих факторов, непосредственно стимулировавших реформистские тенденции.

Постановка темы исследования под таким углом зрения потребовала от автора значительного расширения источниковой базы, подключения ранее не использованных документов и материалов отечественных и зарубежных архивов (в частности, автор использовал материалы фондов Бахметьевского архива Колумбийского университета в США), мемуарной литературы. Впервые произведена расшифровка записей о ходе нескольких принципиально важных заседаний Совета министров.

В книге удачно синтезированы различные методы исследования, автор стремится уйти от абстрактных социологических схем, исключительно классового и тем более партийного подхода при освещении процессов, событий, явлений, поступков лиц, влиявших на выработку и принятие политических решений. Ганелин подвергает анализу не только идеологические и политические установки представителей высшего эшелона государственной власти, но и их мироощущение и миропонимание. Это позволяет более адекватно осмысливать внутреннюю мотивацию политических решений, которые принимались Николаем II, «зубрами», консерваторами, либеральными бюрократами и т. п. При этом автор учитывает всю

совокупность факторов, включая и борьбу за лидерство, личные амбиции и т. д. Исторические деятели представлены в книге не только как лица, отстаивавшие по преимуществу корыстные классовые и клановые интересы, но и как личности, обладающие индивидуальными чертами, обуреваемые определенными страстями и эмоциями.

Ганелиным скрупулезно проанализирован механизм и процесс выработки и принятия политических решений (правительственные акты 12 декабря 1904 г., 18 февраля, 6 августа и 17 октября 1905 г.), а также их сущностная, содержательная сторона. Причем автор шаг за шагом прослеживает преемственность между этими актами и внутреннюю логику их структурных компонентов. В результате выявляется ведущая тенденция в области реформирования российского государственного строя. Автор показывает, что процесс этот был далеко не прямолинейным: реформы перемежались с периодами усиления репрессивных и даже реставрационных мероприятий царизма, который с величайшим трудом и явной неохотой расставался со своим феодальным прошлым. Однако Николай II и царская камарилья, хотели они того или нет, вынуждены были в той или иной мере считаться с логикой общественного развития и соглашаться на реформы.

Автору удалось взвешенно показать ту степень уступок, на которую готовы были идти те или иные представители высшего эшелона государственной власти, в том числе и те представители либеральной бюрократии, которые гораздо лучше и полнее понимали необходимость объективно назревших преобразований во всех сферах жизни и, невзирая на возможную опалу со стороны монарха, последовательно отстаивали свои реформистские позиции.

В книге воссоздана картина того, как принимались реформистские решения в условиях обостряющегося революционного кризиса в стране. Большое внимание уделено характеристике позиции Николая II, великих князей Сергея Александровича, Владимира Александровича, Николая Николаевича, С. Ю. Витте, В. К. Плеве, К. П. Победоносцева, П. Д. Святополк-Мирского, А. Г. Булыгина, В. В. Коковцова, А. С. Стишинского, А. А. Половцова, Д. Ф. Трепова, Д. М. Сольского, П. Л. Лобко и др.

Важное место в монографии занимает оценка роли либералов, с одной стороны, как фактора, оказывавшего (наряду с революционным лагерем) влияние на выработку курса политических реформ, их темпы, а с другой — оппозиционной силы, имевшей собственную идеологию, программу и тактику. Применение сравнительного метода позволило автору определить границы потенциальных реформистских возможностей царского режима, показать степень оппозиционности различных течений и направлений в российском либерализме.

Обширный фактический материал, выводы и наблюдения автора по широкому кругу аспектов политической истории России начала XX в. побуждают читателя к дальнейшим размышлениям, а также и к диалогу с автором. Сейчас особенно требует развернутого дискуссионного обсуждения вопрос о причинах неудачи как реформистского, так и революционного пути в России. Можно согласиться с автором, что здесь реформы всегда запаздывали и никогда не были последовательными. Однако следовало бы поставить вопрос и о типе реформ (системных и структурных) и о возможном синтезе реформы и революции.

По существу в России реформы никогда не имели системного характера, они не открывали возможностей для одновременных преобразований во всех сферах общественной жизни. Структурные же реформы, направленные на преобразования в какой-либо одной или даже нескольких сферах, ни в XIX, ни тем более в начале XX в. уже были недостаточны для преодоления отсталости страны. Необходимы были радикальные политические преобразования, без них не могли быть результативными и другие реформы. Но царизм панически боялся прикасаться к «надстройке». Недаром вынужденный подписать манифест 17 октября 1905 г. Николай II считал, что принял «страшное решение». На самом же деле оно запоздало минимум на полстолетия.

Для господствующих верхов драматизм ситуации состоял в том, что в начале XX в. ни системные, ни структурные реформы сами по себе уже были недостаточными для решения всей совокупности объективно назревших проблем общественного развития страны. Имелся единственный шанс — попытаться синтезировать политическую революцию с последующими системными реформами. Собственно такой вариант вывода страны из кризиса предлагали кадеты. Однако для царизма он оказался неприемлемым. Отказавшись поддержать программу кадетов, царизм объективно стимулировал насильственную социальную революцию.

В современном общественном сознании укоренилась мысль о том, что непременным условием успешных реформ является политическая стабилизация в стране. Конечно, это условие — одно из приоритетных, но далеко не единственное. Исторический опыт убеждает, что в не меньшей степени успех реформ зависит от наличия материальных средств и необходимых кадров. К сожалению, в России реформы были не только запоздалыми и непоследовательными, но и (включая столыпинскую реформу) не были обеспечены материально, к тому же отсутствовали и кадры, понимающие смысл назревших преобразований и готовые активно проводить их в жизнь.

Обратим внимание автора и на такой момент: приведя целую гамму оценок манифеста 17 октя-

бря 1905 г., имеющихся в литературе, он не сформулировал четко и определенно в качестве итогового вывода своего отношения к ним и, что еще важнее, к самому акту 17 октября. Разумеется, для историка-профессионала авторская позиция логически вытекает из приведенного им материала, однако для массового читателя следовало бы изложить этот вывод более развернуто и аргументированно. Заметим также, что в целом в тщательно отработанный текст монографии вкралась досадная описка (с. 11): вместо слов «царского рождения» следовало бы написать «царских именин».

Книга Ганелина продвигает вперед научную разработку политической истории России начала XX века. Она будет способствовать формированию в общественном сознании правильных и свободных от прежних догм представлений о революции 1905—1907 годов.

В. В. ШЕЛОХАЕВ

N. E. SAUL. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867.* University Press of Kansas. Lowrence. 1991. XVI+448 p.

Н. Е. СОЛ. *Далекие друзья: Соединенные Штаты и Россия, 1763—1867*

История отношений России и США на протяжении длительного времени оставалась одной из очень немногих областей американистики, где русским исследователям, по признанию американских историков, удавалось сохранить первенство[1]. Время от времени в США появлялись исследовательские работы, посвященные частным аспектам отношений России и США и всей истории взаимодействия двух «сверхдержав»[2], но систематического и всестороннего изучения всего комплекса связей между обеими странами на основе как русских, так и американских источников (архивных и опубликованных) не предпринималось. И вот, наконец, читатели получили книгу, охватывающую более ста лет отношений между Россией и США и являющуюся первой частью фундаментального трехтомного труда, в котором изложение событий предполагается довести до середины 1920-х годов. И хотя, по словам автора, его работа не является «всеобъемлющим исследованием», сочетающим монографическое изложение с синтетическим (с. IX), именно с выходом рецензируемой книги американцы получили достаточно полное и всестороннее представление о сложной и противоречивой истории отношений между Россией и США вплоть до продажи Аляски.

Особенно важно, что в книге профессора Сола главными действующими лицами являются не только и не столько политические и государственные деятели (цари, президенты, министры и дипломаты), сколько, в первую очередь, купцы и предприниматели, путешественники и мореплаватели, ученые, инженеры, литераторы, журналисты. В этой связи едва ли не главным достижением автора следует признать введение в научный оборот необычайно широкого круга ранее совершенно не известных или малоизвестных архивных материалов о десятках и даже сотнях американцев, в той или иной мере причастных к отношениям с Россией, и в первую очередь гражданах США, побывавших в России на протяжении первых семи десятилетий XIX века.

Наряду с Национальным архивом и рукописным отделом Библиотеки конгресса США в Вашингтоне Сол широко использовал материалы исторических обществ и библиотек отдельных штатов и университетов. Менее полно представлена русская документация, хотя в отличие от своих коллег автор имел возможность познакомиться с материалами Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного исторического архива и Архива древних актов, а также Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Сол признает, что в его работе в бо́льшей мере раскрыта американская сторона событий, что, как он утверждает, связано с отсутствием каталогизации русских источников, очевидной утерей многих материалов, а также невозможностью «проводить в СССР исследования на регулярной основе» (с. IX).

Отмеченные Солом обстоятельства действительно затрудняют работу в наших архивах. Тем не менее в отношении документов по американской истории до 1867 г. положение несколько лучше. Наряду с известным двухтомным указателем Ф. А. Гольдера, не так давно мною был опубликован специальный обзор материалов[3]. Сол, разумеется, знает об этих указателях, но использует их далеко не в полной мере.

В одном случае Солу удалось перекрыть мою недавнюю работу о продаже Аляски[4]. Речь идет о «миссии» доктора Томаса Коттмана в С.-Петербург в апреле — июне 1854 г., причем Сол приводит не только известные ранее газетные сообщения, но и ряд архивных документов, свидетельствующих об исключительно теплом приеме американца в русской столице (с. 204—209). К сожалению, каких-либо прямых документальных свидетельств о переговорах Коттмана относительно продажи Аляски ни в американских, ни в русских архивах обнаружить пока не удалось, и не исклю-

чено, что пресса принимала желаемое за действительность. Во всяком случае, Сол упоминает, что Коттман хотел опровергнуть сообщение о своей «миссии», но государственный секретарь У. Марси посоветовал не делать этого (с. 208). В сохранившейся в русских архивах записке о Коттмане излагалось лишь газетное сообщение, в котором правительству США давался совет «приобрести Ситку», причем действовать быстро и энергично, чтобы помешать переходу этой территории в руки Англии[5].

Сомнений, что американский врач, зачисленный на русскую службу, был принят очень радушно, действительно нет. Его новое звание выглядело довольно сложно — «старший сверхкомплектный ординатор военно-хирургического ведомства, доктор медицины и хирургии, надворный советник»[6]. В отличие от других американских врачей на русской службе, в военных госпиталях он не работал[7], зато явно преуспел в придворных кругах Петербурга. Его принимали Николай I, великий князь Константин и многие влиятельные сановники, в частности военный министр князь В. А. Долгоруков.

Современному читателю будет любопытно узнать, как принимали и чем кормили в России (речь идет, понятно, о высшем обществе). «Много говорят об американском гостеприимстве, но именно С.-Петербург является местом, где оно практикуется в полном объеме и где знают толк в том, как надо развлекать», — сообщал Коттман из русской столицы 7 апреля 1854 г. и продолжал: «Вчера на обед подавали свежие вишни, клубнику, малину, сливы, яблоки, апельсины и ананасы. Посмотрев на стол, Вы бы подумали, что на дворе у нас июнь месяц. Кроме того самое лучшее вино, которое я когда-либо пробовал... Что касается женщин, — с восторгом добавлял американец, — то я думаю, что они являются самыми умными в мире»[8].

Конкретное содержание «миссии» Коттмана остается не вполне ясным. Сол полагает, что Коттман беседовал о продаже Аляски до того, как в Петербурге стало известно о взаимной нейтрализации владений Российско-американской компании (РАК) и компании Гудзонова залива в мае 1854 г. (с. 204, 206). Между тем, правитель компании Гудзонова залива сообщил в Петербург о согласии на взаимную нейтрализацию владений еще 13 марта, а 16 (28) апреля руководство РАК уже известило о соглашении колониальное начальство в Америке[9].

«Миссия» Коттмана в царскую столицу практически не оставила следов в последующем обсуждении вопроса о продаже Аляски, хотя о другом весьма неопределенном дипломатическом зондаже — беседах российского поверенного в делах в Вашингтоне Э. А. Стекля с Марси и сенатором У. Гвином, происходивших в том же 1854 г., — в дипломатической переписке упоминалось неоднократно вплоть до 1867 года. Очевидно, что «миссия» Коттмана нуждается в дальнейшем изучении, хотя первый шаг в этом направлении Сол уже сделал.

При всех достоинствах рецензируемой монографии содержание ее далеко не равноценно. Наиболее уязвимыми представляются разделы, повествующие о XVIII веке. И речь идет не только о сравнительной краткости, иногда даже фрагментарности главы «Первые контакты». Автор начинает свое изложение с 1763 г., когда бриг бостонского купца Н. Бойлстона бросил якорь в Кронштадтском порту. Между тем, еще до того, как в 1607 г. Джон Смит отправился в Северную Америку, он побывал на юге России, а основатель другой английской колонии в Америке, У. Пенн, имел возможность обменяться мнениями с Петром I в 1698 г., когда в Лондоне был заключен контракт о поставках американского табака в Россию. Наконец, в 1732—1741 гг. русские мореплаватели открыли северо-западное побережье Америки со стороны Азии, а затем сибирские купцы и промышленники основали Русскую Америку[10].

К сожалению, теме Русской Америки в книге явно не повезло. Основанию РАК посвящено буквально несколько строк (с. 32), да и то не совсем точных (первая духовная миссия прибыла на о. Кадьяк не в 1795, а в 1794 г., церковь построена «не сразу же», а в 1796 и т. д.). Бегло изложена и позиция России во время войны США за независимость 1775—1783 гг., причем предложение о мирном посредничестве упомянуто лишь вскользь (с. 13). Более обстоятельно рассказывается о русских подданных, побывавших в США во время Американской революции, хотя при этом автор не избежал распространенных в литературе ошибок. Так, в числе виргинских знакомых Ф. В. Каржавина наряду с К. Беллини и Дж. Уайзом (кстати, правильное английское написание George Wythe, а не James Wise) упомянуты Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон и Д. Мэдисон, о чем никаких документальных сведений не имеется[11].

Автор утверждает, что Каржавин якобы переписывался с Н. И. Новиковым и даже посылал ему статьи из Америки (с. 9, 19). Между тем несколько лет назад было установлено, что Каржавин не был американским «корреспондентом» Новикова и тем более «другом Радищева», а статья «Краткое известие о провинции Виргинской» принадлежала перу вовсе не «русского американца», а английского путешественника Дж. Ф. Д. Смита (главы VII—X из книги «Поездка в Соединенные Штаты Америки»)[12].

Подобные ошибки не характерны для Сола. Он (о чем свидетельствует обширная библиография в конце книги) хорошо осведомлен о литературных источниках по истории отношений России и США. Несколько хуже, правда, обстоит дело с литературой по истории Русской Америки, и даже

труды таких известных авторов, как Дж. Гибсон или С. Б. Окунь, не нашли в книге должного отражения. Любопытно, что работы Гибсона оказались приписанными О. Герусу (с. 426), а книга Окуня затерялась между трудов А. Н. Николюкина (с. 418).

Подвела Сола и приверженность традиции усматривать в советских работах непременно единообразие. Так, он утеерждает, что в последние годы советские историки (Н. Н. Болховитинов, М. И. Белов, Т. М. Батуева и А. И. Алексеев) «специально подчеркивали американскую экспансию на Тихоокеанском севере» (с. 390, сн. 197). Между тем, весь пафос моей книги о продаже Аляски как раз и состоял е критике взглядов упомянутых выше историков и доказательстве того, что решение о продаже было принято в период кульминации сближения России с Соединенными Штатами, когда енешняя угроза Русской Америке если и не исчезла, то была скорее потенциальной, чем реальной[13].

Ошибается Сол, когда утверждвет, что Дж. Суттер ликвидировал свою задолженность РАК за продажу крепости Росс после открытия золота е своих владениях в 1848 г. (с. 185—186). Однако из письма В. Г. Политковского от 15 (27) августв 1852 г. видно, что расчеты с Суттером не были урегулированы, и свой долг компании он так и не выплатил[14].

Опираясь е первую очередь нв архивные источники, автор не всегда уделяет должное внимание ранее публикоеавшимся материалам. И если отсутствие ссылок на малоизвестные и редкие публикации, например, письма доктора Д. Гилмана из Петербургв в годы Крымской войны или дипломатическую корреспонденцию Стекля е годы Гражданской войны в США[15] еще может быть оправдано, то гораздо болев серьезным недостатком представляется игнорирование таких фундаментальных изданий, как «American State Papers» (38 vols, Washington. 1832—1861) или «Foreign Reletions of the United States». В результате оказывается, что автор цитирует по архиву многие известные по прежним публикациям документы, например, донесение Дж. Апплетона от 8 (20) апреля 1861 (с. 324) или донесение Б. Тейлора от 29 октября 1862 г. (с. 333).

Выборочная проверка научного аппарата книги выявила в ней и ряд других дефектов. Так, в примечании 40 на с. 331 указано, что оригиналы цитируемой коллекции бумаг Камерона хранятся в Гаррисберге (Пенсильвания). В действительности же они находятся е Библиотеке конгресса е Вашингтоне. Наоборот, на следующей странице говорится, что оригиналы цитируемых документов (прим. 43 и 44) находятся в Вашингтоне, тогда как они хранятся в Гаррисберге. Ошибочно указаны и номера цитируемых микрофильмов на с. 332, прим. 43 и в сноске 44. вместо reel 7 надо reel 9. Вряд ли оправдано и отсутствие указания номеров листов при ссылках на материалы АВПР и других российских архивов.

Впрочем, это мелочи. Более существенны неточности в датах и указаниях о занимаемых теми или иными упоминаемыми в книгв лицами должностей. Так, на с. 191—192 и в приложении (с. 405) автор указывает, что Стекль был назначен посланником в Вашингтон в 1854 году. Между тем е 1854—1857 гг. он был поверенным в делах, а посланником стал лишь е 1857 году. Годы жизни Стекля (1814—1869) также вызывают сомнение. Согласно официальному аттестату от 3 (15) мая 1869 г. ему во время выхода е отставку было 65 лет, и следовательно, он родился на десять лет раньшв[16]. Князь А. Чарторыский, фактически возглаелявший МИД России в 1804—1806 гг., официально числился лишь товарищем министра иностранных дел (с. 38—39). Хотя Морское министерство и находилось е прямом подчинении «генерал-адмирала», именовать еeликого князя Константина «морским министром» не следует, так как этот пост занимали другие лица — А. С. Меньшиков, Ф. П. Врангель, Н. Ф. Метлин. Барон Ф. Остен-Сакен назван высокопоставленным чиновником русского МИД (с. 393). Но е то время (1886 г.) он был всего лишь мелким служащим Азиатского департамента, а высокопоставленным сотрудником стап много позднее. Специалисту всегда хочется продолжить перечень поправок, но, думаю, рецвнзия и так перегружена разного рода уточнениями, что может создать у читателя непраеильное представление о книге. Хочу подчеркнуть, что столь подробно останаеливаюсь на испраелениях именно потому, что книга Сола — не ординарная работа, а во многих отношениях — новаторский труд, мимо которого в будущем не сможет пройти ни один исследователь русско-американских отношений.

Высоко оценивая книгу Сола е целом, нельзя не отметить, что ее содержание далеко не однозначно. Если разделы, относящиеся к XVIII в., как уже отмечалось, по существу не выходят за рамки сравнительно краткого пересказа уже известного материала, то по мере углубления автора в историю XIX в. изложение приобретает все болев исследовательский и оригинальный характер, особенно там, где Сол анализирует деятельность американцев в России в середине еека, еключая строительство желвзной дороги Петербург — Москва.

Рассмотрение отношений между Россией и США на протяжении длительного времени (более 100 лет) позволяет проследить изменение в харектере торговли обеих стран. Возрастающее экономическое отставание России и успехи промышленного развития США привели в середине XIX в. к падению роли торговых сеязей между обеими странами и существенно изменили их структуру. На смену колониальным товарам из Вест-Индии в обмен на русское жвлезо, пеньку, канаты и полотно в середине XIX в. из США е Россию начал все в большвм объеме поступать хлопок, а затем и изделия промышленности. На осноее передовой американской технологии после Крымской войны начались перееоружение армии и модернизвция русского флота.

Всв значенив книги Н. Сола и его фундаментальный вклад в изучение отношений между Россией и США станет очевидным, когда будет заеершен весь проект е целом и когда вслед за первым томом последуют два других, в которых изложение событий будет доведено до 1924 года. Пожелаем профессору Солу успешного заеершения .его обширных планов.

АКАДЕМИК Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ

Примечания

1. См., в частности: Journal of American History, Vol. 63, № 2, Sept. 1976, pp. 403—405; American Historical Reviеw, Vol. 88, № 5, Dec. 1983, pp. 1300—1301, etc.
2. KIRCHNER W. Studies in Russian-American Commerce. 1820—1860. Leiden. 1975; GADDIS J. L. Russia, The Soviet Union, and the United States: An Interpretive History, N. Y. 1978 (2 nd ed. N. Y. 1990).
3. GOLDER F. A. Guide to Materials for American History in Russian Archives. Vol. 1—2. Washington. 1917—1937; BOLKHOVITINOV N. N. Russia and the United States: An Analytical Survey of Archival Documents and Historical Studies. Armonk — Lnd. 1986.
4. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М. 1990. с. 99—102
5. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 1. оп. 1, т. 7, д. 21995, лл. 5—10.
6. Там же, л. 10.
7. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н., ПОНОМАРЕВ В. Н. Американские врачи в Крымской войне. — США — экономика, политика, идеология, 1980, № 6, с. 63—69.
8. Robert Crooke Wood Papers, Wilson Library, Chapel Hill. (H. B. Trist to his friend Brown, May 26, 1854). Свидетельство Коттмана приобретает еще большее значенив, если учесть, что сам он хорошо знал, как угощали в богатых плантаторских семьях на гостеприимном Юге. Коттман был состоятельным человеком и получил после женитьбы огромную плантацию в Луизиане.
9. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 95.
10. Подробнее см.: БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. М. 1991.
11. Мэдисон упоминается в письме Беллини Каржавину от 1 марта 1788 г., но речь идет, конечно, о епископе Дж. Мэдисоне (1749—1812), ректоре колледжа «Уильям энд Мэри», а не будущем президенте США. В кн.: Россия и США: станоаление отношений, 1775—1815. М. 1980, с. 167—168.
12. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? — Вопросы истории, 1986, № 4, с. 170—172; Об осаещении жизни и деятельности Ф. В. Каржавина. — Вопросы истории, 1987, № 12, с. 159—168.
13. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, с. 11—12, 202 и др.
14. АВПР, ф. Посольство а Вашингтоне, оп. 512/3, 1852 г., д. 54, пл. 222—223.
15. К истории русско-американских отношений в годы Гражданской войны в США. — Красный архив, 1939, т. 3(94); GILMAN D. C. Letters from Russia during Crimean War. — Yale Review, New Ser., Vol. 5, Apr. 1916, pp. 605—630, etc.
16. АВПР, ДЛС и ХД, 1 стоп, 1889 г., д. 55, пл. 11—14.

А. Л. СТАНИСЛАВСКИЙ. *Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории.* М. Мысль. 1990. 270 с.

Исследованив доктора исторических наук А. Л. Станиславского — это серьезная попытка проверить утвердиешуюся в нвшей историографии концепцию Смуты начала XVII в. как первой крестьянской войны в России[1]. Монография основана на обширном фактическом материале, в значительной степени впервые введенном в научный оборот. В результате многолетних архивных изысканий автору удалось обнаружить многие важнейшие источники по истории Смуты. Среди них — «Повесть о Земском соборе 1613 г.», послужной список окольничего М. А. Вельяминова и другие. Станиславский тщательно разработал наименее изученный комплекс материалов о казачьих деижениях десятых годов XVII века. Сквозь призму новых источникое ему удалось нарисоеать обстоятельную и достоверную картину жизни казаков на территории Московского государства в начале XVII века.

В советской историографии принято было считать вольных казаков беглыми крестьянами и холопами, а их борьбу против правительства проявлением классовой борьбы крестьян протие феодалов. Автор отказался от этой упрощенной схемы. Он детально рассмотрел специфические черты казачества как особой «сослоеной группы» (с. 44). К началу XVII в. в вольных казачьих станицах сложился институт казачьего учвничества — «своеобразного патриархального рабства» (с. 9). По наблюдению Станиславского, вольное казачество начала XVII в. «по своему социальному разеитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени» (с. 244). Холопы и крестьяне, вступая в вольные казачьи станицы, «изменяли свой сословный статус» (с. 242). «Ведь крестьяне, — пишет Станиславский, — уходили к казакам вовсе не для того, чтобы избавившись от помещиков, свободно возделывать землю, а для того, чтобы ее никогда не возделывать и, подобно дворянам, получать жаловвнье за службу или жить за счет других крестьян» (с. 36, ср. с. 247).

Интересны наблюдения автора по поводу «показания» холопов, а также определенной связи между разбойничеством и действиями вольного казачества. «Казачество в силу своего неопределенного социального статуса и отсутствия надежных источников дохода нередко прибегало к прямому разбою — казаки и разбойники были подчас для современников неразличимы» (с. 26). (Ср. интерпретацию движения Хлопка и «разбоев» 1602—1603 гг. в исследовании Р. Г. Скрынникова[2].) Станиславский впервые обратил внимание на институт казачьих приставств на территории Московского государства в период Смуты. Этот архаичный институт взимания ренты, характерный для раннего феодализма, был для крестьян более тяжелой формой эксплуатации, чем дворянское землевладение (с. 23—24, 40—42, 151, 244—245).

По мнению Станиславского, нет оснований преувеличивать степень расслоения казачества в период Смуты (с. 28—29, 42). Автор подчеркивает, что специфические интересы вольных казаков могли противоречить интересам социальных слоев, за счет которых пополнялись ряды казачества. Так, крестьянские миры, особенно в 1614—1615 гг. активно участвовали в борьбе с казаками, организуя отряды самообороны против казачьих грабежей (с. 124).

Всестороннее исследование казачества конца XVI — начала XVII в. как особого сословия позволило автору прийти к ряду важных выводов. Как известно, вольное казачество сыграло огромную роль не только во время Смуты, но и в других массовых движениях XVII—XVIII веков. Автор считает, что необходимо «решительно пересмотреть» представления о Смуте как о крестьянской войне (с. 247).

Главное внимание в монографии уделено участию казаков в событиях завершающего периода Смуты, последовавших за освобождением Москвы в 1612 году. Начальный этап Смуты, включая так называемое восстание Болотникова, затронут в исследовании Станиславского бегло. Однако хотя этому событию посвящено в книге немного места (с. 20—25), наблюдения автора важны в принципиальном плане. Изучение истории казачества после 1612 г. меняет взгляд на участие вольных казаков во всех событиях Смуты. Автор присоединился к мнению В. И. Корецкого о том, что Болотников вошел в пределы России с отрядом украинских казаков, закаленных в боях с турками (с. 23). Как утверждал Корецкий, Болотников стал предводителем восстания не в силу того, что был поставлен на этот пост самозванцем, выдавшим ему в Самборе «царскую» грамоту, а потому, что сам прибыл в Самбор во главе крупного казачьего отряда. Впрочем, это мнение подвергнуто сомнению Скрынниковым[3].

В более ранней статье Станиславский сформулировал тезис о том, что конфликт между промежуточными слоями служилых людей (военными холопами, «жилыми» казаками и стрельцами, «вольными» казаками, служилыми татарами, мелким дворянством) и привилегированным дворянством был одним из стержневых в Смутное время[4]. В монографии этот вывод конкретизирован и уточнен. На первый план выдвинулось противоречие между казачеством и дворянством в целом. С одной стороны, казаки направляли свои действия «и против дворян вообще» (с. 44); а с другой — «вряд ли следует сомневаться, что в разгар Смуты дворяне мечтали об уничтожении казачества именно потому, что не могли справиться с сословием, угрожавшим их существованию» (с. 32). Смысл противоречий между дворянством и казачеством периода подмосковных ополчений Станиславский видит в борьбе «за преобладающее влияние в армии и долю в доходах». Казачьи приставства угрожали, по мнению автора, существовавшим формам феодального землевладения (с. 45). Борьбу дворянства и казачества автор прослеживает и в дальнейших событиях Смуты (с. 122—123, 166). Общий вывод автора состоит в том, что в моменты «наивысшего обострения этой борьбы казаки стремились к полному уничтожению дворянства как правящего класса» (с. 245).

В конечном итоге Станиславский предлагает новый взгляд на Смуту как на гражданскую войну в России, основным стержнем которой были противоречия между дворянством и казачеством. К сожалению, в книге нет определения самого термина «гражданская война». Представляется, что применение этого понятия к истории России начала XVII в. потребует дальнейшего обсуждения, поскольку в историографии последних десятилетий гражданская война традиционно связывалась с борьбой за установление новых общественных отношений. Как видно из книги, автор не связывает Смуту с такого рода переменами в общественном строе Московского государства. Вызывает известные сомнения сама возможность применения термина «гражданский», «гражданин» к московскому обществу начала XVII века.

В рамках концепции Смуты как крестьянской войны наибольшее освещение получило участие в ней крестьян, холопов, посадских людей. Ограниченность такого подхода состоит в том, что служилые люди, являвшиеся главными участниками событий начала XVII в., отодвинуты на второй план и выступают как сила, втянутая в общий поток крестьянского движения. Например, дворян — участников восстания Болотникова — называют попутчиками крестьянской войны. Специфические интересы различных категорий служилых людей при этом игнорируются. После опубликования монографии Станиславского о казачестве необходимость исследовать историю дворянства в полном объеме, включая и его взаимоотношения с казачеством, становится очевидной.

Станиславский подробно рассмотрел различия интересов казаков и дворян, а общность интересов этих двух категорий служилых людей осталась в тени. Действительно, владение поместьем не было идеалом для вольного казачества в целом в начале XVII в. (с. 201, 246). Однако стремление получить государево жалование в той или иной форме (в виде земельного владения, денежного и хлебного довольствия) было общим для различных групп служилого сословия. Не следует забывать также, что во всех движениях начала XVII в. участвовали различные социальные силы. В противостоящих лагерях Смутного времени — в войске Лжедмитрия I и в Тушине, в правительственном лагере Василия Шуйского и в обоих земских ополчениях, движении Лжедмитрия III — мы находим представителей всех социальных слоев московского общества от знатного князя до боевого холопа. На протяжении всей Смуты, за исключением разве казачьих движений на ее закате, дворяне и казаки, с одной стороны, сражались против дворян и казаков — с другой. В конечном итоге, именно преодоление раскола служилого сословия сделало возможным окончание внутренней смуты и освобождение страны от иноземцев.

Для дальнейшего изучения Смуты начала XVII в. необходимо исследовать все вовлеченные в нее социальные силы. Книга Станиславского способствует решению этой задачи, преодолению ряда утвердившихся стереотипов и разрешает некоторые фундаментальные проблемы истории этого периода.

П. В. СЕДОВ

Примечания

1. О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века (обзор дискуссии). — Вопросы истории, 1981, № 5.
2. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М. 1986, с. 58—74.
3. СКРЫННИКОВ Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л. 1986, с. 75—77.
4. СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Движение И. М. Заруцкого в 1612—1613 гг. Исторические записки. Т. 109, с. 331.

АНДРЕЙ ЛЫЗЛОВ. *Скифская история*. М. Наука. 1990. 520 с.

Вышедшее в серии «Памятники исторической мысли» произведение А. И. Лызлова было написано в 80-е годы XVII века. Скрупулезный поиск в архивах позволил Е. В. Чистяковой по крупицам восстановить биографию Лызлова — небогатого московского дворянина, получившего за службу чин стольника. Он участвовал в Чигиринских, Крымских и Азовских походах, был пограничным воеводой, обеспечивал снабжение войск Петра I. Трудная служба и напряженная исследовательская работа сказались на его здоровье. Жизнь его оборвалась в 40 с небольшим лет. Можно только поражаться, как много он успел сделать.

Занимающая 800 страниц скорописного текста книга была закончена Лызловым в 1692 году. Она активно читалась и переписывалась. Выявлено 32 ее списка. Списки «Скифской истории» находились и в кельях духовных лиц, и в каморках слуг, и на рабочих столах историков. Книге отдавали должное В. Н. Татищев, П. И. Рычков, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов и Евгений Болховитинов. Впервые «Скифская история» была опубликована Н. И. Новиковым в 1778 году. Как бы заново она была открыта в 60-е годы XX в., когда труд Лызлова подвергся интенсивному исследованию[1].

Интерес к книге не случаен. Автор использовал для написания своего труда широкий круг источников, в том числе и не дошедших до наших дней. Прежде всего это русские летописи, повести и сказания, хронографы, жития, разрядные записи. Он отобрал и сам перевел множество польских произведений (например, книгу С. Старовольского «Двор цесаря турецкого», изданную в середине XVII в. в Кракове). Сохранились фрагменты переведенных Лызловым трудов М. Стрыйковского и А. Гваньини. Привлекал автор и произведения античных и латиноязычных авторов.

«Скифская история» интересна не только широким кругом использованных материалов, но и совершенно новой их трактовкой. Лызлов с большим вниманием относится к источникам сведений о тех или иных событиях, стремится охарактеризовать авторов использованных работ, сопоставляет приводимые ими факты, анализирует их достоверность, реконструирует события по косвенным свидетельствам, выявляет ошибки и противоречия в трудах предшественников. Доскональный анализ его метода, предложенный в рецензируемом издании, позволяет считать Лызлова основоположником исторического источниковедения.

Для творческой манеры Лызлова характерно внимание к внутренней истории народов и государств, попавших в поле его зрения, к их географическому положению, хозяйству, социальному устройству, военному искусству, обычаям и вере,

государственным деятелям, международной роли. Особенно подробно Лызлов рассказывает о борьбе Руси и других европейских народов с кочевниками (печенегами, половцами, ордынцами) — от глубокой древности до XVI века. Большое внимание уделяется османам. Пафос книги в призыве к обузданию внешних захватчиков, к миру между народами. В ней на обширном материале обоснованы идеи международного права, осуждается вероломство, содержатся призывы к честным и мирным взаимоотношениям с соседями, к взаимовыручке и солидарности в борьбе с агрессором. Для человека своего времени Лызлов на удивление свободен от религиозной и иной нетерпимости. Он уверен, что даже с «басурманами» можно договориться и мирно сосуществовать, что грешно и пагубно нарушать заключенные с ними мирные соглашения.

Авторы послесловий, комментариев и составитель проделали колоссальную работу. Они дали представление о списках «Скифской истории», дошедших до наших дней, скрупулезно собрали сведения о биографии историка, рассказали о значении его труда (все три статьи Е. В. Чистяковой). Большую работу проделал А. П. Богданов, подготовивший к публикации труднейший текст источника по старшему списку (ГИМ, Синодальное собр., 460). Он же автор обстоятельной статьи об источниках «Скифской истории» и подробного аннотированного указателя 300 упоминаемых в ней имен. Им же совместно с Ю. А. Мыцыком составлен научный комментарий, излагающий современные воззрения на описанные в книге события.

Говоря о комментариях и аннотированном указателе имен, нельзя не обратить внимания на досадные несообразности, могущие породить ряд неправильных представлений. Речь идет об именах собственных некоторых турецких султанов, государственных и военных деятелей. Когда говорится о «Махомете II (Мухаммаде)» (с. 459), то только искушенный читатель может по контексту догадаться, что имеется в виду Мехмед II Фатих, завоеватель Константинополя. Там, где упоминаются Солиман II (с. 468) или «Махомет III (Мухаммад III)», искажения менее очевидны для неспециалиста. Автор указателя не учел, что в турецком языке и в турецкой истории мирно соседствуют различные формы имени «Мухаммад», имеющие самостоятельное значение. Ведь в истории Османской империи Мехмед II и Махмуд II — два султана, которых разделяет 400 лет, и общее у них — только исходная форма имени. Иногда Амурат (Мюрид) превращается из хана в простого адепта, приверженца, челядина какого-то знатного лица. Что же касается персоналий несултанского уровня, то они временами искажены до полной неузнаваемости и невозможности их идентифицировать (Скавадин-паша, с. 506; Мир серлет-паша, с. 495).

Думается, неубедительно обращение Чистяковой к авторитету В. И. Ленина при оценке влияния экономики, политики и классовой борьбы на идеологию эпохи создания «Скифской истории» (с. 360). Сомнительна и отсылка авторов комментария к К. Марксу и его беглому конспекту, когда речь идет о Дмитрии Донском (с. 453). Если комментаторы считали нужным привлечь Г. В. Плеханова к рассуждениям о теологическом толковании истории, то для сравнения было бы полезно привлечь и М. Вебера (с. 360). Научный аппарат издания, несмотря на некоторые изъяны, все же интересен и полезен не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется историей Евразии.

Труд Лызлова пришел к нам удивительно своевременно. Это история, написанная любовно и без какой-либо имперской предвзятости, с истинно гуманным вниманием к людям разных сословий, верований и обычаев.

В. И. ШЕРЕМЕТ

Примечания

1. См. ЧИСТЯКОВА Е. В., БОГДАНОВ А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М. 1988, с. 133.

R. HUARD. *La suffrage universel en France. 1848—1946.* Aubier. P. 1991. 493 p.

Р. ЮАР. *Всеобщее голосование во Франции. 1848—1946 гг.*

Книга Раймона Юара, профессора университета в г. Монпелье, посвящена одному из важнейших аспектов государственного устройства современных цивилизованных стран — системе всеобщего голосования, которое, по мнению автора, «служит основой французской политической жизни» (с. 9). В отличие от прежних работ французских политологов, изучавших по преимуществу законы о выборах, избирательную географию и поведение избирателей, Юар рассматривает проблему всеобщего голосования как часть истории французского общества. В центре его внимания «восприятие всеобщего голосования обществом, идеологические споры, которые оно вызывало, конкретная практика голосования» (с. 10). Автор стремился «выявить специфичность истории Франции и показать, в какой мере раннее введение всеобщего голосования во Франции повлияло на национальную историю» (с. 13).

Юар привлек документы французского Национального архива, Национальной библиотеки и местных архивов, изучил огромное количество предвыборных листовок, газет, брошюр, законодательные и парламентские документы, мемуары и переписку политических деятелей. Хронологические рамки исследования обнимают целый век — с 1848 по 1946 год.

Напомнив, что всеобщее избирательное право для мужчин, впервые во Франции и в Европе, было введено в 1792 г. на выборах в Конвент, а затем восстановлено революцией 1848 г., автор подчеркивает его революционное происхождение. «Всеобщее голосование для мужчин было народным и революционным завоеванием, неотделимым от революции» (с. 405). Именно поэтому оно вызывало энтузиазм народа и противодействие консерваторов. «Консервативная буржуазия потратила годы прежде чем, не без оговорок, присоединилась к идее всеобщего голосования, в народ сохранял к нему страстную привязанность» (с. 30).

Анализируя идейную борьбу, развернувшуюся вокруг всеобщего избирательного права, Юар отмечает, что главным аргументом консерваторов было отрицание «власти множества». Они утверждали, что всеобщее избирательное право, уравнивая голоса мудреца и невежды, собственника и неимущего, неизбежно приводит к преобладанию посредственности, к «деспотизму большинства» и снижению интеллектуального уровня общества. Сторонники всеобщего голосования, напротив, доказывали, что оно реализует на практике суверенитет нации и демократические идеалы, является воплощением идей равенства и братства.

Первые опыты применения всеобщего голосования в 1848—1849 гг., особенно избрание президентом республики Луи-Наполеона, наглядно показали, что всеобщее голосование может быть направлено и против республики (с. 69). Так, подавляющее большинство избирателей поддержало Луи-Наполеона, который осуществил государственный переворот и провозгласил себя императором. В связи с этим у многих республиканцев и социалистов возникли сомнения в пользе всеобщего голосования, которое дает диктатору возможность использовать «необразованные массы» в своих интересах. Сомнения в целесообразности всеобщего голосования еще более укрепились в годы Второй империи, когда правительство сумело сделать голосование «управляемым» (с. 76—77). При помощи поддерживаемых властями «официальных кандидатов», административного давления, манипуляций со списками избирателей правительство, сохраняя всеобщее голосование, добивалось нужных ему результатов на всех выборах и референдумах.

Время III Республики, вплоть до 30-х годов, было, по словам автора, «апогеем республиканского всеобщего голосования» (с. 129), ставшим традицией, общепризнанным инструментом формирования органов власти, важнейшим «республиканским институтом». В то время была окончательно разработана процедура голосования, приняты меры для сохранения его тайны и предотвращения манипуляций со списками и голосами избирателей. Тогда же окончательно сформировались политические партии, важнейшей частью деятельности которых стало участие в выборах. Система всеобщего голосования приобрела большую устойчивость, хотя споры вокруг нее не прекратились.

Правые консерваторы, находившиеся в оппозиции, уже не решаясь отрицать принцип всеобщего голосования, старались ограничить его действие. Они предлагали изменить границы избирательных округов с тем, чтобы увеличить представительство более консервативного сельского населения; ввести в парламент кроме депутатов, избранных всеобщим голосованием, еще и представителей различных «социальных сил» — корпоративных организаций (с. 158—160). Социалисты нередко усматривали во всеобщем голосовании маневр буржуазии, предназначенный для отвлечения народных масс от революции, но тем не менее, постоянно участвовали в выборах. Постепенно выборы и парламентская работа стали главной формой их деятельности. Реформистское крыло социалистического движения, возглавляемое А. Мильераном, провозгласило всеобщее голосование единственным путем завоевания власти, исключая, как отмечает Юар, «гипотезу вооруженной революции или, по меньшей мере, народного вмешательства чрезвычайного характера» (с. 154). Буржуазные республиканцы отстаивали принцип всеобщего голосования и против правых и против левых. Они считали, что лишь всеобщее голосование предоставит массовую опору республике, позволит избежать консервативного переворота справа или руководимой социалистами революции слева.

Большое место в книге занимает анализ проектов избирательных реформ начала XX в., которые предусматривали пропорциональную систему голосования, предоставление права голоса женщинам и жителям колоний. Из-за противодействия консерваторов, возобладавших к этому времени в парламенте, ни один из проектов не был принят. Как отмечает автор, «представительный и парламентский режим, демократический по видимости, но либеральный и буржуазный по существу, потерял то, что составляло его живую силу в 1880-е годы: способность отождествляться с политикой реформ» (с. 336). Франция, которая первой в Европе ввела систему всеоб-

щего голосования, стала в этом плане отставать от других стран.

Война 1914—1918 гг. мало измвнила избирательную систему. Введвнная в 1919 г. пропорциальная система голосования была отменена в 1927 году. Возникшая после первой мировой войны и революции в России Французская коммунистическая партия первоначально критически относилась к парламентской системе и всеобщему голосоввнию как атрибутам буржуазной демократии. Участвуя в выборах, коммунисты вплоть до середины 30-х годов видели в них лишь средство агитации и пропаганды (с. 236).

С 30-х годов, по мнению автора, начался «кризис всеобщего голосования» (с. 327). В условиях острого экономического и политического кризиса, усилились нападки на всеобщее голосование и парламентскую систему со стороны правых и особенно фашистских группировок (с. 329). Эта критика сопровождалась «атаками на демократию, попытками авторитарного реформирования (государственных) учреждений» (с. 327). В ответ демократические и антифашистские силы объединились е Народном фронте, победившем на выборах 1936 года. «Народный фронт, хотя лишь на время, придал новый динамизм деятельности демократических институтов, установил необходимое доверие мвжду народом и властью» (с. 353). Успехи двмократических сил вызвали страх части буржуазии, которая «все больше и больше ищет вдохновения в итвльянском фашизме или нвмецком нацизме» (с. 353). После поражвния летом 1940 г. эта часть буржуазии пришла к власти. Правитвльство Виши во главе с Петеном развернуло «беспрецедентное наступление против французской республиканской и демократической традиции» (с. 355). Парламент перестал функционировать, выборы не проводились, «основные свободы были поруганы» (с. 359).

После освобождения Франции были восстаноелены демократические свободы, проведены выборы в Учредительное собрание и принята конституция IV Республики. «Основные принципы всеобщего голосования вышли из кризиса утвердившимися» (с. 403), в сфера его применения была значительно расширена. В 1945 г. право голоса получили женщины и жители колониальных владений. Таким образом, Франция преодолела существовавшее в начале XX в. отставание от других демократических стран.

Подводя итоги исслвдоввния, автор подчеркивает, что связь всеобщего голосования с историей французского общества обнаруживается на многих уровнях, «особенно в сфере отношений между классами» (с. 412). При этом всеобщее голосование можнр рассматриввть как форму связи и диалог между еластью и народом, мвжду избирателями и депутатами, между избирателями и партиями (с. 410—411).

Не возражая против этих, совершвнно справедливых утверждений, заметим, что автор не в полной мере конкретизировал и развил их в ходе своего исследования, поскольку главное внимание уделил связи всеобщего голосования с политической историей Франции, но не с социально-экономической и психологической эволюцией общества. Между тем рассмотрение истории всеобщего голосования в более широком контексте, включая измвнения в самой структуре французского общества, систвме цвнностей, менталитвте, конечно, обогатило бы весьма ценный труд Юара.

В. П. СМИРНОВ

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1992 году

Политический архив XX века

Статьи

История советского общества в новом освещении

Исторические портреты

Воспоминания

Из архива историка

Историческая публицистика

История и судьбы

Историки о времени и о себе

Публикации

Сообщения

Люди. События. Факты

Историография

Письма в редакцию

Contents

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Академия наук СССР
Издательство «Прогресс»

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 11—12, 1992, 208 стр.

Адрес редакции: 103781. ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 6.10.92. Подписано в печать 3.12.92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2. Бум. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 18,2. Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 21012 экз. Заказ 626. С—192. Индекс 70145.

А/О «Издательская группа „Прогресс"». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.